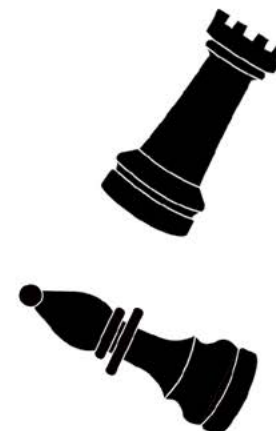

Зорий Шохин

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Санкт-Петербург
2019

*Издано при поддержке
Музея уникальных вещей
(фонд «АХ» культуры)*

Предисловие от Музея уникальных вещей

Шохин, З.

Ш82 Судный день : Роман ; Новеллы / Зорий Шохин. — СПб : Издательство «Фордвинд» : «Книжная лаборатория», 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-6041499-9-7

Политика — самая опасная из азартных игр, изобретенных человечеством... Роман начинается с эндшпиля: по окончании одного из важнейших еврейских праздников — Судного дня, полковник Гай Шрем сообщает о военном перевороте в Израиле.

Исходная точка игры, послужившая «стартом» для борьбы за кресло премьера, — обширный инфаркт главы правительства. Его заместитель Маоз, строительный рабочий, сделавший карьеру в профсоюзах, и профессор-западник Ор Лев, выходец с мусульманского Востока, становятся главными фигурами романа.

Также в борьбу включаются боевой генерал Тамир и проталкивающий не столько его, сколько себя партийный лис Голан. Сюжет романа состоит из ходов, в которых харизматичными и амбициозными фигурами движут желания и соблазны, а также привычные каждому культура и идеология.

«Судный день» — это попытка автора, абстрагируясь от лозунгов и дискуссий, художественными методами изучить и показать на примере Израиля причины политических и социальных конфликтов.

Предназначено для широкого круга совершеннолетних читателей.

УДК 821.112.28
ББК 84 (4)Изр)

• Музей уникальных вещей, 2019
© Оформление. ООО «Книжная лаборатория», 2019

ISBN 978-5-6041499-9-7

Рукопись «Судный день» поступила в Музей много лет назад в составе коллекции романов Зория Шохина. Автор передал Музею CD-диски (2 копии каждого романа) — без надежды на публикацию. «Когда-нибудь ты придумаешь, что с этим делать», — сказал мне автор.

Я «думала». Никак не могла взять в толк ну почему, почему никто не хочет издать потрясающие по персонажам, сюжетам и темам авантюрно-политические детективы? Наконец, в одном некогда существовавшем издательстве мне откровенно сказали (и я до сих пор благодарна С. К. за прямоту): «Никто в России [речь шла о массовом читателе. — Прим. ред.] не будет покупать роман еврея, живущего в Израиле». (По разговорам с другими издателями, «да и не в Израиле — тоже».)

Впрочем, обойти такое препятствие оказалось не сложно, придумав автору псевдоним — Джоэль Данн, и легенду — «родился в Кейптауне». Договор издательство заключило лично со мной, его «переводчиком». Так в России в 2008 году был издан один из романов — «Синдром Фауста».

Однако на большее рассчитывать не пришлось. К основной проблеме с 2008 года прибавились бесконечное падение книжного рынка и тиражей, потеря централизованного комплектования библиотек, закрытие книжных магазинов и целых сетей, падение курса рубля, сокращения штатов, задержки зарплат, рост цен и налогов...

Многие годы диски хранились в запасниках Музея. До сих пор, мне совершенно ясно, «Судный день» невозможно опубликовать в Израиле. Никто — ни издательства, ни киностудии — не заинтересовался романом (проносящемся в воображении как фильм) в Америке. И по-прежнему нет никакого коммерческого смысла издавать роман «об Израиле» в России... Кому это интересно? Что там вообще происходит: «какие-то евреи, приехавшие со всего света», «какие-то арабы»... «Израиль — это же где-то

на другой планете?»... Однажды, будучи в гостях у автора, я посетила Мемориал Катастрофы и Героизма Яд ва-Шем. Самый посещаемый детьми и взрослыми музей на территории Израиля. И знаете, что я скажу: это великий памятник — абсолютному, запредельному равнодушию всего мира к судьбам других народов.

Однако этой зимой я получила письмо следующего содержания:

«Дорогая Аня! Опытному редактору мое почтение...

У меня есть в Израиле друг — Автор. Один из его романов — «Судный день», написанный лет так двадцать назад, до сих пор не опубликован. А это ведь авторская попытка разобраться в причине не только арабо-израильского конфликта, но и в противоречиях Запада и Востока вообще. Залезть в шкуру, мозг и душу сильных мира сего — в общем, уникальная вещица, как раз для Вашего Музея. И хотя все это — всего лишь литературный вымысел, сколько я ни уговаривал его опубликовать роман, — ведь Вы тоже знаете, что нет большей радости для Автора, как вышедшая книжка! — он ни в какую. Бойтись каких-то «темных сил», базарных крикунов и гнид. Черт знает что! Роман болтается между своими — ему не страшно! А вот публикация, печатная книга — пугает. Не знаю уж, что за правила в вашей Галактике и почему печатная книга — всерьез так страшна. Мой друг может скоро уйти. Возраст — за восемьдесят. А вместе с Автором уйдет и возможность когда-либо опубликовать роман: семья не станет этим заниматься. Она всю жизнь равнодушно и снисходительно смотрела на его литературное творчество. Но Вы — нет. Вы отнеслись к его романам как Редактор. Поэтому отправляю это письмо Вам. Думаю, Вы поймете. Надеюсь, что не откажете. Марти Шан Кучинский»

В связи с полученным письмом, а также внутренним ощущением, что «время пришло», Музей принял решение о необходимости публикации романа тиражом 1000 экземпляров. Что, конечно же, — песчинка на пляже, капля в море и один звук в бесконечной сонате для симфонического оркестра. Но мы же знаем, как важен в этой сонате каждый музыкант, его инструмент и каждый звук. И не умеем быть равнодушными.

*Аня Амасова,
Главный Хранитель Музея уникальных вещей*

Этот роман был написан в 1998–1999 годах, когда цунами еврейской репатриации из бывшего СССР в Израиль улеглось, но вызванные им проблемы остались. Ведь здесь, на крохотном клочке выжженной солнцем и перепаханной войнами земли, история свела оказавшихся по воле судьбы в разных цивилизациях две ветви одного народа: выходцев из Европы и мусульманских стран. А потому просто не могли не столкнуться между собой индивидуалистический рационализм Запада и племенные традиции Востока. Конфликт этот в сегодняшнем мире еще более глобален и остер, но нигде еще не носил столь ярко выраженный внутриэтнический характер.

Сюжет романа построен на фоне назревающего в стране военного переворота. Его, естественно, никогда не было и, надеюсь, не будет. Но именно такой обостренный сюжетный ход позволяет понять, в чем причины и следствия этой уже гноящейся культурной и социально-политической трагедии современности.

Судный день

Роман

*В тот самый час
вышли персты руки человеческой
и писали против лампады
на извести стены чертога царского,
и царь видел кисть руки,
которая писала...*
Книга Даниила, 5,5

ТЕЛЕКОРПОРАЦИЯ «СИ-ЭН-ЭН». 10.09.199... КАКОГО-ТО ГОДА.
ВРЕМЯ — 20 ЧАСОВ 37 МИНУТ

Экстренное сообщение из Иерусалима...

Двадцать минут назад, сразу после окончания одного из важнейших еврейских праздников — Судного дня, была внезапно прервана передача первого канала израильского телевидения. Полковник Гай Шрем сообщил о военном перевороте.

Наш корреспондент передает: члены хунты — офицеры в возрасте тридцать плюс. Старший по званию и, видимо, по возрасту — полковник Гай Шрем. Совершенный ими переворот — результат междоусобных стычек и столкновений между выходцами с Востока, в основном из Северной Африки, и недавними эмигрантами из России, Украины, Белоруссии и Прибалтики. Несмотря на драматический поворот предшествовавших событий, такой развязки здесь, в единственной на Ближнем Востоке демократической стране, никто не ожидал.

Джим, слово вам:

— Столица Израила в шоке. По улицам циркулируют армейские машины и бронетранспортеры. Стрельбы не слышно. Люди встревожены

и подавлены. Телепередачи всех телевизионных каналов, кроме первого, прекращены. Есть слухи, что хунту поддержали другие воинские части. Но как все сложится дальше, предсказать невозможно...

Все произошло, Чарльз, как вы и говорили, крайне неожиданно. За полтора часа до окончания Судного дня, когда жизнь в стране полностью замирает, заговорщики захватили центральное телевидение, израильский парламент — Кнессет и несколько других важных объектов, где в связи с праздником охрана была минимальной. В октябре семьдесят третьего так же внезапно начали военные действия египтяне на Синайском полуострове и сирийцы — на Голанских высотах. Для страны это стало долго незаживающей раной.

Захват власти военной хунтой спровоцировала усилившаяся в последнее время враждебность между традиционно ориентальной и европеизированной частями населения. Политический истеблишмент недооценил возможные последствия кровавых разборок в стиле мафии. Отставка премьера Давида Альмагора, скандал вокруг земельных операций и беспрецедентная по своему накалу предвыборная борьба между двумя основными кандидатами на его пост — Азриэлем Маозом и Герцлем Тамиром — нарушили неустойчивое равновесие в отношениях между разными общинами. Вновь во всей серьезности встал на повестку дня вопрос: евреи — религия или нация?

ТУРЕЦКОЕ ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО. 10.09.199... КАКОГО-ТО ГОДА.
ВРЕМЯ — 21 ЧАС 27 МИНУТ

Представитель американских секретных служб в Стамбуле Джерри Киржнер подтвердил, что спецсамолет доставил сюда высланных военной хунтой из Израила обоих кандидатов в премьеры и сопровождающих их лиц. Официальной реакции из Вашингтона пока не последовало. В ответ на высказанное нами удивление Киржнер заявил, что ее следует ждать лишь после того, как обстановка прояснится.

АГЕНТСТВО «ФРАНСПРЕСС». 10.09. 199... КАКОГО-ТО ГОДА.
ВРЕМЯ — 22 ЧАСА 14 МИНУТ

Наш корреспондент взял интервью у смещенного заместителя израильского премьера Азриэля Маоза:

— Господин министр, пока еще бескровный военный переворот в Израиле — это результат межобщинного конфликта, который перерос в настоящие уличные баталии. Кто, по-вашему, стал невольным катализатором эскалации в связи с выборами: низы или политическая верхушка? Судя по вашим речам...

— Военное преступление, совершенное членами хунты, вопиет о возмездии. Впервые за все годы существования суверенного Израиля кучка безответственных и опаснейших авантюристов посягнула на священные устои демократии и законности, скатилась к преступлению, которому нет и не может быть прощения. О какой бескровности вы говорите, если подло убит блестящий ученый, признанный во всем мире интеллектуал и гуманист, депутат Кнессета от нашей партии — Гидеон Ор Лев? Что касается меня, я всегда стоял и буду стоять до конца за социальную справедливость и равные возможности...

РАДИОКОРПОРАЦИЯ «БИ-БИ-СИ». 10.09.199... КАКОГО-ТО ГОДА.
ВРЕМЯ — 22 ЧАСА 48 МИНУТ

— Господин Голан, вы — один из старейших и опытнейших политиков Израиля. В течение десятков лет вы занимали самые высокие и ответственные посты в правительстве. Как вы объясните то, что произошло у вас в стране?

— Причину надо искать не в каком-то конкретном случае, а в том вызове, который бросает нам эпоха. С одной стороны, впервые в истории обозначилась готовность добровольного слияния разных народов в единую наднациональную Европу. Ведь раньше объединение могло быть лишь следствием жесточайших войн. Но с другой стороны и, обратите внимание, в то же время — и обострение межнациональных конфликтов. Что поделаешь: сказываются века гнета, дискриминации, колониальной зависимости. Возьмите те же Балканы, распад Советского Союза, курдский сепаратизм, ситуацию в Северной Ирландии и Квебеке или на Корсике...

Любой механизм, работающий на неоднородном горючем, может быть внезапно охвачен пламенем. Обострилась сегодня ситуация в тех же Соединенных Штатах, никто не сможет дать стопроцентной гарантии, что не начнутся проблемы с черной или испаноязычной частью населения. Все мы — дети своего времени, и если хотим, чтобы цивилизация сохранилась, мы должны научиться взаимной терпимости и уважению друг к другу. Этого, к сожалению, и не учел господин Маоз, построивший свою предвыборную кампанию на раздувании межобщинной розни...

ТЕЛЕКОРПОРАЦИЯ «ЭН-БИ-СИ». 10.09.199... КАКОГО-ТО ГОДА.
ВРЕМЯ — 22 ЧАСА 41 МИНУТА

— Ваши прогнозы, господин Тамир...

— Я верю в израильскую демократию. Я прослужил в армии больше четверти века, прошел через три войны и множество боевых операций и не мог представить себе, что нечто подобное может случиться. Сейчас я понимаю, что во многом виноваты мы сами — политики. Слишком часто мы путаем свои интересы с интересами общества в целом...

Мне безразлично, что будет со мной. Меня заботит лишь судьба нации и государства. И я надеюсь, этот срыв был первым и станет последним в истории страны.

Одно могу с сожалением признать: военным я был куда лучшим, чем политиком...

Часть I ЛОВУШКА

1

Тесть принадлежал к тому редкому типу людей, мимо которых никто и никогда не проходит равнодушно. Что бы он ни делал, все и всегда выходило у него азартно, напоказ, с грубоватым, но заразительным смешком и шуточками. Одевался кричаще, выглядел безвкусно, но все, что на нем, было дорогим и настоящим. Свои любимые черные рубашки из чистого шелка с серебряными аппликациями он выписывал из Китая. Внушительный, литого золота, щит Давида на цепочке заказал у дорогого лондонского ювелира. А узконосые лакированные мокасины делал для него итальянский модельер. Таким же неизменным атрибутом его внешности были атласно-белая ермолка — кипа на пышной шевелюре цвета отгоревшего пепла и антикварный, инкрустированный жемчугом портсигар. Бускила уверял, что он принадлежал турецкому султану Абдул Гамиду.

Последнюю свою встречу с тестем Ор Лев сохранил в памяти в мельчайших подробностях, как и ощущение, что из больничной палаты он вышел другим человеком. Опутанный датчиками и трубками Менахем Бускила лежал на приподнятой в изголовье кровати. Слева, как приготовленный для распятия крест, маячила белая стойка с пластиковыми мешочками. Справа вразной тикали и позванивали приборы. На миниатюрном экране подслеповато щурилась зеленая змейка кардиограммы.

Пахло больницей и последними часами...

Тесть криво усмехнулся:

— Эй, успел-таки, Гиди, а? Прямо с самолета?

Бускила еле пошевелил исхудавшими пальцами: крупные, с камнями и без, перстни выглядели на них нелепо и угрюмо.

Неузнаваемо изменившийся тесть хитровато подмигнул Ор Леву:

— Не тоскуй, и тебе тоже достанется когда-нибудь такой почет... Только вместо зятя сыновья придут навестить, а у меня их нет. А вообще — какая разница?!

Бускила напрягся и попытался слегка сдвинуться с места. Когда это ему удалось, он, скривившись, усмехнулся:

— А может, они и не успеют... Они ведь у тебя в Америке...

Особой любви оба никогда друг к другу не испытывали, но сейчас тесть старался удержать взгляд зятя.

Самыми выразительными на его большом, тронутом оспинами лице были губы. Крупные, мясистые, подвижные — они свидетельствовали о здоровом аппетите и жизнерадостном нраве, но и жили как бы отдельно.

Еще недавно тесть был выше и куда шире в плечах, чем зять. На невысокого мелкокостного мужа старшей дочери он поглядывал с легкой снисходительной усмешкой. Но за один лишь год болезни Бускила неузнаваемо изменился. Больничное белье на нем висело, беспомощно обвисшие губы скалились в слабой улыбке.

— Знаешь, зачем я тебя вызвал, Гиди, а? Пришел факс. От Всевышнего! Я ему срочно понадобился...

Впечатление было такое, словно прежний Бускила приподнял маску, и за ней замаячил череп.

— Как вы можете, Менахем?! Вы же религиозный человек! Грех так говорить...

Ор Лев играл заученную, проверенную многими поколениями роль скорбящего свидетеля у смертного одра. Но его всегда спокойные, зеленые, с желтой подпалинкой глаза не выдержали напряженного взора тестя.

Бускила сморщился и просипел:

— Эй! Я что, мало ему молился?! Мог бы обставить все по-другому...

Внезапно на лице Бускилы появилась шкодливая усмешка.

— Я, конечно, был великим грешником... но думаешь, о чем-нибудь жалею?

В подтверждение своих слов тесть двинул указательным пальцем.

— Праведники — скопцы! Сами не в состоянии наслаждаться и другим не дают...

Говорил он с трудом, и Ор Леву захотелось вдруг его успокоить. Но Бускила ненавидел жалость. Хмыкнув, он тяжело и медленно облилиз губы, но те снова обвисли.

— Из всех моих четырех зятьев ты — единственный, у кого варит котелок, а не ширинка. И именно ты должен взять на себя ответственность за всю семью...

По лицу Ор Лева пробежала невольная гримаса. Своих зятьев он всегда старался избегать.

Бускила раздраженно шевельнул головой. Отгоревший пепел его шевелюры, всегда намекавший женщинам о неисчерпаемых запасах спермы и лихой похоти, усох и свалился в больничную вату.

Они и вправду говорили на разных языках. Ор Лев, сдерживаясь, как мог, развел руками:

— Да что я понимаю в финансах?

Бускила прикрыл глаза и нервно задвигал обвисшими губами.

— Тебе и не надо понимать: деньгами есть кому заняться и без тебя. Я плачу за это двум твоим коллегам-профессорам.

Каждое слово он произносил так медленно, словно ему предстояло подняться без остановки на тридцатый этаж и надо было сохранять дыхание.

— О другом я! Если в семье нет хозяина, она гибнет. Я оставил завещание: без тебя ни один из моих иждивенцев не сможет взять ни гроша из основного фонда. Ты будешь судьей и арбитром...

— Нашли шейха, Менахем... — не сдержавшись, съязвил Ор Лев.

В оживших глазах Бускилы мелькнул осколок озорства.

— Не бойся. Только начни — понравится.

И он тяжеловато подмигнул зятю.

Ответить Ор Лев не успел: в открывшуюся дверь вошла медсестра. Фигура у нее была крепкая, плотно сбитая, бедовые глаза не смотрели, а ощупывали. Такие женщины приковывают взгляды мужчин сразу. Они не брезгают плотскими радостями и не считают их грехом. Медицинский халат на ее бедрах выглядел просто кошунственно.

По лицу Бускилы расплылось неземное блаженство.

— Это мой старший зять, Майя. Профессор Ор Лев...

Сестра перетряхнула на стойке пластиковые мешочки, бросила взгляд на кокетливую змейку кардиограммы, потом на Ор Лева. Поправив подушку, она наклонилась, и Ор Лев невольно обратил внимание на тугие бедра и четко обозначившиеся под халатом очертания нижнего белья.

Глаза Бускилы повлажнели от нежности и восторга. Он слабо причмокнул и заглянул под задрвшуюся полу халата.

— Дай поглажу...

— Герой!

Голос у медсестры был насмешливым, но не совсем уж равнодушным.

Отвисшие губы тестя умоляюще напряглись.

— Эй, ну хоть посмотреть, посмотреть дай, а? Подними, ну подними халат, птичка...

«Птичка» зыркнула на Ор Лева озорным взглядом и, подмигнув, запахнула халат. Постояв так несколько секунд, она запахнула его заново и коснулась неподвижной руки Бускилы. А потом исчезла за дверью.

Наверняка он это здесь не единожды продельвал, усмехнулся про себя Ор Лев. Даже сейчас, на смертном одре, Бускила был в своем репертуаре. Каждый день его пребывания в этой палате для частных больных стоил кучу денег, но относился он к ним, как и к женщинам, легкомысленно. Они сами липли к его рукам, и с расходами он никогда не считался.

2

Отношения между зятем и тестем всегда были прохладными. Если не считать узкого университетского круга, к Ор Леву везде относились как к бускиловскому примаку. Это раздражало его, но изменить что-либо он не мог. Он неразлично сливался с окружающей Бускилу толпой горячих поклонников и яростных недоброжелателей.

Бускила принадлежал к колоритной, но исчезающей породе восточных шейхов. Ярко выраженная харизматичность причудливо сочеталась в нем с обворожительной беспринципностью, а театральность навывнос — с робостью невольного невежи. Хотел он этого или нет, в крови его незримо попискивали коварные гены закутанного в бурнус патриарха пустыни.

Тесть был мстителен и циничен, но в то же время отличался нечасто встречающимися щедростью и великодушием. Прекрасно ориентируясь во всех извивах восточной ментальности, он терялся в чужом, а потому пугающем мире Запада. С одной стороны, он не мог втайне не восхищаться его рационализмом и целеустремленностью, с другой — за это же его люто ненавидел, и ненависть эта сжигала Бускилу дотла.

Четверть века назад, студентом, Гидеон Ор Лев женился на его старшей дочери Гортензии, с которой познакомился еще в армии. Сам он был единственным сыном заштатного и рано умершего писца Торы из Алжира. Уже то, что он без всякой помощи поступил в университет и вкалывал там втрое больше, чем любой другой студент-ашкеназиец¹ из «приличной» семьи, делало грубоватые шуточки, присущие Бускиле, беззубыми.

¹ Ашкеназиец — выходец из семьи ашкеназийских, европейских евреев.

К тому, с чего другие начинали в раннем детстве, Ор Лев пришел только в двадцать два года. Никто не брал при нем в руки светских книг, не делился мнением о только что прочитанном романе или просмотренном спектакле, не учил, не поучал, не обсуждал каверзных вопросов жизни и мироздания, и даже когда ему было очень трудно, не брал ему частных репетиторов. Великое счастье, что при всем этом он получил аттестат зрелости...

Демобилизовавшись, он стал жить в снятой им неподалеку от рынка «Махане Иегуда» халупе. Университет освободил его от платы за обучение, но все равно надо было платить за пристанище, есть, покупать книги. Ор Лев отказывал себе во всем, в чем только мог, и перебивался случайными заработками: в основном сторожил ночами в разных министерствах и ведомствах.

Соседи его недолюбливали: слишком уж непохож он был на парней из бедных восточных семей, околачивающихся вокруг. Неразговорчив и нелюдим, а значит, заносчив и несимпатичен. Вдобавок ко всему, в его комнатке почти круглые сутки звучала классическая музыка, а это было почти вызовом.

Поначалу музыкальная классика была для Ор Лева непостижимым и недостижимым символом успеха. Ему казалось, что именно она откроет перед ним плотно закрытую дверь в иной мир, куда ему доступа не было.

Недополученный в семье первоначальный заряд эрудиции Ор Лев наверстывал, штудировав книги и зазубривая наизусть английские, а потом французские слова и фразы. В отличие от своих сокурсников он не мог позволить себе пропустить ни одной лекции, ни одного семинара.

Вначале, спасая от отчаянья, им двигала слепая ярость: раз могут они, значит, смогу и я! Но чем дальше, тем больше он убеждался, что в этих каторжных поисках ключа к успеху есть какое-то непонятное, пожалуй, даже мазохистское удовольствие. Его затягивала и привлекала уже не сама цель, а ее достижение. Он даже сравнивал себя с вытолкнутым из люка самолета новобранцем, который, раз приземлившись, уже не в состоянии забыть магического ощущения полета.

Женившись на Гортензии, он любую попытку тестя и тещи сунуться с деньгами и советами воспринимал как посягательство на свой путь в жизни. И если узнавал о чем-то подобном, тут же пресекал это самым беспрекословным образом. Скандалы его не пугали: он оставался холодным и непреклонным. Бускиле оставалось либо требовать от Гортензии, чтобы она разошлась с Ор Левом, либо оставить молодую семью в покое...

Тестя раздражало в зяте все: зеленоватые, с желтой подпалиной спокойные глаза, рыжеватый отлив волос, печать интеллекта на лице, но

больше всего — подчеркнуто европейские манеры. Зять всегда был и оставался для него жалким ашкеназийским прихвостнем и чужаком. А ашкеназийцев Бускила ненавидел, пожалуй, даже больше, чем арабов, с которыми куда легче находил общий язык...

3

Тесть возвратил задумавшегося Ор Лева к реальности. Выражение его лица теперь стало злым и в то же время мечтательным.

— Шейх? Нет уж, Гиди! Я целю выше: ты станешь премьером...

Ор Лев вздернул брови, шутиливо распахнул глаза и снисходительно улыбнулся. По серому, изжеванному болезнью лицу Бускилы пробежала гримаса гнева.

— Ты спишь в ухе верблюда. У Альмагора второй инфаркт. В таком положении он не может быть премьером. Правительственная коалиция вокруг него — как банка с пауками, а выборы на носу...

— Где политика, а где я?! — стараясь говорить как можно мягче, возразил Ор Лев, и, словно живая маска, лицо умирающего напряглось в невероятном усилии:

— Я говорил с Маозом: ты для него — находка... У него мощная опора, дорогой профессор: выходцы с Востока. Это они сделали его сначала министром, а потом — заместителем премьер-министра... Он — их символ... Всего, чего не могли достичь они, добился он...

Бускиле трудно было справляться с длинными фразами. После каждых нескольких слов он останавливался.

Ор Лев положил руку на больничное одеяло: это был немой и сердобольный призыв.

— Все это неважно, ненужно и может подождать. Вам тяжело говорить.

Но Бускилу его участие привело почти в ярость:

— Вокруг него таких образованных и известных, как ты, нет... Он сам мне тебя предложил. Сначала сказал, в Кнессет пошлет, а если сам премьером станет — министром назначит... Ты ему пока не соперник, Гиди, не конкурент... Он на выдвинутых из своей партии не очень-то надеется...

Ор Лев не знал, что ответить. Он чувствовал растерянность и смутное беспокойство: тесть не шутил.

— Менахем, он из своей партийной казны за меня платить не станет...

— Я... Я ему денег дам, — прохрипел Бускила. — Об этом не беспокойся...

За четверть века своей академической карьеры и профессорства в разных университетах Ор Лев выработал в себе чисто европейскую

бесстрастность: иначе бы ему не удержаться на том уровне, на какой он сумел забраться. Но сейчас сталь невозмутимости раскалилась и потекла.

Абсурд, но его, как амбициозного подростка, заливало странное, пьянящее ощущение. Какой-то мощный, незнакомый ему порыв. В нем вдруг проснулся давно забытый шальной вихрь никчемных юношеских снов. Он даже кашлянул, чтобы отогнать его от себя.

— Менахем, это немыслимо...

Ор Лев оборонялся из последних сил.

Тесть дернулся на подушке и приподнял указательный палец с крупным перстнем — изумрудом, вправленным в платину.

— Эй! Менахем когда-нибудь обещал что-то, чего не мог выполнить? Я с тобой не обсуждаю: возможно или невозможно?! Я спрашиваю: ты согласен или нет?

Ор Лев растерянно молчал.

— Маоз собирается бороться за место премьера... Профессор — выходец с Востока для него — настоящий капитал.

Ор Лев лихорадочно соображал, что ответить. Но Бускила и не думал ждать. Ни тактом, ни терпением он никогда не отличался. Тем более не стал бы сейчас, когда ему осталось так мало дней на этом свете, откладывать что-либо в долгий ящик.

— Если бы не я, Гиди, Маоз стал бы министром, как моя жопа... Я его двигал! Все важные дела ему я устраивал! Он обязан мне, понимаешь?

Говорить Бускиле становилось все труднее, а кроме того, он явно нервничал. Ор Лев погладил высохшую руку тестя.

— Нельзя вам волноваться, Менахем.

Тесть нетерпеливо высвободился, словно намекал, что никакого перемирия не может быть и не будет.

— Амбиций у тебя всегда хватало... Поэтому ты и сейчас согласишься...

Бускила обладал пронзительным врожденным умом: ему бы получить такое, как у зятя, образование!

— Одно помни, Гиди, — гнусно, как сама смерть, усмехнулся тесть, — по сравнению с политикой все ваши университеты — жалкий зверинец... Там звери ручные, и сидят каждый в своей клетке... А я тебя толкаю в джунгли, Гиди. Потому что верю в тебя... Будь коварным, Гиди. И беспощадным! За зуб — челюсть, за глаз — оба глаза!..

Это был уже хрип, и Ор Лев рванулся в коридор:

— Эй вы, там! Врача!..

Появляться снова в доме тестя, где он оставил свой чемодан, Ор Леву не очень хотелось. Квартира же его еще с тех пор, как он уехал в Штаты, сдавалась внаем. Пытаясь вернуть себе привычное равновесие, Ор Лев поехал в центр на такси: ему надо было побыть одному.

Он чувствовал себя как космонавт на незнакомой, но захватывающей орбите и медленно переваривал то, что услышал в больнице. Сомнений, что получивший второй инфаркт премьер не возвратится к роковой для него должности, у Ор Лева не было никаких. Игра подошла к концу. Начинался новый, непредсказуемый кон. В такой ситуации Маоз не мог идти на риск. Разношерстная правительственная коалиция раздиралась внутренними сварями и интригами, и оба других министра от его собственной партии неизбежно превращались в конкурентов.

Тесть был прав: Маоз беззастенчиво рвется к власти и в борьбе за нее ни перед чем не остановится. Он не из тех, кто согласился бы делиться властью. Власть окружена мистическим ореолом почитания, а для Маоза это — неодолимый соблазн. Крутости и самовлюбленности в нем замешано не меньше, чем позерства, а показная ершистость его сочетается с холодным и трезвым расчетом.

Сколько Ор Лев ни старался отвлечься от этих мыслей, это ему не удавалось. Он невольно сравнивал себя с Маозом, и сравнение было далеко не в пользу министра и его окружения. Ор Лев прекрасно отдавал себе отчет в том, что у него нет политического опыта, но сам же себе возражал, что это дело наживное. А что еще есть у Маоза такого, чего нет у него самого? И в чем вообще секрет его популярности?

Никакого образования Маоз так и не получил. Нахватался там и сям стертых словесных штампов и оперирует ими, как фокусник-иллюзионист на сцене: «Внимание! Ловкость рук и никакого обмана!» Расчет прост и эффективен: большинство зрителей хоть и полагает себя большими хитрецами, на самом деле — наивная толпа. А для толпы чем примитивнее и наглее трюк, тем он убедительней.

Идеология, размышлял Ор Лев, для большинства людей вообще и для таких, как Маоз, в частности, — что-то вроде резиновой перчатки. Натяни на руку и пользуйся. Если не подходит — можешь и заменить. Харизма? А в чем она, скажите, в его случае заключается? В театральности выхода на сцену и жестях? Дешевых модуляций голоса? В оглушительной демагогии?

Ор Леву бы никогда не пришло в голову встать в позу театрального актера и лить слезы об обидах и оскорбленном самолюбии выходцев

с Востока в Израиле. А уж тем более — пускать мыльные пузыри пустых обещаний. Его бы от этого просто стошнило. Это не харизма, а ее жалкий и отталкивающий суррогат. Умение увлекать за собой других — талант, а не циркачество. Дар! Такой же, кстати, возвышенный, как и опасный. Как телепатия: все зависит — в чьих она руках...

И конечно, очень большую роль играют условия, в которые человек попадает.

Правда, здесь действует такой поправочный коэффициент, как характер. Когда в первый же день войны Судного дня убило командира танковой роты, не кто иной, как он, Ор Лев, взял на себя командование. Сам не знает как. Сам не понимает почему.

По Голанским высотам катились начавшие внезапное наступление сирийские войска. Кто бы мог поверить, что двадцатидвухлетний сержант-резервист сможет повести за собой оказавшихся в немыслимом положении необстрелянных новичков? А они пошли за ним! Все! Несколько десятков. В доменную печь неравного боя. На верную смерть. И сделали это, ни секунды не колеблясь, хотя соотношение сил то ли от неожиданности удара, то ли от беспечности генералов было один к десяти в пользу сирийцев.

Чем он, Ор Лев, их взял тогда? Он ведь не только кричать, но и говорить громко не умеет. Что сыграло тогда решающую роль? Кажущаяся флегматичность, за которой в нем всегда скрывался фатализм золотоискателя? Способность на нелегкие решения, которые некому было за него принимать? С малых лет он остался без отца, рядом с беспомощной матерью, и единственным его оружием были упорство и решимость.

Нет-нет, без ложной скромности — есть в нем все же нечто такое, что способно заставить других с ним считаться. Что делает его более устойчивым к тяготам жизни. Вызывает доверие, убеждает...

Маозу его не согнуть: он, Ор Лев, из другой породы. Его интересует не власть сама по себе, а то, что с ее помощью можно сделать. Оказавшись в лабиринтах политики, даже честные и порядочные люди вынуждены лгать и идти на постыдные компромиссы, иначе их отшвырнет, как нестандартный патрон из ружейного затвора. Но он сам — другое дело, ему нечего бояться. Не добьется? Возвратится к своей геологии в Бостоне! Его гипотеза о геотектонике образования нефти уже дала свои результаты на практике...

Тайный союз Маоза с Бускилой ему лишь на пользу. И как ничто другое, поможет ему сделать свой первый и самый важный шаг в незнакомой местности. Правда, в нем же таится и опасная западня: ведь пока он, Ор Лев, не знает в точности, что связывает и удерживает друг

возле друга этих двух могущественных и капризных шейхов, он будет брести вслепую.

Намекам Бускилы, что они с Маозом какие-то дальние родственники и земляки, Ор Лев почему-то не очень верил. Отношения их скорей напоминали сотрудничество двух агентов-профессионалов в тылу противника. Один просто не мог бы продержаться без другого.

5

На людях Бускила и Маоз подчеркнуто соблюдали между собой дистанцию. Более того, демонстрировали даже легкую отчужденность. Но Ор Лев догадывался, что все это маскарад. Каждый цепко держался за тайного партнера. Тандем этот был вызван не сомнительными сантиментами, а трезвым и хорошо продуманным расчетом.

Хотя Ор Лев и не любил тестя, он не мог не отдавать ему должного. В отличие от многих своих соотечественников, которых подмяла под себя жизнь и борьба за существование, Бускила сумел выбраться из выгребной ямы невезения. Сбивая с ног каждого, кто стоял на его пути, и отчаянно отбиваясь от напавших на него сзади и с боков, он вскарабкался на один из самых верхних этажей сытой и беззаботной обеспеченности.

Ор Лев никому бы в этом не признался, но шокировал его не столько путь Бускилы наверх, сколько его демонстративно вульгарные манеры. Слишком уж очевидно, даже назойливо проглядывала в них самооборона уязвленного нувориша...

Даже теперь, четверть века спустя после женитьбы на Гортензии, Ор Лев не знал многих тайн своего тестя. Несмотря на все свое интеллектуальное превосходство, он так и не расшифровал до конца ни жизненный путь, ни характер своего многоликого родственника. Впрочем, на его месте беспомощно поднял бы руки даже самый тонкий и опытный психолог.

Бускила не был чернокнижником или провидцем, но постиг самый заветный секрет алхимии удачи — как превращать мусор в золото. Правда, и это не помогало ему теперь купить себе еще несколько лет жизни! Так что если он и мог бы напомнить кому-то гетевского Фауста, то лишь в издании для бедных и сирых...

Доехав на такси до площади Кикар Цион, Ор Лев свернул направо, в Нахлат Шива. Еще лет десять назад здесь, в центре Иерусалима, чадил наркотой и бедняцкой безнадегой район захудалых задворок. За короткое время он на глазах превратился в живую череду витрин бутиков,

пабов и кафешек. Были бы деньги и желание, с помощью грима и элегантной экипировки даже уродину можно превратить в секс-символ. Пока там кто приглядится, людей ведь чаще всего манит и притягивает внешность, мираж...

Выбрав столик, Ор Лев уселся прямо на улице.

В небе пылал закат. Казалось, это замерла, взвившись кверху, юбка танцовщицы фламенко. Гидеон прикрыл глаза и услышал далекий цокот ее захлебывающихся в экстазе каблучков, ощутил дразнящий запах недорогих, но крепких духов. Наваждение...

Своими чувственными и ленивыми красками Израиль напоминает Левант. Грецию, отчасти Боснию, юг Испании или Италии. Но есть в нем что-то и от исламского Востока и Америки. И все это живет отдельно, не смыкаясь, суеверно держась за прошлое.

Накручивая на вилку промасленную цветную пасту, Ор Лев рассеянно поглядывал на молодую целующуюся пару. Он старался не задерживать взгляда на их слившихся ртах, но это выходило у него непроизвольно. Пройдет тридцать лет, грустно подумал он, и нынешняя Джульетта станет старой мегерой, а ее Ромео — брюзгливым и страдающим одышкой мизантропом.

Раздался резкий звонок. Ор Лев даже не сразу сообразил, что тренькает его собственный сотовый телефон. Недоуменно вытащив его из чехла, он щелкнул рычажком и услышал незнакомый голос:

— Але?! Говорит Морис Афарган, советник заместителя главы правительства Азриэля Маоза. Его Честь хотел бы с вами встретиться... Где вы сейчас? А что, если это будет, ну, скажем, через час?! Окей?!

— Как вы сумели найти мой номер? — удивился Ор Лев.

В ответ трубка насмешливо хрюкнула:

— Ну, это не так тяжело сделать. У вас преданные зятя...

6

До своего приезда в Израиль Менахем Бускила был маклером в Маракеше: туда пойдешь, там разнюхай, здесь шепни! В детстве родители отдали его во французскую школу, и благодаря этому, повзрослев, он нашел свою маленькую защищенную нишу: стал оказывать мелкие услуги как колониальной администрации, так и местным пасынкам закона.

Слишком часто приходилось ему гнуть спину, льстить, унижаться! Но если бы не эта жизненная школа, он бы никогда не достиг того положения, какое, в конце концов, занял в Израиле.

Бускила был не только умнее — ловчее своего окружения. И всегда хорошо знал границу, за которой риск становится нерентабельным. Когда французы двинулись из Марокко, Бускила быстро прикинул, что не настолько богат, чтобы откупиться от грядущих неудобств, и не настолько образован, чтобы безбедно жить где-нибудь в Париже или Монреале. А рисковать он не хотел и не мог: на его шею висели жена и уже тогда — две маленькие дочери.

И Бускила решил стать патриотом. Он отправился в Израиль...

Ор Лев представил себе высокого двадцатипятилетнего, выжидательно поглядывающего по сторонам парня, каким Бускила глядел с фотографий тех лет. Жесткая, торчащая в разные стороны угольно-черная шевелюра, мясистые губы на смуглом лице, вкрадчивые, но и нагловатые манеры.

На суховатой и малоприветливой земле предков Бускила убедился, что заискивать перед французами в Марокко было куда легче, чем угождать братьям по крови. Спесивая каста колониальных чиновников и военных всегда нуждалась в услугах посредников. А где, скажите, найдешь более дешевых и нетребовательных маклеров, чем местные евреи? Кстати, ими не брезговали и соседи-арабы тоже...

В Израиле для Бускилы мало что изменилось. Разве что место спесивых «месье» заняли заносчивые «хаверим»², а заветный французский паспорт затмила скромная красная книжка члена правящей партии. Пирамида власти и здесь покоилась на своем извечном основании: хочешь жить — умей вертеться! Без согнутой спины — ни работы, ни помощи.

Но больше всего Бускилу злило, что на исторической родине хозяевами были братья по крови из Европы. Едва о них заходила речь, как пламенный взор Бускилы покрывался острой ледяной корочкой.

— Еще те братья!

Своим воспоминаниям Бускила любил предаваться на обильных и многолюдных семейных праздниках и торжествах. В его хлебосольный и всегда готовый к приему гостей дом приходило множество близких и далеких родичей, друзей с семьями, даже случайных знакомых или попутчиков. Тесть сидел за столом осанистый, вальяжный и гостеприимный, как настоящий шейх.

— Чванливая сволочь! Поляки, румыны, разные там литовцы... Там, в Европе, их травили, как тараканов, а здесь они стали нами помывать? Мы для вас — культура, а вы для нас — дикари...

Тесть утрировал, изображая ашкеназийцев, но выходило у него это и вправду очень смешно.

² Хаверим (иврит) — товарищи.

— Орешки, миндаль, немножко фруктов, — совершали кокетливые волнообразные движения пальцы Бускилы. — Угощайтесь, угощайтесь, гости! Без стеснения, пожалуйста!

От своего сюсюкающего акцента тесть так никогда и не избавился. Взмахивая ладонями и подмигивая, он пришепывал:

— Мы уже пообедали...

Довольный, но недружелюбный хохот присутствующих лишь подстегивал тестя: свои инсценировки Бускила обычно завершал одним и тем же эпилогом. Рассказывал, как мордастые плантаторы из кибуцев³ и мошавов отсылают его и других выходцев с Востока в холодные зимой и раскаленные летом необорудованные бараки на краю света...

Сидящие за щедрым и обильным столом родственники, в особенности те, кто помоложе, недобро улыбались. Они представляли себе заспанных, полуголодных бедолаг, толпящихся на сборных пунктах в тяжелые предутренние сумерки. Отцов семейств, братьев, сыновей, племянников. Тех, кто готов ради работы на любое унижение, подлость, жестокость.

По мере приближения спектакля к концу краски стужались, становясь почти апокалиптическими. Воображение рисовало отчаявшихся ловкачей, вскакивающих первыми в благословенный тендер или грузовик. Отрывистые команды европейских «братьев», подстегивающие, как удары кнута, окрики: «Ты, ты и ты — лезьте в кузов. А вы там — подождете!» А за облаком вздрогнувшей пыли оставались обескураженные неудачники, оставившие дома голодных и напуганных детей.

7

Тесть не выходил у Ор Лева из головы. Снова и снова вспоминал он неожиданный звонок ровно двое суток назад. И голос Бускилы, утеревший свою обычно шумную и магнетическую вульгарность. В ушах Ор Лева звучал хриплый полупшепот, а потом похожее на смех бульканье:

— Приезжай! Поговорим о деле. Надо попрощаться...

Ор Лев готов был поклясться, что тестю не терпелось поиздеваться над самим собой, но у него это не получилось. Хотя Гидеон и знал, что Бускила болен, представить себе, что все так скверно, он не мог...

³ Кибуц — сельскохозяйственная коммуна, где не было денежных отношений. Каждый член коммуны выполнял любую работу, еда была общей, дети спали отдельно от родителей. Кибуц оплачивал учебу, отправлял в отпуск и т. д.

В глазах зятя Бускила был не столько личностью, сколько явлением. Не имея формального образования, один-единешенек, без чьей-либо помощи со стороны, вечно куда-то спешащей, щеголяющей своим небрежением к сантиментам стране он не только не отчаялся, но сумел встать на ноги и даже баснословно разбогатеть. Но вместе с гордостью и удовлетворением от своих собственных успехов в нем зрело и росло чувство неукротимой цветовой несовместимости. Все, что было связано с более светлой кожей или цветом глаз, ассоциировалось с былыми обидами и унижениями и вызывало ненависть. Впрочем, за этим шизофреническим раздвоением личности крылся древний стадный инстинкт: если плохо всем вокруг — никаких претензий ни к кому быть не может. Но если кому-то лучше...

Для людей типа Бускилы основным показателем успеха всегда были почести, уважение, которые им никто не оказывал. Откуда-то издалека, из генетической памяти поколений, дразняще и необоримо, всплывал пугающий и обожаемый образ Шейха. Патриарха и Судьи. Властителя и Дарителя. Его величественная недоступность до оргазма щекотала нервы и самолюбие. Но на новой родине все это было так же смешно и нелепо, как пышные эполеты, аксельбанты или страусиные перья на шляпах.

От чего вообще зависит упоение властью? От характера, комплексов, атмосферы в семье?

Отец, сколько Ор Лев мог его помнить, серый от чахотки и молчаливый писец Торы из Алжира, умер, когда Гиди было семь лет. Он до сих пор, закрыв глаза, иногда представлял себе, как подходит к нему и, стараясь пересилить в себе желание сбежать из-за резкого запаха лекарств, целует руку, а отец дрожащими пальцами гладит его по голове.

Семья Ор Левов — свою прежнюю фамилию Гидеон сменил еще в университете — жила в таком же бараке, как и Бускила. Впрочем, как и все их соседи: не только из мусульманских стран, но и из Польши или Румынии. Только в отличие от других, выходцы из Европы выбирались отсюда куда быстрее и решительнее. Они владели разными нужными профессиями, и вдобавок к этому их характеризовала какая-то особая жизнестойкость. Та самая, наверное, что столетиями вырабатывается в постоянно враждебном и взвинченном окружении.

Ор Лев с ранних лет приглядывался к ашкеназийцам с опасением и надеждой. Они казались ему сделанными из другого теста: не так цеплялись друг за друга, не соблюдали отживших свое привычек и обычаев. Земляки же, напротив, напоминали ему птиц, сбившихся по тревоге в стаю.

Хотя тесть очень гордился своими способностями и удачливостью и давно уже не вел счета деньгам, он был уверен, что везде и повсюду его объегоривают и сознательно унижают. Ведь несмотря на то, что у него были обширные деловые связи со снобами от финансовой олигархии, близко, в личном плане, никто его к себе не подпускал.

Как-то, расхваставшись, он бросил в порыве откровения Ор Леву:

— Ты — парень неглупый и поймешь: без маклеров не обойтись. Даже Господу Богу! А иначе — для чего же нужны ему ангелы?

Приехав в Израиль, Бускила промучился целый год, но ни на фабрику, ни на стройку работать не пошел. Он и на новом месте не терял надежды на старую проверенную профессию.

Арабский Бускила знал с детства, а благодаря недюжинным способностям успел довольно быстро поднахвататься иврита. Расчет оказался верным: работяги-арабы в Израиле остро нуждались в маклерах. Чтобы его ненароком не спутали с кем-нибудь из них, Бускила надевал на свою угольно-черную, растущую в разные стороны шевелюру ослепительно-белую кипу и вешал на грудь заметный издалека Маген Давид⁴. Вначале он снял за гроши в аренду паршивенький тендер и стал развозить работяг. Через годик-полтора пообтесался и приспособился настолько, что начал сколачивать небольшие бригады для более крупных подрядчиков. А потом — все больше и больше брать заказы сам.

В умении ладить с рабочими-арабами соперничать с Бускилой не мог никто. Он был с ними своим в доску. Возил домой, щедро, хоть и без деликатесов, кормил и поил. Знал: такое всегда воздастся. У кого, скажите, хватило бы духу собачиться с тороватым и хлебосольным евреем типа Менахема Бускилы? Да еще из-за оплаты?

А масштабы его деятельности все росли, постепенно охватывая новые горизонты. Появившиеся деньжата Бускила дальновидно вкладывал в технику и механизмы. Он скупал их за бесценок у разорившихся коллег и сдавал в аренду.

Вначале Бускила занимался земляными работами. Они не требовали особых знаний, да и всегда можно было нанять дипломированного халтурщика со стороны. Несколько позже он взялся за прокладку кабелей и трубопроводов. А уже следующим этапом стало дорожное строительство. С годами он все больше входил во вкус. Заказы шли к нему в руки, потому что всюду и везде он умел находить нужные ходы и выходы. Даже там, где любой другой быстро запутался бы. А вместе с заказами шли деньги...

⁴ Маген Давид — «щит Давида», национальная эмблема в форме шестиугольной звезды.

— Секретарша может обойтись без министра, — говорил Бускила, ухмыляясь, — но министр без секретарши — нет.

И хотя религиозность его была скорее данью традиции, чем мироощущением, он обожал вертеться в кругу раввинов: похлопывать по плечу, задавать не очень каверзные, но вызывающие смешки вопросы, оказывать уж слишком подчеркнутый, но не без лукавой искорки во взгляде почет. Он как бы говорил при этом: «Меня-то вы не проведете. Все мы не святы, и вы тоже! Только я этого не скрываю, а вы — ха-ха-ха!»

Ему все прощалось: он давал деньги, и немалые. Разбрасывал их, как сидящий в карете падишах, проезжающий через ждущую щедрот восторженную толпу. Впрочем, вся эта дешевая театральность не мешала ему кое в чем быть скромным, как пустынный. Ор Лев совершенно случайно узнал, что тесть содержит сеть благотворительных столовых и основал фонд, помогающий новым эмигрантам. Любой намек на это вызывал у Бускилы приступ ярости:

— Только это про меня говорят?

Скорей всего, даже не уверенный в том, что придется отвечать перед судом вечности, он на всякий случай готовил себе индальгенцию.

Постарев, Бускила стал сентиментальным: мог присесть возле уличного музыканта и, зажмурившись, отдаться грустным воспоминаниям, набить ассигнациями кружку нищего и заплакать при виде парализованного ребенка. Доброта эта была совершенно искренней, и Ор Лев однажды подумал с улыбкой, что будь он художником, нарисовал бы портрет грешника с нимбом святости на голове. Грешник — это только плоть, а святость — дух, который над ней витает.

8

Как и Бускила, Маоз начинал свой путь в Израиле в унылых бараках на окраине пустынного, вечно дремлющего городка. Бесперспективность географии сочеталась там с фатализмом и безынициативностью обитателей. Но пути они оба выбрали в жизни непохожие: слишком разными были характеры. Там, где Бускила брал ловкостью, Маоз — голосом и плечами.

Оба были полны энергии, оба обладали острым умом и завидной памятью. Но Маоз был лет на десять моложе, и на нем не висела семья. В принципе, все должно было бы у него складываться куда легче, но вышло наоборот. Он был слишком молод, чтобы забыть о недавнем

его честолюбии, и слишком переростком, чтобы полностью освоиться в новом и жестоком мире. Присущая его местным сверстникам раскованность и внутренняя — до расхлябанности — свобода вызывала у него зависть, но как он ни пытался подражать их повадкам и уверенности в себе, в ответ получал лишь презрение и насмешку. Куда ему было до них: он ведь вырос в патриархальной и богобоязненной семье, где подобное поведение было бы воспринято как бунт, который требует немедленно и жесточайшего подавления.

У Маоза было два выхода из тупика: либо смириться и дать жизни сломать свое «я», либо излить скопившуюся ярость во всежигающую агрессивность. Отсюда — два шага до уголовщины, но Маоз нашел способ круто изменить свою социально-психологическую орбиту: он пошел в политику. Сначала это были ее унижительные задворки. Он пробивал себе дорогу в прокуренных и переполненных профсоюзных коридорах, на шумных и бесцеремонных сборищах партийных жучков, где не столько вершат дела, сколько горлопанят и обращают на себя внимание.

В те времена на арене политического цирка распоряжались режиссеры-европейцы.

Они-то и обратили внимание на комичную, но настырную театральность честолюбивого провинциала. Напыщенная демагогия, громовой голос и накаленная внутренним электричеством помпезность поначалу вызывали смех и издевательские шуточки: этакий заштатный Муссолини! Смех смехом, но оказалось, что на задавленную судьбой массу все это действует как гипноз. И его стали двигать. Кукловодам было невдомек, что марионетка обрежет все связывающие ее нити и пустится в самостоятельное плавание.

Для Маоза усвоенные им манеры стали своего рода мстью тем, кто так несправедливо, с рождения, обошел его. Для бесформенной же толпы обойденных судьбой недавних эмигрантов он являл собой воплощение утерянного статуса. Ведь он поднялся над теми, кого они побаивались и перед кем заискивали. А между тем именно на такой почве и возрастают предводители и вожди. В спасителей и мессий их превращает наше воображение. Слушая его, люди начинали верить, что этот самоучка-громовержец и в самом деле знает то, чего им знать не дано.

Успех приходил к Маозу по мере того, как он учился ориентироваться в скользких катакомбах партийных услуг. Там царил своя запутанная математика взаимных расчетов и одолжений. Не дай бог было в ней ошибиться! Благодаря своему нюху и настойчивости он на редкость быстро прошел ускоренный курс политического ликбеза. Ведь никто

так ловко не жонглировал лозунгами и так уверенно не заворачивал их ломающую зубы трескучесть в заманчивую упаковку обещаний. Главный урок, который извлек Маоз из своей многолетней деятельности, — от частого повторения слова обретают тайный смысл и воспринимаются как своего рода пророчество.

Как и у Бускилы, молодость Маоза была замызгана презрительными насмешками и стала причиной мстительного самообожания, погони за властью и почестями. И как и Бускила, он инстинктивно избрал наиболее эффективную в его среде манеру поведения восточного патриарха-шейха: его благосклонность зависит от твоей готовности признать его приоритет. Ты ему кланяешься, а он одаряет тебя своей милостью.

Правда, Бускила не мог при этом удержаться от озорной ухмылки подмигивающего публике игрока, что для Маоза при его характере было просто немисливо. Возможно, поэтому он и пошел куда дальше...

На взгляд Ор Лева, оба они незримо дополняли друг друга. Одному не хватало того, чего было в избытке в другом. Бускиле — помпезности и опереточного лоска, Маозу — оборотистости пронырливого маклера. И все-таки их тайный союз зиждился не на связях и всеядности одного и пробивной силе и целеустремленности другого, а на чем-то, подозревал Ор Лев, что, как тяжелая травма, оставляет пожизненный след.

К министерству Ор Лев подъехал на такси. Его ждали и очень быстро провели через канцелярию в кабинет. Это была не первая встреча Ор Лева с Маозом. Но сейчас Маоз больше всего напоминал памятник самому себе.

Внешне за годы, что они не виделись, Маоз изменился мало, разве что блее стала голова и чуть оплавился осанистый голливудский профиль. Он был похож на Омара Шарифа, знал об этом и, по слухам, гордился. Даже в свои пятьдесят шесть Маоз не перестал ловить на себе любопытные взгляды женщин. Каждое его движение было продуманно и эффектно. Манерам и пафосу он явно у кого-то учился.

Привстав с кресла, Маоз выждал, пока Ор Лев сам приблизится к нему, и сердечно пожал гостю руку. Подчеркнув таким образом свой пост и положение, он уселся в кресло по другую сторону длинного стола для заседаний и улыбнулся.

— Рад вас видеть, Гиди! Ваш тесть сообщил нам, что вы прибываете в Израиль.

Модулируя громким и уверенным, переливающимися полутонами баритоном, он выделял почти каждое слово, придавая сказанному особый внутренний смысл. Ор Лев с трудом сдержал невольную улыбку.

Сбоку, слегка развалившись на стуле и тем самым показывая свою близость к боссу, сидел его помощник Морис Афарган. Взгляд его маленьких

любопытных глазок скользил по Ор Леву как сканнер, который должен будет потом в точности воспроизвести разбитый на мельчайшие точки рисунок.

Этот малый — вряд ли ему было больше тридцати, — чем-то напоминал экспонат из музея восковых фигур. Широкое, нездорового цвета лицо его с толстыми щеками было примято книзу. У Ор Лева даже мелькнула мысль, что щеголь и красавчик Маоз выбрал его не без цели. Подобный фон лишь подчеркивал его личную неотразимость.

— Бедный Менахем! Людей его калибра планета воспроизводит нечасто...

Маоз широко и безудержно развел руками.

В знак глубокого соболезнования Афарган скорбно прикрыл глаза. Но во всей этой сцене сквозило что-то жесткое и холодное. Ор Лев даже вздрогнул. Ему показалось, он слышит рядом хриплый шепоток тестя: «Эй, Гиди! Я толкаю тебя в джунгли... не забывай: за глаз — оба глаза! За зуб — челюсть!»

— Положитесь на меня, ваш старт будет искрометным! Я открою перед вами двери самых влиятельных людей. Вы добьетесь всего, о чем только можно мечтать...

Пафос бил из Маоза, как нефтяной фонтан из перфорированной скважины. Не хватало только, чтобы из-за температуры и давления струя эта вспыхнула языками пламени.

Изредка бросая на Ор Лева быстрые взгляды, за боссом неотрывно следил Афарган.

Можно было не сомневаться: уж он-то не пропустит даже мельчайшего нюанса не только в разговоре — в жестах и мимике его участников.

— Правительство агонизирует, религиозные партии провалили бюджет, премьер — живой труп. И это — когда до выборов осталось несколько месяцев?! Дорогой профессор, вы появились вовремя, но, чтобы оправдать свое грядущее место в Кнессете, вам придется пропахать все, даже самые отдаленные филиалы партии.

Откуда-то вынырнувшее, простонародное это словечко внезапно повисло в воздухе. Почувствовав некоторую неловкость, Маоз решил превратить промах в преимущество и подчеркнуто стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— Да, пропахать! Нам нужен такой, как вы, интеллектуал и трибун...

По лицу Ор Лева пробежала предательская гримаса: не сдержался...

Встреча оставила у Ор Лева малоприятный осадок. Воспоминания о пафосе и картинности, которыми щеголял Маоз, заставляли его морщиться от досады.

Но вместе с тем он не мог избавиться от странного ощущения, что высокотемпературный накал убежденности в своей миссии, который исходил от Маоза, не оставил равнодушным даже его, Ор Лева, человека рационального и склонного к скепсису. Что же это было?

С одной стороны, вера в себя, в свои силы и предназначение, если она глубоко искренна, а не взята на вооружение, не может не производить впечатление на окружающих. Тем более что подавляющее большинство людей втайне не уверены в себе, своих решениях и постоянно колеблются. Но, с другой стороны, далеко не все фанатики собственно «я» обладают такой властью над себе подобными.

В этом отношении и Маоз, и Бускила, каждый по-своему, конечно, выделялись на общем фоне. Они не только обращали на себя внимание, но и заряжали всех вокруг каким-то неведомым электричеством. В сущности, оба они выпадали из той социально-общинной мозаики, к которой принадлежали. Да получи они такое, как Ор Лев, образование, наберись соответствующего европейского лоска и сдержанности, они бы достигли невероятных высот.

И все же не этот общий для них коэффициент помогал разгадать таинство уравнения Бускила — Маоз. А это обязывало Ор Лева искать дальше: он уверил себя в том, что только так сможет противостоять в будущем крутым вензелям этого мастера партийных подножек.

Интересно, что ни тесть, ни его покровитель за последние четверть века и пальцем о палец не ударили, чтобы наверстать упущенное с юных лет. Могли, конечно: ведь чем-чем, а способностями Бог их не обделил! Но вот того всесокрушающего и целеустремленного упорства, с каким джеклондоновские старатели кайлами разбивали в поисках золота скальный грунт на Аляске, ни в том, ни в другом не было. Препятствия они предпочитали не устранять, а обходить.

Благодаря семейным преданиям, путь тестя вверх Ор Лев представлял довольно четко. В конечном счете Бускила занимался не столько строительством, сколько все тем же посредничеством. Оказывал коллегам помасштабней услуги. Сводил с нужными людьми. Помогал налаживать связи. Советовал, как укрыться от налогов и отмывать деньги. Технология маклерства стала для него своего рода искусством.

Бускила знал, у кого из прогоревших коллег-неудачников купить ставшее обузой оборудование и кому его тут же намного дороже перепродать. Где получить на выгодных условиях ссуду и как, не возбуждая особых подозрений, ее удвоить. И что не менее важно, умел вовремя выйти из игры. Сам он обычно выступал в роли альтруиста-гаранта, которому приходится расплачиваться за свою доброту. Впрочем, с носом оставалась лишь казна, все остальные — с прибылью.

Все это удавалось ему благодаря его феноменальной способности обзаводиться друзьями и знакомыми и становиться для них необходимым. Он везде находил земляков, повсюду вычислял и опекал общих родичей. В его некомпьютеризированной памяти хранилась бесценная генеалогическая книга марокканского еврейства.

Услуга цеплялась за услугу, любезность за любезность. Среда, в которой действовал Бускила, была, может быть, не столь значительной по удельному весу, но по массе — воистину необъятной. Все эти секретарши и контролеры, кассирши и регистраторши, счетоводы и полицейские обладали при умелом подходе просто магическими возможностями.

Ты им — они тебе! Твое усилие — их одолжение. Тихо, но верно. Скромно, но быстро. Чаще всего даже не за деньги. Происходил своего рода бартерный обмен. Кому-то нужно срочно выбить в муниципалитете разрешение закрыть балкон, а кому-то протолкнуть родственницу на операцию без очереди! Далекому кузену пристроить дочь, а бог весть откуда взявшемуся племяннику обеспечить в армии должность кладовщика подалеже от опасностей. Кто мог бы все это помнить, держать в голове и ловко использовать, кроме Менахема Бускилы? Да в таких делах он был не просто мастером — виртуозом. Если хотите, волшебником...

В Бускиле нуждались. К нему обращались. За ним бегали. И он никогда не отказывал. Приходил на помощь. Организовывал. Посылал. Выручал. В этом и крылся секрет его процветания. Со временем он превратился в настоящий миф. Точнее, как это определил Ор Лев, в явление...

Бускила проявил себя опытным эквилибристом. Он с ловкостью маневрировал на грани закона! Проворно скользил по канату между запретом и ухищрениями! Воистину виртуозно превращал сделки в аферы, а аферы в сделки!

Правда, крепко на ноги он стал лишь в начале семидесятых, когда на горизонте неведомо как и почему появился Маоз. В те годы тот был молодым и мускулистым красавцем с огненным взглядом и жестами провинциального актера. Чтобы отринуть от себя обвинения в дискриминации выходцев с Востока, ашкеназийский истеблишмент продвигал его все выше и выше. Вы обвиняете нас в дискриминации? А как же Маоз?! Да посмотрите только, какую карьеру сделал этот простой работяга!

На Синайском полуострове, отбитом у египтян в Шестидневную войну, срочно возводилось одно из самых громоздких и никчемных фортификационных сооружений в истории страны — «Линия Бар Лева». Почуввав запах скорой прибыли, сюда устремились строительные подрядчики и спекулянты. Деловые и финансовые круги страны буквально залихорадило от предпринимательской эйфории.

Настала эпоха необузданного экономического бума и помпезных планов, опьянения победой и бесконтрольной предприимчивости. Казалось, лилипут вообразил себя великаном, а извечная жертва — всемогущим мачо. Именно в этой лихорадке амбиций неокрепший национальный организм и заразился бактерией племенной розни и коррупции. Пока плохо всем, люмпен готов молчать, но если кому-то лучше... Вот когда причастный к строительным конкурсам и жаждущий оказать протекцию нужному человеку профсоюзный босс вроде Маоза мог превратиться в находку! А привлекать и искушать окружающих Бускила ох как умел и любил...

Тесть оказался куда умнее и дальновиднее большинства своих друзей и коллег, тоже промышлявших добычей золота из строительного мусора. После войны Судного дня — две с половиной тысячи убитых и бог знает сколько раненых, — когда резвиться стало уже негде, Бускила открыл новую стезю для деятельности: казино и игровые автоматы. В основном за границей. Желающих вступить с ним в долю было хоть отбавляй.

Ему предлагали, и кстати, довольно настойчиво, заняться и контрабандой наркотиков. Но Бускила сумел отвертеться. Ему некуда было торопиться. Он умел ждать. Чувствовать момент. Чуть его, как запах. Ощущать, как пульс. Если хотите, как своего рода радиограмму инстинкта. Правда, и игровым бизнесом тесть, насколько было известно Ор Леву, занимался не слишком долго. Ровно столько, сколько было нужно, чтобы, сняв сливки, оставить другим молоко.

А потом настала новая, самая долгожданная и волнующая пора его карьеры. Бускила стал протискиваться в политику. Делал он это так, что комар носа не подточит. Сам оставаясь в тени, продвигал повсюду, куда только мог, своих людей. На этом поприще, понимал Ор Лев, сотрудничество с Маозом оказалось еще более плодотворным. Бускила финансировал предвыборные кампании в местные муниципалитеты и Кнессет, устраивал синекуры партийным жучкам, организовывал встречи и сбор пожертвований.

Вначале все это было сопряжено лишь с затратами. Но позже стало оплачиваться сторицей: выгодными заказами, налоговыми поблажками,

а главное — такой выигрышной, козырной картой, как отчуждение сельскохозяйственных земель под городское строительство.

Тесть богател на глазах. Теперь он делал крупные ставки на бирже. Частично сам, но в основном через подставных лиц. По верному совету скупал акции, по вовремя брошенному намеку их продавал. Вот что такое политика! Он даже почувствовал к этому особый вкус, словно под его рубахой зудели вздувшиеся мышцы.

В семье его боготворили. Он был шейхом. Нет, больше — эмиром! Или падишахом! Трое других зятьев заискивали перед ним без стыда и совести, ловя каждое его слово, бросались исполнять любую блажь. Вокруг Бускилы кипели тайные страсти и интриги, которые по накалу не уступили бы никакому из средневековых дворов. Именно поэтому корректное, но обидное пренебрежение, исходившее от Ор Лева, так его бесило.

Однажды, не вытерпев, он спросил у Бускилы в лоб: где, когда и при каких обстоятельствах тот познакомился с Маозом? Вокруг этой темы всегда существовало негласное табу. Ни тесть, ни даже его болтливая супруга об этом ни разу не заикнулись...

Бускила взорвался. Старший зять раздражал и унижал его не только манерой поведения — своими пристрастиями. Он свободно владел пятью языками, тщательно и некрикливо одевался и был принят в тех кругах, вход куда Бускиле был закрыт, сколько бы акций ни хранилось в его банковских сейфах. По дошедшим до него слухам, Ор Лев мог грести миллионы, став в крупных фирмах советником по поискам нефти, но вместо этого строчил дурацкие статейки о каких-то тектонических — были они или не были? — катастрофах.

Покрывшись синевой бешенства, но все-таки сдержавшись, Бускила проскрипел зубами:

— Не твоего ума дело...

И сразу осекся: Ор Лев холодно взглянул на него, потом на часы и, не прощаясь, вышел.

Бускила ждал, что зять, чувствуя неловкость перед родичами, сдастся и помирится с ним. Не тут-то было. Жене Ор Лев сказал:

— Я тебя ограничивать ни в чем не собираюсь. Он твой отец, и ты вправе общаться с ним когда тебе и сколько хочется. Но меня в это не втягивай. Договорились?

Гортензия слишком хорошо знала своего мужа, чтобы не понимать, что своего решения он отменять не будет. Ни он у Бускилы, ни Бускила у него не появлялись больше года. Наконец тесть сдался первым: маклер победил шейха, и он попросил прощения. Но на запретную тему так с тех пор и не заговаривал.

Бускила с детства обожал петушинные бои и скандалы, шум, ярость, острый и душный запах многолюдных стычек и себя в роли опытного зрителя, делающего ставки. Даже отправляясь на тот свет, он не обомшелся без соответствующего спектакля, по сути, фарса...

Умирал Бускила трогательно и мирно. Назойливо крутившихся вокруг него родственников он предусмотрительно отослал домой. Своими сварами, капризами и жадностью они ему обрыдли. Случайно забредшему в палату врачу сказал, что ему лучше, и он хочет вздремнуть. И только вызволив дежурную медсестру Майю и окинув ее любовным взглядом, умиротворенно вздохнул.

Ненадолго закрыв глаза, он снова открыл их, по-озорному подмигнул и беспомощно пошевелил пальцем. С некоторым изумлением — а, вон ты что? — яркая блондинка в халате, приподняв брови и чуть ухмыльнувшись, села на пластиковый больничный стул спиной к двери. Подняв ноги и положив их на перекладину кровати, в которой лежал Бускила, она пошире их раздвинула. Умиравший придвинул голову к открытому лазу, восторженно вдохнул в себя запах, и по лицу его разлилось небесное блаженство: трусов на Мае не было. Собрав последние силы, он попытался улыбнуться и что-то сказать, но вместо этого ощерился и застыл.

Гримаса эта — ярлык проказника и бонвивана — не сошла с его лица, даже когда он испустил дух. Ему бы, наверное, доставило большое удовольствие, если бы он услышал, как примиряюще и даже ласково прикрыв ему глаза, она поправила одеяло и тихо хмыкнула:

— Умаялся неугомонный...

За толстым двойным стеклом частной палаты, где равномерно и еле слышно зуммерил кондиционер, тяжело дышало трескающееся от зноя утро. Кто-то безуспешно пытался связаться по телефону с семьей Бускилы, но там все спали.

Трубку снял Ор Лев. Ночевать пришлось на вилле у тестя. Что-то среднее между Тадж-Махалом и турецкой баней, она не вызывала у него ничего, кроме тоскливого желания поскорее выбраться отсюда.

Сразу после разговора он связался с женой в Штатах.

— Приезжай немедленно, — сказал он.

И, представив себе ее крупные, округло податливые и всегда готовые к постельным утехам ноги, добавил:

— Отец совсем плох...

Когда Ор Лев выбрался из шахты сна, зятя уже переговаривались оживленным шепотом:

- В пять, в пять, говорят тебе...
- Почему не раньше?
- Гортензия только в три прилетает...
- Надо всех предупредить...

Один из них, самый бойкий и шустрый — беспардонный малый с плечами штангиста — грубовато бросил Ор Леву:

- Что, профессор, проснулся?

На его жестком, готовом сразу же огрызнуться лице возникло подобие улыбки.

Но Ор Лев бросил на него такой холодный и отчужденный взгляд, что тот злобно ретировался.

Общение с зятями Ор Леву удовольствия не доставляло. Одному из них Бускила подарил преуспевающий гараж, другому выделил самую большую в городе автостоянку, третьему подбросил двухэтажный магазин сантехники. Между собой они не ладили, но все вместе, втроем, испытывали общую, замешанную на зависти и непонятном страхе, неприязнь к Ор Леву.

До Ор Лева донесся обрывок разговора:

- Сколько ты продул там, в казино, в Анталии?
- Ерунду — пять кусков...
- Ха-ха! Я — восемь...

Ор Лев поморщился и решил про себя: вечером он снова снимет номер в гостинице. Оставаться с женой на вилле с родственничками у него никакого желания не было.

К счастью, ему ничем не пришлось заниматься. Зятя ревниво взяли на себя все хлопоты. Ему предстояло лишь встретить жену и поспеть на кладбище.

От совместного завтрака Ор Лев тоже отказался, сославшись на неотложные дела. Поцеловав теще руку, от чего эта рыхлая, плаксивая матрона забыла о слезах и зарделась от удовольствия, он поспешил в университет. Здесь, в старом, по-европейски сдержанном и холодноватом кампусе с широкими травяными площадками перед фасадами добротных лекториев и террасами лабораторных служб, он чувствовал себя куда более спокойно и уверенно. С ним считались. Он показал себя серьезным ученым, ни с кем не ссорился, не вступал в конфликты, и многие видели в нем достойного кандидата на пост президента.

К трем Ор Лев уже был в аэропорту. Гортензию он выделил среди прилетевших сразу. На ней была широкополая белая шляпа и плотно облегающий элегантный костюм. Сорок шесть ей бы никто не дал. Даже сейчас взгляды встречающих мужчин не без удовлетворения ощупывали ее чуть-чуть оплавленные возрастом формы. Кого и чем она им напо-

минала? Ор Лев не без досады подумал, что легкая гнильца всегда свидетельствует о сладости плода.

В темных, чуть влажноватых глазах Гортензии таилась неисповедимая бездна. Ему вдруг остро захотелось умыкнуть ее в какой-нибудь темный уголок и ощутить в своем рту ее теплые податливые губы. Но он подумал о предстоящих похоронах, и желание пропало.

В ее повадках проскальзывало что-то царственное, но в то же время шлюховатое.

Правда, что именно — всегда оставалось для Ор Лева тайной. Возможно, убедил он себя, всему виной Бускила, на которого она внешне была так похожа.

Покойный тесть был не только умен и наблюдателен, но и на редкость точен в своих оценках. Однажды он бросил с усмешечкой:

— Гортензия — рысь, а ты, Гиди, повесил ей, как кошке, бантик на шею. Водишь ее — по профессорским гостиным...

Теперь такое определение потребовало бы поправки. Гортензия перестала быть рысью, но так и не стала кошкой. Этим, наверное, и объяснялось производимое ею на разных людей впечатление. Она чуточку отличалась от всех и везде была своей.

Известие о смерти отца жена восприняла довольно спокойно.

— Гиди, — спросила Гортензия, и он провалился в темноту ее глаз, — люди из университета знают о похоронах?

Ор Лев глотнул воздуха и кивнул. Она прикоснулась к нему влажной сауной губ, и ему захотелось, чтобы она их не убирала.

— Очень уж разношерстная публика там соберется, — задумчиво произнесла она.

В голосе жены звучала легкая озабоченность...

12

Одного взгляда на открытую площадку перед залом поминовения на кладбище в Гиват Шауле было достаточно, чтобы убедиться, насколько предчувствия Гортензии оказались правильными. С каменным выражением на лице, ощущая нарастающую неприязнь, Ор Лев наблюдал за происходящим. Он так сжал губы, что они побелели.

В центре зала собрались увешанные сотовыми телефонами старые дружки Бускилы. Их животы выпирали из брюк, на мощных шеях колыхались золотые цепи и брелки, а не привыкшие к молчанию лица выражали скорбь. Каждый из них со слоновой грацией предстал перед

траурным монументом вдовы, а после, с явным облегчением, перед зятьями и их супругами.

В сторонке смущенно переминалась с ноги на ногу растерянная кучка университетских профессоров. А в углу с ироническим любопытством процеживали взглядами этот человеческий винегрет несколько со вкусом, но без шика одетых не очень крупных акул финансового мира. По неуловимой продолжительности ожидания было ясно: должен приехать еще кто-то. По-видимому, важная персона.

Все зашевелилось и пришло в движение, когда на стоянку вырулили две машины. Захлопотавшие зятья сразу бросились навстречу лоснящейся черным лаком правительственной «Вольво». Своей заискивающей расторопностью они напомнили Ор Леву хапуг-швейцаров, встречающих дорогих гостей. Наглость обычно очень легко оборачивается лакейской услужливостью.

Сначала из «Вольво» пружинисто выскочил короткостриженный малый в темной куртке с короткими руками — явно «горилла», телохранитель. За ним из открытой им дверцы машины, приковывая всеобщее внимание вальяжностью осанки, вышел Азриэль Маоз. И уже вслед бдительной тенью, с сознанием выполняемой миссии — преданнейший помощник Афарган. Острый взгляд его не очень подвижных карих глаз свидетельствовал о природной цепкости, а начинающееся брюшко — о склонности к плотским удовольствиям.

Из пристроившейся рядом вишневой «Хонды» куда скромнее, но не менее деловито прошествовала троица давно примелькавшихся на телеэкранах парламентариев. Процессия эта, сопровождаемая любопытными взглядами и шепотком расступающейся толпы, двигалась, как крестный ход со святым отцом во главе.

Склонившись к дородной вдове почившего, Маоз соболезнующим поцелуем прикоснулся к ее обвисшим, но блестящим от крема щекам, а потом подошел к трем младшим дочерям Бускилы. Здесь он позволил себе фамильярность — отеческие объятия. Но старшей Гортензии, скользнув по ней взглядом, он протянул только ладонь и тут же переложил обе руки на плечи Ор Леву. По-видимому, это был знак особой близости и сочувствия.

Теперь все прошли в зал для отпевания. Похоронные службы из Хеврат Кадиша⁵ взмокли от жары и ожидания. На бородах у них серебрились капельки пота, а от черноты глухих костюмов ломило глаза. Еще минута, и они уложили носилки с телом Бускилы на плоский постамент.

⁵ Хеврат Кадиша — компания, занимающаяся похоронами.

На трибуне выжидающе и торжественно застыл раввин в блестящем аспидном пиджаке до колен. Прикрыв глаза и настраиваясь, он покачивал головой. Именно в этот миг — приоткрой кто-нибудь саван, он увидел бы довольную улыбку на лице мертвеца, — под прикрытием двух боевито озирающихся и готовых к любому повороту событий молодцев появилась ярко крашенная лет тридцати пяти особа. Одета она была в траурные цвета, но лицо ее от густого слоя «мейкапа» казалось маской. Женщина энергично подталкивала вперед неловкого подростка с таким же угольным, как когда-то у Бускилы, ежиком волос и явно его же носом и глазами.

Трое бускиловских зятьев рванулись к непрошеным гостям вспорхнувшими грифами. Они оттесняли любопытных с решимостью, с какой крылатые хищники не дают отбить у себя принадлежащую им жертву.

Но воспаленно огрызающаяся незнакомка в трауре неуклонно продвигала свое чадо вперед. Сопровождавшие ее двое молодцов заняли оборону с боков, а законная вдова — содрогнувшийся от кощунства монумент супружеской скорби, — казалось, вот-вот задохнется от слез.

Незнакомка голосила хриплым, прокуренным голосом:

— Дайте пройти единственному сыну! Пусть в последний раз попрощается с родным отцом...

Движущийся эскорт, как надсадно подпевающий солистке мужской хор, сопровождали без стеснения расталкивающие собравшихся двое телохранителей:

— Дорогу наследнику! Дорогу наследнику!

Это была заранее продуманная операция присутствия и силы. Пока мы еще только просим, было незримо начертано на боевом знамени, но потом — потом будем требовать. И как требовать!

Ор Лев видел ошарашенные лица своих коллег и откормленные физиономии отцов нации, на которых застыли блудливые ухмылки. Рядом ехидно шушукались ухари-приятели покойного.

Наверное, надо было вмешаться, но от стыда и неловкости Ор Лев просто окаменел. И тогда, бросив на него быстрый успокаивающий взгляд, к нарушителям спокойствия плавно и безмятежно двинулась Гортензия. Ор Лев и представить себе не мог, что она на такое решится.

Неожиданный и безмятежный демарш старшей бускиловской дочери, в которой светская дама мирно уживалась с бесцеремонной фрехой⁶, парализовал выдавший виды вражеский десант. Гортензия потрепала

⁶ Фреха — вульгарная бабенка обычно восточного происхождения.

за вихор подростка, приходившегося ей сводным братцем, одним движением ухоженной, в кольцах, руки усмирила набычившихся дебоширов и по-свойски улыбнулась вторгшейся амазонке. Что сказала ей его жена, Ор Лев не слышал, но заметил, как воинственные сполохи во взоре профессиональной скандалистки уступили место растерянному удивлению.

13

— Как ты сумела ее унять? — спросил он жену, когда по его настоянию они остались в номере отеля «Хаят Редженси».

Гортензия только что вышла из ванны. Сквозь боковой разрез ночной сорочки виднелось ее плотное загорелое бедро, а выше, около плечиков, тяжеловатая, но не отвисшая грудь.

Улыбнувшись, она легла рядом. Ее расплавленные чувственностью агатовые глаза смотрели на Ор Лева с легкой усмешкой.

— Ничего особенного. Просто сказала, что миром она получит больше, чем войной...

Ор Лев ощутил рядом с собой горячее, набухшее поздними соками тело жены и обнял его. Он бы много дал, чтобы инициатива хоть порой исходила от нее, но она всегда оставляла ее за ним. Покорно следуя за его рукой, она нависала над ним всей своей тяжестью и втягивала его в себя непостижимой бездной взгляда и податливого тела.

Неторопливая, насыщающая ритмика горячего, светящегося в ночи живота и взбухающих, как ему казалось, грудей поглощала его настолько, что Ор Лев уносился куда-то под обратный свист лет. Время уподоблялось капустному кочану. Кто-то срывает лист за листом, и он в обратном порядке становится юношей, подростком, мальчишкой, младенцем и, наконец, эмбрионом, со сверхзвуковой скоростью несшимся туда, откуда однажды так беспечно и необратимо выскочил в чуждый и непредсказуемый мир. Он знал и чувствовал, что и Гортензия тоже проходит через невесомость оргазма, но никогда не был абсолютно уверен, что она не повторила бы его тотчас снова...

Для Ор Лева настали нелегкие дни. Скучноватый и размеренный климат университетской рутины сменили дымные от страстей и интриг тропики политических джунглей. Здесь, в Израиле, к нему вновь вернулось ощущение истерического бега на месте, безумие всепоглощающей спешки в никуда. Премьер с глубоким инфарктом, правительство, которое колотит в лихорадке министерских свар и партийных козней, над-

вигающиеся выборы: проблемы крохотной страны с недюжинными амбициями и неразрешимыми проблемами. Все это теребило и доводило до иступления, как звон ошалевшего будильника.

Ставка была сделана, Рубикон перейден. Менахем Бускила обитал в аду, но на вакантном месте шейха, а он, Ор Лев, непонятно почему, оказался в роли искателя клада и авантюриста.

Конечно, Маоз, опасавшийся своих сподвижников по партии не меньше? чем противников, был в нем крайне заинтересован. Но вместе с тем он в кратчайшие сроки на всякий случай предусмотрительно уравновесил Ор Лева другим своим протеже. Это был Искутиэль Марциано — некоронованный король электронной прессы. И тому и другому он обещал места в Кнессете, хотя шансы на то, что оба они займут их, практически равнялись нулю.

В существовавшей вокруг Маоза иерархии Марциано занимал особое место. Высокий, с иголки одетый сноб в почти нематериальных очках, он держался подчеркнуто холодно и отстраненно. На собеседника, если он от него не зависел, Марциано глядел, как хирург с мировой славой на незадачливого пациента, которому он завтра вырежет половину кишок. За глаза его опасно прозвали Фуше.

Однажды так назвал его в присутствии Ор Лева и Маоз. Полагал, по-видимому, что это новомодное словечко. Марциано побелел и так плотно сжал губы, что Ор Лев невольно отвел взгляд.

— Меня не смущает такое сравнение. Хотя Фуше и занимался шпионажем, он верой и правдой служил Франции, кто бы ни стоял во главе ее: король, Конвент или император...

Подчеркнуто парижская, как у художника, сзади достающая почти до плеч сидящая шевелюра Маоза и его густые, все еще темные и подвижные брови, казалось, взмокли от конфуза. Спас положение Ор Лев, переведя разговор в другое русло...

Франкофил и выпускник парижской Сорбонны Искутиэль Марциано не мог не поражать своей феноменальной осведомленностью в самых сокровенных секретах политической кухни. По упорным слухам, его взлет на олимп средств массовой информации объяснялся не столько журналистским талантом, сколько умением играть на нуждах своих коллег.

Так же как и Маоз, Марциано сделал свою карьеру, отстаивая права своих соратников по цеху.

Профессия общественного ходатая давала возможность прорваться в административные верхи, не выкладываясь профессионально. Они ведь зависели от него нисколько не меньше, чем он от них. Обе стороны предусмотрительно обхаживали друг друга, и вскоре уже на отдельном

кабинете новоиспеченного менеджера появилась табличка с именем Марциано.

Весь свой неординарный ум и недюжинную энергию он приложил к тому, чтобы превратить профессию в вездеход для грядущей карьеры. И добился своего. Теперь уже от него зависели продвижение по службе и аккредитация, командировки за границу и зарплата, число липовых сверхурочных и тайные бонусы.

Марциано сам решал, с кем из политиков и по какому поводу встречаются его подчиненные. Он, и только он мог дать ход компрометирующей информации и тем самым похоронить проштрафившегося политика заживо. И он же мог спасти его, припрятав компромат в долгий ящик. Ему ничего не стоило оказать человеку неоценимую услугу, лаская его в изнеживающей пене теле- и радиопопулярности, или наоборот — облить грязью.

Тех, кто был ему нужен, Марциано окружал заботой и вниманием прессы. Для этого использовались повышенные гонорары сотрудникам, командировки за рубеж, сверхурочные часы, фокусы с километражом и командировочными. За особо щекотливые услуги Марциано платил отдельно и еще более щедро. Зато тех, кто мог представлять для него потенциальную угрозу, он устранял и делал это с таким искусством, что о его многоходовых партиях рассказывали легенды. Без его протекции политик оказывался если и не евнухом, то почти импотентом.

14

Ор Лев между тем колесил по стране из одной дыры в другую. Правда, демонстрировал он не столько партийную заботу о провинции, сколько свою собственную персону.

Его скромная, обаятельная улыбка, мягкий, вызывающий доверие взгляд и умение сочувственно выслушивать любого, кто бы ни находился рядом, довольно быстро завоевали ему популярность. У задавленных жизнью аутсайдеров, не наделенных от природы ни луженой глоткой, ни толкательными рефлексам, он вызывал не просто симпатию, а чувство, граничащее с растроганностью. Ор Лев никогда и никого фамильярно не трепал за щечку, не хлопал запястье по плечу, не произносил громоподобных речей. Но что-то в его облике и манерах притягивало людей.

Он ни разу никого не перебил. Обычно молчал или сочувственно поддакивал, но в нужный момент всегда находил несколько теплых

и успокаивающих фраз. Тихая эта проникновенность придавала ему необъяснимый шарм и толкала людей изливать перед ним свою душу.

Он мог до слез растрогать аудиторию рассказом об отце — рано умершем писце Торы из Алжира, вымазать в тхине и хумусе⁷ круглую лепешку — питу и, стеснительно улыбаясь, положить ее в рот. С трогательной элегантностью узнать по голосу поющего по радио восточного певца.

Люди вокруг таяли. Исходящая от него теплота действовала как магнитное поле. Умиляясь сам, Ор Лев умилял других. С повлажневшими глазами брал на руки детей, склонялся к давно невыслушанным старикам, а после выступления, не заботясь о времени, до полуночи беседовал с безработными.

И не было случая, чтобы он не услышал:

— Гиди, ты наш! Ты наш, Гиди, и можешь полагаться на наши голоса...

Однажды в затрапезном поселении в Негеве наблюдавший за ним Иекутиэль Марциано, непроницаемо улыбнувшись, бросил перед тем, как сесть в свой «Шевроле»:

— Вы для них, Гидеон, — эквивалент Матери Терезы в брюках и с профессорским дипломом в кармане. Воплощение тайной мечты о воздаянии...

Порой Ор Леву казалось, что все, что с ним происходит, — из области сновидений и не связано с реальностью. Своего рода игра воображения. Он даже вздрагивал от своих собственных мыслей.

А что если и вправду он мог бы сделать для этих людей то, чего никто и никогда до него не делал? Если, вопреки печальному опыту, такие качества, как честность и сострадание или чуткость и готовность к жертве, действительно способны сотворить чудо? Неужели невозможно вытолкнуть эту потерянную и нещадно обманутую массу из болота инерции и безнадёги, в котором она на столько десятилетий застряла? Ведь выбрались же из стен гетто нищие и задавленные евреи Восточной Европы на борьбу за собственную судьбу и достоинство...

Ор Лев настолько увлекся, что перестал обращать внимание на сплетни и пересуды. Не реагируя, сносил снобистскую спесь Марциано. Со скрытой иронией относился к ядовитой настороженности Афаргана. Делал вид, что самообожание Маоза воспринимает как нечто само собой разумеющееся. Тот с неудовольствием воспринимал растущую популярность зятя и протеже Менахема Бускилы и не преминул ему это показать:

⁷ Тхина и хумус — пряная ближневосточная еда на основе вареного гороха.

— Вам надо больше внимания обращать на такой главенствующий аспект нашего движения, как восточное происхождение наших избирателей.

Он сказал это тоном, каким директор делает замечание подчиненному. Ор Лев пожал плечами.

— Я думаю, поняв этих людей, можно сделать для них куда больше. Маоз бросил на него тяжелый долгий взгляд, но промолчал.

15

Скандал вокруг наследства Бускилы не трогал Ор Лева. Все взяла на себя Гортензия. Ее дипломатические усилия сводились к проверенному веками правилу: чтобы волки были сыты и овцы целы.

Ор Лев полностью полагался на жену. Его инстинктивно отталкивал незримо витавший вокруг миллионов покойного тестя нимб двойной бухгалтерии и афер. Ему хотелось лишь одного: поскорее и подальше отодвинуться и оказаться в стороне.

По-видимому, это чувствовалось и со стороны. Зятя, возненавидевшие Ор Лева еще больше, когда стало известно содержание завещания, оставили его в покое. Насмешливо шушукаясь между собой, они плутовато лебезили перед Гортензией: та всего лишь баба, и они ее быстренько обведут вокруг пальца. Да и по манере своего поведения она была им куда ближе, чем ее ашкеназийский холуй-муж.

К своему удивлению, Ор Лев обнаружил, что в щекотливых ситуациях жена проявляет недюжинную ловкость и умение маневрировать. Даже подвалившую к ней известную газетную сплетницу она нейтрализовала так элегантно, что удостоилась ядовитого комплимента:

— Вы — настоящий сапер, госпожа Ор Лев. Ваш муж должен гордиться вашими талантами...

Ор Лев не мог не отдать ей должное. Гортензия обходила расставленные ловушки так, словно всю свою жизнь только этим и занималась. Что толкнуло ее мужа оставить академическую карьеру и ринуться в политику? Но ведь если человек добился на избранном им поприще всего, чего хотел, его тянет сделать что-то и для других... Почему он примкнул именно к Маозу? Вы забываете, что Гидеон — сын простого писца Торы из Алжира и никогда не порывал со средой, откуда вышел... С какой это стати ее погодки-сыновья учатся в Соединенных Штатах, а не идут служить в армию? Видите ли, нет пророка в своем отечестве: получи ее муж здесь, в Израиле, то, чего достоин в силу своих способ-

ностей и опыта, семья бы не отправилась восемь лет назад за кордон. Не срывать же рябят из колледжей. Как только они закончат учебу, сразу же вернутся...

Неожиданная активность жены забавляла Ор Лева, но где-то и настораживала. Почему она вдруг стала проявляться именно сейчас? И где гарантия, что Гортензия не сорвется на чем-нибудь и не повредит, даже не желая этого, его новой карьере?

Впрочем, он сам уступил ей первенство во всех бытовых хлопотах. Она освобождала его от лишних забот. С тех пор как он стал на ноги, Гортензия оставила свою должность секретарши и полностью посвятила себя семье. Кружкам, по которым требовал муж возить сыновей, перепечатке его статей, переговорам с издательствами и, наконец, — разумной экономии, к какой он ее все время приучал. Со своей новой ролью она справлялась просто блестяще.

Но вот сейчас, когда новые навыки вышли за рамки узкого круга проблем, он вместо облегчения испытал тревогу. Если подобно домашним котам мурлыкают даже гиены, думал он о зятях, беда может подкрасться в любой момент, как наемный киллер.

16

С трудом достигнутое душевное равновесие было нарушено, когда на пути его внезапно возникла Номи Шер, единственная женщина, из-за которой шестнадцать лет назад он едва не бросил Гортензию. Узнал он ее мгновенно, хотя с того дня, когда видел ее в последний раз, прошла треть его жизни.

Шло совещание по имиджу, но Ор Лев не слышал, кто и о чем говорил. Напротив него, по-хозяйски расположившегося в глубоком кресле Маоза, слева, рядом с Афарганом, сидела она. Ему понадобились все резервы сил и воли, чтобы никто ничего не заметил. Бросая на нее украдкой торопливые, как ему казалось, вороватые взгляды, он с жадностью выискивал в насмешливо улыбающейся, элегантно одетой даме двадцатидвухлетнюю девчонку. Ту самую, с короткой стрижкой и озорными глазами сорвиголовы. И не столько видел, сколько иррационально ощущал каждое ее движение.

Маоз произносил очередную речь. Гордая и внушительная посадка головы, шевелюра художника-шестидесятника, густые, еще темные и подвижные брови, и, как дорогая рамка на фамильном портрете, — подчеркнутые модуляции голоса. О содержании он обычно не очень заботил-

ся. Считал, что знает лучше других, о чем и в какой форме говорить. Самое главное, чтобы ему внимали. Следили, слушали, восхищались. В каком тоне произносит он каждую фразу. Когда разделяет слова на слоги. Где и в каком ракурсе подчеркивает смысл сказанного жестами.

Кончив, он с игривой галантностью представил Ор Леву гостью.

— Ну, что вы, Азриэль, — произнесла та, улыбаясь, — мы знакомы! Господин Ор Лев был моим университетским преподавателем. Я брала для очков факультативный курс геотектоники.

Ор Лева неприятно укололо то, что она называет Маоза по имени. Но виной этому могло быть и женское тщеславие.

В подраживающей от напряжения дымке перед ним снова мелькнул бронзовый отсвет мальчишеской прически и четко очерченные, не знавшие помады губы. Но выступающий книзу кончик носа и голубовато-серые глаза нисколько не изменились.

Он барахтался в самом себе и тщетно пытался всплыть. Но сделать это надо было так, чтобы никто не заметил, что он едва не пошел ко дну...

Номи нельзя было бы назвать красивой. Но из нее была такая жажда жизни и оптимизма, столько нерастроченной энергии угадывалось за мальчишеской нетерпеливостью, что остаться равнодушным оказывалось невозможным.

По характеру она была полной противоположностью Гортензии: ничего скрытого, закадрового. Все наружу, навынос! Звенело, кружило, захватывало, выплескивалось как-то само собой, без видимых причин. В ней бродил перевозданный хаос идей и капризов, жизнерадостности и сумасбродства...

Не он, а она начала их недолгий и клокочущий роман. И не он, а она его закончила. Ор Леву было тридцать два, и у него уже подрастали двое сыновей. Номи на двенадцать лет моложе...

Выждав, когда из аудитории вышли все студенты, она пригласила его в кафе. Иврит ее был по-американски смешным и округлым, манеры немислимими. Взяв Ор Лева под руку и оживленно болтая, она повела его через переполненный коридор. Невольно оглянувшись на зеркало, он усмехнулся. Оттуда на него искоса глянул невысокий и щупловатый новоиспеченный «доктор» с растерянным выражением серых, с желтой подпалиной глаз. Рядом с ним энергично шагала резковатая, вся куда-то стремящаяся студенточка.

Позже она сказала ему без намека на вымученную стеснительность, что он ей нравится. Покраснев, Ор Лев ответил, что женат. В ответ Номи одарила его насмешливо-дерзким взглядом и как бы случайно бросила, что уже об этом слышала. С трудом преодолевая смущение, он сделал ей неуклюжий комплимент: она просто неотразима...

Ор Лев лгал и не лгал. Номи и вправду была очень привлекательна. Но притягивала она его к себе не загадочным пульсом тела и скрытности, а бесшабашной непосредственностью, легкостью, азартом. С ней Ор Лев ни разу не испытывал той алкогольной потребности в сексе, желания нырнуть в нее подводной лодкой и больше никогда не всплывать, как с Гортензией. Зато его переполняла мощная радость бытия, которая свойственна, наверное, открывающим новизну мира детям.

Тело у Номи было плосковатым, как у подростка, но очень отзывчивым. Да и в постели она вела себя не как зрелая и хорошо знающая, что ей нужно, женщина, а как шальная девчонка и заводила. Точнее, была не профессионалкой, а любительницей. Наверное, поэтому сексуальные выкрутасы привлекали ее не вкусом запрещенного плода, а озорным поиском. Давай попробуем и это тоже! Ею двигал не столько инстинкт, сколько желание испытать что-то еще более яркое и разнообразное.

И вообще, с ней все было легче, понятней, радостнее и намного естественней. Условности Номи презирала и бравировала манерами отпетой шкоды и насмешницы.

Когда через полгода нечастых, но переполняющих его встреч, разрывааемый сомнениями и страхом, он самоотрешенно признался, что любит ее, она, ни секунды не сомневаясь, тут же его оборвала:

— Тогда бросай жену и будем жить вместе...

— Как? Вот так сразу? Вдруг?

Он был ошарашен. Она возразила ему с дерзким смешком:

— А как ты хочешь? С истерикой и театральными монологами?

У него сел от волнения голос:

— Но ведь у меня двое детей...

— Только у тебя одного? Ты — первый такой мужчина на свете?

— Мы же не сможем даже пожениться: ты же еврейка только по отцу... — вдруг, как идиот, выпалил он.

Она рассмеялась. Но смех ее был злым и жестким.

— Это единственное, что тебя останавливает?

Он ответил, словно проглотил тяжелый и скользкий комок:

— Да, я так воспитан...

Ее ответ был короток и безжалостен, как выстрел:

— Тогда расстанемся...

— Почему? — буквально взмолился он.

— Потому что до сих пор все было игрой. Забавой. А сейчас стало серьезным. В любви не уступают. За нее борются. И если рискуют — то всем...

ЧАСТЬ II БУМЕРАНГ

Ему казалось, он бредет по незнакомой местности и вокруг не видно ни зги. Босой, одинокий, беспомощный, натываясь на острые камни и сбивая в кровь ноги. Все ему было на этом пути незнакомым и чуждым...

Не то чтобы он струсил — глупости! Просто счел, что такая победа, в конце концов, не может не обернуться поражением.

Что бы он стал делать с такой женщиной? С ее решительностью, независимостью? С амбициями, стремлением быть во всем ему равной? Конечно, он уже не был тем неуклюжим и обидчивым провинциалом, который готов винить во всех своих бедах и неудачах чьи-то козни и ксенофобию. Но и не перешел еще той невидимой границы, которая навсегда отделила сына писца Торы из восточного захолустья от раскрепощенной дочери американизированного Запада.

В поединке страсть — здравый смысл победил здравый смысл. Но большая рана осталась на всю жизнь.

1

Вилла Азриэля Маоза в Немецкой Слободе в Иерусалиме казалась массивной и прочной, как предназначенный для отражения нападения форт. Может быть, потому, что хозяева украсили ее множеством архитектурных финтифлюшек, она напоминала дородную перезрелую матрону, разрядившуюся под несовершеннолетнюю нимфеточку. Построил ее Бускила в восьмидесятых годах, когда Маоз стал министром.

К тому времени небольшие, укутанные в аккуратную зелень домики немецких колонистов, высланных англичанами во время Второй мировой войны, потеснили бокастые каменные громады. Но неподвластный времени дух педантичности и прилежания все еще витал над тихими улочками и проулками, как строгая, обязывающая к порядку тень старого бюргера.

Маоз смотрел телевизор. Субботний выходной он проводил дома и позволял себе расслабиться. Неоткуда было ждать подвохов. Он шутил, дурачился, поддразнивал домашних. С удовольствием играл роль преданного мужа и заботливого отца и деда. Впрочем, таким он и был, когда у него хватало на это времени. Он обожал театр и обязательно посещал почти все премьеры в Тель-Авиве, а потом в Париже. И, хотя сидел в первых рядах партера, никогда не забывал, что начинал он, как театрал, с галерки. Именно театр позволял ему забывать на время о жестокой реальности и внутренне перевоплощаться в тех, кто жил там, на сцене. В нем самом издавна проглядывал актерский талант, но все задавил своей неподъемной мощью политический монумент, который он сам себе возвел.

Галерка была для него не просто местом в театре, где он чувствовал себя равным студентам и богеме. Она стала для него символом социальной иерархии, где низкий, но четкий барьер отделял элиту от обывателей, счастливых от неудачников, нуворишей от аутсайдеров. Возможно, поэтому в своей карьере он инстинктивно отождествлял себя именно с этой иерархией и ее радикализмом. Ведь в далекой и ненавистной ему молодости он испытал немало уколов и издевок: его театральность и помпа обхохотывались на всех этажах партийного особняка. Но как это ни парадоксально, именно она вызывала восторг и шумное обожание толпы, которую он всегда сравнивал с галеркой. Ее обитатели были его надеждой и успехом. Его отмщением и целью...

Здесь его носили на руках. Любовались им. Гордились. Восторгались. С годами он буквально на глазах из неотесанного и нахрапистого провинциала превратился в живую эмблему попорченного достоинства и гнева. Своего рода антитезис, который его обидчикам приходилось теперь все время опровергать.

Политику нельзя менять имидж. Неколебимость присвоенного облика — гарантийное свидетельство надежности и незыблемости. Решись Маоз на нечто подобное, его тут же разочарованно освистали бы те, кто еще недавно так истово почитал.

Для себя он давно открыл, что простые люди так любят длиннющие телевизионные сериалы, потому что герои им хорошо знакомы. Они к ним пригляделись настолько, что любая кассирша из супермаркета или шофер грузовика заранее могут предвидеть очередной поворот сюжета. А в их глазах это неопровержимый признак интеллекта, возможность, пусть даже мнимая, приобщиться к кругу избранных.

В сотовом телефоне с засекреченным номером прозвучал настойчивый звонок. Маоз досадливо поморщился и сделал жене знак: ответь! Ему не хотелось нарушать домашний кайф. Однако жена тут же протянула ему трубку:

— Дорон Розенталь...

Маоз уставился на телефон леденящим взглядом и рывкнул, ставя на место вторгшегося в его личную обитель чужака:

— Да! Кто это?

Хриловатый быстрый говорок по другую сторону провода сразу же, без обиняков выложил ошеломляющую весть:

— Ган Элем интересуется полиция...

По спине Маоза пробежал холодок. Удар был не только неожиданным — зубодробительным. Тридцать пять лет понадобилось ему, чтобы подойти, наконец, к почетному финишу. Полжизни тяжелой, мучительнейшей борьбы, лести, пощечин, предательства, скрытого

от посторонних отчаянья бессонных от обиды и страха ночей. А теперь, когда он уже рядом с пьедесталом почета и ощущает на шее легкое, пьянящее прикосновение медали, вдруг снова оказаться внизу?

Маоз повернулся спиной к домашним. Он почти воочию представил себе аршинные заголовки газет и злорадный восторг на подогретых сенсацией физиономиях телекомментаторов: «Заместитель премьера и кандидат на пост главы правительства замешан в скандале с продажей земель!», «Председатель местного совета престижного поселка Ган Эль Дорон Розенталь выводит следствие на Азриэля Маоза!» Даже такой, как он, сильный и решительный человек ощутил в этот момент ватную расслабленность тела.

Он оперся о стенку.

Будь у него такая возможность, он прибил бы этого червяка, хотя давно пришел к выводу, что кулаками пользуются лишь дураки, и они же в конечном счете проигрывают.

Придав голосу властный оттенок, он отчеканил:

— Дорон, не поднимай паники. Я сейчас приеду...

В свое время Маоз довольно легко освободился от призыва в армию и позже не раз об этом жалел. Из него вышел бы неплохой стратег. А с генеральскими погонами в политике перед тобой всегда зеленый свет. В Израиле любят и чтут ореол героизма. Он придает уверенность, которая так важна для этой крохотной, все время обороняющейся страны. Ублажает ущемленную национальную гордость и даже трусу или карлику дает возможность почувствовать себя мачо. Но не дай бог герою показать свою слабость...

2

Розенталь был креатурой Бускилы. С ним легко было обдывать делишки: при любом нажиме он менял форму, как налитая водой резиновая перчатка. Но в излишней податливости есть тайная опасность — никогда не знаешь, кто этим воспользуется. Не на тебя ли выльется содержимое, если кто-то всерьез на нее надавит...

Хотя Дорон Розенталь не отличался ни особым умом, ни смелостью, он буквально гипнотизировал окружающих своей неумной энергией. Этот политический жучок, как язвил Афарган, жужжал от переполняющей его активности...

Предстояло собраться с мыслями, продумать каждый следующий шаг. Маозу не надо было объяснять, чей это почерк. Нет-нет, не Тамира с его

генеральской однобокостью, хоть тот и заявил, что вступает в финишную гонку за власть. Судя по всему, замыслила все это старая и коварная сволочь Голан с его изощренным мозгом местечкового интригана, которому обязательно надо обвести вокруг пальца вельможного пана.

Маоз сразу же замкнулся на все замки и позвонил помощнику.

— Едем в Хайфу... «Горилл» возьми на себя.

Не хватало только двух лбов из службы безопасности. Впрочем, у Афаргана были с ними особые отношения. Зачастую он оказывал им мелкие услуги.

Двухчасовое путешествие, говорил он себе, только проветрит его и даст возможность все как следует обдумать. Со своими работниками Маоз не церемонился. Но зато и заботился о них, как никто другой.

Через полчаса они уже ехали по дороге в Хайфу. За рулем сидел Афарган. Лицо его дышало преданностью. Маоз удовлетворенно крякнул.

Откинувшись на спинку сиденья, он отрешенно прикрыл глаза. Но уже через пять минут его возвратил в реальность голос помощника:

— Завтра поговорим с Амосом, помощником Тамира...

Афарган любил изъясняться во множественном числе. И, намекая на ашкеназийское происхождение главного конкурента, добавил:

— К нему самому нечего и обращаться: такой же сукин сын, как и все!

Маоз досадливо оборвал его:

— Умолкни! Не время...

Тревога его росла, хотя напрямую с Розенталем его ничего не связывало. Единственное, что можно было поставить ему в укор, — министром, хлопотавшим об отчуждении сельскохозяйственных земель под частное строительство, был не кто иной, как он сам. Коллег Маоза его предложение вполне устраивало, и потому оно прошло без всяких проблем. Но если Розенталь начнет раскалываться, полиция в конце концов доберется до самого верха. Коллеги моментально разбегутся, и на лобном месте на виду у всего мира останется он один. Сейчас, в преддверии предстоящих выборов, ему только этого и не хватало.

Больше всего не давало Маозу покоя то, что за всю свою карьеру он не совершил ничего выходящего за рамки общепринятого для государственных деятелей его уровня.

В конце концов, если люди добровольно доверяют тебе власть, они чего-то ждут, на что-то надеются. В особенности те, кто поблизости. И игнорировать их ты не можешь потому, что иначе они от тебя отвернутся, и ты окажешься в пустоте.

За всю свою многолетнюю политическую карьеру Маоз ни разу ни у кого не взял и гроша. Не принял ни одного дорогостоящего подарка или подношения. Он даже считал, что с полным правом может считать-

ся неподкупным. Единственный, кто позволил себе швырнуть ему в физиономию комок липкой грязи, был Бускила.

— Мы с Азриэлем — одного поля ягоды. Только я маклер в экономике, а он — в политике...

Это ядовитое замечание Бускила высказал однажды в очень узком кругу. Но сказанное именно в узком кругу всегда получает самый широкий резонанс. Маоз не сомневался, Бускила сделал это сознательно. Не для того, чтобы очернить его или унижить, а чтобы намекнуть, что власть, как и спортивный кубок, тоже можно потерять.

Если Бускиле и нужно было что-то от Маоза, сам он никогда к нему не обращался. В том-то и состоял секрет его успеха. Он всегда мог найти кого-то другого, кто замолвил бы вместо него словечко или попросил об одолжении. А в его, Бускилы, сфере, где крутятся крупные деньги и все зиждется на выборе и конкурсах, совет или даже намек сверху сулит миллионы.

Минут двадцать Маоз не произносил ни слова, но вскоре сам же нарушил молчание:

— Надо срочно проверить, не оставил ли где-нибудь Старый Лис свой след.

Как и все вокруг, он с незапамятных времен называл так Аарона Голана. Расторопный помощник мгновенно откликнулся:

— Не может быть, чтобы не оставил. Уж кому-нибудь из своих он не мог не устроить участочек.

Маоз мрачно кивнул:

— Займись этим сразу же... Но без суеты. Осторожненько...

Старик Голан был чуток, как воробей, и осторожен, как змей...

Маоз вспомнил неукротимую лихорадку, охватившую рынок недвижимости после того, как в Ган Эле побывал канадский миллиардер. Его привезли сюда с идеей создания на севере страны своего рода израильской Швейцарии. Проблема состояла лишь в том, что вся округа предназначалась под сельскохозяйственные земли и никакое строительство здесь не было возможно без соответствующего решения правительства. Изменись статус земель, их стоимость мгновенно и резко подскочила бы. Визит крупного инвестора из-за рубежа вызвал к жизни кипучую энергию, с какой местные предприниматели и банковские воротилы, строительные подрядчики и спекулянты начали осаждать влиятельные структуры. Давление на Кнессет, членов кабинета министров и высших правительственных чиновников со стороны разного рода партийных функционеров возрастало. А противостоять ему практически невозможно. Вопрос не в том, как любят бравировать литературными цитатами местные снобы, быть или не быть уступкам со стороны властей,

а — когда им быть? Человек — существо социальное, и все вокруг него основано на правиле: ты мне — я тебе! И хотя эпоха вносит свои коррективы, принцип остается прежним. Разница между диктатурой и демократией, как она ни существенна, только в одном. Девиз «бери сколько влезет» в одном случае ограничивается оговоркой «но если попадешься, не обессудь! Выбираться из дерьма будешь сам!»

Неподкупность, порядочность, благородство, с горечью размышлял Маоз, так же относительны, как возраст. По сравнению с чьими-то семьюдесятью и пятьдесят могут показаться молодостью. А кроме того, чем ближе ты к рампе, к слепящему свету прожекторов, тем больше тебе требуется грима, чтобы скрыть морщины и седину.

И вообще, любому политику вместо того, чтобы клеймить кого-то позором, стоило бы вспомнить: а что он сам? И если никогда, чему трудно поверить, не манипулировал лично, не закрывал ли глаза, когда это делал кто-нибудь другой?

Маоз вспомнил о Старом Лисе. Вот уж кто способен произнести монолог о чести и достоинстве, а потом в своем кругу, вдруг мигнув застиранными, как старые пленки, глазами, бросить: тот компромисс, на который тебе приходится идти с самим собой, еще хуже того, на какой тебя толкают другие. В свое время он разразился афоризмом, который запомнился Маозу на всю жизнь: «Если партия не способна помочь своему костяку, она как ледокол на суше: кому нужна и что стоит?!»

Холодный цинизм Голана всегда отталкивал Маоза. Было в нем что-то скользкое, липкое, по-лягушечьи безобразное. Насколько он все-таки отличался от лихой, не признающей никаких авторитетов бесшабашности Бускилы. «Всевышнему, — ухмыляясь, разглагольствовал иногда Бускила, — следовало бы куда суровее обходиться с теми, кто кичится своей непорочностью, чем с теми, кто грешен. Вот что такое безгрешность? Святость, скажете?! Ну?! А может она в грязи, среди праха и тлена возрасти? Нет, само собой разумеется, не может! Не для земли она — для небес. Для ангелов там и херувимов. А мы, грешные, только для того и созданы, чтобы смотрели они на нас сверху и вздрагивали: согрешу — Господь меня в люди пошлет!»

Бускила хитренько посматривал на собеседника и добивал его логикой своих доводов:

— Чтоб человеку святым стать, надо ему первым делом себе яйца отрезать. Он ведь ради них на любой обман и преступление пойдет. Да будь у ангелов яйца, — подмигивал он, улыбаясь...

Вопрос в том, где и когда компромисс переходит в компромат? Граница между ними, если она и существует, размышлял Маоз, размыта.

Взять хотя бы ту же притчу из Талмуда о двух сестрах: одна продавала себя, чтобы не умереть с голоду, а другая — выйдя замуж за нелюбимого богача. Так кто из них, спрашивается, грешен больше?

Да и если на то пошло, найдется ли хоть один политик на свете, который бы никогда и ни в чем не шел на сделку с совестью? А если нет, кто вправе первым бросить камень?

Мало ли он, Маоз, сделал за свою жизнь добрых дел? Разве не помогал ближним? Предал ли когда-нибудь кого-нибудь? Оставил ли в беде? Проявил свою неблагодарность? И если кто-то в знак сердечной благодарности даже ответил ему той или иной любезностью, это такое уж великое преступление?

По существу, единственным его промахом было то, что он предложил обсудить вопрос о Ган Эле на заседании кабинета министров.

3

Легкое покачивание министерской «Вольво» навело грусть и воспоминания. Маозу даже стало как-то жаль самого себя. Взять того же Герцля Тамира, а вместе с ним всю чванливую европейскую элиту в целом. Разве не получают ее воспитанники все, как у этого их поэта Альтермана в его стихотворении, на серебряном подносе? Не ведут себя так, словно и впрямь страна принадлежит им и только им?

Путь их заранее проложен, координаты рассчитаны. Не только каждая точка на карте — расстояние до нее и время, которое необходимо, чтобы ее достичь. Кибуц, армия, партия. Бойскауты, отборные части, университет...

Их сословная солидарность опирается на поддержку среды. Спесь — на веру в незыблемость. Они идут плечом к плечу. Как новобранцы на марше. И, помогая друг другу, лишь холодно озираются, если рядом, надрываясь, падают чужаки...

Незаметно для себя Маоз плавно и надежно погружался в знакомую и успокаивающую его стихию пафоса и патетики. Слова отливались в металл обличений: вершители лозунгов... адепты атеизма... бестрепетные пионеры Ближнего Запада... сабры... Его словарному запасу позавидовал бы даже опытный публицист.

Обвинительное заключение в адрес правящей элиты Маоз вынашивал долгими десятилетиями. Держал в памяти обиды и оскорбления. Уличал в демагогии и предательстве. Но до сих пор ему еще ни разу не представился случай публично зачитать его вслух.

Начало произнесенной речи звучало энергично и беспрецедентно:
— Элита, презирающая традиции, обрекает себя на исторический вакуум. Гонимая за материей, она теряет душу...

Выступая перед аудиторией, Маоз зажигал вначале самого себя. И хоть пламя в таких случаях можно было бы назвать искусственным, его мощи оставалось только позавидовать.

Он представил вдруг самого себя на трибуне во Дворце Нации в Иерусалиме, и у него зашипало в носу.

— Оторванные от своих корней, эти люди перестали быть евреями. Превратились в отщепенцев без тесной связи с прошлым...

С Тамиром и его окружением Маоза разделяла пропасть. Патриархальный дом, свято блюдущая свое достоинство и уважение соседей семья. Субботнее отдохновение, протяжный напев восточных мелодий, прогулки в синагогу, пахнущая тестом и сахаром интимность праздников. Иногда только все портили арабские мальчишки, срывающие с него со смехом кипу или швырявшие в него камнями.

Тогда, четыре десятилетия назад, соседи-мусульмане вызывали у него подозрение и инстинктивный страх. Но память перетряхивает запыленные страницы прошлого. Кое-что, отстоявшись, смягчается, кое-что покрывается патиной сентиментальности.

С тех пор, как семья Маоза перебралась в Израиль, утекло много воды. Как во сне проносились иногда в его памяти обрывки видений. Корабль, скользящий по ртутной глади моря, незнакомый порт с чужими контурами и запахами, странные автобусы. Крытые асбестовыми крышами бараки: двадцать четыре квадратных метра на шесть-восемь душ. Пресловутый порошок «ДДТ». Нет-нет, его, родителей и братьев с сестрами не обсыпали им, но других — он об этом достаточно наслышался...

Маоз попросился в кибуц. В армию не пошел: проблемы с диском в позвоночнике! Сверстники в военной форме. Презрительные из-за манер и акцента взгляды местных барышень. Поучительные наставления ветеранов...

Почему он должен был стесняться своих повадок и родственников? Сторониться патриархального быта и восточной музыки? Кто сказал, что от прошлого нужно отречься, как от ереси? Нет унижения страшнее, чем ощущать, что место, где ты родился, язык, на котором общался, обычаи, к каким привык, ничего не стоят. Когда вдруг осознаешь, что и преуспеть ты можешь лишь бросив все это на дороге, как старый ненужный хлам.

Дело не в сомнениях, насколько это необходимо, а в опустошающем душевном настрое. И еще в чувстве, будто ты сам себя предаешь, бросаешь, оставляешь без помощи. Он ли не лез из кожи, чтобы бежать от самого

себя? И не он ли, жертвуя прошлым во имя будущего, вжил в иврит настолько, что владел им теперь куда лучше, чем любой сабра. Не только говорил без акцента — писал без ошибок? И что? Все равно не пускали! Не удостаивали! Оставляли в стороне...

Неужели и вправду было в нем что-то такое, что могло вызывать их отторжение, нежелание и неготовность принять его как своего? Что их настораживало? Что отталкивало? Разве не хотелось ему тогда, что так естественно в этом возрасте, громко заявлять о себе, нравиться женщинам, дышать полной грудью, не чувствовать нужды в деньгах? Почему же преуспевали лишь те, кто, как Ор Лев, заставил себя отказываться от собственной шкуры и влезать в чужую?

Вот тогда-то он инстинктивно и нащупал их ахиллесову пятую. А, вы чураетесь меня? Я смешон? Не получил такого же образования, что и вы? А знаете, кто в этом виноват? Вы! Да, да, вы! Ваше высокомерие, кастовость, ксенофобия!

Со временем это «я» органично переросло в «мы». Овладев позой обличителя, Маоз начал метать публичные громы и молнии. Его пламенные филиппики не могли не привлечь к нему внимание. Он обвинял истеблишмент в расизме, в нарушении гражданских прав. В бессовестной эксплуатации выходцев с Востока и тайных планах увековечивания существующего положения.

Для того времени это было безотказным приемом. Чтобы заставить его замолчать, его стали толкать вперед. Сначала в профсоюзную иерархию, потом, по мере того как он взбирался все выше и выше, в партийную.

Теперь уже не он их, а «они» его пытались убаюкать. Не он нуждался в их помощи, а они в его. И чем успешнее он создавал себе репутацию Борца, Вождя и Пророка Гнева, тем более заискивающе ему улыбались. Маоз знал: за его спиной они сплетничают и рассказывают о нем анекдоты. Но утешал себя тем, что внешне ему воздаются все официальные почести, немедленно исполняется любой его каприз.

Ему бы очень не хотелось сейчас, накануне выборов, начинать стучать в барабан дискриминации: уж слишком сильно его воздействие на умы. Поступи он так, он еще безнадежней сузил бы круг своих избирателей. Но другого выбора у него просто не оставалось. Его вынуждали пойти на такой шаг. Клин вышибают клином! Единственная возможность выпутаться из этой ситуации — объявить Дорона Розенталя жертвой ашкеназийского истеблишмента.

Маоз велел Афаргану остановиться возле виллы Розенталя. Он и не думал таиться. Знал: если хоть раз продемонстрируешь в политике слабость, тебя затопчут.

Решительно хлопнув дверцей машины, он прошел пять шагов к воротам. Выскочивший навстречу ему во двор хозяин бросился открывать калитку.

Маоз сумрачно кивнул и с высоты своего роста окинул властным взглядом пустынную в этот час улицу.

— Ну! Что случилось?!

— Ваш приезд — большая честь для меня...

Маоз демонстративно поморщился. Розенталь суетливо провел гостей в дом и рассадил в креслах. Потом, достав из холодильника бутылки «Кока-Колы» и содовой воды, приказал жене накрыть стол.

Его жужжание было отановлено нетерпеливым жестом Маоза:

— Оставь! Я не для этого приехал. Рассказывай!

В глаза ему Розенталь старался не смотреть. Он нервничал, вертелся и всем своим видом показывал, как страдает.

— В местный муниципалитет приходил майор полиции...

Маоз вздернул брови и остановил хозяина дома многозначительным жестом:

— Сам пришел? Тебя не вызывали?

Спортивная стрижка заядлого болельщика портила смазливое лицо Розенталя, придавая ему нагловатый вид. Теперь оно отражало недоумение: почему именно об этом спрашивает Его Честь? Подстраиваясь под величественного гостя, Розенталь говорил смущенным, даже виноватым тоном.

— Ну да! Нашел меня в местном совете! Сказал, что ему нужны купчие, связанные с Ган Элем.

— Поподробнее...

— У кого куплена земля, когда и за сколько.

Маоз зыркнул на него ястребиным взором.

— Что еще?

— И еще — как все оформлено в земельном кадастре...

Раздосадованный шейх не сменил суровости тона, намекая далекому соплеменнику, что его поведение вызывает досаду.

— Паникер!

Маоз недооценил бускиловского протезе. Этого малого нельзя было ни схватить голыми руками, ни прижать. Он мгновенно выскальзывал

наружу. Оставалось лишь ощущение мокрой резины, которой ты коснулся.

Розенталь втянул носом воздух.

— Но ведь он еще спрашивал, кто там, наверху, помог переформировать земли под застройку.

Маоз в ярости прикрыл глаза. На что намекает, сукин сын, а?!

Розенталь замер, глядя в лицо гостю, словно для того, чтобы не оставалось никаких сомнений в его преданности. Но это был маневр...

Маозу показалось, где-то клацнула защелка.

— Чем я могу тебе помочь?

— Не я же решение принимал! Чего он ко мне прицепился?

— И что же ты ему ответил? — еле сдерживаясь, бросил Маоз.

Розенталь сделал удивленные глаза:

— Как что? Сказал, что все законно. Пусть проверяют...

Был бы жив Бускила, Маоз обрушил бы весь гнев на него. Полагаться на такого червяка?! Напрямую он Маоза с этим ничтожеством никогда не сводил. Розенталь настойчиво отирался в тесноте партийных кулуаров и не раз там сталкивался с Маозом. Но если сейчас, когда запахло жареным, он посмел звонить ему, значит, прекрасно знал, кто хлопотал о проекте в правительстве. В этой стране языки работают сверхурочно даже без оплаты. Иногда это себя оправдывает.

Прошло больше десяти лет, и Маоз думал, что давно ставший падалью труп уже не всплывет. Мало ли всякой дряни в политическом болоте? И вот на тебе...

История эта началась еще в те времена, когда алчные мухтары⁸ в палестинских селах сбывали неиспользованные пустоши, радуясь дешевой прибыли. Евреи-маклеры прикидывали в уме, какой процент выгоды они дадут через десяток-два лет, и вкладывали деньги. Они знали, их время придет, наступит день, когда пустоши эти станут золотыми жилами.

Бускила, который скупил многие сотни дунамов такой земли, готовил капкан, как опытный охотник. Действовал через жену, а та, в свою очередь, через жену Маоза. Ничего-де, незаконного в такой сделке нет. Он с удовольствием уступит Маозу три участка по себестоимости. А чтобы вообще никто ничего не заподозрил, лучше всего, чтобы покупка была оформлена на родственников за границей.

Ошибка Маоза была в том, что через много лет именно он согласился предложить правительству изменить статус земель в Ган Эле и разрешить их застройку. Это без зазрения совести могла сделать еще пара его коллег-министров, но он подался на их лесть и уговоры. Сразу после

8 Мухтар — староста в арабском селе.

этого участки стали продаваться в шесть-семь раз дороже. Если сейчас кто-нибудь начнет копать, тень упадет не на них, а на него. А если еще станет известно, что проданные в свое время участки были записаны на родственников за границей, с мечтой о кресле премьера придется распрощаться навсегда. И даже если удастся избежать суда, карьера его будет закончена.

Маоз кипел. Розенталь не стал звонить никому другому, только ему. Не просто же так, надеясь на его доброту. В политике нет чувств, есть интересы. Сколько бы он дал, чтобы узнать, что этому жучку известно? Слышал ли он что-то от Бускилы или, что еще хуже, за его спиной незаметной тенью вилял гнусный слухок?

По лицу Афаргана скользнула улыбка, с какой в пору делать харакири. Выбрав паузу, он вмешался в разговор:

— Ты делаешь ошибку, Дорон... Бо-ольшую! Пытаешься запутать других!

Хозяин дома был похож на загнанную в угол мышку, которая оглядывается в поисках дырки, куда бы она могла ускользнуть.

— Я? Кто сказал? Почему?

— Может, я погнал Его Честь, заместителя главы правительства за полтора километра в субботний день?

Жучок заюлил:

— О чем вы?! Да Его Честь для меня — как отец родной! Столько сделал...

Лесть была мелкой и липкой. О такую вымарашься и не ототрешься, как от клея.

Афарган был моложе Розенталя. Слегка сморщив нос, он прошелся по хозяину дома цепким взглядом и уставился куда-то в сторону, словно не хотел, чтобы тот прочел по его глазам, что он на самом деле о нем думает.

— Смотри, это тебе решать! Менахем Бускила в тех краях, с какими связи нет. Отвечать придется тебе. Как ты думаешь, захотят люди тебе помогать, если ты платишь такой неблагодарностью?

Маозу было противно. Этот Розенталь даже не червяк — пиявка. Та, что взбухает на чужой крови.

Он не очень вслушивался в то, что говорил Афарган. Знал, на того можно полностью положиться. Все это было отвратительно, мерзко, гнусно! За пятьдесят шесть своих лет он ни разу не запачкался. Люди берут взятки, мошенничают, пускаются в махинации. Он же — никогда! Ни разу! Это был его принцип, нет, есть более красивое слово — «кредо»...

Случалось, конечно, люди оказывали услуги и ему лично. Но скольким он помогал совершенно бескорыстно?! Да и вообще, если в ответ на все, что он делал, кто-нибудь оказал ему любезность или сделал одолжение, это должно рассматриваться как преступление?

Только сейчас понял Маоз, в какой капкан заманил его Бускила. Его Амалии позвонила Теодора, жена Бускилы, а когда они встретились, рассказала, что ее муж приобрел крупный надел земли на севере. Не место, а рай. И было бы обидно, сказала она, если бы семья Маоза не взяла себе за бесценок несколько участков. Она, мол, Теодора, конечно, понимает, что сам господин министр, даже если бы ему предложили, не только отказался, непременно бы возмутился. Но ведь должность — не на всю жизнь, а семья есть семья и дети есть дети. В конце концов, можно оформить покупку на чье-то имя. Например, родственника за границей...

Передай ему Амалия этот разговор слово в слово, он бы сразу настоялся.

Слишком уж умно было все задумано для этой толстой и неповоротливой наседки. Но логика женщины и хранительницы домашнего очага всегда была мужчинам не совсем понятна. Амалия действовала не спеша, а главное, очень осторожно. Поначалу рассказывала о том, что-де, слышала, что какой-то маклер купил на севере у арабов большой участок земли. Потом — сколько адвокатов, врачей, модных музыкантов и отставных военных очень дешево покупают у него кто участок, а кто два и три. Ведь будет же когда-нибудь разрешена здесь застройка. Расположение — на зависть, красота необыкновенная, настоящая Швейцария, и не очень далеко от моря. Сейчас все бегут из городов — пыль, грязь, бензин, наркотики. И наконец вспомнила, что ее бездетная кузина в Монреале могла бы помочь им оформить покупку на свое имя.

Бускила возник на горизонте только тогда, когда дело было уже на мази. Обычно он предпочитал оставаться в тени и действовал через окружение Маоза. То есть с одной стороны, Маоз оставался непричастен ко всем его делишкам уже потому, что не хотел о них знать, а с другой, даже если и знал, предпочитал о них не говорить. По поводу Ган Эля Бускила позвонил ему домой только тогда, когда все было уже решено. Да и то чтобы предложить своего адвоката.

— Менахем Бускила! — хмыкнул он в трубку. — Не помешал?

Бускила никогда не называл Маоза ни по имени, ни согласно должности, которую он занимал.

— Нисколько! — с некоторым напрягом ответил Маоз.

Маоз вспомнил булькающий смехок звонившего, и по лицу его проскочила досадливая гримаса.

— Ваша Амалия сказала моей Теодоре, что кто-то из ваших родственников за границей ищет опытного адвоката в Израиле... Вы ведь познакомили меня с Менделем Кугелем. Лучшего во всей вселенной не найти...

Если бы кто-нибудь услышал этот разговор, он бы сразу понял, что звонок самому министру неприятен, но, будучи человеком воспитанным и вежливым, он просто не мог повесить трубку.

Так этот сукин сын намекал на то, что ему давно все известно. Но отступать было поздно, и Маоз только выдал жене, что слышать ничего не хочет об этом проходимце, и если бы не она...

Как и всегда, он играл какую-то выдуманную роль даже перед своими близкими. Но того требовали его положение и характер...

6

— Ты, Дорон, думай! Думай! Не жопой, а головой. Есть же она и у тебя тоже, в конце концов. И ты даже ею иногда пользуешься...

Голос Афаргана доносился до Маоза откуда-то издали и очень глухо. Вот кто ловок так ловок...

Делать здесь было уже нечего, и Маоз поднялся. Руки Розенталу он при прощании подавать не стал.

Когда они тронулись назад, в Иерусалим, Афарган попытался раздумывать вслух:

— Что он знает, эта скотина?

Но Маоз остановил его взглядом. Он не любил, когда кто-нибудь без его разрешения начинал копаться в его делах.

Похожее на восковую маску лицо помощника, который по штату числился советником, производило не самое привлекательное впечатление. Зато он был пронзительно догадлив, предан и только начинал свой политический путь. А значит, меньше шансов, что он пойдет на предательство.

Подумав, Маоз велел Афаргану:

— Свяжи меня с Бенционом Кугелем. Я хочу его видеть...

Афарган тут же достал из внутреннего кармана пиджака сотовый телефон и набрал нужный номер.

— Але! Адвоката Кугеля срочно...

Маоз усмехнулся. Если бы проводилась олимпиада по наглости, его помощник запросто получил бы одну из медалей.

— А кто это? — равнодушно спросила секретарша.

Она, видно, тоже была достаточно дотошной.

— Морис Афарган, — вкрадчиво, словно сытый кот, шепчущий на ушко недалекой мышке, пропел Афарган.

Интересно, знала ли секретарша, кто это, или поняла по тону, что с такими людьми лучше не ссориться? Если знала, помощничка следовало начать остерегаться.

Подумав, Маоз решил, что ее реакция — это предосторожность, какая диктуется профессией секретарши, да еще у такой живой, хоть и постаревшей легенды израильской юриспруденции, как Бенцион Кугель.

— Адвокат Кугель за границей. Вернется послезавтра... Могу я чем-нибудь вам помочь?

Афарган, не ответив, закрыл сотовый телефон.

Удивительное все же дело — как профессия сказывается на поведении людей. Даже на таком уровне.

Конечно, будь здесь старый жох, Маоз чувствовал бы себя спокойней. За десяток лет знакомства с ним Маоз убедился, что Кугель — не просто виртуоз в своем деле, он надежен, как унесенная в могилу тайна. Впрочем, его всегда тянуло к выпренности...

Через полчаса послышался телефонный звонок, и слегка вздремнувший Маоз немедленно нажал кнопку ответа. Свое звучное и требовательное «Алло!» он на этот раз задержал, хотел вначале услышать, кто звонит.

В трубке раздался цедящий слова голос Марциано. Наверное, он понял уловку Маоза.

— Это я, Иекутиэль...

— Надеюсь, новости не очень доминантные?

Маоз любил щеголять философскими терминами, хотя и не всегда к месту.

— Есть кое-какая проблема... Стоило бы обсудить ее...

Просто так этот человек никогда ничего не делал и не говорил. В нем легко было заблудиться. Как в лабиринте...

Маоз сознательно не спросил его, о чем идет речь. Марциано сам вынужден будет намекнуть ему об этом.

После недолгого молчания тот вставил с вкрадчивой таинственностью в голос:

— Я кое-что слышал об одном из друзей Менахема Бускилы...

Маоз распознал в его тоне оттенок некоторого злорадства. А может, это ему показалось?

— Вы — о Розентале?

Он опередил Фуше со всей его журналистской братией и остался этим доволен.

Марциано помедлил.
— А, вы уже знаете?
Маоз еле сдержал закипавшее раздражение.
— Я хочу, чтобы на встрече кроме нас с вами присутствовали Ор Лев, Бенци Кугель и Номи. Давайте послезавтра. Вечером...

7

С Бенци Кугелем Маоз познакомился лет двадцать пять назад, когда был представителем всеизраильской конфедерации профсоюзов Гистадрута в одном из городков-спутников Тель-Авива. Близилась выборы, и мягкое непыльное кресло профсоюзного босса уплыло бы из-под него к конкуренту, если бы он не предпринял чего-то такого, что привлекло бы к нему внимание и подняло авторитет.

Как раз в это время Авраам Фридман, крупный бизнесмен, которому принадлежал местный электромеханический завод, решил его закрыть, а землю продать строительным подрядчикам. Три десятка работяг, которым вместо неустойки выплатили только зарплату за месяц вперед, остались без работы. Для Маоза было делом престижа вмешаться и показать, на что он способен. Но куда бы и к кому бы он ни обращался, пользы никакой это не приносило. Частному сектору государство диктовать не может. Тогда-то ему и пришла в голову шальная мысль воспользоваться услугами опытного адвоката. Причем чем тот зубастее и бессовестнее в своей области, тем лучше. Но это было чистой авантюрой. Денег на гонорар для него в профсоюзе давать никто не собирался. Взамен Маозу предложили своего собственного юриста, но он о нем и слышать не хотел.

Вызвонив несколько ловкачей, Маоз нашел того, кого искал. Это был старый сутяжник Бенцион Кугель. Ас по тяжбам, один из самых удачливых и ловких судейских крючкотворов в стране, он специализировался на купле-продаже недвижимости. Судя по слухам, он знал всех, и, что не менее удивительно, все знали его. Члены Кнессета и финансовые воротилы, мэры городов и уголовные авторитеты. Полицейская элита и многочисленная маклерская рать. О его феноменальной памяти ходили легенды, быстроте реакции мог бы позавидовать компьютер, а щедро расточавшиеся им шуточки и афоризмы повторялись не только в судейских коридорах, но и в снобистских салонах. Драл Кугель, конечно, три шкуры. Гонорары его были просто разбойничьими. Но клиенты платили: знали, за что, они ведь были людьми состоятельными.

Есть люди, которые уже в сорок кажутся стариками. Зато потом время для них как бы останавливается, застывает, и они уже не меняются: годы на них не сказываются. Кугель принадлежал именно к этой редкой и загадочной человеческой породе. Грязно-седые, нечесанные лохмы свисали на усыпанные перхотью плечи протертого пиджака. На морщинистом лице с крупной оспинкой на правой скуле лукаво ухмылялись шельмоватые, цвета оливкового масла, глаза. Но уже через пару минут никто не обращал внимания ни на залоснившийся воротник и пузырящиеся на коленках штаны, ни на нечищенные туфли и пару дней небритую щетину. Обаяние его было несомненным, и клиент расплывался в ответной улыбке.

Сколько ему было тогда? Сорок? Пятьдесят? Семьдесят? Поди знай! Нет, меньше. Злая молва твердит, что сейчас ему восемьдесят пять. Значит, тогда было где-то около шестидесяти. Но сам Кугель дает клятву адвоката, что ему только восемьдесят.

Маоз пришел к Кугелю. Тот уже через полминуты понял, в чем дело.

— Это не мое амплуа, молодой человек. Вы хотите, чтобы геморрой вам лечил зубной врач? Лучше не стоит...

— Но ведь речь идет о продаже земли...

Кугель прищурился и втянул носом воздух. Звук получился влажным.

— Це-це-це! Посмотрите на него! Он мне объясняет, о чем идет речь?

Засунув зубочистку в рот, адвокат безразлично разглядывал нервного посетителя, который буквально кипел от ярости.

— Стыд и позор израильской юриспруденции, — привычно загремел классовым гневом Маоз, — если капиталист Фридман может эксплуатировать рабочий класс как ему вздумается, а...

— Кто, кто, кто? — загадочно блеснули глаза старого пройдохи. — Фридман? Какой Фридман?

— Авраам! — окрысился Маоз.

— Авремелэ? — на губах Кугеля появилась плотоядная ухмылка.

— А кто еще! — гордо повел плечами Маоз.

— Так надо было сразу сказать. Беру!

У Маоза перехватило дыхание: неужели такая удача? Но делать было нечего, и он решил закрепить успех решительным штурмом.

— Как вы понимаете, денег сейчас у нас нет, но если вы выиграете, — пятнадцать процентов с общей суммы...

— Смотрите на этого цуцика⁹! — ухмыльнулся Кугель. — Он мне будет гонорары устанавливать... А эйне балабос¹⁰...

9 Цуцик (идиш) — молокосос.

10 А эйне балабос (идиш) — еще тот хозяин.

Кугель не только взялся за дело, он протаранил все бюрократические препоны. Как он это сделал — не поддается осмыслению. Срок судебного разбирательства был сведен лишь к месяцу.

Во время заседания в суде Маоз чувствовал себя как на сковородке. Во-первых, мало что понимал в юридических терминах, а во-вторых, Кугель и Фридман обменивались сомнительными комплиментами на идиш, в зале ржали, а судья, призывая стороны к порядку, стучала молотком по столу и угрожала вышвырнуть обоих за двери.

Судебным решением Фридман обязывался выплатить уволенным по полной программе. Уж лучше бы он не продавал своего завода...

Когда Маоз пришел расплачиваться (работяги были предупреждены, что пятнадцать процентов из компенсаций каждому из них отойдут Кугелю), его ждал еще один сюрприз.

— Так мне уже заплатили...

— Как? — оторопел Маоз.

— Послушайте, молодой человек, не морочьте мне голову, а то я возьму и с вас деньги тоже. Кто, кто?! Фридман! Авремелэ! Суд в нашу пользу. Хотите к нему присоединиться?

Только через пару лет, когда Маоз узнал Кугеля поближе, тот, заливаясь довольным смехом, рассказал ему, что за всем этим стояло...

Бенци Кугель, Авремелэ Фридман и Ноам Векслер были товарищами еще по бухарестской гимназии, где преподавание велось на иврите. Когда румынская охранка «Сигуранца» посадила Ноама, как коммуниста, девятнадцатилетний Кугель пришел к Фридману, чей отец был банкиром.

— Авремелэ, найди деньги на взятку...

— Откуда я тебе их возьму?

— Они его в живых не оставят...

— Отец все равно не даст...

— Продай свой «Хорх»...

— Еще чего захотел! Мне мой предок машину подарил на день рождения...

Кугель взял дома все, что было. Его собственный полуслепой отец был наборщиком и выхаркивал свои легкие вместе с щабившимся в них типографским свинцом, а мать мыла полы у господ. Но этого плюс гроши, что смогла собрать такая же нищая семья Ноама, ни на какую взятку не хватало. Через день вместе с братом Ноама они договорились встретиться с бывшим приятелем в глухом переулке и отмолили того до беспамьяства. Пару дней они скрывались, но за ними охотилась полиция. Тогда, не желая тоже попадать в тюрьму, оба уехали в Констанцу и там, в порту, нанялись матросами на греческий пароход.

Кугель в конце концов попал в Палестину и поступил на юридический факультет, а брат Ноама уехал в Америку. Он погиб через пять лет при высадке американских войск в Нормандии. А родителей Кугеля, как и семью пропавшего Ноама, выслали в концлагерь в Транснистрии. Там они и умерли от голода и болезней.

С тех пор утекло немало воды, и Маоз послал Кугелю кучу клиентов. Ну и, конечно, самого перспективного из них — Менахема Бускилу. Со всеми своими спекуляциями недвижимостью Бускила был настоящим кладом для адвоката. И все же не только деньги и преданность Кугеля клиенту связывали двух этих шельмецов. Их взаимная и трогательная симпатия вызывала у Маоза нескрываемое чувство ревности. У него ни с кем и никогда таких отношений не было.

Бускила и Кугель обожали друг друга. При всей разнице в характерах и образовании они многим были схожи. Один, ничем не брезгуя, околпачивал как компаньонов, так и государство, а другой драл с клиентов бессовестные гонорары, но к деньгам оба они относились с величайшим презрением и, не заботясь, их тратили. Как и Бускила, Кугель любил шикануть: ужинал он в самых фешенебельных ресторанах и нередко выкладывал за бутылку доброго вина триста-четыреста долларов. Вокруг него всегда вертелась куча прихлебателей, а само его появление мгновенно отзывалось на спинах официантов.

Несмотря на весь свойственный ему цинизм, Кугеля нетрудно было растрогать. Этим бесстыдно пользовались его многочисленные родственники — свой семьи у него никогда не было. Старый пройдоха, конечно, хорошо знал им цену — и всем вместе, и каждому в отдельности. Но ему доставляло мифистофельское наслаждение, демонстрируя, как он видит их насквозь, по-королевски не отказывать в нижайших просьбах.

Ему бы родиться герцогом в средние века. Или дьяволом-искусителем...

Оказавшись вместе, оба щеголяли один перед другим своими байками. Одна из них, кстати, могла сейчас связать в единый треугольник влиятельного министра, ловкого сутягу и мелкого партийного жучка...

Эту историю Маоз не раз слышал от покойного Бускилы. Тот любил рассказывать ее, заставляя слушателей хохотать до упаду от сочных подробностей и свойственного рассказчику особого актерского шарма. Если бы не абсолютно точный психологический расчет старого

плута, она наверняка кончилась бы как для Кугеля, так и для Дорона Розенталя тюрьмой. Суть ее поражала воображение своей наглостью и остроумием...

В насмешку над коллегами Кугель свою контору не только не убирал, но и не проветривал годами. Клиентам приходилось украдкой зажимать носы, что Кугель отлично видел и чем от души наслаждался.

— Менахем, ты не в счет, ты честен, как я! Но ведь все, кто кроме тебя ко мне обращаются, — жулики. Даже если это мои напыщенные проходимцы-коллеги с их рогатыми дипломами, — говорил он Бускиле. — А эти пусть нюхают...

Однажды под вечер в конторе появился необычный клиент. Света Кугель еще не зажег и сидел за заваленным затхлыми и растрепанными папками столом, похожим на выщербленную временем и невзгодами ацтекскую пирамиду. Секретаршу он отпустил домой и кайфовал, вдохнув в себя добрую порцию нюхательного табаку.

У посетителя было лицо отвергнутого судьбой библейского Иова: несчастья его просто доконали.

Когда он назвал свою фамилию, Кугеля буквально подбросило на его хромоногом, не раз чиненном стуле. Еще хорошо, что клиент из-за тяжелых сумерек не мог разглядеть выражения его лица.

— Дочка выходит замуж, и мне стыдно, но я не могу как будущий свекор выложить свою половину цены за ее будущую квартиру, — ныл тот.

Кугель понял, что клиент стыдится своего признания. Ерничая, он подмигнул посетителю:

— Идеалисты всегда ходят с голой жопой...

Правда, он тут же раздвинул ширмочку наглой неприступности и продемонстрировал теплоту и доверительность своего характера.

Но клиент отпрянул, и он поспешно замахал руками.

— Чтоб я, Мендель Кугель, не пришел на помощь внуку одного из Отцов Нации! Ведь его именем называют улицы и школы?

Кугель по-настоящему расчувствовался.

— Оставить семье в наследство старую одноэтажную развалюху? И еще в такой дыре? Он ведь когда-то сам вкалывал там на стройке, а?! Це-це-це, вы только подумайте...

Клиент сокрушенно молчал.

Как и всегда, когда он возбуждался, Кугель заговорил на идише.

— Бохер¹¹! Твой дедушка все время повторял: честь дороже капитала! Он случайно не сказал тебе, у какого ювелира ее можно заложить?

11 Бохер (идиш) — парень.

В голосе старого сутяжника звучало сентиментальное умиление.

Ошарашенный наследник, видно, решил, что с него хватит, и встал, чтобы ретироваться. Но Кугель снова удержал его:

— Сынок, моя мама-акушерка принимала роды у твоей бабушки. Неужели ты думаешь, я отпущу тебя ни с чем? Дай-ка подумать...

Он скорбно возвел глаза к небу, демонстрируя, какой несправедливой может быть судьба. И вдруг восторженно хрюкнул от смеха: ему в голову пришла забавная идея.

— Ладно, бохер, скажем, тысяч сто тебе хватит?

Клиент прикусил губу. Может, этот замызганный неряха над ним издевается?

Но на Кугеля снизошло вдохновение:

— Что там сто?! Сто пятьдесят! Минимум! Попросим двести! Все зависит от тебя... Мне из них пятнадцать процентов, и еще малость придется отдать жертве...

Взглянув на несчастную физиономию клиента, он шельмовато ухмыльнулся и пообещал:

— Клянусь тебе честью адвоката: меньше чем за двести тысяч мы твой палаццо не отдадим, пусть нам отрежут яйца! Хочешь гарантию? Вот тебе в задаток мой собственный чек на десять тысяч. Что смотришь?! Возьми и положи завтра же утром на свой счет. Я знаю, что делаю, не сомневайся...

Кугель выписал чек и разгладил его на столе. Вконец растерянный клиент все еще колебался, но потом, решившись, взял.

А Кугель уже набирал номер телефона Бускилы.

— Менахем? У тебя есть подходящий жучок для одного дельца?

Бускила секунду подумал и предложил:

— Возьми Розенталя...

Кугель остался очень доволен собой и настрого предупредил внука Отца Нации:

— Все! Придешь за деньгами через две недели...

Клиент недоверчиво поглядывал на чек в своих руках. Он не то чтобы не верил, все еще сомневался в привалившем ему счастье. Это вообще, наверное, свойство стеснительных и не очень уверенных в себе людей.

Кугель насмешливо посмотрел на него из-под очков и погрозил вслед указательным пальцем:

— Только предупреждаю: если ты согласишься продать меньше чем за двести тысяч, будешь полным шмоком¹²...

12 Шмок (идиш) — ругательное слово.

Он, наверное, ждал, что к нему явится какой-нибудь рыженький пройдоха вус-вус¹³, но в облезлую дверь конторы, морщась от пыли и спертого воздуха, протиснулся молодой френк¹⁴. Красивое и смуглое, но мелкое лицо его оттеняла короткая спортивная стрижка. Впрочем, внешние данные кандидата Кугеля интересовали мало. Бускила есть Бускила. Точка с запятой...

Кугель хитровато прищурился в сторону бускиловского протеза.

— Ну, десять тысяч тебе хватит, шейгец¹⁵. Получишь их совершенно бесплатно!

Потом он уверял, что если человек никогда не видел, как глаза облизываются, значит, у него еще все впереди.

Гадливо приносиваясь к запаху прели и пыли, гость брезгливо осведомился:

— Что делать надо?

— Как что?! — искренне изумился Кугель. — Не грабить же! И не воровать! Мы что, преступники, что ли? Люди честные, порядочные. Каждый день молимся, в Судный день постимся...

Жучок недоверчиво вглядывался в старого плута. Но тот был серьезен, как патриарх в кресле с новорожденным на обряде обрезания. Выдержав полуминутную паузу, он поковырял в носу и продолжил:

— Зайдешь в канцелярию мэра и скажешь его сплетнице-секретарше, что в раздолбанной развалюхе прославленный дед заныкал многомиллионный клад. Внук, мол, об этом ничего не знает... Только вначале возьми с нее клятву, что она никому не откроет тайну...

В глазах быстро соображающего парня появились искорки восторга.

Рассматривая выуженную из ноздри добычу на кончике пальца, Кугель продолжал инструктировать бускиловского протеза:

— И добавь, что кое-кто уже готов отвалить за нее вполне приличную сумму...

Гость испарился так быстро, что Кугель восторженно крикнул. Бускила знал, кого посылать...

А через пару дней домой к внуку прославленного деда припелся старый варшавский маклер Велвл Фромович. Крепенько задолжав кредиторам, он сбежал в Палестину из Польши еще до того, как ее захватил Гитлер!

Прохиндей поставил в угол огромный посох с инкрустированным набалдашником — таким, наверное, совершал по выходе из Египта свои чудеса Моисей — и развел руками:

13 Вус-вус — презрительное прозвище европейского еврея.

14 Френк — презрительная кличка восточного еврея.

15 Шейгец (идиш) — пройдоха.

— Ваш дедушка — великий человек. Уж кто-кто, а Велвл Фромович сделает в память о нем для его внука все самое невозможное. Клянусь Богом! Я слышал, вы хотите продать свою развалюху? Вообще-то это, поверьте мне, дрек мит фефер. Но мне известно, что муниципалитет собирается начать новый архитектурный проект. Вы таки можете в этом случае неплохо заработать. Ну, скажем, тысяч пятьдесят...

Помня наставления ученого мэтра, обретший, наконец, дар слова внук Отца Нации непреклонно покачал головой:

— Двести...

Старый маклер трубно высморкался в допотопный носовой платок.

— Только для вас: семьдесят пять!

Внезапная уступчивость ходатая удесятирила решимость обретшего надежду наследника. Из своего личного опыта Фромович знал: такого рода упрямство отчаяния преодолеть невозможно. Минут через пятнадцать, тяжело поднявшись с кресла, он сделал шаг к углу, где стоял его внушительный посох.

Обреченно махнув рукой в сторону неуступчивого продавца, он тяжело вздохнул.

— Вы — нелегкий клиент, но Фромович таких уважает. Я принесу вам вечером договор на сто пятьдесят от имени мэрии...

На следующее утро возле одноэтажной развалюхи был установлен высокий забор, а за ним заурчали и загрохотали строительные механизмы. По ночам работы тоже велись. Ими руководил близкий родственник мэра.

А через три дня вся эта таинственная активность прервалась так же внезапно, как и началась. И по городу пополз гнусный шлейф самых невероятных слухов. А два амбала-мусорщика, поймав вечером бускиловского протеза, избili его до полусмерти. Но обещанные Кугелем десять тысяч уже не жили в его тайничке.

В ответ на просьбы знакомых и коллег подтвердить, правдива ли вся эта ставшая легендой история, старый пройдоха загадочно ухмылялся и молчал. А мэр, понимая, что ему грозит, если вмешается пресса, срочно взял в банке ссуду и пополнил городскую казну на изъятие из нее сто пятьдесят тысяч долларов. Он был настолько умен, что забыл и о ней, и о Кугеле. И правильно сделал...

— Бенци, — обратился к Кугелю Менахем Бускила, пригласив его в рыбный ресторан в Яффо, — ты не акула, ты — кит!

— Менахем, — стрельнул в него шельмоватым взглядом Кугель, — киты едят мелкоту, а я предпочитаю рыб покрупнее. Таких, как ты, например...

Оба с удовольствием и от души рассмеялись...

На Кугеля Маоз полагался как на самого себя. Вот и сейчас, прежде чем созвать своих ближайших советников, он решил переговорить со стариком. Чтобы не попасться кому-нибудь на глаза, Маоз пригласил адвоката к себе домой.

Кугель у Маоза был впервые и, оглядывая апартаменты, изображал глумливое восхищение: цокал, покачивал головой, распахивал от умиления руки, одобрительно поджимал губы, почесывал висок...

Все здесь было рассчитано на то, чтобы бросаться в глаза и поражать. Высоченный потолок в зале на первом этаже, дорогая, белой кожи, итальянская мебель, старинная печь, облицованная мейсенскими плитками. До Второй мировой войны она украшала дом известного своими пронацистскими взглядами предпринимателя-немца.

— Мне нужен ваш совет, Бенци, — с ноткой торжественности в голосе начал Маоз.

— Как адвоката или гражданина? — с наивным видом спросил Кугель, сверкнув глазами из-под вышедших из моды еще до Первой мировой войны очков.

Маоз изобразил вынужденную улыбку.

— Наверное, вы догадались — как адвоката...

— Так я и думал, — высморкался в огромный, словно половик, платок гость. — Гражданские достоинства сейчас мало кого интересуют. Не та на дворе эпоха.

Вступить с ним в пререкания Маоз не хотел. До прихода других участников назначенного им совещания оставался еще час, и он собирался использовать это время с толком.

— Бенци, меня беспокоит Дорон Розенталь...

— Кто-кто-кто? — изображая легкую глухоту, переспросил Кугель.

— Дорон Розенталь.

Старик хрюкнул:

— Бес создал его не из того ребра, Азриэль. Когда после четырех тузов он хочет показаться честным и достает шестерку, его сразу же ловят и бьют...

Махнув грязно-серыми лохмами, Кугель соорудил смешную гримасу, но лицо Маоза застыло.

— А что случилось?

Рыцарь сутяжничества бросил на Маоза мгновенный, все подмечающий взгляд и лукаво причмокнул:

— Что он еще натворил, этот шмок?

— К нему приходил полицейский следователь. Интересовался всем, что имеет отношение к продаже земель в Ган Эле.

Старый жох достал из кармана серебряную табакерку с нюхательным табаком, вздохнул, втянул щепотку одной ноздрей и обреченно чихнул. Грязно-серые его лохмы слегка колыхнулись. Уж он-то сразу усек, что беспокоит его высокопоставленного клиента.

— Вы хотите сказать, полиция интересуется, кто был инициатором изменения статуса земель в правительстве?

Достоинство это или недостаток, но старый сукин сын сразу улавливал, в чем дело, и, как рентгенолог, разглядывающий утробу пациента, называл вещи своими именами. Принятыми у его коллег кастрированными синонимами и иносказаниями он не пользовался.

— Бенци, — стукнул по подлокотнику массивного кресла Маоз, — моя роль была чистой формальностью. Сказать вам, кто в кабинете министров был заинтересован в этом больше, чем я?

Кугель недоуменно тряс головой: зачем? Его что — пальцем делали?

— Вас подставили, Азриэль...

Маоз невольно поморщился. Он и сам знал это. Кугель почесал затылок. На засаленный воротник посыпалась перхоть. Исподтишка и как бы размышляя, он внимательно посмотрел на импозантного собеседника. Но тот угрюмо молчал.

— Ну, посадить вас даже в худшем случае никто не посадит, но карьеры вашей крышка...

Маоз невольно отпрянул в кресле. Лицо его стало бледным, рот свело в напряженной гримасе.

— В том, что этот сучонок-френк вас продаст, можете не сомневаться, — покачал адвокат указательным пальцем и тут же осекся. — Это же надо было так опростоволоситься.

Чтобы скрыть свою неловкость, Кугель соорудил на лице умильное выражение.

— Только не примите это на свой счет. Вы же понимаете...

В другой раз Маоз разразился бы долгой и гневной филиппикой о расистских взглядах ашкеназийского истеблишмента. Но сейчас ему было не до этого.

— Что вы можете мне предложить?

— Ничего! — широко развел руками Кугель.

Со своими клиентами он был до жестокости откровенен, но никогда никого не предавал. Ему показалось, что массивное кресло, в котором сидел Маоз, вжалось в пол. Наверное, так чувствует себя человек, когда ему сообщают, что жить ему осталось всего несколько часов.

Внезапно лицо Кугеля озарила циничная усмешка.

— Впрочем...

Маоз дернулся. Кресло слегка дрогнуло.

— Впрочем — что?

Кугель сморщился, поглядел на Маоза снизу вверх, словно прикидывая, подойдет ли ему этот костюм, и, хитро прищурившись, спросил:

— Вы спрашиваете меня об этом как адвоката или как гражданина?

— Не морочьте голову, Бенци. Вы — мой адвокат... — нетерпеливо пожегся Маоз.

— Гражданство нынче не в цене, — поковырял в носу Кугель.

— Хватит паясничать! — гаркнул, не на шутку разозлившись, Маоз. Не хватало только, чтобы такая засаленная мошка читала ему мораль.

— Тогда, — хохотнул Кугель, — выход есть. Впрочем, вам, наверное, это уже приходило в голову...

— Опять загадки... — раздраженно бросил Маоз.

— Почему же? — высморкался Кугель. — Объявите этого карманника от политики невинной жертвой ашкеназийской общественности. Дорон Розенталь — израильский капитан Дрейфус! Его, видите ли, обвиняют только потому, что хотят дискредитировать вас, представителя восточного еврейства, перед приближающимися выборами.

Маоз с силой сжал губы. Он и сам об этом втайне подумывал, но решиться на такое, не посоветовавшись? Уж слишком хорошо представлял он себе возможные последствия.

С Кугелем он мог не церемониться.

— Это ударит по мне как бумеранг...

Даже в такой момент он не обошелся без высокопарного слога.

— В каком смысле? — насторожился Кугель. Неужели он что-то не учел?

— Я восстановлю против себя всех выходцев из Европы...

Во взгляде Кугеля засквозила хитрая усмешка. Уж он-то в психологии политической элиты разбирался как в собственных подшивках.

— Вы можете договориться с радикалами. Они всегда готовы обосрать тех, кто ближе к тарелке. Это ведь самый безотказный способ показать, для чего они нужны обществу.

Шельмоватые глаза жреца правосудия улыбались. Маоз слегка разжал кулаки на подлокотниках кресла.

Кугель нахально шмыгнул носом:

— Не будем строить из себя целок, Азриэль! Вы что, не знаете, кто тынул за веревочку этих горлодеров из «Черных пантер»¹⁶? На площадях

¹⁶ «Черные пантеры» — движение протеста выходцев с Востока, обвинявших в 70-е годы политический истеблишмент в скрытой дискриминации.

орали скандалисты и хулиганы, а всю кампанию им продумали и вели наши радикалы. Кстати, все — выходцы из Европы.

— Вы — обскурант, Бенци! — не отказал себе в удовольствии снова встать в позу Маоз.

Вдохнув уже другой ноздрей еще одну щепотку табака и не встречаясь с собеседником взглядом, Кугель снова чихнул:

— Нисколечки! Говно у всех одного цвета и у всех пахнет одинаково: у правых, у левых, у анархистов и педерастов...

— Я не видел еще человека, настолько не смыслящего в вопросах идеологии.

— Ой-ой-ой-ой! — запел Кугель. — О чем вы, Азриэль? Любую идеологию можно выразить одним и те же лозунгом: отдай мне то, что есть у тебя и чего нет у меня! Не отдашь? Башку отвинчу...

Маоз раздраженно махнул рукой: не хватало еще начать ему возражать...

— Назвать вам парочку фамилий, к кому обратиться? — с фальшивой робостью в голосе спросил Кугель. — Ну, скажем, о Давиде Шварце вы что-нибудь слышали?

9

Немую сцену прервал мелодичный звонок. Все трое маозовских соратника явились, как он и просил, к одиннадцати вечера. Номи с ними не было. Маоз решил ее не приглашать.

Краешком глаза он заметил, как при взгляде на Кугеля на лице Марциано затвердели желваки. Но его эмоции Маоза волновали мало.

Откинувшись на спинку кресла, он нетерпеливо постучал пальцами по подлокотникам. В свете свисавшей соборным колоколом люстры его шевелюра отливала платиной. Темные брови над элегантными очками он озабоченно приподнял вверх. Маоз смотрел на гостей решительным взором человека, оторванного от важных дел и знающего себе цену.

Гости расположились в креслах вокруг низкого журнального столика, на котором были расставлены сладости и прохладительные напитки. Ор Лев, Марциано и Афарган — напротив Маоза, а Кугель в своем затрапезном, усыпанном перхотью пиджаке с торчащими в разные стороны грязными лохмами устроился несколько в стороне.

В глазах Марциано отсвечивала сероватая броня презрения.

— Это ваша каталка там, перед домом, господин Кугель? Я о нее чуть не стукнулся...

Старый жох шмыгнул носом.

— Очень жаль, иначе я починил бы фонарь за счет вашей страховки...

— Что же вы ее не меняете? — колко осведомился Марциано. — Денег жалко?

Словно признаваясь в страшном грехе, Кутель тяжело вздохнул:

— Я ведь, знаете, тоже сноб. Только наизнанку! Для меня, например, одно удовольствие думать, что я могу купить целый гараж машин, но не делаю этого, чтобы не расстраивать знакомых.

Всколыхнувшись было присутствующих легкий хохоток тут же замер. Потешаться над Марциано было опасно.

Пройдясь по Кутелю взглядом, каким дворник с метлой награждает валяющийся на земле использованный презерватив, Марциано отпил грейпфрутового сока и уже куда более сухо сказал:

— Завтра полиция объявит о начале следствия против вашего клиента...

Поковыряв в носу, старый стряпчий невинно осведомился:

— Вы о ком? Уж не о Дороне ли Розентале? Вот бедолага! А мы с Его Честью, господином заместителем главы правительства, только-только о нем говорили...

На виске у Марциано дрогнула жилка. Прищурившись, он поджал свои тонкие губы и деловито добавил:

— Под подозрением — земельные операции в Ган Эле. Там, по-моему, именно вы выступали в качестве адвоката? Газеты уже пронюхали...

Кутель комично задумался:

— Дайте-ка припомнить... Пойдите, пойдите: а вам разве не перепал там участок подешевке? Вы ведь его, кажется, пару лет назад выгодно перепродали?

На реакцию Марциано Маоз уже не стал обращать внимания. Только краем глаза заметил, как дурашливо дернулся в своем кресле Ор Лев. У него вдруг сильно сжало грудную клетку: о том, что полиция уже спустила с поводка прессу, он слышал впервые.

Марциано всегда был в курсе всех самых сокровенных секретов в коридорах власти. Именно потому, кстати, Маоз его так высоко и ценил. В созданной им иерархии Марциано был подлинной барракудой средств массовой информации. Недаром его прозвали Фуше — с намеком на коварство и непотопляемость создателя мощнейшей сети шпиков-филеров Франции, служившего королю, республике, а потом империи.

— Я полагаю, даже господин адвокат понял сейчас, насколько все серьезно.

Марциано говорил с подчеркнутой сдержанностью, демонстрируя переполняющее его презрение. На тщательно выбритом лице его не было и тени эмоций, лишь ледяной сарказм.

Во внезапную паузу, кинув на Маоза быстрый взгляд, энергично протиснулся Афарган.

— Ашкеназийское болото зашевелилось: там осознают грозящую им опасность — след идет к Аарону Голану. Это он толкает Тамира, босс! Старый Лис — его серый кардинал...

Кутель осторожно привстал на цыпочки и, изобразив всем своим видом, что ужасно спешит, торопливо засеменил к двери. По дороге он доверительно махал руками: я вам не мешаю, не мешаю, не мешаю!..

10

— Известия действительно настораживающие... — с нажимом произнес Маоз.

Оглядев сидящих, он кивнул в сторону Афаргана.

— Продолжай!

Как экстрасенс, ощущающий тайные биотоки клиента, тот уже знал, в какую сторону собирается повернуть хозяин.

— Им не дает покоя ваша популярность, босс, и они сделают все, чтобы вам нагадить...

Афарган еле заметно улыбнулся: пусть почувствуют, что он всем им ровня. Марциано равнодушно прикрыл глаза, Ор Лев думал о чем-то своем.

— Ну это мы еще посмотрим... — мгновенно среагировал Маоз.

Этот парень шел по следу как породистая гончая. Охотник даже не заметил, как она нашла заячью нору.

— Я говорил с Амосом, помощником Тамира. Они согласны замять дело, если мы снимем свою кандидатуру...

Маоз обвел негодующим взглядом собравшихся: ну?! слышали?

Для Афаргана это был миг торжества. Ему выпала пока еще, может быть, и небольшая, но зато на редкость выигрышная роль. Можно голову дать на отсечение, что на такой риск не пошел бы ни один из этих заносчивых бар. Вот так — самому, никого не известив, отправиться в логово врага?

Все молчали. Ор Лев разглядывал люстру, Марциано щелчком смахнул с рукава модного блейзера непонятно откуда взявшуюся пыль.

В голосе Маоза послышались уничтожающие нотки.

— Вы согласны на их условия, Иекутиэль? А вы, Гидеон?

Афарган даже прищурился от удовольствия.

Маоз слегка нагнулся и подчеркнuto постучал ладонью по стеклу журнального столика. На его лице застыли безбрежный гнев и решимость.

— Нам объявили войну. Необходимо собрать все силы для сокрушающего удара. А для этого надо разработать стратегию и продумать тактику. Нашим ответом будет обдуманное контрнаступление. Робкая ладонь никогда не получит того, чего добьется поднятый кулак...

Довольный своей маленькой, но яркой речью, Маоз обвел соратников мобилизующим взглядом, но те не оценили ее по достоинству. Ор Лев по-прежнему не открывал рта, а Марциано легонько двигал по стеклу журнального столика бокал с соком, в котором плавали шарики льда.

— Удар должен быть внезапным и обескураживающим, чего бы нам это ни стоило!

Афарган произнес это так, словно он был десантником и с криком «Ура!» водружал на бруствер вражеского окопа знамя полка. Все обернулись в его сторону. На бесстрашном лице Марциано чуть дрогнули тонкие губы.

«Они его терпеть не могут, — подумал Маоз. — Он для них — выскочка!»

— Лучше всего валить все на скандал с военными закупками, — победно закончил Афарган, — ведь Тамир возглавлял в свое время генштаб...

Своего помощника Маоз переманил с кафедры криминалистики год назад. Тот возился там с докторатом. Может, поэтому все его озарения были связаны с криминалом.

Маоз исподлобья посмотрел на Марциано. Тот даже перестал двигать бокал по стеклу журнального столика. Слегка поморщившись, Фуше неприязненно пожал плечами. Так он давал понять, насколько шокирован легкомысленностью молодого бульдога.

— Тамир не имеет никакого отношения к закупкам...

Но Афарган и не думал отступать:

— Скажем, что имел. Пусть отмывается. Пока докажет...

— И армию он оставил уже пять лет назад... — Марциано сказал это так, словно швырнул камнем в настырную шавку.

Маоз понимал: Афарган рвется в атаку за него. Иначе ему пришлось бы делать это самому. Устремив внимательный взгляд на лакированный носок своего дорогого итальянского ботинка, Марциано осуждающе кашлянул.

— Переборщить в таком деле — значит самим попасть в ловушку...

Но Афарган не хотел уступать захваченной позиции.

— Тогда — секс!

— Этого еще не хватало, — откликнулся Ор Лев...

Иронизируя, Марциано постучал носком ботинка по полу.

— Хотите предложить более стерильный вариант, Гидеон?

— Если мы прозеваем, они предложат Розенталю стать государственным свидетелем¹⁷, и он всех нас утопит в грязи... — подытожил Афарган.

И в мозгу у Маоза сверкнула догадка, что единственным спасением в этом случае может стать пусть и беспринципное, но скандальное обвинение. Обведя собравшихся посуровевшим взглядом, он жестко усмехнулся.

— Когда попытки реформ бессильны, приходится прибегать к революциям...

Взоры были теперь обращены на него, и это придало ему вдохновения:

— На протяжении целых пятидесяти лет, — наращивал пафос голос Маоза, — восточное еврейство не допускалось на политическую арену. Его игнорировали. Отодвигали на задний план. Из Гулливера делали лилипута. Не давали занять достойное место в первых рядах партийного авангарда. Выталкивали в отдаленные углы, швыряли как подачку пособия по безработице. Отсылали детей в неprestижные школы, тем самым закрывая дорогу в университеты...

— Это игра ва-банк! Можно выиграть, а можно все проиграть. Фифти-фифти... — бросил Фуше.

Но Маоз, даже глядя на Марциано, видел уже не его, а себя самого. Кроме того, стоило напомнить этому чистюле, что и такие, как он, вытирают в уборной задницу.

— Тот, кто боится, — не выигрывает... — Маоз выпрямился в кресле.

В голосе Марциано зазвучала вежливость аристократа, которому пришлось проглотить хамство мужлана:

— Я надеюсь, вы не относитесь к тем лидерам, которым нужны клоны вместо советов...

Маоз с неприязнью вспомнил, что однажды Марциано назвал его «Тарзаном» от политики.

— Дело не в страхе, — вмешался Ор Лев. — Нам скажут: посмотрите, сколько выходцев с Востока в Кнессете и в правительстве...

— Окончательное слово — за мной! — припечатал рукой подлокотник кресла, рявкнул Маоз.

Лицо Марциано окаменело. Постучать бы по нему молотком — стали бы откальваться мелкие острые осколки. Ор Лев не хотел спорить: в конце концов, Маоз — старый политический волк и, может быть, лучше знает, как поступать. Да и потом, лучше быть умным, чем правым...

17 Государственный свидетель — согласно израильскому уголовному праву, если один из обвиняемых на процессе согласен разоблачить завязанного преступника, он освобождается от наказания.

Как и все крайне самолюбивые и легкоранимые люди, Маоз очень чутко относился к тому, как он выглядит в глазах окружающих. Впечатление было такое, что он смотрит не на них, а в зеркало. А зеркало, каким бы глубоким оно ни казалось, на самом деле — всего лишь плоскость.

11

«Черные пантеры»... Это было время его молодости. Самый конец шестидесятых — начало семидесятых. Маозу импонировали эти энергичные и бесцеремонные ребята, которые в грош не ставили власти и устраивали шум на всю страну. Но он, в отличие от них, оказался куда умнее и осторожнее. Свой вызывающий лозунг «Черное — это красиво!», взятый у радикально настроенных негров Америки, они привязали к проблеме малоимущих слоев населения. А это толкало их на дешевые робингудовские номера, когда (зачастую не без согласия владельцев маленьких лавчонок) они «похищали» молоко и хлеб и раздавали в бедных кварталах. Возможно, это и прибавляло им популярности среди подростков и домохозяек, но оставляло на них самих клеймо кастовой неприкасаемости.

Поначалу Маоз мало чем от них отличался. Та же социальная среда, неукротимые амбиции, жажда показать себя и вырваться из заколдованного круга серой и бескрылой жизни. Ведь тратить полтора десятка лет на учебу и самоограничение он тоже не жаждал. Между тем интуиция подсказывала ему, что дальней перспективы «Черные пантеры» не имеют. Некоторых из этих ребят подкупит истеблишмент, а большинство жизнь и бюрократический механизм отбракует и отшвырнут назад в серость и уныние. Так ствол ружья отбрасывает патрон с изъязном. Но даже тех, кого приблизят к себе сильные мира сего, потеряют все в собственной среде. А это уже не что иное, как политическая кастрация.

Маоз понимал: как не столько социальное, сколько кастовое явление, без поддержки широких слоев населения движение «Черных пантер» — бег на месте. А рассчитывать на широкую поддержку они не могли, поскольку цель, которую провозгласили, — защита угнетенных, — касалась при всей своей притягательности только выходцев из мусульманских стран. Кроме того, тех, кто действительно нуждается, гораздо больше заботит хлеб насущный, чем политический бокс. Уподоблять же себя навозу, который потом удобрит почву для кого-то

другого, Маоз не собирался. Но вот воспользоваться для своих личных планов их напором и энергией — почему бы и нет?

Он с самого начала инстинктивно строил свою карьеру как их антипод. Не потому что был трусом, а потому что догадывался, что в политике умом и миром получишь больше, чем войной. Не угрожал конфликтами, а наоборот, призывал к изменениям изнутри. Не отвергал борьбы как таковой, а полагал, что компромисс предпочтительней любого противостояния. Иначе говоря, играл по правилам: шел не против течения, а двигался вместе с ним и в такт ему. Неудивительно, что слегка напуганная скандалами «Черных пантер» ашкеназийская элита не преминула воспользоваться его услугами.

С тех пор прошло тридцать лет и многое изменилось. Появилась новая поросль молодых выходцев с Востока, прошедших университеты и колледжи. Больше того, она слилась и срослась с существующими структурами, и отличить их в ней уже было невозможно. Даже в высокой политике они занимали теперь вполне достойное положение. Конечно, накал в отношениях еще ощущается — слишком уж болезненной была разница в образовательном уровне и готовности к ускоренной интеграции, но тенденция установилась. Просто процесс этот занимает много времени.

Где они сейчас — эти его постаревшие, но так и не ставшие взрослыми сверстники? Обуржуазились? Сидят в тюрьмах? Гибнут от наркотиков? Проклинают жизнь перед накатом старости?

В свое время «Черными пантерами» угрожали. Их пытались задобрить и сажали в кутузки, проклинали и ставили их в пример. Им аплодировали и оправдывались, тем самым их рекламируя. Но Маозу почему-то всегда казалось, что вся эта шумиха кем-то искусственно раздута и умело используется.

Как ему однажды Кугель бросил: эти парни — дрожжи, и ленивому тесту без них не взойти. Он был первым, кто, ерничая и подхихикивая, намекнул, что сами они, без чьей-то помощи, никогда из уличных хулиганов не выросли бы в идеологических бойцов. За ними стоит кто-то, кто в них заинтересован. И кто с их помощью может чего-то добиться.

— Вы имеете в виду скрывшихся за кулисами радикалов — ашкеназийцев!

Но Кугель сверкнул в его сторону быстрым взглядом и, улыбнувшись, не ответил. На настойчивый вопрос Маоза, кто бы это мог быть, Кугель со смешком бросил: спросите Менди Шварца, Азриэль. Может, он вам объяснит...

Но ни искать, ни спрашивать какого-то Менди Шварца Маоз не стал. Сам он без всяких подсказок пришел к выводу, что радикализм — оружие.

Но инстинкт подсказывал, что оружие это может иметь эффект бумеранга. И если воспользоваться им, ты оставишь после этого вокруг себя лишь одну разруху и радиацию. У радикалов, конечно, немалый опыт и вдобавок неистребимая жажда ниспровержения, но они подвергают себя и окружающих уж слишком большому риску.

Маоза назойливо преследовала одна лишь мысль: в его положении, когда на кону политической игры — вся его с таким трудом достигнутая карьера, риск — единственное, что может его спасти. Его конкуренты играют козырями! А он швырнет на стол джокера и спутает им всю их игру. Недаром он пару лет назад так, на всякий случай, выяснил через верных ему людей, кто в ШАБАКе, службе общей безопасности, занимался «Черными пантерами». Оказалось — некий Михаэль Деган — тогда один из начальников отдела. Но больше он о нем ничего не знал...

— Морис, — сказал он Афаргану, — послезавтра я открываю симпозиум на тему «Идеологические аспекты террора в Герцлии». Сделай так, чтобы там был Михаэль Деган. Он — ветеран ШАБАКА. Мне надо с ним встретиться. Только сам он ни о чем не должен догадываться.

В этом отношении Афарган был незаменим. Обычно он не оставлял никаких следов. Интересно, а как у него с отпечатками пальцев? Говорят, бывают редчайшие случаи на свете, когда они отсутствуют. Интересно, а у него они есть или, может, тоже нет?

Уже вскоре Афарган доложил:

— Он там будет. Организаторы извинились перед ним: перегруженная секретарша не послала вовремя приглашения...

Маоз кивнул и выжидающе посмотрел на помощника. Тот снова исчез, а через час вернулся в кабинет Маоза.

— Деган — из Голландии. Старинного сефардского¹⁸ рода. В Израиль приехал служить в армии и остался. Мне сказали, он говорит на восьми языках...

Открыв симпозиум, Маоз остался послушать лекции, чем немало озадачил своих «горилл». Обычно он удалялся сразу же после произнесенного приветствия. Как было договорено с Афарганом, в перерыве он сел за столик с чашкой кофе в руках. А через пару минут появился один из организаторов конференции и представил ему Дегана.

Это был невысокий, одетый с чисто израильской небрежностью поседевший блондин примерно того же возраста, что и Маоз. Но в каждом его жесте и движении, в каждом слове и взгляде невольно

¹⁸ Сефарды — потомки изгнанных из Испании и Португалии в XV веке евреев, часть из которых осела в Европе, а часть двинулась на мусульманский Восток.

сквозил дух дорогой частной школы и мерещилась тень дома, где обед — семейное богослужение, а прислуга вышколена в стиле девятнадцатого века. Правда, в отличие от снобизма на вынос, как у Марциано, у Дегана, наоборот, все загонялось куда-то внутрь, чтобы не бить в глаза собеседнику. Маоз невольно вспомнил не раз слышанные им рассказы о том, что лет двести-триста назад именно сефарды были в Европе еврейской аристократией, а их австрийско-польско-русские соплеменники — забитым быдлом, на которое те смотрели свысока. Как все же переменчива судьба...

Вначале беседа не очень клеилась, и Маоз задавал мало что значащие вопросы. Потом ему пришлось на ум взять быка за рога, и он прямо спросил, знаком ли Деган с неким Михаэлем Шварцем? Деган ответил легкой улыбкой и кивком головы.

Маоз слегка нахмурился.

— А что он из себя представляет?

— Внешне?

В его голосе Маозу послышалась ирония. Но если даже она и промелькнула, ее тут же оттеснила доброжелательность воспитанного человека. Помедлив пару секунд и окинув Маоза неназойливым взглядом своих серо-голубых глаз, он спокойно продолжил:

— Внешне Шварц похож на антисемитскую карикатуру. Но умен. Зол. Провокативен. И уже через пару минут вы о его внешности забываете.

Какого черта он о себе мнит? Надо сбить с него спесь, решил Маоз. Нечего стесняться.

— Я слышал, он был связан с «Черными пантерами»?

Деган чуть откинулся на спинку стула и осторожно отодвинул от себя чашечку с кофе.

— Ну, не он один...

— Разве он не из Германии? — спросил Маоз. — Мне сказали, семья его бежала оттуда в тридцатых годах...

Деган почти не смотрел на Маоза, но тому казалось, что он видит его насквозь.

— Шварц по характеру — задира. Всем нравится, но ни с кем не уживается. Не глуп, но без признаков гениальности. Главное для него — чтобы его слушали. Говорили о нем. Восхищались. Аплодировали.

Маоз ощутил легкий укол досады: уж не на него ли самого намекает этот чистюля?

— Для этого надо было, как он, — в голосе Маоза прозвучал укор, — обливать Израиль и евреев грязью на каждом шагу...

— А чем бы он еще отличался?

— Он что, коммунист? — сморщился Маоз.

Ни один мускул не дрогнул на лице Дегана, как ничто не изменилось и во взгляде. И все же Маоз готов был отдать голову на отсечение, что Деган над ним смеется.

— Идеология мертва уже несколько десятков лет. Да и вообще, Шварц явление не социальное, а психологическое. Знаете, бывает несовместимость по видам крови. А бывает и по характерам.

— Вы считаете, что Шварцы — это своего рода генная мутация преобладавшей нации? — с удовольствием блеснул эрудицией Маоз.

Деган еле заметно улыбнулся:

— Да нет, наднациональная! Ведь это так приятно, когда твое чело облагорожено заботой о ближнем. Шварц, например, еще в Сорбонне — там он в середине шестидесятых годов писал докторат по философии — выдвинул концепцию смены закостеневших элит.

Маоз покачал головой: да, да, да! Он что-то об этом слышал...

— После неудавшейся студенческой революции в Париже в шестьдесят восьмом Шварц вынужден был вернуться в Израиль. Но здесь о нем забыли...

— И что же? — скинул голову Маоз, подталкивая собеседника к более решительному повороту беседы.

— Вместе с другими разочарованными радикалами он стал искать, как бы, по его собственным словам, разворошить политическое болото.

— Вы хотите сказать, тогда они и задумали «Черных пантер»?

— Слишком остро сказано, но... — неслышно хмыкнул Деган.

Маоз встрепенулся от такого неуважения, но Деган продолжал как ни в чем не бывало:

— Это одна из причин, почему те появились на свет...

Требовалось, с одной стороны, немедленно поставить его на место, а с другой, не дай бог не показать, что он, Маоз, задет.

— Ну, это еще ничего не говорит об их оглушительном фиаско...

Деган удивленно вздернул брови:

— К этому мы еще не подошли. Сыграла свою трагическую роль Война Судного дня. Она отодвинула обиды выходцев с Востока на задний план. Три с половиной тысячи убитых, крушение легенды, уход с Синайского полуострова...

Как и всегда в нужную минуту, рядом возник Афарган.

— Ваша Честь, звонили из управления делами премьера. Вы там срочно нужны.

Маоз энергично встал, крепко пожал руку Дегану и легко опустил свою руку ему на плечо.

— Было приятно познакомиться. У вас блестящий психологический дар...

Деган чуть наклонил голову. На Маоза он опять не смотрел...

По дороге домой Маоз обдумывал свой разговор с Деганом. По сути, он хотел только одного: анонимно, без того, чтобы засветиться, выяснить, стоит ли отвлекать внимание от скандала с Ган Элем с помощью криков о дискриминации выходцев с Востока?

Увы, встреча с Деганом ничего ему в этом плане не дала! Наверное, самое поразительное свойство, которое прививает дорогая частная школа, — умение элегантно выскользнуть из любого положения. Уж ее выпускникам искать потом преподавателя хороших манер никакой надобности нет...

12

Что конкуренты взорвут эту вонючую хлопущку в Кнессете, Маоз не сомневался. Но что сделают это так быстро, он все-таки не ожидал...

Если верить предчувствиям, скверным симптомом могло бы послужить чересчур уж горячее рукопожатие, каким, выходя из зала заседаний, удостоил Маоза его смертельный недоброжелатель — губастый Аарон Голан. А чуть позже — запоздалое появление там Герцля Тамира. Махнув Маозу рукой, тот что-то энергично зашептал молодому депутату, бойцовскому петушку, предусмотрительно протасенному через порог большой политики.

Часть депутатов Кнессета собралась в буфете, хотя они хором ругали его за паршивое качество еды и дороговизну, а остальные отсутствовали. Пустующий амфитеатр зала заседаний напоминал стариковскую челясть, из которой на ночь вытащили придающие внешний блеск протезы.

Маоз зашел сюда на четверть часа, чтобы убедиться, что ничто не предвещает бури. Он обменялся рукопожатием со случайно застрявшим на правительственной скамье министром — была его очередь избирать присутствие — и дождался для верности, пока Тамир не вышел из зала.

Парламентский барометр заклинило между затишьем и скукой. Что-то монотонно гундосил в микрофон председательствующий. На одном конце амфитеатра-подковы оживленно беседовала парочка депутатов, на другом — слушал по крохотному транзистору четырехчасовые экономические известия грузный патриарх с бородой Леонардо да Винчи и с черной кипой на голове. Вдалеке друг от друга мирно подремывали еще двое народных избранников.

К трибуне решительно и энергично прошествовал представитель молодого поколения, с которым еще недавно шептался Тамир. Но и тут поначалу ничего экстраординарного не произошло. Из микрофона лились лишь фальшивые слезы межпартийного разочарования.

Ни для кого не было секретом — премьер к прежнему, перегруженному нервными срывами и грызней распорядку дня уже не вернется, а отношения внутри самой коалиции напоминали арену для бушидо¹⁹. Правда, в отличие от телевизионного спектакля, здесь били так, что трещали кости.

Маоз был уверен: покуда следствие ничего существенного не раскопало, никто из конкурентов рисковать и блефовать не станет. Но он просчитался.

Именно в тот момент, когда Маоз уже осторожно протискивался к выходу, молодой оратор швырнул в дремлющий от скуки зал слезоточивую гранату.

— Спрашивается, кто и почему является виновником этого вопиющего скандала? — в голосе восходящей политической звезды звенела прокурорская сталь. — И кто в правительстве пробил под городскую застройку в Ган Эле сельскохозяйственные земли? Следы ведут к вашей партии...

Свой агрессивный басок он подкрепил, показав на окаменевшего Маоза. Произнесенная оратором фамилия заместителя премьера действовала на него самого, как вспрыск горючего на двигатель. Его голос набирал новые обороты.

Маоз стиснул зубы и нажал на кнопку сотового телефона. Где Афарган? Куда он девался, черт его побери?!

Тот ответил только через пять гудков. Тон его был беспечен, как гульканье младенца. Маоз рыкающим шепотом отдал приказание:

— Срочно найди кого-нибудь из наших бездельников в буфете. Здесь уже полощут Розенталя. Мигом...

Молодой депутат на трибуне между тем разошелся вовсю. Казалось, он не в зале заседаний, а в башне идущего в атаку танка.

А в двери, словно привлеченные закулисным звонком статисты, уже протискивались отцы нации. Кое-кто смущенно, но большинство — с явным любопытством во взорах. Вскоре среди них замаячила и фигура Тамира. Его вызвали тоже. Схватка обещала стать бурной, и требовался основной резерв.

Тамир прошел к своему месту на правительственной скамье решительно и быстро. Лицо его, несмотря на накал напряжения в зале, было

¹⁹ Бушидо — стиль японской борьбы.

абсолютно спокойным и сосредоточенным. Нервы у этого человека природа, по-видимому, заказала из высококачественного чугуна.

А на трибуне все еще гремел молодой громовержец Закона и Порядка.

— Вмешательства одной полиции недостаточно. Где юридический советник правительства? Почему молчат Прокуратура и Государственный Контролер?

«Какая ты все-таки беззастенчивая и самоуверенная свинья, Герцль Тамир! — Маоз кипел от негодования. — Именно сегодня тебе надо было устраивать этот скандал? Всего за несколько часов до приема у Якова Давидяна, где соберутся сливки общества и дипломаты, и нам с тобой не разойтись?»

Скорей всего, пытался успокоить самого себя Маоз, дата выбрана не Тамиром, а Старым Лисом с его извращенным румынским чувством юмора...

Жилка на его виске, появляющаяся несмотря на регулярные посещения плавательного бассейна, пульсировала все сильнее. Она отдавала такой тупой болью, что Маоз вытащил из «джеймс бонда» пенталгин и запил его водой. «Тоже пройдет с четверть часа, пока подействует...»

Единственное, что он мог теперь себе позволить, — облокотиться на спинку кресла и прикрыть глаза. Боль вилась спиралью, то усиливаясь, то чуть ослабевая.

Внезапно с мест зазвучали возмущенные выкрики. Это оправдывала свое назначение вызванная Афарганом подмога.

— Решение было принято Правительством национального единства, а в него ваша партия входила так же, как и наша...

Сторонники Тамира пренебрежительно огрызались.

— Демагогия!

— Нечего сваливать вину на других... Оглянитесь на себя...

Вызванные Маозом сторонники, чувствуя свою вину, просто надрылись от усердия:

— Ваше оружие — грязь и клевета! Это неслыханная провокация!

Зал бурлил. Зрители в гостевой ложе привстали с мест.

Операторы возле телекамер напоминали пулеметчиков, ведущих шквальный огонь.

Председательствующий стучал молотком, но на него никто не обращал внимания. Все орали, доводя до истерики себя и других.

Молодой и неопытный боец позволил себе запрещенный выпад и превратил схватку в побоище...

— Розенталя — жулик из вашей шайки!

Запоздавшие депутаты с удивлением разглядывали партийных коллег Маоза, размахивающих руками и что-то кричащих сорванными голосами.

— Дорон — жертва навета и дискриминации!
— Вы вцепились в Розенталя только потому, что он — выходец с Востока!

Болтающая парочка давно уже забыла, о чем до этого разговаривала. Патриарх с черной кипой на голове решительно отбросил в сторону транзистор. А завязтый шутник с левых скамей надрывно кричал в микрофон:

— Тотализатор сюда! Деньгами, которые люди заплатят за этот спектакль, можно будет покрыть весь внешнеторговый долг...

Окончательно охрипший председательствующий пошел на крайние меры. Одного из депутатов он изгнал из зала, другого лишил слова.

Заседание было объявлено закрытым. Зал постепенно успокаивался...

13

Маоз не сомневался, что встретит на приеме у Давидяна добрую половину не только правительства, но и всего Кнессета.

Давидян был финансовым тузом с хорошими связями в Европе и на мусульманском Востоке. В Израиле он проводил не больше пары месяцев в году.

Познакомил Маоза с ним Марциано.

Маоз не любил брать с собой на рауты жену, но сейчас, когда выборы были на носу, требовалось повсеместно демонстрировать нерушимую крепость семейных уз.

Одежду и прически он обычно выбирал для нее в модных журналах сам. Но светский лоск, который так прельщал его самого, в ней отсутствовал.

Вот и сейчас, глядя на нее со стороны, он испытывал смутную досаду, какая обычно исчезала дома, в привычной обстановке. Крупная крашенная дама в модном брючном костюме, она выглядела на общем фоне неуклюже и чуждо, как тряпичный цветок в искусно подобранном букете.

Вилла Давидяна обошла его, по слухам, десять лет назад в восемь миллионов долларов. Сейчас она наверняка стоила все десять или двенадцать. Интересно, сколько у него таких разбросано по всему свету? Окруженная специально привезенными экзотическими деревьями и высвеченная цветными прожекторами, она была воплощением сна замечтавшейся Золушки из супермаркета.

Чета Маозов появилась, когда все уже были в сборе. Навстречу, семья с шутливой торопливостью, спешил хозяин дома. Маленький и все

еще чернявый, несмотря на свои шестьдесят с плюсом, мужчина в блестящем голубом смокинге причитал с лукавой восторженностью:

— Вы посмотрите, посмотрите, кого я вижу! К нам пожаловал сам заместитель главы правительства!

Стоявшие поблизости гости улыбались с той чуть-чуть фамильярной, но фальшивой приветливостью, какая свойственна званым раутам. Надо обладать воистину носорожьей шкурой, чтобы не почувствовать фальшь и ярмарочный наигрыш. Но Маоз знал безотказный в таких случаях рецепт поведения: он тут же изобразил на лице маску царственного величия и снисходительности. Поди знай, в шутку он это или всерьез?

Полуобняв Маоза за плечи, Давидян провел супружескую пару куда-то вглубь дома: куда — знал только он сам. В его густых и загадочных зрачках играли озорные блики, а маленькая рука с крупным и, по-видимому, безумно дорогим перстнем кому-то приветливо махала.

Воркуя со слащавым французским акцентом, Давидян топил Маоза в почестях:

— Дорогой Азриэль! Ваше присутствие в моем доме — главное украшение вечера. Спасибо, что вы нашли время и пришли, несмотря на вашу занятость...

Полжизни Давидян прожил в Париже, и манеры его были подчеркнуты европейскими. Правда, в отличие от других своих иранских соплеменников, он выбрал сферой бизнеса не алмазы или ковры, а нефть и оружие. По слухам, состояние его уже перешагнуло за несколько миллиардов, и не долларов, а фунтов стерлингов...

Интересно, мелькнуло в голове у Маоза, сколько десятков профессиональных телохранителей расположились вокруг виллы и заняли позиции в самых неожиданных местах?

Вместительный зал с открытыми на веранду окнами и дверями был заполнен расфранченной, лениво переговаривающейся публикой. Разбившись на группки, гости обменивались сплетнями и острили. Между ними сновали официанты с подносами. Оркестр играл давно подзабытую, но все еще волнующую своей таинственностью «Лунную сонату» Глена Миллера.

Старый пижон, Давидян умел и любил поражать воображение. Правда, делал он это несколько безвкусно. Внезапно в зале и на веранде погас свет, и в ту же секунду в сгустившейся темноте нервно заплясали почти ощутимые голографические картинки, а в саду крохотными космическими корабликами взмыли вверх светящиеся лепестки фейерверка.

Маоз досадовал, что жена его чувствует себя не в своей тарелке, но ничего не мог поделать. Давидян уже исчез из его поля зрения. Он сновал по орбите гостей, как электрон, и излучал гостеприимство и забот-

ливость добряка-хозяина, готового отдать дорогим друзьям не только свои деньги, но вдобавок и самого себя.

Внезапно Маоз столкнулся лицом к лицу со Старым Лисом. Одетый с подчеркнутой элегантностью знающего себе цену сноба в возрасте, Аарон Голан удивленно воздел кверху брови и распахнул выстиранные временем, но пронзительно умные глаза.

— Азриэль! Нам так и не пришлось встретиться сегодня в Кнессете... Мое вам почтение, дорогая Амалия! Американцы бы сказали, что вы выглядите на миллион долларов...

Как и всегда, он воодушевленно гундосил комплименты. Взгляд его лучился неземной радостью, а крупный выразительный рот слегка шлепал губами.

— Скажите, что там сегодня в зале был за шум? Меня там не было, я узнал от других...

Он задал свой вопрос с оттенком светской небрежности в голосе, и Маоз сглотнул слюну от такой наглости. Ему казалось, что в горле у него застрял ком, и он едва не подавился. Но внешне постарался не подать виду, чего ему стоит сдержанность, и лишь равнодушно пожал плечами.

К ним приближался Марциано, от которого исходил серебристый, костюмно-галстучный нимб.

Кардинал электронной прессы обожал рыбу приглушенность цветов. Даже суперсовременный дизайн элегантных очков не мог скрыть неусыпной бдительности его взгляда.

Старый Лис восторженно закудахтал:

— О-о-о, кого я вижу! Ваш ближайший и бескорыстнейший друг, дражайший Азриэль!

А когда Марциано подошел к ним вплотную, простодушно потер руками:

— Вот уж кто-кто действительно должен все знать. Милейший Иекутиэль, своей осведомленностью вы заставляете краснеть даже ШАБАК...

Старый Лис подпускал шпильки с такой же ловкостью, с какой выбирался из любого капкана.

— О чем это вы, господин Голан?

Марциано невозмутимо процедил Старого Лиса взглядом любопытной барракуды. Нашел, с кем соперничать, злорадно подумал про себя Маоз...

— Как! И вы тоже ничего не ведаете?! Ну, я вас просто не узнаю...

И Старый Лис разразился легким смешком:

— Вы в самом деле не слышали о сегодняшней потасовке в Кнессете?

— Неужели на этот раз обошлось без вас? — в ответ мягко и дробно рассмеялся собственной шутке Марциано.

Маоз люто завидовал им обоим. Ему никогда бы не удалось фальшивить так правдоподобно. Природа жестока и капризна: один рождается скульптором, другой — дровосеком. Справедливости не было и не будет никогда...

Голан шкодливо погрозил Марциано пальцем, но тут же переключил общее внимание на так и не избавившегося от армейской походки Тамира.

— Генерал всегда останется генералом...

Подоспел официант с подносом. Голан взял себе бокал шампанского, Марциано — коктейль, а Маоз обошелся сухим белым вином.

Придержав официанта за локоть, Старый Лис позвал:

— Герцль! Герцль, мы здесь!

Он всегда любил острые ситуации. Тамир резковато развернулся и застыл, как внезапно затормозивший танк. Но вместо залпа на башне замаячил белый флаг.

— Приветствую вас! Мне, как и Азриэлю, вино. Есть тут «Кампари»?

Все это время Амалия стояла рядом, но не произносила ни слова. «Корова!» — подумал Маоз. Он представил себе на ее месте Номи, и ему стало еще противнее.

Шаловливо шлепнув губами, Старый Лис провозгласил тост:

— Я пью за будущего премьера! Кто бы из вас двоих ни был избран, уверен, он пригласит соперника вступить в Правительство национального единства. Мы не можем позволить себе ограничиваться чисто партийными интересами.

Оркестр играл арию из «Севильского цирюльника», и знаменитый тенор из миланской «Ла Скала» забился в просторном зале, как огромная экзотическая птица в тесной клетке. На громогласный «бис» он спел неаполитанскую песню и церемонно раскланялся. «Сколько он получит за этот концерт?» — пронеслось в голове у Маоза. Публика двигалась к искусно декорированным столам.

Внезапно Маоз снова увидел коротышку Давидяна. На этот раз он обнимал за плечи Марциано. Маозу это не понравилось: почему вдруг этот живой банковский сейф льнет к Фуше? И что у него за секреты с удавом от местных средств массовой информации?

Маоз не забывал, что свой разбег по служебной лестнице Марциано начал с того, что возглавил профсоюз журналистов. Закулисные контакты с руководством он вел всегда так ловко, а политикам так угождал, что в конце концов получил свой первый руководящий пост. Удачно подставляя коллег, он с выгодой променял сомнительный нимб борца за права чернорабочих пера на тусклый, вызывающий холодок в спине блеск таблички на двери должностного кабинета.

Старый Лис со своим питомцем в генеральских погонах уже слились с другой группой гостей. Маоз стал пробираться к выходу: гастрономические изыски его не интересовали. Он любил простую и вкусную восточную кухню. Любой парад блюд, подаваемых на тончайшем фарфоре в сопровождении червленых золотом вилок и ножей, он готов был променять на несколько пластмассовых тарелок, на одной из которых еще дымилась и дразнила своими запахами птичьих сердечки и печенки, а на двух других — щедро облитые оливковым маслом хумус, тхина и острые маринованные перцы и огурцы.

Внезапно на него пахнуло дорогим дезодорантом. Повернувшись, он увидел возникшего перед ним Марциано.

— У меня новости...

Маоз кивнул и пропустил Фуше вперед. Когда они приблизились к машине, шофер открыл дверцы, но внутрь успела сесть только Амалия. Чуть приподняв вверх палец, мол, он не уверен, что где-то внутри не припрятан подслушивающий жучок, Фуше придержал за руку Маоза.

— Вам готовы предоставить любые кредиты для предвыборной борьбы...

Раскаленным от досады и раздражения взглядом Маоз уставился в стылый, арктический холод глаз своего соратника. Но шипения почему-то не раздалось...

Марциано дернул губами и сказал, глядя в сторону:

— Во всяком случае, вряд ли стоит принимать решение наскоро...

Кивнув на прощанье, Маоз быстро и решительно сел в машину. Шофер плавно тронул с места. Маоз лишь заметил, что Марциано возвращается назад.

14

Если над Маозом сгустились тучи, он привычно становился в позу восставшего ангела и метал громы и молнии. Его не просто преследуют — на него клеветают, и только потому, что он чужак, «восточный» еврей! Такие обвинения обычно отпугивали подсчитывающих на ходу потери соперников, и они спешно отступали.

Но применить многократно проверенную тактику в качестве лозунга на предстоящих выборах, о которых все только писали и говорили! Его глодали сомнения, ведь он прекрасно понимал, какой риск скрывается за этим шагом. Маоз ставил на кон всю свою карьеру — другого выхода у него не было.

«Должен ли он жертвовать собой во имя мнимой беспристрастности?!» — спрашивал он себя. А, собственно, во имя кого, скажите! Уж не этой ли жадной до власти толпы выскочек и манипуляторов? И все же во что все это может вылиться на самом деле, он не мог себе представить даже в самом страшном сне...

Вначале все шло как по маслу: фамилия Маоза открывала сводки новостей, в комментариях искрил жалобами и упреками сухой порох подозрительности, а сам он, подобно йогу, не чувствующему ни боли, ни страха, шествовал по затлевающей земле босыми ногами, вызывая восхищение затаивших дыхание зрителей.

Марциано посоветовал ему созвать пресс-конференцию. Маоз сказал, что появится там с Номи Шер. Окружающим он объяснил, что на некоторые вопросы журналистов ей куда легче ответить, чем ему. Но сам он считал, что имидж — не цель, а средство. Как аристократический титул, который распахивает двери в закрытый для простых смертных клуб.

По сути, было две причины, почему он двигал ее вперед. Во-первых, Номи с ее внешностью и манерами свидетельствовала о его безукоризненном вкусе. А во-вторых, рядом с ней он ощущал себя более значительным: она подчеркивала его принадлежность к избранному кругу.

Сама того не подозревая, Номи стала для него зеркалом, в котором он видел свое улучшенное отражение. Правда, было в его отношении к ней и нечто такое, что смущало и даже пугало его: уж слишком часто он вспоминал о ней, думал и изобретал разные способы ее увидеть...

Сама мысль о предстоящей пресс-конференции наполняла его тонизирующим зарядом энергии. Он ощущал подъем, своего рода юношеский задор.

Ни Марциано, ни Ор Лев не изъявили особого желания к нему присоединиться. Впрочем, он и не настаивал. Лезть за него в петлю никто из них не собирался, а в декоративном фоне Маоз не нуждался.

Журналисты его уже ждали. Афарган успел раздать им копии поступивших к Маозу из разных концов страны факсов. Во всех них выражались пожелания успеха в его мужественной борьбе против клеветы и подкопов. В заранее спланированном спектакле Розентало была отведена роль живой улики в состряпанном деле. Этакое оклеветанного простака. Случайной жертвы коварного и вопиющего к немедленному разоблачению заговора...

Чтобы подчеркнуть свой демократизм, Маоз заранее распорядился поставить в зале круглый стол. Он рассадил вокруг него журналистов и уселся сам. Рядом оказалась Номи.

Почти всех присутствующих Маоз знал по именам. Дама с густо подведенными глазами и лицом ламы представляла одну из вечерних газет.

Молодой человек с приплюснутыми ушами и коротким ворсом волос — другую. Круглолицый толстяк в свитере был столь же затертой достопримечательностью в Кнессете, как и ковры. Он ошивался на телевидении. А оживленно щебечущая парочка с диктофонами — фрилансеры разных радиостанций, каких развелось как бутиков в торговых рядах.

Маоз презирал этих болтунов и писака, но вместе с тем побаивался их. Они немало насолили ему своими сплетнями и анекдотами. Но он давно убедился: политику без них не обойтись, как клиенту публичного дома без презерватива.

Выступая перед публикой, Маоз обычно продуманно расчленил слова на слоги, тем самым давая понять, что проник в самую суть проблемы. Впечатление он подкреплял выразительностью взгляда, особой значимостью жестов и напевными модуляциями голоса.

Вот и сейчас, после его краткого энергичного вступления, писаки буквально набросились на него, пытаясь запутать или вывести из себя. Еще бы: а вдруг, расвирипев, он сторяча выпалит что-нибудь лишнее?

Бесцеремонную атаку начал молодой человек с коротким ворсом волос и приплюснутыми ушами:

— Почему вы всегда и во всем видите козни европейского истеблишмента по отношению к выходцам с Востока?

Маоз взял правильный тон:

— Я представляю тех, кто поколение за поколением не может вырваться из заколдованного круга нужды. Молчаливое большинство. Тех, кто живет в тесноте и обиде, но тяжким трудом держит государство на своих плечах... — крещендо в его голосе патетически нарастало. — Десятилетиями не могут они добиться достойного цивилизации уровня жизни. Терпят дискриминацию, не удостоиваются пропорционального представительства в органах власти...

Но его тут же взяла в оборот дама с лицом ламы и густо подведенными глазами:

— Вы сравнили Дорона Розенталя с капитаном Дрейфусом, но ведь Дрейфуса обвиняли в шпионаже, а не в спекуляциях землей...

— Не важно, в чем его обвиняли. Важно, какая во всем этом была политическая подоплека...

Маоз удачно отбрил эту пиявку от средств массовой информации.

Довольный собой, он склонился к Номи и шепотом спросил ее, хочет ли она отвечать на остальные вопросы журналистов. Та решительным жестом показала, что делать этого не собирается.

Но ему уже уготовил шило в мягкое место один из фрилансеров.

— Есть ли какие-нибудь доказательства, что за полицейским расследованием стоит Герцль Тамир?

— Молодой человек, — прогремел Маоз, — это вы назвали здесь его имя, не я! Может, вам что-нибудь известно, и вы хотите нам рассказать? Послышался оживленный хохоток присутствующих...

Маоз был в хорошем настроении и, когда они выходили, осторожно прикоснулся к плечу Номи. По ее лицу было видно, что она далеко не в восторге от того, что ей пришлось услышать.

— Я весь в предвкушении, — мурлыкнул он полупшепотом.

На ее насмешливую улыбку он уже не стал обращать внимания. Не игнорируй он ее фокусы, давно бы пришлось с ней расстаться. А она была нужна ему. Ох как нужна!

15

Четверг был особым днем в их отношениях. Его днем. Он приезжал к ней в Гило²⁰ после десяти вечера и оставался до утра.

Если честно, он ждал этой ночи всю неделю. Бывать у нее чаще он не мог: политика и министерские обязанности заполняли допоздна почти все дни недели, а пятницу и субботу он оставлял для семьи.

Как и всегда, он воспользовался взятой напрокат машиной. Не хватало еще, чтобы за его «Вольво» увязались журналисты!

Накануне Афарган заказал ему малолитражку и цветы. Всякий раз он делал это на свое имя и в разных местах.

Розы были роскошны: темно-вишневые, с лиловым оттенком бутоны уже стали распускаться. Страшно было даже дотронуться до них, такой хрупкой беззащитностью от них веяло. Одно лишь прикосновение, и они увянут, поникнув жухлой бумагой лепестков.

Все другие подарки Маоз обычно заранее и тщательно подбирал сам, и делал это всегда с поразительным вкусом. То это были тончайшие лионские духи, то на редкость привлекательные фигурки из цветного муранского стекла, то воздушное дамское белье, которое он покупал в поездках за границу.

Выждав на всякий случай несколько минут и проверив, что никого из прохожих поблизости нет, Маоз быстрыми и решительными шагами двинулся к вилле, которую с помощью Афаргана снял для Номи у уехавшего на четырехлетнюю каденцию дипломата.

В свои пятьдесят шесть он нередко ловил на себе любопытные взгляды женщин и тешил себя надеждой, что их внимание привлекает

20 Гило — самый южный район Иерусалима.

не Маоз-политик и общественный деятель, а Маоз-мужчина. Вальяжный хорошо сохранившийся бонвиван с роскошной седеющей шевелюрой художника шестидесятых и свидетельствующими о мужской силе темными бровями, легко и свободно чувствующий себя в элегантном костюме и галстукe, он словно излучал вечерний неоновый нимб. Правда, он и сам не мог уловить, в чем, но в чем-то он слегка перебарщивал. Было в его облике нечто чересчур театральное.

Удивительно, но даже таких умных женщин, как Номи, он не оставлял равнодушными. Он умел и любил ухаживать, и дамы доверчиво клевали на эту наживку. Наверное, женская тяга к самому процессу ухаживания так велика, что они готовы простить любой наигрыш...

Номи встретила его в дверях. Уже по выражению ее лица он понял, что ничего хорошего его не ждет. Объяснять, почему, ему было не надо. Конечно, ее разогрела эта чертова пресс-конференция. Но не мог же он, в конце концов, не брать ее с собой. Поступи он так, она взбесилась бы, и не зря! Кстати, ей бы не следовало забывать, что она работает на него. Пост заместителя главы правительства занимает он, а не она. Давать советы — одно дело, а вмешиваться и требовать, чтобы он поступил так, как она говорит, совсем другое...

Вдохнув в себя запах цветов, Номи сразу же решительно отправилась за вазой. В ее движениях он уловил скрытую досаду. Если бы она была фрехой, подумал он, все было бы намного проще. Ну устроила бы ему скандал, и что из того?! Он бы наорал на нее как следует в ответ, а потом они помирились бы в постели.

Маоз скривился от неожиданного сюрприза: только этого не хватало! На экране телевизора, точно факел в ночи, пылало лицо Далии Шарвит, огненной амазонки, выступающей от имени интеллектуалов — выходцев с Востока.

Лет пять назад он попытался проехать на этой необузданной кобылке, хотя она его не очень интересовала. Так, чисто мужское самолюбие! Но она восприняла его поползновения с таким испепеляющим отпором, что он даже подумал, уж не лесбиянка ли она? Выяснилось, что она замужем за польским бугасем-пилотом и контролирует каждый его шаг. Как может бывший командир эскадрильи, пересевший за штурвал пассажирского лайнера и не раз в своей жизни без колебаний смотревший в глаза смерти, позволить себе оказаться под каблуком капризной и въедливой бабы, Маоз понять не мог. Это вообще в характере европейцев. Для них женщина — божество. Все кончилось тем, что он, улыбаясь, назвал Далию «вулканической амазонкой» и заверил, что относится к ней по-отечески.

Среди представительниц слабого пола встречаются, хотя, к счастью, и не очень часто, такие легко впадающие в истерику экземпляры.

Неумная страсть бурлит в них до тех пор, пока не вырвется наружу, как лава. Неважно, будет ли это унижение соперницы, всепоглощающий триумф власти или просто скандал. Такой экстаз — своего рода суррогат секса, который у быстро насыщающихся в постели, но темпераментных натур требует экзорсиса, исторжения злого духа. Идеей фикс этой бабенки было любой ценой посрамить, подавить, изничтожить ненавистную ей ашкеназийскую элиту. Интересно, как к этому относится ее муженек? Или ему на все наплевать, лишь бы отстала? И что будет с двумя ее маленькими детьми?

Сейчас эту стерву заносило на экране, чему косвенной причиной был он сам, Маоз: речь шла о Розентале...

Маоз мог поклясться, что самого Дорона Розенталя она не знала и даже ничего о нем не слышала. Но в силу одномерной ее зацикленности любой, даже самый незначительный конфликт, подобно плазме в ядерном реакторе, становился убийственно радиоактивным.

— Разница между страданиями негров в доманделовской Южной Африке и судьбой выходцев из мусульманских стран в Израиле существует только в воображении. С чего бы иначе человеку, родившемуся в Касабланке, менять свою настоящую фамилию на такую польско-немецкую?

Ее энергичная скороговорка буквально рассекала эфир.

Для Маоза тема эта всегда носила рациональный характер. Если его самого не трогали, она просто не существовала. Для нее же, как ему казалось, все высвечивалось своего рода мистикой. Везде и во всем Далия Шарвит обнаруживала следы племенного заговора. Теперь она торопилась, словно кто-то собирался ее прервать и не дать ей договорить то, что давно накипело.

— Налицо духовный нацизм. Тот, что загоняет людей в невидимое гетто. В нем нет пограничных столбов и заборов, но от этого оно не исчезает. Какая разница, что за звезду вам навешивают: желтую или черную?

Но телеведущая — уверенная в себе маленькая круглолицая женщина, — в голосе которой отчетливо слышались саркастические нотки, язвительно ее остановила:

— Я не думаю, доктор Шарвит, что это относится и к вам тоже. Вам все это не помешало достичь того положения, какое вы заняли в обществе...

Огненная амазонка тут же ее прервала:

— Так говорит тот, кто сам на себе никогда ничего подобного не испытывал. Вы представляете людей, против которых я выступаю...

— Наполовину, — невинно улыбнулась интервьюерша. — Только по папе. Кстати, вы уверены, что у проблемы взаимоотношений различных общин в Израиле расистские корни?

По очаровательному южного типа лицу Далии Шарвит молнией проскочила гримаса.

— Никакого сомнения...

Но она не знала, в какую яму ее толкает представительница второй древнейшей профессии, голос которой звучал с особой интимностью:

— Тогда следует неизбежный вывод: генетические исследования, которые показали, что и у ашкеназийцев, и у восточных евреев — одни корни, — липа. Обе ветви еврейского народа относятся к разным расам...

У Маоза возникло двойственное чувство. С одной стороны, эта норовистая кобылка подыгрывала ему, а с другой, в своем чересчур стремительном порыве сбивала с ног тех, кто стоял рядом.

Приготовившая коктейль Номи стояла рядом, прислушиваясь к отголоскам телевизионного скандала.

— Сучка! — тихо выругался Маоз в адрес интервьюерши.

Мало того, что она загнала соперницу в угол, обязательно надо было еще исцарапать ей физиономию и вырвать как можно больше волос? Он готов был биться об заклад, обeim не хватало мужского ремня.

— Вы ведь историк, Далия Шарвит, и докторская ваша посвящена той же теме...

— Это действительно две разные ветви, но только в отношении ментальности...

Она походила на пламенную революционерку, обращающуюся с баррикад к пассивно застывшей толпе. В минуты сильного волнения человек всегда выглядит эффектней, чем обычно.

Телегладиаторша по-прежнему была настроена крайне миролюбиво:

— Ну почему же только в ментальном? Мы и внешне тоже мало похожи друг на друга! Неужели единственное, что нас объединяет, это лишь далекое прошлое и религия?

Стоп! Маоз не сомневался, эту порцию яда она заранее припрятала где-нибудь в лифчике и сейчас исподтишка всыпала в стакан пламенной фанатичке.

Спохватившись, та неловко отступила:

— Все дело в нетерпимости правящих кругов. Нельзя заставлять других думать и чувствовать, как ты. Необходим альтернативный климат. Толерантность, взаимоуважение...

Маоз раздраженно нажал кнопку дистанционного управления, и экран погас.

— Дура! Просто дура! — в голосе его звучала злость.

Опершись на гранит кухонного стола, Номи цедила коктейль через соломинку. В ответ на его ремарку она лишь усмехнулась:

— С твоей подачи, Азриэль...

Маоз поморщился и поиграл пальцами по спинке кресла.

В глазах Номи мелькнули злые огоньки.

— Послушать ее, так тут целый заговор! Запад — агрессор! Его холодному рационализму и отчужденности мешает спонтанная теплота и семейственность Востока. Кстати, знаешь, что кроется за этой красивой концепцией?

Он не ответил, и она продолжала:

— Лень и инертность. Страх не выдержать конкуренции. Только поэтому люди и цепляются за прошлое. Вот скажи, почему во Франции или Канаде никто из твоих подзащитных не жалуется на дискриминацию? И чем объяснить, что среди них так много ученых, артистов и вообще интеллигентов? Не потому ли, что в чужой среде им, как и ашкеназийцам, приходится надеяться только на себя и свое образование?!

Спустить ей такое он просто не мог, это означало бы капитуляцию. И он занял вынужденную оборону:

— Ты ненавидишь Восток...

Голос Номи был сух и корябал слух, как наждак — стекло.

— Нет! Но предпочитаю видеть его как туристка. На твоём Востоке все решает не здравый смысл, а каприз шейха. В семье, отношениях между людьми, в политике. Палка никогда не была признаком силы. Она — проявление слабости.

Он попытался ее умиротворить, нежно прикоснувшись к ее волосам. Ему так не хотелось с ней ссориться.

— Но ведь мы с тобой не на Востоке...

Но Номи не дала ему такой возможности:

— Было время, страна жила другим. Мы побеждали не мощью, а духом... Динамизмом, юношеским бесстрашием... Самая крохотная сверхдержава! Венеция двадцатого века! Куда все это подевалось?

Маоз чувствовал, что у него учащается пульс, ему трудно было себя сдерживать. Если человек находится на той ступени величия, какой достиг он, поучать его, как ребенка, — наглость.

Номи бросила в бокал несколько округлых ледышек. Они зазвенели.

— Сказать тебе, к чему все это приводит? Для чего выкладываться и вкалывать, если можно получить все криком! Разве справедливо, что у тебя есть то, чего нет у меня?

— Ты все утрируешь...

Маоз сухо отстранился и поглядел на Номи своими красивыми обрамленными темными ресницами глазами.

— Ты считаешь, что представляешь кварталы бедноты?

Маоз с достоинством кивнул. Он знал, что это подвох, но ему ничего не оставалось делать.

— Тогда чем ты объяснишь, что таких еврейских кварталов нет в Париже или Монреале? Может, французы больше любят евреев из Северной Африки, чем ашкеназийцы?

Он ощущал опустошение и горечь. Как жестоко и странно подшутила над ним судьба: только в пятьдесят пять, встретившись с Номи, он вдруг трагически осознал, что такое настоящее и всеохватывающее чувство. Но она не обращала внимания на его состояние. Просто они, словно обитатели разных планет, говорили на разных языках и им не дано было понять друг друга.

— Если бы евреи из мусульманских стран не прибыли в Израиль сразу в таком количестве, они бы давно ассимилировались. Никому бы в голову не пришло тогда разглагольствовать о двух культурах и двух народах...

Страдая и замкнувшись в себе, Маоз не слышал ее. Ему было страшно признаться, но он любил ее. По-настоящему. С той приторной горечью безысходности, какую ощущаешь, когда пьешь крепкий арабский кофе с хелем²¹.

16

Утром Маоз появился в министерстве раньше обычного. Наблюдательные девицы из канцелярии уже издали, услышав его подчеркнуто мрачноватые шаги, догадались, что босс не в духе. Под цвет настроению оказался и темно-серый, безрадостный галстук на небесной голубизны рубашке.

Резким движением раскрыв дверь кабинета, Маоз бросил вскочившей ему навстречу секретарше:

— Никого не пускать, ни с кем не связывать...

Достав из ящика письменного стола зеркало, он придирчиво осмотрел свое отражение, причесал еще раз шевелюру. Волосы были такими длинными, что немножко отгибались назад. Затем он привычным движением оросил рот освежающей жидкостью. После этого, устало прикрыв глаза, он погрузился в мрачные воспоминания о потерянном вечере...

Его всегда тянуло к раскованным европейским женщинам. Они брали не горлом и настырностью, а жестковатой уверенностью в себе. Ка-

²¹ Хель — приправа к кофе.

залось бы, их своеволие и сарказм должны отталкивать его. А на самом деле все происходило наоборот.

С Номи он ощущал свою закомплексованность и в то же время за нее отыгрывался. Как она ни своевольничала и ни бузила, она была в его руках, в его мужской власти. Ее неприкрытая насмешка лишь распалаяла его. Ей он мог говорить о том, о чем не посмел бы признаться ни одной живой душе. Об изменах друзей и о страхе перед импотенцией. Об алкоголе власти и возрастной фригидности жены. Он сплетничал с ней о Марциано, посмеивался над Ор Левом. После ночи у нее он выходил выговорившийся и радостный, будто побывал в руках массажиста, снявшего с его тела всю скопившуюся в нем боль.

Она не раз говорила ему с озорной усмешкой:

— Ты — шовинист в штанах. С одной стороны, должен подавлять чью-то волю, а с другой, инстинктивно хочешь, чтобы нечто подобное кто-то сделал с тобой. Родись ты в Европе, ты бы одевал шлюху в черный кожаный костюм и давал ей в руки ремень, чтобы она тебя отхлестала...

Он обижался, но, оставшись наедине с собой, с тревогой вспоминал ее слова: в каждой душе есть свои ночные стороны.

Номи сочетала в себе все, чего ему так не хватало: лоск, неистребимый дух риска и шальной игры. Даже в постели она не соглашалась оставаться пассивной.

— Односторонний секс — для павлинов. У людей это бывает иначе...

В ее словах и усмешке он улавливал скверный намек, но предпочитал делать вид, что не понимает ее. Тяга к ней была сильнее мужского самолюбия.

После так разозлившей Номи ядерной вспышки Далии Шарвит он целый вечер пытался убедить ее в своей правоте. Даже нажимая на педаль жалости:

— Я не только могу, я должен стать премьером! Пришло время, чтобы этот пост занял сефард. Только тогда возвратится утерянное к истеблишменту доверие...

— И необходимо, конечно, чтобы этим сефардом стал именно ты...

Он видел ее в профиль: бронзовый шлем прически, легкую припухлость рта и чуть выступающий книзу нос.

— А знаешь, ни к чему хорошему это не приведет. Страна окажется расколотой. Одни надорвут глотки от восторга, а другие воспримут это как оскорбление своего интеллекта.

Маоз покрылся синевой ярости. Бешеные толчки пульса он ощущал даже где-то в носоглотке.

— Что ты хочешь этим сказать? Может, ты считаешь, что Герцль Тамир подошел бы лучше, чем я?

Но эта женщина, хоть ее и жгло изнутри капризное пламя норова, была сделана из льда.

На секунду ему захотелось ошалело хлопнуть дверью, уйти и больше не возвращаться. С ней он и впрямь чувствовал себя мазохистом! Мучая и терзая его, она доставляла ему вместе с тем какое-то незнакомое и порочное по самой своей сути удовольствие. Именно с ней он познал негу страдания и экстаз самобичевания.

Номи холодно пожала плечами:

— Герцль — не лучший вариант. Но он не делает из политики театр одного актера, и если придет к власти, не станет вести себя как шейх...

Рука Маоза сжала спинку стула с такой силой, что тот с грохотом свалился на пол. Маоз двинулся к двери.

— Ты такая же расистка, как и все они! — с вызовом бросил он, чтобы успокоить самого себя.

— Нет! Хотя бы потому, что уверена: он тоже должен уступить это место...

В ее голосе звучало полное безразличие. Ошарашенный Маоз резко развернулся:

— Это кому же?

От волнения у него сорвался голос.

Ответ, который он услышал, сразил его окончательно:

— Хотя бы Ор Леву...

Сначала он даже подумал, что ослышался.

— Кому-кому?

Она видела, что с ним происходит, но лицо ее оставалось невозмутимым, а в голосе не было и намека на какое-то подобие чувства. Номи предавала его точно так же, как и другие. Где-то внутри его шевельнулась тоскливая пустота. Взяв себя в руки, Маоз огрызнулся:

— Он — импотент!

К этому сморчку он не мог даже ревновать. Удар был неожиданным и чуть не сбил с ног... Чтобы не поднимать на глазах у врага белый флаг капитуляции, он прибег к ложной атаке. Взяв в руки сотовый телефон, он рявкнул:

— Да! Что там случилось?! — а затем, выждав пятнадцать секунд, чертыхнулся: — Хорошо! Я скоро буду...

Но Номи даже не поинтересовалась, кто и зачем ему звонил. Не хватало только, чтобы она еще унизила его, повернувшись к нему спиной в постели...

В двери неслышно возник Афарган, и Маоз нехотя повернулся в его сторону.

— Что там у тебя?

Помощник загадочно улыбался. От этого его лицо стало снизу еще шире, чем обычно.

— С вами хочет встретиться раввин Меир Абарджил, босс...

В другой раз Маоз стукнул бы по столу рукой от нахлынувших на него эмоций. На крайний случай, потер бы руки и улыбнулся. Но сейчас даже этот подваливший ему политический фарт не очень его обрадовал. Наверное, давал о себе знать возраст — проклятие, о котором он предпочитал не думать.

Чаще всего Маоз встречался с Абарджилом в Кнессете, хотя им порой и приходилось сталкиваться нос к носу на обязательных в кругу власть имущих сборищах: от свадеб и обрядов обрезаний до юбилеев и похорон. Благо одних только членов правительства более двух десятков, не считая депутатов Кнессета, акул финансов и бизнеса, генералов, дирижеров от бюрократии и создающих мишурный фон любого светского общества баловней славы.

И хоть издали они чувствовали друг к другу явную симпатию, сблизиться им как-то не пришлось. В слишком уж разных амплуа они выступали на шумной политической толкучке.

Меир Абарджил — высокий грузноватый мужчина с серебрищейся от седины смоляной бородой и умным взглядом живых, полных миссионерского пыла глаз сразу бросался в глаза. Речь его была быстрой и энергичной, походка и жесты тоже театральны, но в ином, чем у Маоза, ключе.

Коллеги из религиозных партий Абарджила не любили. Скорее всего, за недюжинный ум и свойственное ему обаяние. Карьера, которую он сделал, вызывала у многих зависть, какую бесцветные функционеры испытывают к яркому и удачливому чужаку. В молодости Абарджил не отличался благочестием и аскетизмом. В раввинский сан был возведен крепко за тридцать и быстро продвинулся благодаря способностям и умению располагать к себе людей. Без него старый и брюзгливый патриарх, чьей спиной, как щитом, прикрывалась его партия, не делал ни одного шага. Это не способствовало популярности горячо любимого ученика среди многочисленных конкурентов.

Сомнений у Маоза не было: как и всякий опытный иллюзионист, Абарджил припас в рукаве дежурного кролика. Но Маоз был искушенным

зрителем и заранее это ожидал. Если бы необычному гостю удалось подбить его, Маоза, на политический симбиоз, акции партии резко взлетели бы вверх. До сих пор нимубу ревнителя святости Маоз упрямо предпочитал ореол радетеля социальной справедливости.

— Морис, — бросил он помощнику, — свяжись с людьми Абарджила и скажи, что после пяти я — в Кнессете и рад с ним встретиться...

Это его немного отвлекло. Но сколько он ни старался вообще не думать о вчерашнем унижении, у него ничего не получалось. Обида царпала его когтистой кошачьей лапой.

18

В Кнессете Маоза ждали. Едва машина, в которой он ехал, пересекла массивные чугунные ворота, у уже прибывшего Абарджила зазвонил сотовый телефон.

Приветствуемый служителями, Маоз быстро прошел внутрь и спустился в свои парламентские апартаменты. Навстречу из одной из дверей, как и было заранее условлено, вышел раввин Меир Абарджил.

Крупные с лукавым прищуром глаза раввина поблескивали озорными огоньками. Ухоженную, с сильной проседью, бороду украшала ослепительная улыбка. Широко раскрыв у всех на виду объятая, Маоз с подчеркнутой радостью заключил в них Абарджила и дважды его расцеловал. Лица пятерых молодых оруженосцев раввина в глухих черных сюртуках и аспидных шляпах²² с решимостью часовых, застывших за спиной влиятельного авгура, сияли торжеством. Еще бы, знатоки парламентских ритуалов сразу же разнесут по всем коридорам весть о новом политическом альянсе: друзья и враги вынуждены будут брать его в расчет...

Оба растроганных знаменательным событием союзника несколько замешкались у двери маозовского кабинета. Маоз протянул руку, пропуская вперед гостя, но Меир Абарджил все же настоял, чтобы почет пройти первым достался хозяину. Так раввин не только отдавал должное кандидату в премьеры, но и как бы намекал, что инициатива должна исходить от того, кого больше уважают.

Перед встречей Афарган тщательно ознакомился с предполагаемым генеалогическим древом Абарджилов. Это заняло несколько часов кропотливых телефонных поисков, но дало свой ожидаемый результат. Маоз легко и свободно перевел разговор на разветвленное раввинское семей-

²² Аспидная шляпа — головной убор ультрарелигиозных евреев.

ство. Гостю не надо было объяснять, откуда столь неожиданная осведомленность. Тем не менее такой шаг не мог ему не польстить.

Незаметно возникшая в кабинете секретарша принесла два тонюсенких стеклянных стакана крепчайшего чая с мятой и поставила вазочку с сухим печеньем. Лучась теплотой и радушием, собеседники обменялись кивками и улыбками.

Начать все же пришлось Абарджилу. Но на атмосфере это нисколько не сказалось. Слегка откашлявшись, он приступил к рискованной миссии, провал которой, несомненно, осчастливил бы его ближайших друзей и сподвижников.

— Его Святость, да будут долгие лета его благословенны, поздравляет вас с принятым вами мужественным решением баллотироваться на пост главы правительства. Сефардское еврейство, дорогой Азриэль, гордится вашими успехами...

Меир Абарджил не только подчеркнул важность грядущего союза, но и отдал должное духовному лидеру религиозной партии, к которой принадлежал.

Кивнув, Маоз поблагодарил собеседника, но духовного пастыря Абарджила назвал просто «Его Честью», как и принято обращаться к любому обладателю раввинского сана. Это придавало беседе светский оттенок, а кроме того, заранее несколько снижало цены на предстоящем аукционе.

Согласно неписаным правилам игры, теперь следовало смазать черствую горбушку жестокостью маслом лести. Подыскивая нужное слово, Маоз несколько замылся:

— Благочестие вашего... учителя... хорошо известно...

Гость мужественно снес неуклюжий и бестактный комплимент. Он опустил взор и, покачав головой, неназойливо поправил хозяина кабинета.

— Его Святость — образец духовного величия и праведности...

Отпив маленький глоточек из тоненького стакана и стараясь сохранить интимность атмосферы, Абарджил поцокал языком, выразив таким образом свое одобрение — вот каким должен быть чай, который подают в приличном месте. Затем он продолжал:

— Хранитель Истинной Веры, да будут благословенны долгие его лета, просил меня передать вам, что будет молиться за ваши успехи. Наша поддержка вам обеспечена...

Маоз утвердительно покачал головой: он в этом и не сомневался...

Голос гостя звучал плавно и убедительно:

— У нас, в Марокко, вера во Властителя Мира всегда была традицией. К сожалению, здесь, на святой земле, многое неузнаваемо изменилось...

Маоз задумчиво перебирал пальцами подлокотник кресла. Жест, который трудно было расценить однозначно: поди знай, согласен он с этой оценкой или просто не хочет возражать. Чтобы привести собеседника в замешательство, Маоз, улыбнувшись, задал вопрос в лоб:

— Так какую же услугу я мог бы вам оказать?

19

Не было никаких сомнений: визит Абарджила связан со скандалом вокруг Ган Эля. Это ничтожество Розенталь, давно крутился возле аспидных шляп и обдeldывал с ними разные делишки.

— Бог свидетель, мы делаем все, дабы направить заблудших сынов и дочерей нашего народа на путь истинный, дражайший господин премьер.

Раввин Абарджил оговорился как бы по рассеянности, но любой человек со стороны сразу бы понял, что это вовсе не случайная оговорка. Маоз оборвал его предупреждающим жестом указательного пальца:

— Ну-ну, не увлекайтесь, Ваша Честь, и не заставляйте напоминать вам о политической этике!

Уж кому-кому, а ему не надо было объяснять, что подобострастие — родная сестра расчета.

Смущенно опустив умный и проницательный взгляд, раввин Абарджил вначале виновато, а потом с нарастающим оттенком горечи в голосе продолжал:

— Даже в диаспоре евреи чтут святость субботы. А у нас, в своей собственной стране, осквернение святынь — опасная мода...

Маоз недооценил его. Ревнитель святости вел беседу с искусством опытного дипломата. Изображая недоумение, Маоз вопросительно вздернул брови.

— Что именно беспокоит Его Честь в первую очередь?

В глазах Абарджила вспыхнули лукавые огоньки. Маоз полагал, что смутит гостя. Он даже прикрыл от удовольствия веки: рыба клюнула на крючок.

— Богобоязненные евреи давно уже не могут скрыть своего отчаянья: работающие по субботам торговые центры с сотнями магазинов и ресторанов стали рассадником ереси и декаданса. Беспардонно попирается наследие отцов, топчется скромность и целомудрие...

— Я полагаю, не только причины духовного порядка толкают Мудрецов Торы²³ на такой вывод? — на этот раз в голосе Маоза зазвучала откровенная ирония.

Абарджил сокрушенно развел руками, но не поддался на провокацию.

— Мы надеемся с божьей помощью предотвратить дальнейшее падение нравов. Вы только посмотрите, что делается?! Выходцы из России — какие они евреи?! — в открытую торгуют трэфным²⁴. Гомосексуалистам и лесбиянкам уже не надо прятаться по темным углам. Кибуцники и леваки...

Но Маоз не дал ему уклониться от ответа:

— Вас беспокоит святость субботы или убытки, которые терпят ваши прихожане по выходным, когда все магазины и рестораны закрыты, а крупные торговые центры работают?

Вальяжный раввин молчал. Его вид свидетельствовал о неизбывной скорби, которую вызывает в нем бездуховность окружающего мира. Но Маоз знал: список цен на аукционе еще не истощился. У него было время, и он ждал...

Абарджил снова вздохнул и, словно набирая второе дыхание, продолжал:

— Тора — мудрость, соблюдение ее законов — благодеяние. Если переход в иудаизм не будет ограничен строгими ортодоксальными рамками, мы окажемся перед величайшей опасностью — ассимиляцией. Четверть миллиона прибывших сюда за последние годы эмигрантов из СНГ — чистокровные гои, и только дай такую возможность консерваторам и реформистам²⁵ — они сразу же зачислят их в евреи... Не будем забывать: еврейский народ всегда выживал только благодаря благородному сплаву веры и решимости...

Голос Маоза покрылся невидимым морозным инеем. Чтобы поставить собеседника на место, он даже слегка постучал ногой по полу.

— Кнессет на нарушение статуса-кво²⁶ не пойдет. Вы же не хотите поднять очередной скандал?! Он ни вам, ни нам пользы не принесет. Ортодоксов в мире в три раза меньше, чем консерваторов и реформистов...

Маоз даже невольно поморщился: ничего себе начальная цена! Уступок, каких им не удалось добиться за все годы существования государства, они хотят потребовать от него за свою поддержку сейчас?!

23 Тора — пятикнижие Библии, святое писание.

24 Трэфное — еда, приготовленная без соблюдения религиозных правил.

25 Консерваторы и реформисты — последователи более современных течений в иудаизме.

26 Статус-кво — в данном контексте — компромисс, достигнутый между представителями религиозных и нерелигиозных партий вскоре после провозглашения Государства Израиль.

Абарджил пошел на обходной маневр.

— Для реформистских лжераввинов количество куда важнее качества.

Когда внимание Маоза было отвлечено новым маневром, он мимо-летным движением вытащил из рукава припрятанного кролика.

— Возьмите, к примеру, всю эту свистопляску вокруг Дорона Розенталя...

Маоз вздрогнул от неожиданности. Фокус напомнил ему о собственной слабости. Выходит, он недооценил изворотливости этого дипломата от религии. Но наступив на болезную мозоль, Абарджил тут же приложил к ней успокоительный компресс.

— Разве не слепая ненависть к устоям веры двигала кибуцниками и еретиками, когда они спровоцировали кровавый навет против богобоязненного еврея Дорона Розенталя? Клевета и наговор! Стыд и позор! Нож в спину всему восточному еврейству...

Он декламировал не хуже самого Маоза:

— Гонители Веры... Осквернители завета... Мы загнаны в гетто... Подвергаемся нападкам и осмеянию...

Абарджил предлагал не просто сотрудничество — военный союз.

— Ваша Честь даже не подозревает, какую реакцию наших избирателей вызовет известие, что защитник и надежда угнетенных — Азриэль Маоз призывает их встать на защиту оклеветанной жертвы...

Оптимистическое крещендо в тоне Абарджила продолжало нарастать. В горящих огнем жертвенной решимости глазах миссионера засверкали пророческие молнии. Политика — хороший громоотвод: уже через полминуты, успокоившись, гость предложил план совместных действий.

— Лучше всего, если это будет совместный митинг. Для нас трех дней вполне достаточно. Надеюсь, вы успеете за это время собрать своих людей...

Маоз не произнес ни слова, и только прикрывшиеся веки, как ничто другое, свидетельствовали о его подлинных чувствах.

— Текст соглашения между нами, Ваша Честь, мы обсудим позже, когда все успокоится. И тогда же его подпишем...

1

Если бы Герцлю Тамиру пришлось выбирать свой личный девиз, он бы остановился на кратком и выразительном: «Прав всегда, прав во всем!». Ведь он был типичным саброй со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. В него с детства вдалбливали, что самая непростительная вещь на свете — слабость и нытье, а самая незаменимая — коллективизм и целеустремленность. Делали это все: родители, кибуц, армия...

Главное — идти в ногу с другими. Не отставать, но и не очень забежать вперед. Стоять на своем, но не пытаться противопоставить себя большинству. Быть готовым на жертву, но требовать того же от других. Жалобы и слезы, с чем бы ни были они связаны, — отрыжка двухтысячелетней диаспоры. Если хотите, приглашение на экзекуцию. Кстати, по этой же причине евреев всегда и везде били. Готовы терпеть? Пожалуйста!

Скрижали новой идеологии гласили: первым не нападать! Но если нападению подвергнешься ты — за зуб — челюсть, за глаз — оба глаза! По сути, это была та же закомплексованность, только наизнанку: страх перед страхом, стыд перед нерешительностью.

Наверное, поэтому Тамир впервые дал волю слабости, когда уже перешагнул за сорок и вместе с другими членами официальной израильской делегации стоял в своей генеральской форме на стильном освенцимском плацу. Полвека назад отсюда вместе с дымом крематориев прямым и беспересадочным рейсом в рай вознеслись три десятка его дядьев, теток, двоюродных братьев и сестер.

Слезы Герцль Тамир с детских лет считал предательской слабостью. В свое время не позволил себе расслабиться, даже когда хоронил отца. Но там, в Освенциме, они заледенели на его лице, как кровь на теле павшего бойца. Единственное, что он мог бы сказать в свое оправдание, — в замершей на плацу группе израильтян он был не единственным, кто позволил себе нечто подобное...

Почему он пошел в политику? Частично из-за амбиций, конечно. Но не только. В нем вызревала уверенность, что те, кто ею занимается, беспринципные манипуляторы, маклеры и демагоги, для которых десять библейских заповедей слились в одну-единственную: рука руку моет! Того, кто об этом забывал, отбрасывало в сторону. Быстро и без сантиментов.

Так кончил свою карьеру и Давид Альмагор — слабый человек, плеивший страну старомодной честью и незапятнанной репутацией. Это про него давний его соратник и друг Аарон Голан сказал, словно сочинил эпитафию: «Премьер с потугами на порядочность — это нонсенс! Сухопутный осетр, электропровод из чистой резины...»

В глубине души Тамир верил, что такой, как он, сабра и солдат, не замаравший руки коррупцией и не раз встречавшийся один на один со смертью, сумеет совершить резкий и рискованный поворот. Выведет застрявший в песке бюрократии и местничества грузовик власти на широкую асфальтовую дорогу. Однако даже через пять лет после посвящения в орден народных избранников и на третий год обладания министерским портфелем Герцль Тамир ни на йоту не продвинулся в своем благородном начинании. Он был одним из многих, не имел решающего голоса. Стань он во главе правительства, он бы не только проложил курс, но и сам сел бы за руль.

Сразу же после демобилизации его привлек в свою свиту, а потом стал двигать вперед Аарон Голан: старый, прошедший огонь, воду и медные трубы партийный лис. Делал он это, конечно, не из альтруизма: в семьдесят с плюсом ему нужен был рядом кто-то помоложе, чьи бойцовские качества намного свежее и кою можно направлять. Правда, это вовсе не означало, что, спасая свою собственную карьеру, он никогда не подставлял Тамира под кулаки сплывающих при виде жертвы соперников.

И все же именно он преподавал Тамиру ускоренный курс политического ликбеза и своими бесценными советами не раз спасал от уготованного ему суда Линча.

Голан позвонил ему рано утром.

— Герцль, есть о чем поговорить...

— У вас в министерстве?

Старый Лис молчал.

Тамир мгновенно встал в стойку гончей.

— В Кнессете?

— Да, конечно! Впрочем, знаешь, забыл. Мне надо подскочить в Кирьят Гат. Ты бы не мог подъехать туда со мной?

Голан явно юлил. Делать ему в этом унылом и раздраемом межобщинными сварами городке было нечего. Между тем само упоминание о нем намекало, что разговор предстоит серьезный.

У Голана все и всегда надо было читать наоборот. С зеркалом и шифровальным кодом...

Вышло, как и предполагал Тамир. Они проехали километров тридцать, и Голан попросил шофера остановиться. Ему срочно потребовалось подышать свежим воздухом. Сопровождавший его помощник хорошо знал свое дело: шагал вслед за боссом на почтительном, чтобы не было слышно, расстоянии.

— Я вчера был в больнице у Альмагора. Старик плох, и в том, что он не вернется, нет сомнения. С таким заместителем, как Азриэль Маоз, и с коалиционной сворой вокруг — не удивительно.

Голан чуть замедлил шаг и поднял вверх указательный палец.

— Он прав, ты должен действовать активнее! Иначе банк сорвет Маоз, а его партия во главе коалиции — это диктатура и национальная катастрофа.

Голан всегда называл премьера стариком, хотя тот был на два года моложе его. Так он якобы подчеркивал свое к нему уважение. На самом деле унижал его своей снисходительностью.

Тамир бросил на него быстрый взгляд.

— Что вы предлагаете?

Голан в свою очередь ответил вопросом, но задал его таким тоном, словно от скуки вот-вот готов был зевнуть.

— Ты что-нибудь слышал о Розентале?

Голос у него был густым, обволакивающим, с легким идишским акцентом.

— Нет, а что? — насторожился Тамир.

Крупная, с залысынами, породистая голова Голана придвинулась к уху Тамира:

— Это председатель местного муниципалитета в Ган Эле. Ты же знаешь этот поселок вилл неподалеку от Хайфы...

На Тамира дохнуло неприятным горчичным запахом, хотя он точно знал, что Голан пользуется освежителем для рта. Но Тамир не отодвинулся, а только нетерпеливо бросил:

— Ну...

Старый Лис, вздернув брови, подбодрил его мудрым возгласом духовного отца и снова поднял палец:

— О! В этом все дело. Наш ревизор обнаружил там полный беспредел...

Тамир не спускал с него пронизывающего взора.

— Вы хотите связать это с выборами?

— Не стоит торопиться, сын мой! — в голосе Голана, как и всегда, звучал легкий оттенок снисходительности.

Тамир едва сдержался, чтобы не хмыкнуть: сын! Но Старый Лис подбрасывал ему мяч. Отказываться от него, не постаравшись забить в ворота противника, было бы больше чем глупостью — ошибкой. Так, кажется, любил говаривать светлейший князь Талейран?

— Это — бускиловский холуй. Такой же, кстати, Розенталь, как я — Марсель Пруст. В свое время некоторые выходцы с Востока брали ашкеназийские фамилии. Им казалось, так будет легче вписаться в окружение...

Своими литературными ассоциациями Голан любил подчеркивать недожинный интеллект.

Тамир энергично подковыривал ногой сучок на старом и высохшем пне.

— Окей, а кто это — Бускила?

Голан бросил на него недоумевающий взгляд слегка выгоревших, но умных голубых глаз. Может ли быть, чтобы он не знал, кто такой Бускила?

Немного помолчав, он продолжил:

— Сукин сын и хапуга! Но у него десятилетиями были какие-то темные связи с политиками...

— Как я понимаю, с Маозом?

Тамир так раскачал туфлем сучок, что тот отлетел на полметра.

Голан прикрыл глаза. Крупный рот его довольно и насмешливо улыбался. Ситуация пришлась ему по вкусу. Он любил риск, связанный с захватывающей остротой многоходовых шахматных комбинаций. Внезапный приток адреналина в кровь, схватку силы и интеллекта, рукопашную выдержки и страстей, жертвы, падающие не от ран, а от потери престижа и постов.

Мораль — это женщина, острил он в узком кругу, она все прощает тебе, если ты силен, и изводит и унижает, если ты слаб.

«Старый Лис почувствовал запах курятины», — усмехнулся про себя Тамир. Впрочем, если он устроит легкую панику, это в его, Тамира, интересах.

Голан похлопал его по плечу:

— Под подозрением все земельные операции в Ган Эле.

Тамир оперся спиной о дерево и не мигая уставился на Голана. Он знал силу своего взгляда. Так приготовившийся к контратаке командир смотрит на приближающегося противника: «Рота, огонь!»

— Хотите с его помощью свалить Маоза?

Но противник, отстреливаясь, прилег в окопе.

— Я ничего не хочу, Герцль. Хочешь ты. Если ты действительно собираешься стать премьером, учти: самое мощное препятствие на твоём пути — Маоз...

3

Говорят, борцы-профессионалы перед тем как выйти на ринг, смазывают кожу маслом, чтобы руки соперника скользили по ней. Схватить Голана было невозможно: он выскальзывал из любого положения.

Тамир молчал. Если Голан — лис, то он, Тамир, — гончая.

Однако он переоценил свои возможности. Старый Лис способен был перехитрить целую свору гончих. Его крупный и выразительный рот слегка улыбался, а в еще сохранивших голубизну глазах искрились насмешливые блики. Оставалось либо прервать разговор, либо выждать.

Тамир проявил осторожность.

— Что вы имеете в виду?

Голан продолжал улыбаться. Он, наверное, полагал, что это выходит у него обворожительно.

— Только твои интересы. Сейчас, накануне выборов, вы с Маозом — единственные быки с яйцами, остальные — болтливые импотенты.

Голан никогда не употреблял грубых слов, и эта хорошо продуманная оговорка подчеркивала его решимость стоять насмерть на стороне молодого друга и ученика.

— Вы считаете, его можно прижучить?

Тамир как бы соглашался с выводом Старого Лиса и готов был к планированию самой операции.

— Герцль, надо быть крайне осторожным. Одно неточное движение, не так сказанное слово, и тебя угробят. Уж это Маоз и его опричнички делать умеют...

Тамира не надо было в этом убеждать. Если в начале его молниеносной послеармейской карьеры политика представлялась ему полем боя,

то теперь он бы сравнил ее с темной и полной змеей пещерой, где приходится двигаться без фонаря.

Голос Голана вибрировал на тихой, интимной ноте:

— У них племенная спайка, Маоз — шейх! По его сигналу все племя мгновенно вскинет дробочки. Это — Восток, Герцль! Не забывай об этом. Почти тысячелетие наши предки жили в разных измерениях. Немало народов за это время исчезло и немало появилось...

Тамир кивнул в сторону помощника Голана, терпеливо очищающего ветку от коры ножичком: не опасно? Он может кое-что услышать?

Голан снисходительно усмехнулся.

— Осторожность, конечно, не мешает, но Ронен — сын моей двоюродной сестры. Надо было пристроить его...

Возникло неловкое молчание. Тамир пожал плечами:

— Маоз всегда бьет в одно место: его преследуют только потому, что он из Марокко! Как ему это только не осточертело? Надо быть слепым, чтобы не видеть, сколько выходцев с Востока сидит на тепленьких местечках.

— Ничто так не подстегивает, как ревность. Вернее, зависть! — возразил Голан, многозначительно растягивая слова. Крупные черты его лица собрались в маску мистического прозрения. — Сама мысль, что кто-то прибрал к рукам то, что мог бы получить ты. В индивидуальном плане это — основной мотив преступлений. В массовом — горючее для революций и ниспровержений.

Но Тамир и не думал соглашаться:

— Все это должно было сгладиться. Второе и третье поколение их проходят уже через университеты. Другая атмосфера вокруг, есть уже общая культура...

Спектакль продолжался. Старый Лис, демонстрируя кротость голубя и мудрость змея, снова вздернул свои седые и клочковатые брови.

— Дорогой Герцль, процесс прошел поверху. В сознании. А в подсознании, в инстинктах ничего не изменилось. В кризисные времена импульс вражды оживает, как вирус в благоприятной среде.

Голан вздохнул. Родители его собственного зятя тоже были родом из Северной Африки.

— По сути, и мы, и они — обломки мировых крушений. Слишком долго наши предки жили в разных мирах и, сами того не подозревая, впитывали ментальность окружающей среды. Кроме общей религии и истории нужно еще что-то...

Тамир и сам не раз задавался вопросом: чем действительно объясняется такая несовместимость, неспособность ужиться друг с другом? Казалось, тайно срабатывает какой-то чужеродный фермент, ядовитый настой многовековой давности.

Облокотившись о дерево и не замечая кислого выражения на физиономии своего гуру, Тамир прервал его:

— Наши с вами прадеды где-нибудь в вонючем восточноевропейском местечке, молясь, били головами о стенку, в то время как их многотрудные и многотерпеливые жены пахали за троих, вкалывали в убогих шинках, торговали ржавой селедкой, готовили скудные обеды, общотпывали копошащихся рядом детей...

Голан досадливо прикрыл глаза. Улыбнувшись, Тамир спокойно продолжал:

— И нате вам: два поколения, и внуки нищих портных и сапожников стали нобелевскими лауреатами. А правнуки торговцев воздухом — властителями дум, кумирами толпы.

Старый Лис поморщился. Его шокировала армейская дубоватость Тамира. Но это длилось недолго, покровительственно улыбнувшись, он снова поднял палец.

— Ты забываешь о мотивации. В свое время Восток был авангардом цивилизации, а Запад — задворками суеверий и дикости... Рамбам²⁷, Иегуда Галеви, Ибн Гвироль²⁸ жили в Испании... Ты мог бы противопоставить им кого-то из сынов Ашкеназа?

Он настолько увлекся, что не обращал внимания на собеседника.

— Даже позже, возьми того же Спинозу... А потом пути разошлись. В своем рискованном поиске неизведанного Запад рванулся вперед, а Восток — Восток остался на месте. Так была утеряна мотивация. Вот тебе и корень всех комплексов...

— У меня их нет, — пожал плечами Тамир. — Достоин? Ты со мной! Нет? Отойди в сторону!

В глазах Голана колебались льдинки разочарования. Многолетняя служба в армии притупляет воображение. А может, это влияние кибуцного детства и юности с их уравниловкой и тягой к упрощению? Ведь там все сводилось к лозунгам и формулам. Делать надо было все, как велят скрижали идеологии.

— У тебя-то, может, их и нет, зато у них есть, и мы не можем с этим не считаться...

Они помолчали. Внезапно Старый Лис вскинул крупную голову, словно его осенила неожиданная и все просветляющая мысль:

27 Рамбам — величайший еврейский религиозный философ раннего средневековья, жил в захваченной арабами Испании.

28 Иегуда Галеви и Ибн Гвироль — известные еврейские средневековые поэты.

— Слушай! А что, если тебе поговорить с кем-то из ближайшего окружения Маоза? Ты как-то рассказывал, что Гидеон Ор Лев служил в батальоне твоего приятеля. Ну этого, Эфраима, что командует сейчас полицией в Хайфе...

Тамир пренебрежительно махнул рукой: столько лет прошло!

На лице Голана промелькнула тень сожаления. О, эта молодость, все ей нипочем! Лихая беззаботность, упрямство и спесивая надежда на свои силы. Смелость, мол, города берет! Знаем мы такое...

Но отступить он и не думал — не та косточка.

— Кстати, тебе известно, чей зять Гидеон Ор Лев? Того самого Бускилы, о котором я тебе говорил.

Тамира передернуло: он не любил сюрпризов в политике.

— Ор Лев — профессор, много лет жил в Америке. Вы полагаете, он тоже запачкан коррупцией?

Голан холодновато пожал плечами.

— Я ничего не полагаю, я даю тебе информацию. Обмозговать ее — твое дело.

Губы Тамира стянуло от раздражения, но он тут же себя пересилил.

— Ты поедешь со мной дальше в Ашкелон?

Тамир отрицательно покачал головой:

— Подкиньте меня до летной базы, я должен кое-кого встретить...

4

С базы ВВС Тамир прилетел в Хайфу на вертолете. Его уже поджидала машина, и он, не теряя времени, направился в штаб-квартиру партии, куда пригласил своего старого армейского друга. Голану об этом тут же доложат, подумал он, но такой финт лишь поднимет его, Тамира, акции в глазах Старого Лиса. Герцлю палец в рот не клади!

В приемной его ждал немолодой генерал полиции, не так давно сменивший погоны летчика на полицейские. Улыбаясь, Тамир заключил его в объятия. Пропустив гостя вперед, он прошел в кабинет. Его проводили удивленные взгляды: как и сирена скорой, полиция у многих вызывает в спине неприятный сквознячок. Лучше бы переоделся, мелькнуло в голове Тамира. Он сделал знак секретарше и плотно закрыл за собой дверь.

На голубой форменной рубашке гостя надменно поблескивали «крылышки» воздушного аса и рябили в глазах «ленточки» — свидетельство о боевых кампаниях, в которых ему довелось участвовать. Крупный лысеющий мужчина с волевым подбородком, он возвышался над Тамиром

на полголовы. И все же, несмотря на свои метр семьдесят и довольно заурядное лицо с тупым широким носом и короткой армейской стрижкой, Тамир выглядел рядом с ним как знающий себе цену и подтянутый босс рядом с краснеющим за свою неуклюжесть подчиненным.

Объединенные общим знаменателем армейского прошлого, они преувеличенно по-братски похлопали друг друга по спинам и уселись в стоявшие рядом кресла.

Тамир не спешил начинать разговор, хотел подготовить почву. Но гость небрежно опередил его и смешал карты.

— Ну, как думаешь, удастся тебе стать во главе правительства?

Проварившись долгие пять лет в одном котле с политиками, Тамир отвык от армейской бесцеремонности и даже опустил от скрытой досады веки. Возможно, поэтому ответ его прозвучал мрачновато.

— Все зависит от обстоятельств, Эфраим...

Гостю не надо было объяснять, что Тамир встретился с ним не ради праздных воспоминаний. Он ободряюще улыбнулся.

— Так что за дело у тебя ко мне? Какие-то неожиданные обстоятельства?

Но жестковатый взгляд старого приятеля по армии был серьезен и не предвещал ничего хорошего. Тамир так и не дал Эфраиму себя перебить. Ответ его был подчеркнута лаконичен и безапелляционен:

— Обстоятельства творим мы сами...

Гость неловко замялся. Высокий лоб его, переходящий в лысину, прорезала четкая вертикальная морщина. Он не прошел той безжалостной школы демагогии и уверток, какая выпадает на долю каждого политика, и потому был застигнут врасплох.

— Может, мы по-прежнему обойдемся без церемоний, Герцль?

Почти сам того не сознавая, Тамир скопировал отработанный жест Старого Лиса: резко взбросил вверх указательный палец.

— Ты прав!

Слегка наморщив брови и словно вспоминая важную деталь, он спросил:

— Ты знаком с Розенталем?

Радужно-зеленая оболочка глаз гостя зажглась лукавыми искорками.

— Ты имеешь в виду этого прохиндея из Ган Эля?

— Его самого!

Эфраим хитровато прищурился и спросил с явной усмешкой:

— Хочешь за него похадатайствовать?

— Как раз наоборот! Выяснить, кто за ним стоит и куда тянется веревочка.

Эфраим слегка заерзал в кресле. На Тамира он смотрел теперь отку-да-то сбоку.

— Давай без дыма, Герцль. Что тебе надо?

Тамир вздернул брови.

— Его связи с политиками...

Полицейский крепко сжал губы. Но Тамира его чувства волновали мало, и он продолжил так же энергично, как и начал:

— Кто и по какой цене скупал земли у арабов? Мухтары каких сел в этом замешаны? Кому и как удалось повернуть это дельце через правительство?

На лице гостя застыла напряженная гримаса. Он довольно долго не отвечал. Наконец, послышался его отчужденный и раздосадованный голос:

— А ты не находишь, что требуешь от меня слишком многого?

Лицо Тамира потемнело, вздрогнули ноздри...

В семьдесят третьем, во время войны Судного дня, он предпринял отчаянную по своей дерзости вылазку, чтобы спасти пилота, сбитого на Голанах сирийцами. Несколько его танков прорвались тогда через укрепленные сирийские позиции и вызволили Эфраима и его штурмана из окружения. На взгляд многих армейских коллег, это было безумием, и пойти на такое мог только Тамир.

Бывает ли в жизни испытание невыносимей? Ты кому-то должен, много лет подспудно об этом помнишь, но не можешь вернуть долг, и вдруг тебе о нем напоминают...

На висках Эфраима явственно обозначились жилки. Тамир повернулся к нему и, глядя на него снизу вверх, четко, с нажимом произнес:

— Если я выиграю, ты получишь в руки всю полицию, а может, и больше... — он откинулся на спинку кресла. Штатский костюм и сейчас, много лет после отставки, сидел на нем тесновато и неуклюже.

— Ты слышал о Менахеме Бускиле?

Эфраим мрачновато кивнул.

— У него полполиции было в кармане...

Гость молчал.

— Розенталь — его детище...

В ответ Эфраим угрюмо хмыкнул:

— Но ведь тебя интересует не он...

Тамир согласно кивнул.

— Не он...

Он чувствовал себя как командир танковой колонны, который вывел ее из болота на твердую почву. Эфраим возвратит ему свой должок, чего бы это ни стоило, сомнений нет. Может, даже с процентами. Но предупредить его об опасностях он, Тамир, просто обязан.

— Ты должен знать, замешаны ли там люди Азриэля Маоза. Схема выглядит так: Бускила — Маоз — Розенталь...

Вертикальная морщина на лысеющем лбу Эфраима скользнула куда-то вниз и мгновенно отлилась в гримасу физической боли. Лицо его снигло. Но отступить было некуда, земля под ногами дымилась.

— Он же завопит, что все это ашкеназийские козни...

Тамир согласно покачал головой.

— А по-твоему, премьер, замешанный в коррупции, лучше? Этого нам не хватало? Стать банановой республикой?

Желваки захлопнулись на скулах Эфраима, как капкан. Десять поколений законопослушных и зациклившихся на пресловутом немецком орднунге магдебургских евреев неслышно кричали у него в крови: гевалт! Спасите!

Тамир задумчиво проводил его взглядом, и когда гость уже был в дверях, бросил вдогонку:

— Иногда риск — единственная возможность выиграть...

5

Тамир знал: сомнения о цене победы приходят потом, когда смолкает шум сражения и еще не собраны с поля боя павшие. Но он понимал, что любая другая альтернатива означала бы ползучую капитуляцию.

Для страны, говорил он себе, это обернулось бы самой скверной перспективой из всех возможных: коррупцией, клановой системой правления, лишь прикрытой гримом демократии и падением в пропасть третьего мира.

Цель, которую он, Тамир, ставил перед собой, была важна для выходцев из мусульманского мира не меньше, чем для европейских евреев. Восток — это прошлое, а прошлое для будущего пагубно, это гниение и упадок. Просроченный и опротестованный временем вексель истории. На Востоке нет коллектива, есть разношерстная и неорганизованная толпа. А направляет ее не идеология, а окаменевший консерватизм...

Все сводится к коллизии: племя и шейх. Тиран-самодур, с одной стороны, и слепая преданность соплеменников — с другой. Индивидуальность стирается, взаимовыручку вытесняет агрессивное иждивенчество...

Тамир не считал, что он изменяет принципам, на которых воспитан. Принципы — живой идеал, а не мертвая догма. Попытка добиться их претворения в жизнь даже окольными путями нисколько их не дискредитирует.

Сегодня история ставит перед не завершившими важную стадию своего развития выходцами с Востока ту же задачу, какая века полтора

назад стояла перед их европейскими собратьями: взломать стены гетто, вырваться из увечащего и усыпляющего мира прошлого.

Проблема в том, что никто не осмеливается об этом заговорить в открытую: тут же заклюют, обвинят в ксенофобии и расизме...

Европейское еврейство, готов был спорить с кем угодно Тамир, стареет, теряет прежние бойцовские качества, обызвествляется, слабеет и увядает. И единственное спасение — скорейший приток новой крови. Именно поэтому евреям Востока с их нерастраченной еще в борьбе за существование энергией предстоит завершить новый и решающий виток национальной истории. Получи сегодня его восточные соотечественники добрую порцию такого адреналина, как мотивация, они стали бы первопроходцами.

Востоку, был уверен Тамир, свойственны сибаритство и агрессивность. Как ни кажутся эти качества несовместимыми, они, по сути, два лика одного явления. В подкорке его, в подсознательной глубине, кроется страх и лень: а вдруг тебя обойдут? А что, если своего придется добиваться на пределе сил, задыхаясь от усталости и отчаянья?

Кто знает, что сыграло во всем этом клубке противоречий основную роль? Более благоприятные на юге географические условия? Традиционный деспотизм и тирания древних империй? Куда более жесткие рамки религии? А может, и она тоже лишь следствие тех льгот и привилегий, какие давала здесь человеку природа?

Цивилизация всегда была мотором, но чтобы завершить каждый ее виток, требовалось и требуется горячее. На Западе им стали греческая демократия, римское право и этические принципы еврейских пророков, основанные на индивидуальном чувстве свободы. Иудаизм не признает ни царей, ни вождей, только пророков и судей, но и они тоже лишь послушный Всевышнему перст. Человек ответственен только перед ним, но в не меньшей степени и перед самим собой и всем человечеством. Именно это и сделало головорезов-варваров рыцарями цивилизации.

Вывавшись из цепей племенного плена, Европа выкарабкалась из зыбучих песков прошлого на асфальтовую автостраду будущего. Очнувшись от летаргии самовластия, провозгласила своим знаменем индивидуализм. Так было покончено со стадностью первобытных режимов, с жестокостью и продажностью вождей, заботящихся лишь о сохранении своей власти. Настала эпоха личной ответственности человека за себя и свою судьбу. Разве это не настоящая революция сознания?

Кибуц, где рос и воспитывался Тамир, оставил в нем свой неизгладимый след.

Решать должен не лидер и его окружение, а помноженная на число участников воля и мозг добровольного объединения — коллектива. Со-

циальные узы должны скреплять не блажь и подачки власть имущих, а Права Человека! Долой милосердие — прихоть тиранов, да здравствует сострадание — инстинкт осознанного долга!

Будущее не за послушной и управляемой толпой, а за осознанным сообществом. Для Тамира альтруизм был не капризом плаксивого святоши, а безжалостным ультиматумом природы. Потому что не стань сильный на защиту слабого на заре истории, он поставил бы под угрозу свое собственное существование. Бросил бы на произвол судьбы детей, женщин и стариков — не было бы продолжения рода. Эволюция наказывает эгоизм смертью, исчезновением.

Тамир знал: война будет жестокой и изнурительной. Мало того, если верить дошедшим до него слухам, главную роль сыграет такое оружие массового поражения, как межобщинная рознь. Но как бы все ни кончилось, капитулировать нельзя: проиграл бы не он, Герцль Тамир, а весь народ. Его отбросило бы на обочину истории...

6

К вечеру Тамир вызвал к себе помощника.

— Позвони в управление кадров ЦАХАЛа²⁹ и от моего имени попроси подготовить все имеющиеся материалы о Гидеоне Ор Лева. В войну Судного дня он был танкистом на сирийском фронте...

Помощник — подполковник, которому Тамир по выходе на пенсию тут же предложил эту должность, суховаато усмехнулся.

— Герцль, звонил Аарон Голан и спрашивал, как ты съездишь в Хайфу.

— Уже донесли! — с хитрецей крикнул Тамир. — Не веди с ним никаких бесед на эту тему — запутаешься. Я уж сам с ним справлюсь.

Помощник пренебрежительно пожал плечами. Как и всякому кадровому офицеру, ему претила изворотливость Старого Лиса.

Тамир махнул рукой:

— Да, чуть не забыл! Свяжись, пожалуйста, с университетом и выясни, должна ли там состояться в ближайшие дни какая-нибудь церемония, куда они могли бы пригласить Ор Лева...

Помощник бесстрастно кивнул. Он был молчалив и исполнительен. Десять лет он провел в качестве военного инструктора в странах Африки и Южной Америки. Обучал там бойцов местных спецподразделений и не единожды при неожиданной смене власти вынужден был не только

29 ЦАХАЛ — армия обороны Израиля.

выбираться из разного рода заварух сам, но и спасать тех, кто был вместе с ним. Тамир верил ему, как себе...

Если бы рядом с ним были выходцы из Марокко такого ранга, как Ор Лев, думал Тамир, все бы выглядело по-другому. Переманив его на свою сторону, он сразу заткнул бы рты горлодерам из окружения Маоза. Как это ему раньше не пришло в голову? Впрочем, кто же мог предвидеть, что Ор Лев согласится поменять Бостон, где он профессорствовал уже много лет, на Иерусалим?

Тамир просительно посмотрел на помощника:

— Амос, с университетом — это очень для нас важно...

Тот снова кивнул: он понял и уже не отступится.

До девяти вечера Тамир сидел в своем министерском кабинете. Принимал многочисленных посетителей, разговаривал по телефону.

Люди — не дураки, едва дата выборов была назначена, как отношение к нему сразу изменилось. Стали проскальзывать новые нотки, словно он уже не кандидат, а почти премьер.

С одной стороны, это льстило, но с другой, настораживало: так, еще не начав главного сражения своей жизни, наживешь уйму врагов.

Закончив последний разговор, Тамир устало положил телефонную трубку.

Вошел помощник.

— Герцль, послезавтра в университете встреча с жертвователями. На церемонии будут люди из Штатов, Канады, Австралии и Южной Африки...

Тамир даже не понял, о чем идет речь.

— Утром мне перешлют по факсу выписки из личного дела Ор Лева...

Кивнув, Тамир умоляюще показал взглядом на телефон:

— Свяжись с моей женой, Амос. У меня просто нет сил ехать сейчас в Тель-Авив...

7

Если Тамир оставался в Иерусалиме, он отправлялся ночевать к теще. В высотном доме в «Кирият Вольфсон», где кроме нее в пятикомнатной «свите» жила еще ее камеристка из Швейцарии, ему даже отвели комнату.

Теща пережила четырех мужей, все они, кстати, были людьми более чем состоятельными. Старая пройдоха, начинавшая свою жизнь на подмостках дешевых нью-йоркских кабаре, она до сих пор, по актерской

привычке, красила в жгуче-красный цвет волосы и носила туфли на высоких каблуках. С назойливыми телефонными просителями, которые пытались разыскать Тамира в ее доме, она справлялась как профессиональная секретарша.

Тамира теща обожала и не раз покрывала его многочисленные любовные интрижки. В них обоим жила авантюрная жилка, но сфера, в которой каждый из них проявлял ее, была разной. У него — война и все, что с ней связано. У нее — секс. Они и откровенничали между собой так, как никто из них и не подумал бы в присутствии посторонних.

Она встретила его в дверях поцелуем и тут же отослала камеристку в ее комнату.

— Герцль, какая радость, сегодня я гадала с Трудой на картах, и вышло, что тебя ждет дальняя и волнующая дорога...

Старая карга подмигнула ему, и он, забыв об усталости, залился хохотком. Ох и давала же она, наверное, жару когда-то своим четырем мужьям и доброй сотне любовников. Достаточно взглянуть на развешанные на стенах старые фотографии и афиши, чтобы понять, кем была хозяйка этой фривольной квартиры. Гитарной конфигурации выпяченная и озорная попка, самые длинные среди других «герлс» ноги. Ну и лошадка...

— Твоя жена пресна, как тесто без дрожжей...

Тамир приложил палец к губам: чш-ш-ш! Старуха хихикнула.

— Как только могла у меня родиться такая дочь?! Надеюсь, внуки пойдут в тебя. Вчера она мне опять выговаривала, что ты меня больше любишь, чем ее...

Тамир с сыновней нежностью погладил старуху по лысеющей ядовито-красной шевелюре, и теща растаяла.

— Хорошо, что она нашла тебя здесь, в Израиле, иначе я жила бы в Манхэттене совсем одна...

Теща была отменной гурманшей и всегда заказывала еду в лучших ресторанах. Это было, кстати, одной из причин, почему он так любил у нее оставаться.

Стол всегда накрывался до хруста накрахмаленной скатертью, а великое многообразие старинных вилок и ножей напоминало музейную витрину. За высокими с треугольными спинками и замысловатыми гербами стульями можно было легко представить себе вымуштрованных лакеев и дворецкого...

Среди этого изысканного, как на классическом натюрморте, великолепия, словно алмазы в королевском венце, посверкивали два хрустальных бокала для шампанского. Теща принимала его каждый вечер в качестве эликсира: в целебных его свойствах ее уверил один из мужей. Он

умер, не оправдав гениальности собственных догадок, но она уже какое десятилетие подряд доказывала своим духом и долголетием правильность пронзительного прозрения.

— У твоей Марши — гены Сола Домшлага, моего второго мужа и ее отца! Он преобразался, только когда переступал порог биржи... — за четверть века в Израиле теща научилась разговаривать на иврите на уровне заморского попугая. Но такая в ней бурлила жажда жизни и радостной непосредственности, что это мало кого смущало. Даже бакалейщики из соседних лавок, глядя на нее, растроганно улыбались...

8

Утром, получив факс из управления кадрами ЦАХАЛа, Тамир довольно потер руками. Рапортница на Ор Лева оказалась как раз такой, какой ему хотелось. Внезапно ему пришла в голову озорная мысль, и он, посмеиваясь, сказал теще:

— Мама, я приглашаю вас завтра на встречу в университете!

Теща была в восторге. Иногда, если ему надо было встречаться со старыми американскими хрычками, он брал ее с собой. Это действовало на них как допинг — немножко двусмысленности, парочка приперченных старых анекдотов, чуть приподнятая в шаловливом движении ножка, и взрывы хохота оглашали застывшую в углах мертвую скуку. Жена в таких случаях присоединяться к ним наотрез отказывалась. Подобные вольности ее шокировали.

Это теща научила Тамира: если старость не ноет и не кричит, а принимает все как есть, с легкой иронией и фривольностью, она способна развеселить и даже растрогать любую аудиторию.

Так получилось и на этот раз...

9

Зал был набит до отказа университетскими профессорами и богатыми пенсионерами из Нового Света и далекой Австралии. Когда на сцене появился Тамир, публика слегка оживилась. Из президиума были хорошо видны застегивающиеся сзади на кнопках синие тряпичные шапочки с белыми буквами «Еврейский университет» и картонными, под углом

в девяносто градусов к ним, козырьками. Пожилой ученый морж бубнил об истраченных средствах и достижениях. Полусонный зал, позевывая, изнывал от скуки.

Когда слово предоставили Тамиру, он вдохнул в себя воздух, обвел победным взглядом потягивающуюся публику и бросил в зал:

— Я имею честь горячо приветствовать вас, дорогие гости, а среди вас — возвратившегося к нам из Бостона героя войны Судного дня — профессора Гидеона Ор Лева...

Высоко подняв руки, Тамир энергично заплодировал, а вместе с ним сначала тихо, а потом все громче и громче — весь зал. Как реагировал сам Ор Лев, Тамир не видел, но ряды жертвователей в дурацких, специально для этой церемонии сшитых шапочках пришли в движение: всем хотелось увидеть, кто он, этот герой, как он выглядит и где сидит.

Тамир поднял руку, успокаивая общее волнение:

— В рутине будней мы часто забываем отдать должное тем, кому стольким обязаны. Но сегодня — ваш день, друзья и соплеменники, и я хочу рассказать вам о том, кого вы чуть не похитили в свои далекие от сионистской мечты края...

По залу легкой и пенистой волной пронеслись редкие смешки. Намек был понят.

— В роковые дни необъявленного, как того требуют традиции и простая порядочность, наступления сирийских войск на Голанах и египетских — в Синае, в войну Судного дня, когда в опасности оказалась судьба всего Еврейского Государства, командир танка Гидеон Ор Лев стоял насмерть на пути лавины вражеских войск...

Тамир знал, что продержаться на вершине долго нельзя — не хватит кислорода, — и, отдав должное пафосу, своевременно спустился вниз. Здесь он вздохнул полной грудью и позволил себе улыбнуться.

— Может быть, геологическая наука вообще и наш университет в частности и выиграли от того, что Гидеон стал ученым, но армия явно потеряла, — закончил он под дружный смех зала.

Тамир переждал, пока установится тишина, и продолжил:

— Я уверен, останься он в рядах ЦАХАЛа, он был бы сегодня, как и я, генералом. А может, и начальником генерального штаба...

Несколько позже, когда жертвователи собрались подзакусить, Тамир прошел в насквозь просвеченный весенним солнцем зал под руку с тещей. Хромающая старуха с выкрашенной в огненно-красный цвет лысоватой головой, одетая в немислимой яркости голубой брючный костюм, одаряла сидящих загадочной улыбкой состарившейся Мэрилин Монро. Казалось, она вот-вот выйдет на небольшую сцену, отшвырнет

палку и, кокетливо сорвав с себя театральный грим старости, вскинет в кафешантанном ритме длинные в черных, до того самого места чулках ноги.

Гости посматривали на пару любопытными взглядами. Внезапно старуха задержалась на мгновение возле одного из уставленных снедью столов. Пристально вглядываясь в ошарашенного таким вниманием грузного одышливого старика с гвоздичкой в петлице, она извлекла из себя невообразимо шаловливый хохоток.

— Эй! Барри Вайс! Ты ли это? Что с тобой стало?!

Апоплексического вида толстячок судорожно вскочил со своего места и, обалдело тараща глаза, двинулся к старухе.

— Перла!

В глазах тамировской тещи танцевали бесенята. Губы толстячка взволнованно двигались, но он не мог произнести ни слова. И вдруг из его горла раздался сиплый крик.

— Перла! Пятьдесят лет назад я был твоим импресарио!

Подняв палку, старуха, подмигнув, погрозила ему:

— Барри Вайс! Ты был не только импресарио, но и большим озорником! Ты здесь без жены, надеюсь, Барри, — под громовой хохот зала осведомилась Перла.

На глазах Барри Вайса заблестели слезы счастья: он снова был молод, полон жизни, снова в центре внимания.

— Может, поговорим?

Старуха потрепала старого дружка по выпирающему животу и тут же отдернула руку.

— Нет-нет, не здесь! Не здесь! И не сейчас!

Бедово обернувшись, она предостерегающе помахала палкой:

— Постесняйся хотя бы моего зятя...

Сам Тамир никогда бы не смог так расположить к себе всю эту публику. Но сейчас он знал: если ему понадобятся когда-нибудь деньги, он их получит сполна и от всей души. Тупой нос его стал еще шире от довольной улыбки, короткий армейский бобриск задорно вздрагивал от мелких смешков.

Это и впрямь была счастливая мысль — взять ее с собой. Он не сомневался: даже такой недюжинный иллюзионист от политики, как Аарон Голан, привлекающий к себе внимание своей подчеркнутой вальяжностью и интеллигентскими штучками-дрючками, никогда не смог бы завоевать эту аудиторию.

Оставив старуху в центре внимания рядом с ее бывшим импресарио, Тамир, овеянный нимбом элегантной и быстрой победы, подошел к столу, за которым сидел Ор Лев. На них смотрели: на Ор Лева с любопыт-

ством, на Тамира с восхищением, с каким зрители провожают удачливого акробата, который взволновал их захватывающим дух сальто.

Положив руку на плечо Ор Лева, он спросил самым приветливым голосом:

— Надеюсь, ваше приземление в Израиле прошло удачно?

Тот вежливо кивнул.

— Мне жаль, что я так недавно узнал о вашем возвращении.

Теперь в голосе Тамира сквозило непритворное сожаление. Кстати, он не лукавил. Свободному владению оружием лжи и притворства, столь необходимому профессиональному политику, он так и не научился.

— Вы не заняты сегодня вечером? Ну, скажем, в половине девятого? Мы могли бы встретиться...

По-видимому, Ор Лев был застигнут врасплох. Тамир продолжал, как ни в чем не бывало:

— Скажем, в «Синематеке», в кафе, вас бы это устроило? В это время там крутят фильмы, и народу будет мало...

Тамир понимал, что поставил перед собой нелегкую задачу, ведь он был главным соперником Маоза. Но, во-первых, он, как и всякий генерал, всегда шел к цели, не думая о потерях. А во-вторых, легкая разведка боем еще никогда и никому не мешала. Амос, его помощник, заранее попросит хозяев кафе, чтобы если даже там и будут люди, близко их к уголовному столику не сажали. А уж «горилл» он возьмет на себя.

10

Кроме них в кафе сидели лишь две молодые пары, да и то через несколько столиков.

Как старый солдат и сабра, Тамир сразу взял быка за рога:

— Вы уже решили свою политическую судьбу, Гидеон?

Хотя Ор Лев не мог не понимать, что Тамиру нужно, от такой быстроты и напора он просто опешил.

Видя, что противник растерялся, Тамир выкатил вперед полевую артиллерию:

— Место в Кнессете вам, я уверен, уже обещали, но это еще далеко не все...

Ор Лев поджал губы. За десятки лет полусонного и размеренного университетского существования, восемь из которых он провел в Бостоне, он отвык от внезапных и рискованных выражений. Кроме того, уж очень он был далек как от гипнотизирующего самолюбования Азриэля Маоза, так и от пресловутой змеиной мудрости Аарона Голана.

Во всем его облике теперь ощущалась какая-то неловкость.

— У меня, поверьте, были другие соображения...

Тамир достал сигару и поджег ее зажигалкой. Пора было вызывать на подмогу резерв главного командования.

— Вам не кажется, что вы будете колоть глаза его почитателям? Своей интеллигентностью, порядочностью, сдержанностью, наконец?

Ор Лев побледнел. В конце концов, есть предел любой бестактности. Но особым тактом Тамир никогда не отличался. Он был в разгаре сражения и ожесточенно бомбардировал цель.

— Поклонники Азриэля, Гидеон, — не ваша стихия!

Не давая Ор Леву отреагировать, он поднял вверх бокал искристого вина:

— Ваше здоровье, Гидеон! Азриэль нуждается в вас, как в университетском дипломе, который он так и не получил. Но решения, уверяю вас, он будет принимать сам, а вас — держать на короткой привязи...

Ор Лев отпил из бокала глоток холодного белого вина. И только потом, слегка успокоившись, колко возразил:

— Вы уверены, что победа и на этот раз будет за вами?

Упрямо раздвинув ноздри тупого широкого носа — в его мимической азбуке Морзе это означало, что он на стреме, — Тамир кашлянул и быстро ответил:

— Я бы не хотел, Гидеон, чтобы мои армейские замашки вас коробили. Я и вправду не очень большой дипломат. Но, на мой взгляд, в этом не только недостаток, но и достоинство. Я вас хотя бы не обману, дружище...

Опустив глаза, Ор Лев машинально двигал по скатерти вилку. Он и не заметил, что вращает ее по маленькой орбите, словно ищет выход на другую траекторию, но так и не находит его. Тамир уловил в этом жесте растерянность и решил, что пришло время идти врукопашную.

— Вы слишком далеко ушли от них, Гидеон. Если быть сентиментальным, как тот космонавт из песни Фредди Меркьюри, который уже никогда не возвратится на Землю...

По лицу Ор Лева промелькнула гримаса досады.

— Это мое прошлое, господин Тамир, моя семья, мои корни, моя история...

Генерал тяжеловато, явно с укором, поерзал на стуле. Пора было нанести удар с неожиданной стороны.

— Если следовать вашей логике, израильская нация еще не сложилась. Выходит, у вас с Маозом куда больше общего только потому, что он родился в Марракеше, в Марокко, а я — в Ришон-Ле-Ционе в Палестине...

— Что же, прикажете выбросить прошлое в мусорную корзину? Традиции, ментальность, образ жизни?.. — тоскливо и не очень уверенно возразил Ор Лев.

Он выговаривал сейчас то, над чем много и упорно думал и от чего немало страдал, понимая, что он не на той стороне баррикад.

Тамир шел ва-банк. В бою иногда так бывает, что помочь могут только личная отвага и безрассудство.

— Что вас с ними связывает, Гидеон? Вам тоже хотелось бы воссоздать здесь, в Израиле, исламский эмират без мусульман?

Ор Лев выглядел так, словно его безжалостно исхлестали. Лицо его пошло пятнами.

— Может, Восток и не идеал, но, уж во всяком случае, и не то чудовище, каким вы его изображаете.

Тамир медленно вдавил остаток сигары в пепельницу. Подбородок его резко выпятился вперед. Тяжело поднявшись, он, казалось, навис над столом, за которым все еще сидел обескураженный зять Менахема Бускилы.

— Вы слишком интеллигентны для затеянной Маозом игры. Как и ваши земляки во Франции или Канаде, которые впитали европейскую культуру. Поймите, нельзя быть немножечко беременной. Хотите встать в ряды люмпенов и остаться интеллектуалом?

Тамир поклонился и решительно направился к двери. Ор Лев продолжал тупо сидеть на месте. У него было такое ощущение, словно он только что побывал в руках палача.

Почему ему всегда приходится выбирать? Какого черта жизнь ставит перед ним всегда такие жестокие, опустошающие дилеммы? Да пошли вы все...

Закусив от досады губу, Ор Лев вышел на улицу.

Как символ неприступности, возвышалась вдали щербатая от времени крепостная стена Старого Города, построенная еще турецким султаном Сулейманом Великолепным...

11

По теории Старого Лиса откровенность подобна стриптизу. Разумный, уравновешенный человек не должен себе его позволять.

Но Тамир в глубине души надеялся, что именно с ее помощью посеял семена сомнений в душе этого славного и простосердечного интеллигента, который и представить себе не мог, в какой водоворот его затянуло. Ничего, ледяной душ иногда полезен, хотя бы для закалки нервов...

Но в стратегическом расчете Маоза оставался еще один потайной ход, и не воспользоваться им, чтобы внезапно настичь противника неподготовленным, было бы непростительной глупостью. Вот уже

несколько месяцев возле этого павлина на непонятных ролях крутилась Номи Шер, любовница и почти жена Джерри Вебера. А Вебер был его, Тамира, близким и надежным другом.

В Израиле он появился вскоре после хомейнистского переворота в Иране. До этого Джерри был человеком ЦРУ в Тегеране, и за ним яростно охотились все противники шаха вместе взятые. Он сумел ускользнуть от них, хотя все посольство оказалось в плену. Слишком уж много влиятельных иранцев не хотело, чтобы он случайно развязал язык.

Высокий, мускулистый, с властным взором серых пронзительных глаз и задубевшей кожей, Джерри выделялся среди окружающих оттопыренными ушами и не очень традиционными взглядами на жизнь. Главное для человека, насмешливо говорил он знакомым, это полная свобода и бой адреналина в крови. Способ обрести их — вечный риск и стальные нервы. А единственное средство при этом не оскотиниться — жесткий кодекс личной чести. Неважно, соответствует он общепринятым представлениям или нет, самое важное — не сходить с занятых позиций.

О Вебере ходили темные слухи. Вернувшись с кучей наград с Корейской войны, куда почти мальчишкой пошел добровольцем, он сразу угодил в тюрьму. Причина вроде была благородной: Джерри переломал кости молодчику, на которого слово «еврей» действовало как укус скорпиона. Но последствия такого поступка оказались более чем скверными, его впечатляющей биографией заинтересовалась еврейская мафия в Нью-Йорке.

Каким образом сын скромного и благочестивого портного и ветеран Корейской войны, связавшийся с мафией, вдруг всплыл в ЦРУ, покрыто мраком неизвестности. Одни утверждали, что он был туда заслан, другие — что сам предложил свои услуги. Факт остается фактом: в разведку его не только взяли, но и пригнали. И с тех давних пор четыре десятилетия его носило по разным весьям и континентам. Вебера всегда посылали туда, откуда исходил острый и удушливый запах опасности. А он, принимая все как должное, подобно честолюбивому альпинисту оставлял на скале свой скромный персональный автограф.

Впрочем, злые языки утверждали, что не было ни одного сколько-нибудь известного бардака на пространстве от Гонконга до Рио-де-Жанейро, где бы он ни отметился, швыряя деньги и оставляя грустить о себе самых отпетых жриц любви.

Вебер был старше Тамира лет на пятнадцать. Их связывала скупая на слова, но куда более щедрая на дела мужская дружба. Поговаривали, что во время переворота в одной из африканских стран, куда с непровозглашенными целями ездил Тамир, еще не будучи генералом, он передел Джерри в сестру милосердия и вывез в безопасное место, рискуя получить пулю в лоб. Так или иначе, но обоих объединяла одна общая черта: и тот

и другой принадлежали к редкому типу людей, для которых цель, если она поставлена, не может быть не достигнута. Правда, авантюрная жилка проявлялась в них по-разному. Вебер был отъявленным индивидуалистом, Тамир же, воспитанный в кибуце, подчинялся общим интересам.

Вебер прожил в Израиле несколько лет, отслеживая международные связи исламских экстремистов. Иногда куда-то внезапно исчезал и так же внезапно возвращался. Все, кто его знал, привыкли и лишних вопросов не задавали.

Однажды жена Тамира, пригласившая Вебера на вечеринку, спросила его, не без тайной мысли, по-видимому, почему он не женат. Подмигнув ей и явно обращая на себя внимание гостей, Вебер громко оповестил ее:

— Если мужчина готов прожить жизнь как собака, а умереть как человек — ему стоит жениться. Если же он хочет прожить ее как человек, а умереть как собака, лучше оставаться холостяком.

Побелевшая Шелли Тамир кисло улыбнулась. С тех пор друзьям приходилось встречаться на нейтральной территории. А ею, как и следовало ожидать, стала квартира тещи.

Вначале Вебер появлялся там минимум раз в месяц один, позднее — с Номи. Они играли вчетвером в карты, напропалую жулили, кричали, дурачились, хлопали друг друга по рукам припрятанными козырями.

Где-то к концу восьмидесятых Вебера из Тель-Авива убрали: за что и почему, Тамир не знал. А еще через пару лет он услышал, что Джерри погиб. Его пристрелили в одной из кровоточащих африканских стран. Гроб с телом, укутанный в звездно-полосатый флаг, был доставлен на военное кладбище в Арлингтоне.

После Джерри остались десять тысяч долларов на счету — сумма просто смехотворная, брат — владелец аудиторской компании, который на них не претендовал, и Номи Шер: полужена-полулюбовница. Никогда и нигде он с ней официально брака не заключал...

12

Перла Домшлак и на этот раз пришла на помощь своему любимцу-зятю и пригласила к себе Номи. Отказать та не могла, это было бы оскорблением памяти Вебера, в компании которого все они так свободно и так по-домашнему себя чувствовали.

Они снова сидели за тем же столом, только теперь втроем. Белоснежная скатерть по-прежнему тускло отсвечивала под старомодной люстрой столовым серебром и словно взятыми напрокат с натюрморта бокалами.

Но теперь в каждом углу незримо присутствовала невосполнимая печаль. Недаром у некоторых народов Дальнего Востока белый цвет — символ траура и потери.

Тряся ярко-красной лысоватой головой, старуха бесстрашно попыталась преодолеть неловкость:

— Номи Шер! Ты повела себя просто непорядочно. Не появляться столько времени! Не рассказать нам о Джерри?

«Сколько ей сейчас? — думал Тамир. — Тридцать шесть? Тридцать семь? Она выглядит моложе своих лет. Короткая бронзовая прическа все еще по-юношески ярка, но волосы она, видимо, подкрашивает, не может быть, чтобы они так долго хранили свой цвет. Чуть выступающий книзу кончик носа и сейчас так же задорен, но на глазах, хотя они и не утратили своей живости, прибавилось косметики».

Это была та и не та Номи Шер, с которой Тамира познакомил прожженный бабник и холостяк Джерри Вебер. В ней и сегодня осталось нечто такое, что не может не взволновать любого мужчину.

Перла улыбнулась, но улыбка вышла грустной, как у отчаявшегося рассмешить публику клоуна.

— Ты ведь помнишь, он был у меня в доме своим человеком...

Она и вправду очень тепло относилась к Веберу.

Жизнелюбие и любопытство оказались все же сильнее воспоминаний. Прикоснувшись к волосам гостя, старуха участливо спросила:

— Как тебе удалось спастись, девочка?

— Меня с ним не было. Я уехала делать аборт. Джерри никогда не хотел иметь детей, а в шестьдесят и подавно...

Старуха вновь затрясла огненно-красной мочалкой оставшихся волос.

— Это ужасно, но, в принципе, он прав. Дети — не самое удачное вложение...

— Ты уже давно здесь? — на правах старого приятеля с дальним расчетом спросил Тамир.

— Полгода...

— И не обратилась ко мне?

В его голосе звучало явное осуждение. Номи усмехнулась:

— Герцль, раньше ты никогда не был лицемером. Это тебя политика так изменила?

Тамир пропустил колкость мимо ушей. Но Номи была еще той штучкой, уж она-то своих чувств никогда и ни от кого не скрывала. Этим, кстати, она и купила в свое время Вебера.

Оглядев Тамира сверху вниз, она обезоруживающе улыбнулась:

— Ваш зять, Перла, стал профессиональным политиком. Научился сваливать вину на других...

Она протянула руку к часам на руке генерала.

— Не стесняйся, Герцль, покажи Перле. Уж она-то тебя как облупленного знает...

Тамир поджал губы и, делано улыбаясь, снял часы. На внутренней стороне была выгравирована надпись по-английски: «Друзей не приглашают, они приходят сами. Джерри».

Теща взяла телефонную трубку и позвонила дочери:

— Шелли, не беспокойся, твой муж здесь!

— Еще бы! Какая жалость, что между вами такая разница в возрасте...

Номи могла это слышать, она сидела рядом со старухой. Перла шаловливо улыбнулась.

Ей не надо было объяснять, что разговор между гостями предстоит серьезный, и ее присутствие будет лишним. Наскоро попрощавшись, она ушла к себе.

Когда дверь за ней закрылась, Тамир достал сигару.

— Окей! Может, я и виноват, но не перед ним, а перед тобой. А между вами все же есть небольшое различие. Он был моим другом, а ты — только его любовь.

Он поправил часы на руке и постучал пальцами по столу.

— Ты еще та цаца! Хочешь, чтобы перед тобой ходили на задних лапках и просили разрешения сделать тебе одолжение. А ведь ты могла еще подумать, что я делаю это неспроста!

Номи с насмешкой посмотрела на него. Тамир разозлился. Ноздри его тупого носа расширились, уголки губ сложились по бокам в характерную для него гримасу. Какого черта эта баба выводит его из себя, что она себе воображает?

— Ты, если я не ошибаюсь, осталась без гроша, когда Вебер погиб, верно? — бросил он с недоброй улыбкой. — Для него ведь деньги никогда ничего не значили, правда? Как ты думаешь, почему это вдруг тебе так быстро и без хлопот дали десять тысяч с его дырявого счета?

В свое время Тамир уговорил Джерри закрыть эти деньги в банке и приписать на нем имя Номи.

Она слегка покраснела.

— Ты ангел, Герцль. Я готова ходатайствовать перед Господом, что ты свят и достоин нимба. Как ты думаешь, он мне поверит?

Тамир медленно покачал головой: и как Вебер с ней справлялся?

Она, видно, поняла, о чем он подумал, и язвительно бросила:

— Разница между вами в том, что мне был нужен он, а тебе — я. Вот только для чего?

— Я хочу, чтобы ты ушла от Маоза и работала на меня...

Номи ухмыльнулась:

ЧАСТЬ IV НА ПЕРЕПУТЬЕ

— Забудь об этом...

— Ты его любовница?

— Это твое утверждение, Герцль, не мое!

Тамир отступил, но не сдался. Все еще впереди, подумал он...

— Тебе не кажется, что ты выбрала не тот маршрут? Если бы твоя ошибка касалась только тебя, я бы давать тебе советы не стал. Но играть на руку человеку, который видит самую большую ценность на свете в самом себе? Мало того, может представлять опасность для всей страны?

— Герцль, — Номи слегка закусила губу, — с каких это пор в тебе так отчаянно тикает нейтронная бомба патриотизма?

Он насупился:

— Я не собираюсь соревноваться с тобой в колкостях. Но подумать и взвесить, на чьей ты стороне, тебе все-таки не мешало бы.

— Не задевай во мне взрыватель, Герцль. Это плохо кончится. Ты не относишься к тем, кто другого любит больше, чем себя. Добродетель — не твое амплуа...

1

Номи появилась в зале, никого не предупредив, и ловила на себе удивленные и неприязненные взгляды. Толпа была возбуждена и наэлектризована. Женщин в ней было куда меньше, чем мужчин.

Справа от прохода кучными, однообразными пятнами чернели шляпы, глухие сюртуки и разнокалиберные бороды. Они окружали грузноватую фигуру раввина Меира Абарджила, как железные стружки — полюса магнита. Каждый его жест и взгляд, даже легкое покашливание тут же вызывали взволнованное оживление. Истолковывались как некий код. Или как радиосигнал.

Слева публика была более пестрой и раскованной. Водители, секретарши, мелкие торговцы, инсталляторы, продавщицы и почтальоны — они громко и оживленно переговаривались, обменивались через весь зал шутками и приветствиями. Здесь пестрели яркие цветные рубахи с дешевыми амулетами на цепочках и смолили сигареты «крутые» девицы.

Номи бросала вызов самой своей непохожестью. Короткой, цвета светлой бронзы прической, ярко-голубыми, чуть подкрашенными глазами. Настороженность соседей лишь возбуждала ее. Пульс ее выстукивал ритм, как каблуки танцовщиков ирландского «Риверданса». Ладони пылали. Ноздри стали тоньше и чувствительней. Ощущение было такое, словно она вдохнула приличную порцию кокаина и вот-вот вспорхнет.

На сцене за длинным столом кто-то монотонно хрипел, проверяя микрофоны. Сновали неугомонные организаторы, по деревянным ступенькам поднимались и спускались многочисленные доброхоты.

Внезапно из динамика вырвалась громкая и возбужденная восточная мелодия. Отдельные голоса потерялись в децибелах музыкального шквала. Любопытствующая парочка рядом с Номи энергично грызла семечки, скорлупа сыпалась прямо на пол. Низкорослый любитель музыки восторженно барабанил по спинке впереди стоящего кресла. Радостно машущего кому-то бульдозерообразного гиганта пытались утихомирить зрители из заднего ряда. По-видимому, вот-вот должны были появиться высокие гости...

Афргана Номи узнала не сразу. Обычно не очень заметный, но исполнительный клерк, он выглядел сейчас совсем иначе. Маленький и упитанный, он стал как бы выше ростом, движения обрели уверенность, даже надменность. Судя по позе, он кому-то и что-то выговаривал.

Внезапно мелодия резко оборвалась, и зал качнуло от лавины аплодисментов и восторженных криков. Из бокового раствора на сцене появилась высокая, валяжная фигура Маоза. Он приветствовал публику высоко поднятой вверх рукой. За ним следовали Гиди Ор Лев, Искутиэль Марциано и еще какие-то люди, которых она не знала.

Один из устроителей взял в руки микрофон, и зал огласился хорошо обкатанным на свадебных церемониях голосом:

— Друзья и соотечественники! Нас почтил своим присутствием выдающийся политик и общественный деятель, надежда восточного еврейства, заместитель главы правительства Азриэль Маоз! Покажем же ему нашу любовь и преданность!

Зал рухнул в океан эмоций, как сорвавшийся со стапелей корабль — в морскую пучину. Его вздымало на волнах любви, раскачивало ветром преданности, несло в штормовую даль экстаза. От свиста и скрежета ходуном ходила голова, а сердце подкатывало к горлу.

Отдельные крики, как хоровая, послушная дирижеру мелодия, превратились в песенный припев-здравницу:

— Ма-оз-премьер! Ма-оз-премьер! Ма-оз-премьер!

Людей захлестывало сплоченностью и единодушием. За председательским столом на сцене аплодировали Маоз и его соратники. Неистовым порывом отвечали им поднявшиеся во весь рост почитатели.

Издали Маоз выглядел на редкость эффектно: кремово-желтый костюм и темный, подчеркнута элегантно галстук. Длинная седеющая шевелюра придавала его облику оттенок пламенной одухотворенности. Осанка и энергичные жесты вызывали спазмы восторга. Микрофоны усиливали его хорошо поставленный голос:

— Пришло время познать самих себя! Гордо расправить спины! Оглянуться и проявить неугасимую решимость. Нас не надо учить! Нам

не нужны одолжения. Хватит нас одарять — верните нам то, что положено, что несправедливо и беззастенчиво отнято!

Маоз говорил краткими и отрывистыми фразами, делая между ними недолгие ритмичные паузы. Ему отвечали криками, стуком и свистом. Гортанный гул возмущения, искаженные гневом лица, здесь никто не сомневался, что каждое слово — истина, жест — знамение. Зал был пронизан электричеством. Тем, что превращает железный брус в электромагнит, а толпу — в послушных таинственной дисциплине солдат.

— Нами помыкали десятилетиями! Объявляли примитивной прославленную культуру. Насмехались над обычаями. Попирали традиционное достоинство. Ущемляли гордость. Не давали расти и продвигаться. Даже само слово «Восток» стало бранью. Все, что с ним связано, от искренности и радушия до замечательных песен, загонялось в подполье!

Казалось, крикни он сейчас: «За мной!» и все рванутся с мест. Неважно куда. Безразлично зачем. Сметать, крушить, громить...

— Когда оружие власти — дискриминация и наветы, жертвы безвинны и беспомощны. Сегодня объявляют преступником Дорона Розенталя, а завтра это сделают с любым из нас.

Топот и свист слились в ураганный гвалт. Маоз смолк, переждал чуть дольше, чем прежде, и вдруг высоко поднял над головой обе руки:

— Все мы вместе — это Дорон Розенталь! Дорон Розенталь — это все мы!

Зал содрогнулся в ядерном взрыве сопричастности. Номи следила за Маозом с удивлением, смешанным со страхом. Было в нем что-то непостижимое для рационального осмысления. Что не может не захватывать, но невозможно объяснить. Внутренний огонь, сила, актерское обаяние. Замашки уверенного в себе и своей профессии шамана.

Ведь немислимо, чтобы вся эта зачарованно внимающая ему толпа состояла сплошь из глупцов?!

По сути, харизма — это не что иное, как умение обратить на себя внимание. Увлечь окружающих за собой. Мы не знаем, почему это происходит, как это объяснить, и это нас пугает.

А вдруг за дешевым кривляньем кроется что-то серьезное и непостижимое? Как правило, цена всей этой тайне — грош в базарный день. Но усиленная в десятки и сотни раз присутствием множества людей, она, как алкоголь, размывает наше сознание.

Срабатывает эффект мощного усилителя, который даже еле слышный шепот способен превратить в оглушительный вопль. Причина? Толпа аккумулирует слабый ток каждого из нас, а собранный воедино, он превращается в высоковольтное электрическое поле.

Номи лихорадочно пыталась разобраться в том, что происходит и почему именно Маоз? Как это ни парадоксально, но загадочность парализует

не только обывателей, но даже людей умных и образованных. Разгадка, по-видимому, в сумеречности человеческого мозга.

Человек неотделим от своей тайной тени — страха. Зачем он здесь? Кому и для чего нужен? Неужели все дело в том, что какие-то мужчина и женщина предались однажды внезапному зову плоти? Как и во имя чего жить, если ты — не семи пядей во лбу, не гений, не красавец, не принц?

В темноте бессилия, которое все мы испытываем перед неведомым, не может не возникнуть призрачная и суеверная надежда на спасителя. На некий дух, слепую удачу, на прорицателя или магию. Кто же, как не он, избранный, наделенный сверхчутьем и сверхпроникновением обладатель харизмы, может стать нашим поводырем через заминированную границу между прошлым и будущим? И кто, как не он — шарлатан или безумец, — блефуя перед собой не меньше, чем перед толпой, обретает вдруг неслыханную власть и влияние: «Идите за мной! Я знаю — куда и зачем!»

Сколько бы эпох ни менялось, какие бы революции ни свершались, человечество снова и снова оказывается втянутым в этот порочный и трагический круг...

2

Ей показалось, что она очнулась после недолгого, но глубокого обморока. Глядя на Маоза, Номи думала, что в жизни все не так просто и одномерно, как кажется...

Разве не сплелись в нем намертво немислимые противоречия? Показуха и сила духа. Наивность и цинизм. Вера в добро и способность на обман. Наконец, наглость и деликатность. Спади с него шелуха позы, сойди грим патетики и псевдовеличия, результат окажется парадоксальным. Громовержец с душой состарившегося подростка? Супермен, чья незащищенная ранимость уравнивается болезненным самолюбием? Не судите, да не судимы будете!

Он так боится быть обойденным, что готов беззастенчиво давить любого, кто окажется на его пути. Настолько неуверен в себе, что не может обойтись без побрякушек почестей и лесты клеветов. Комедианту хочется быть гуру, обывателю — выглядеть революционером...

Миром правит страх прошлого перед будущим, неизбежного перед отживающим. Не только каждым в отдельности, но иногда целыми сословиями или нациями. Разве не в этом суть конфликта между Вос-

током и Западом? Блистательная, но окостеневшая цивилизация не хочет сдавать позиции диковатому рывку в черную дыру прогресса. Настоящее — лишь тонкая пленка, иллюзорная граница между Вчера и Завтра.

Никто из маозовской свиты не произносил больше речей. Скорей всего, чтобы не смазать впечатления.

Хорошо, что он ее не видит. Номи специально устроилась вдали, чтобы беспрепятственно наблюдать, как будут разворачиваться события.

Триумфальное появление Маоза завершилось не менее эффектным уходом. Сразу после этого удерживающее зал магнитное поле исчезло. Каждый снова стал сам по себе.

Учредители тщетно успокаивали публику. Все вокруг переговаривались и шумели. За столом мелькали новые лица. Микрофоном завладел какой-то религиозный деятель в темном сюртуке и шляпе, которые по цвету сливались с его бородой, и верхняя часть лица казалась карнавальной маской. Он не говорил, а пел:

— Раньше нас травил кибуцники и гонители веры, а теперь скрижали Закона оскверняются пожирателями трефного и гоями³⁰. С севера хлынули потомки хазар, а современные амалекитяне³¹ — яппи³² — измываются над древними обычаями. Вместо синагог открываются секшопы; филиakterии и талесы³³ вытесняются панкнстским позором и сатанинской черной кожей...

Упоминание о хазарах вызвало оживание. Приятно, когда топчут тех, кто тебе несимпатичен. Намек на выходцев из России был прозрачен, и публика, расслабившись, позволила себе смешки. Но зал заново протрянуло электричеством, когда на трибуну решительно взобрался долговязый малый с лицом взволнованного херувима.

— Три поколения мы, евреи Востока, гнули и гнем спины. А что получили взамен? Кварталы нищеты? Гетто городов развития³⁴? Так и будем с этим мириться? Снова дадим себя обмануть? Не выйдем на улицы, не потребуем тех же льгот, какие дают русским?

Лицо оратора исказила гримаса боли и гнева, голос охрип от наплыва чувств.

30 Гои — иноверцы.

31 Амалекитяне — племя кочевников, враждовавшее с Израилем.

32 Яппи — так в Америке называют снобов.

33 Филиakterии и талесы — молитвенные принадлежности религиозного еврея.

34 Города развития — отдаленные от центра поселения, где размещали ново-прибывших респатриантов.

— Вы что, не понимаете, зачем их сюда привозят? Чтобы мы снова не были большинством! Чтобы еще бессовестнее и безжалостнее нас, черных, эксплуатировать...

Ряды отвечали одобрителем гулом: каждая песня требует своего припева.

Его сменил новый агитатор, худощавый и нервный брюнет с небритыми щеками.

— Мой дед надевал куфию³⁵, родители учились в арабской школе. Но я — не араб, хотя дома говорили по-арабски и слушали арабскую музыку. И не ашкеназиец: где я, а где Гитлер или социалисты из России? Что мне до них! Я — восточный еврей, мои корни на Востоке. Вы хвалитесь своими успехами, мы — верой, радушием и сердечностью. Вы поклоняетесь успеху, мы — семейным ценностям. Вы пусты от безверия, мы — полны веры и верности.

Переполенный зал реагировал чутко и остро. Каждое слово — патрон, каждый жест — боек, разбивающий капсулу. Кто-то, срывая голос, возбужденно и хрипло кричал из зала, но разобрать что-либо было невозможно.

Внезапно на трибуне, как модный лектор перед буйной студенческой аудиторией, возник молодежавый, одетый с изысканной небрежностью человек. Успокаивая зал, он насмешливо поднял руку.

— Культура выходцев из Европы — культура расизма! Если они снимают фильмы о восточных евреях, то в них они — высшая раса, а мы — жалкие полудикари. Если пишут книги, они — светочи культуры, а мы — бескультурное быдло. Да взять хотя бы школьные учебники: где там мы, в их истории! В нескольких жалких строчках! За полвека нас лишили чувства собственного достоинства. Превратили в жалких неудачников. Мы хотим, нет — мы требуем вернуть нам то, что у нас отняли: нашу истоптанную гордость, культуру, историю!

Зал дружно скандировал:

— Нашу! Нашу культуру!

Оратор сжал ладони в кулак и вскидывал их вперед.

— Я скажу вам больше: мы — единственная опора, без которой страна свалится в пропасть. Примирить Израиль с регионом.

О-па! — взметнулось что-то вихрем в мозгу Номи. Вот и вылезли тщательно скрытые ослиные уши. Везде политика! Им надо в нее! В Кнессет! В правительство! К власти! К победе любой ценой!

Уже потом Номи с усмешкой вспоминала, что не может быть коктейля, разгоняющего адреналин в крови сильнее, чем еврейская жестоко-

35 Куфия — арабский национальный головной убор.

войность, помноженная на ирландскую необузданность, как в ней самой. Вызывая удивленные взгляды, она энергично прошла по залу вперед, к сцене. Там ее кто-то узнал и объявил в микрофон:

— Слово советнице заместителя главы правительства Азриэля Маоза...

Раздались насмешливые хлопки. Баба в качестве трибуна?! Это было даже забавно...

Наклонив к себе микрофон, она бросила в обомлевший зал поначалу:

— Вас дурачат! Морочат голову! Чем стал бы Израиль без Америки и Запада? Еще одним Ливаном или Марокко?

Ее прервал оглушительный свист. Шум нарастал. Всполошившиеся ряды мелькали тревожными световыми пятнами. А Номи уже швырнула новую гранату:

— Еще поколение, и все ваши родственники и земляки во Франции, Канаде или Америке станут врачами, адвокатами или журналистами. А что будет с вами? Вместо того, чтобы осаждать колледжи и университеты, будете целовать руки святым старцам? Увешивать себя камнями?

Ряды ревели. К сцене спешили оскорбленные в лучших чувствах жертвы дискриминации. Ярости не было границ. Но остановить Номи можно было, лишь стащив ее с трибуны.

— Гойка! Шлюха! Пошла вон, продажная тварь!

Ее толкали и тащили к выходу, хотя она и не упиралась. У нее было такое ощущение, будто срывая лоскутья кожи, она проползла по бесконечному темному туннелю. Но ее переполняло удовлетворение. Она, Номи Шер, все же сумела противостоять толпе...

Дома, прослушав автоответчик, она услышала грустный голос Маоза:

— Зачем, зачем ты это сделала?!

3

Номи было семь, когда во Вьетнаме погиб ее отец, Дэвид Шер. В калейдоскопе памяти она годами настойчиво выискивала расплывающееся в тумане смеющееся рыжее лицо и глаза, глядя в которые невольно смягчались даже самые недобрые люди. А может, воспоминания эти она выдумала сама, а облик отца представляла по многочисленным фотографиям? Правда, был еще голос — веселый, дурашливый, он до сих пор не стерся со старой магнитофонной пленки и читал ей на разные голоса «Алису в страны чудес».

Повзрослев, она поняла из его писем, почему он напросился во вьетнамский ад. Есть люди, для которых важнее всего — не оставаться в долгу. Дэвида Шера привезли в Америку из свалившегося к ногам Гитлера Берлина в трехлетнем возрасте. И он считал, что обязан отплатить стране, которая дала ему приют...

Когда пришло извещение о гибели отца, мать, уткнувшись в его вещи в шкафу, часами, подвывая, оплакивала. Не столько его, сколько саму себя. Позже у нее появилась скверная привычка: накачавшись виски, шумно спорить с открывающейся только ей тенью убитого в джунглях мужа, и тогда выяснялось, что он — изверг и загубил ей жизнь, этот легкомысленный чертов еврей.

Она старалась забыть в мужских объятиях, но кончалось все еще хуже. Убедившись в очередной раз, что беспечного и очаровательного негодяя из Бронкса, лежащего теперь на военном кладбище в Арлингтоне, ей никто не заменит, она, плача и терзаясь угрызениями совести, с руганью вышвыривала из постели обалдевшего мужика.

Даже умерла она как-то до обидного нелепо: пьяная переходила улицу, и ее насмерть сбила машина.

Два года после этого Номи прожила с суровой бабкой со стороны отца, которая никак не могла забыть ни семейного особняка, ни накрахмаленного немецкого ордунга. Девчонкой ей все время приходилось отстаивать свое право быть такой, какой она хотела.

Наверное, поэтому родственные связи не очень ее тяготили. Едва кончив школу в семнадцать, она уехала на Аляску. А оттуда с компанией разочарованных юнцов — на Дальний Восток, где провела восемь месяцев. Вскоре еще с тремя неприкаянными еврейскими пареньками она объявилась в кибуце в Галилее. Но и там оставалась недолго. Назло всем, кто утверждал, что философия — чисто мужская наука, пошла учиться на философский факультет в Иерусалиме. Здесь-то она и встретила с Ор Левом...

Хотя он не был первым мужчиной в ее жизни, связь с ним не оставила и следа от всех ее предыдущих увлечений. Она повзрослела, и к тому времени оканчивала третий и последний курс. Захватившее Номи чувство было настолько неожиданным и серьезным, что едва не стоило ей диплома и обернулось тяжелой душевной травмой.

Чем-то Ор Лев напоминал ей отца. Может, тем, что был старше ее больше чем на десять лет. Или лаской и добротой, к которым примешивалось еще что-то для нее таинственное и не очень понятное.

Вначале он был своего рода экзотикой. Как Таиланд и Филиппины, где, порвав с семьей, она начала свою самостоятельную жизнь. Но потом все это отслоилось, и она чувствовала, что теряет голову...

Номи навязалась ему сама. И сама же уложила его в постель. А если бы могла, оставила бы его рядом с собой навсегда. Но роман продолжался меньше года. Причина, как она сначала сочла, была тривиальна до оскомины на зубах — жена и двое детей. Позже, снова и снова возвращаясь к тем дням, она поняла, что заблуждалась...

Да, Гиди был искреннейше к ней привязан. Да, мучался и страдал от того, что ему приходилось разрываться надвое. Но связь их была обречена на неизбежный для обоих провал — ни один не хотел и не мог уступить...

Между ними лежала пропасть. Воспитание, вкусы, привычки. Тот заряд, который обязательно отзовется взрывом, если кто-то из двоих не пожертвует собой и не нейтрализует его, растворившись в другом.

Ор Лева пугала ее независимость. Злясь, он обескураженно ей выговаривал:

— Ты — феминистка.

Она вызывающе смеялась в ответ.

— Тебя это выводит из себя?

Он мрачнел, но упрямо твердил:

— Да!

— Знаешь, почему ты не можешь стерпеть мою свободу? Потому что ты не свободен сам...

Он раздражался еще сильнее:

— Глупости! Ты любишь не свободу, а капризы.

Ее злили такие упреки. И, чтобы доказать свою независимость, она дразнила его, фамильярничая на его глазах с кем-нибудь из сокурсников: пусть поревнует...

Его реакция обижала и в то же время забавляла.

— Неужели тебе хотелось бы запереть меня, как восточную одалиску, в гарем?

При этих словах его взгляд покрывался пеплом разочарования...

Номи была вольной птицей. И хотя сама мысль об измене показалась бы ей кощунственной, дать закрыть себя в клетку условностей она не хотела и не могла. Уж лучше было разбиться насмерть в вольном полете...

Встреча и расставание с Ор Левом оставили в ней зияющую пустоту. Чем бы все кончилось, если бы ее не нашел тогда Вебер?! Ее счастье, что этот обветренный и шершавый авантюрист и мачо возник на ее пути в самые тяжелые часы ее жизни...

Он подсел в кафе, обратив внимание на ее заплаканное лицо. Номи и сама не могла понять, с чего вдруг стала рассказывать о себе незнакомому человеку. Мало того, выплакала ему душу. Ее всегда тянуло к людям постарше...

Рядом с этим хемингуэвским типажом, чей могучий торс и повадки напоминали то ли профессионального спортсмена, то ли голливудского детектива, она чувствовала себя сопливой девчонкой. Назло себе она в ту же ночь отправилась к нему в гостиничный номер и даже осталась у него ночевать. Вебер разговаривал с ней, как с ребенком, и не прикоснулся к ней пальцем.

На следующий день он уже ждал ее возле университетских ворот на горе Скопус. Так бывает: многоопытный ветеран неожиданно растрогался при виде соплячки. Серый Волк, встретив Красную Шапочку, перешел на вегетарианскую диету.

Позевывая и ухмыляясь, он поучал ее:

— Страдания из-за любви — для бездельников. Жизнь — игра. Выиграл? Не прыгай и не танцуй от радости! Проиграл? Не отчаивайся, будет еще кон...

Номи путано объясняла ему свои метания, втайне надеясь получить надежную инструкцию для преодоления последствий неразделенной любви. Но Вебер лишь издевательски скалился:

— Оставь поиски смысла философам! Они сдают свои модные системы в аренду как доходные дома. Политикам, закомплексованным интеллигентам и просто глупцам. И получают вполне приличные дивиденды.

В постель к Веберу Номи легла тоже сама, как и к Ор Леву. Полночи перед этим лила слезы, и в конце концов успокоилась в его объятиях...

Вебер легко и свободно «менял кожу», и тогда вместо грубоватого и несносного циника рядом возникал галантный и обаятельный рыцарь. Циником он, возможно, был не из-за снобизма — этого требовали его профессия и образ жизни. А может, в него переселилась душа какого-нибудь неприкаянного бродяги и авантюриста. Так или иначе, но с пистолетом он обращался так же легко и свободно, как и с вилкой. И если шел на преступление, то только по требованию государства.

Таких людей, как Джерри, политический истеблишмент побаивается. Не очень им доверяет, но вынужден поручать самые скользкие и щепетильные делишки. Да и кто другой, скажите, согласится вместо медали получить случайную пулю в лоб?

С ним было боязно, но захватывающе интересно. В отличие от Ор Лева он был сдержан в проявлении чувств и скуп на ласки. Молодость и страстность темперамента компенсировал опыт старого холостяка и постояльца фешенебельнейших борделей. А исходящий от него тайный зуммер тревоги и опасности доводил возбуждение почти до обморока.

Это Джерри заставил Номи получить степень бакалавра, после того как она забросила учебу из-за разрыва с Ор Левом.

Иногда он говорил, что исчезнет на неделю, и она всякий раз до последней минуты не знала, вернется он или нет. Появляясь вновь, он приносил с собой острый запах риска и диковатые африканские амулеты. Номи это порядком надоело, и однажды она поставила ему условие:

— Либо ты берешь меня с собой, либо убирайся ко всем чертям.

Криво ухмыльнувшись, он покачал головой:

— Дочь моя! Ты — девка с яйцами, но со мной тебе их могут отрезать.

В конце концов он смирился. Решил, что алкоголь риска и азартной игры способен удержать ее возле него куда крепче и надежнее, чем его все еще сильное, но уже изрядно потрепанное тело...

Номи с удивлением сознавалась себе, что ни помпезные номера люкс в пятизвездочных отелях, ни даже экзотические гостевые виллы, в каких им приходилось останавливаться, не трогали ее и не вызывали никаких чувств. Зато обшарпанную, в клопах и жуках хижину, где им раз пришлось спасаться, и еще одну ночь — в спальном мешке в пустыне с ее приступами страха, липкой мочой ожидания и нервным перестуком зубов она не забудет никогда. Как не забудет и беспричинного, неодолимого смеха, охватившего их, когда они оказывались вне опасности.

Отдачу, какую она получала от жизни с Вебером, ни с чем нельзя было сравнить. Обычные чувства расслаивались на спектр, а время выворачивалось наизнанку. Секунды расплющивались в недели, годы сморщивались в часы.

В Вебере нуждались. Его бесконечно эксплуатировало ЦРУ. Приглашали африканские президенты. Разыскивали бежавшие за границу генералы. И зорко следили, не выпускали из виду спецслужбы многих стран. Именно поэтому, наверное, он и превратился в один не очень удачный день из егеря в дичь.

Его пристрелили где-то в африканской дыре, а сообщили только после того, как Номи стала угрожать, что обратится в прессу. Да и кем, собственно, она ему была? Невенчанная жена? Добровольная сожительница?

Номи всегда знала: этого не может не произойти. Но изменить что-либо не могла. Таким уж он был, Джерри Вебер, муж, отец и сын в одном лице.

После его гибели она впервые поняла мать. Ей тоже хотелось выть. Но она сдерживала себя, как могла. И, как и мать, пыталась забыть в чужих объятьях, но всегда уходила с ощущением, что ее обманули. А может, она обманывала саму себя?

Тогда-то ее и занесло снова в Израиль. А здесь, на одном из приемов, на нее обратил внимание Азриэль Маоз...

5

Все, что связывало ее с Маозом, напоминало мыльную оперу. Букеты, изысканные подарки, постоянные звонки. Жесты. Фразы. Манеры...

Пышно обставленным домогательствам Маоза она уступила от одиночества и скуки. И еще из какого-то подросткового любопытства: испытать и это тоже!

Номи снимала квартиру в центре Иерусалима на последнем этаже старого неудобного дома без лифта. Подниматься приходилось по шестидесяти восьми ступенькам. Прежние жильцы здание оставили, и в квартирах разместились не слишком преуспевающие офисы: частная биржа труда, языковые курсы, стоматологический кабинет. В парадном стоял неистребимый запах прелости и кошачьей мочи.

Однажды в дверях ее квартиры, овеянный облаком добротных мужских духов, возник Маоз. Жестом фокусника он вытащил из своего кейса бутылку дорогого вина и открыл, щеголяя королевской небрежностью манер. Его осененная благородной сединой шевелюра хорошо гармонировала с серебристыми тонами костюма. По-хозяйски плеснув содержимое в два оставшихся от прежних хозяев бокала, он включил крохотный портативный магнитофон и увлек ее под звуки танго в середину комнаты. В танце он подражал профессиональным танцорам, не хватало только номера на спине, конкурирующих пар и столика с судьями.

Потом, томно и многозначительно глядя в ее глаза, поцеловал ей руку.

Все вылилось в забавный и трогательный фарс...

— Азриэль, если ты не прочь, пошли спать, — сказала она.

Кавалер был шокирован: знатная дама повела себя как шлюха. Но такое, говорят, тоже бывает.

Он насупил и, вынув из кейса какой-то пакет, мрачно шагнул в угрюмую, с несмысаемыми потеками душевую. Ему сорвали эффектную сцену. Минут через десять появился снова, но уже в цветастом японском халате и домашних туфлях.

Зайдя в ванную после него, Номи закрыла глаза: пахло как в бутике с косметикой. После душа, скинув с себя широкое мохнатое полотенце и, не глядя на приподнявшегося под простыней Маоза, легла в постель.

— Подвинься, — снова шокировала она его своей будничностью.

Он переждал какое-то время, по-видимому, пока поднакопится нужный заряд пафоса. Потом произнес срывающимся шепотом:

— Ты разожгла во мне костер, который нельзя потушить...

Номи чуть не прыснула от смеха. Маоз был невыносимо патетичен даже в сексе.

От его легких и осторожных прикосновений ей стало щекотно. Ее по-прежнему разбирал смех, и она с трудом сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Но это было бы не просто бестактностью — оскорблением.

Движения Маоза были томны и манерны. Его рука скользила по ее коже все ближе и ближе к золотистой растительности на лобке. Потом, словно досыта насладившись волнующим зрелищем и мурлыкнув по-кошачьи, он улегся сам и стал тянуть ее к себе.

Все смахивало на анемичное «пип-шоу», без вкуса и боя адреналина в крови. Вот он поднес обе руки к ее грудям и плавно, медленно их гладит. Потом, убедившись, что это ее не возбуждает, начинает мять их, как пекарь тесто. Номи вздрагивает, и его пальцы, как экзотические рыбки за стеклом аквариума, растерянно шарахаются от лакомого корма. Теперь ритмично — вверх-вниз, вверх-вниз! — движутся его бедра. Похоже на качели с электрическим приводом.

Обожатель, а не любовник, гурман, а не мачо, он беззаветно и тяжело трудится, чтобы вызвать у нее порыв страсти, — даже взмок, — но это не помогает. Ему так хотелось, чтобы все это выглядело «красиво», он не допустил ни одной бестактности и, нате вам, такой холод в ответ!?

Номи стало его жаль. Она даже хотела сказать, чтобы не обращал на нее внимания. Должен же он понимать, что у женщины все зависит от настроения. Но вдруг — нет-нет, это только случайность! — по ее коже пробежал шаловливый холодок, и она ощутила легкую и знобящую волну внизу живота. Почему-то ей уже не хотелось этому противостоять, хотя, наверное, надо было бы, и сама себе поражаясь, она дала поднять себя нарастающему, лижущему теплым и влажным языком шквалу и вознести на гребне оргазма.

Она была зла на себя: идиотка! Маоз же — счастлив и горд. В его воспаленной, заросшей накипью обид душе секс оставался той нетронутой частью, какая приравнивала его к счастливчикам и везунчикам.

Шейх разнеженно размяк и готов был одарить очаровательную баядерку всем, чего бы она ни пожелала. Его тело пресыщенно расслабилось.

Доверчиво нежась и отдыхая, оно напоминало морскую раковину, легковерно приоткрывшую солнышку нежную плоть жемчужины.

И вдруг его нирвану оборвал глухой лай американских ругательств: точная копия армейского сленга образца пятидесятых годов, которым нередко пользовался Джерри Вебер...

Маоз стал белым. Он ничего не понимал...

Если честно, его ухаживания льстили ее женскому самолюбию. Он окружал ее обожанием. Кадил ей. Баловал как капризного ребенка. Создал специальную должность советника по «имиджу» с крупным окладом, нашел виллу, которую сдавала уехавшая на четыре года семья дипломата, устроил выгодную ссуду, убедил купить дорогую машину, таскал по встречам и заседаниям. И, несмотря на прилипчивый шепоток за спиной, рычал, если кто-нибудь не проявлял к ней должного уважения.

Он разрывался между желанием отхлестать эту женщину и стремлением пленить ее своими чарами. В пятьдесят шесть человек становится немислимо сентиментальным и держится за молодое окружение, как за канат, который связывает его с жизнью.

Но Маоз повис на этом канате нелепо и неудобно. Ломило спину, горели руки и першило в горле. Но он знал одно: сорвись он, его придавит и согнет груз прожитых лет. Выветрится адреналин из крови, станет пресным секс, а место желаний займут брызгливые капризы. Таковы жестокие и неумолимые законы старости.

Он себе такого не позволит:

— Душа моя! — зовет он ее. — Ты самая женственная женщина на свете...

6

Характерный стук в дверь раздался в половине одиннадцатого вечера. Самим своим внеурочным появлением Маоз намекал, как глубоко и тяжело страдает.

Номи даже стало его немножко жаль. Ему, конечно, свойственны многие слабости, но слабаком его назвать никто бы не рискнул. Будь он тряпкой, она бы ни за что не стала его любовницей. С раннего и исковерканного детства слезы и жалость вызывали в ней не сочувствие, а гнев. Человек сам кует свою судьбу...

О ее давней связи с Ор Левом Маоз, конечно же, не подозревал. Номи не раз меланхолично думала: почему одна и та же среда создает порой такие непохожие характеры? Внешне европеизированный восточный феодал и, как антитеза ему, — европеец с легким налетом ориентализма...

Маоз устало повалился в кресло и стал растирать виски. Наверное, ждал, что она подойдет к нему и начнет массировать его голову. Но Номи молча разглядывала свои только что покрытые маникюрным лаком ногти.

— Зачем?

В его голосе слышался подчеркнутый укор. Но обращался он вроде бы не к ней, а к самому себе.

Ответа не последовало.

— Пойми, в политике нет прямых линий, есть только кривые...

Теперь его голос был наполнен пафосом, как детский шарик — воздухом. Он говорил красиво и убедительно.

— Тебе надо объяснять, почему эти мерзавцы вытащили историю с Дороном Розенталем?! У них одна цель: ликвидировать Азриэля Маоза!

Пройдясь по комнате с обреченным видом, он остановился возле абстрактного полотна: Вебер купил его однажды у уличного художника в Роттердаме. Маоз взглядывался в картину так, словно разглядел в ней скрытый замысел своих врагов.

— Я не доставлю им этого удовольствия! Ударю с тыла! Обойду с флангов! Так и только так велись крупнейшие битвы истории... — отчеканил он, повернув голову.

Досадливо подув на свежий лак, Номи резко прервала его словоизлияние:

— Ты играешь с огнем, Азриэль. В таких случаях достаточно малейшей вспышки, и пожар уже не остановить...

Маоз не сомневался: еще одно неосторожное слово и он навсегда ее потеряет. Но охвативший его шквал жалости к самому себе толкнул его на отчаянный шаг.

— Тридцать лет я терпел унижения и насмешки. Тридцать лет меня лягали и кусали куда попало и близко не подпускали к власти. А теперь, когда я, наконец, на капитанском мостике, дать сбросить себя вниз? — с надрывом декламировал он.

Номи зло сжала губы: этот нарцисс насмотрелся мыльных опер.

— Если ты и сейчас спрячешься за свои сказки о дискриминации, проиграешь не только ты — вся страна. Тыпустишь ее с молотка...

Номи пыталась говорить спокойно, но Маоз уже кипел благородным негодованием.

— Да о чем ты говоришь...

Ответ прозвучал, как удар хлыста.

— О гражданской войне...

— Ты сошла с ума... — задохнулся он.

Чтобы успокоить Номи, он подошел и попытался положить руки ей на плечи. Но она медленно убрала их.

— Если я приду к власти, я не устрою революции, Номи. Все останется, как было, но справедливость восторжествует...

Вздыхнув, она направилась к маленькому бару и достала бутылку вина. Потом устало зевнула:

— В этом-то вся трагедия. Тебе важен ты сам, а все остальное...

— Номи, душа моя, пойми! Это только тактика, стратегия будет иной...

Ее лицо перекосила гримаса:

— Тактика? Ты подожжешь бочку с бензином, и пламя погаснет само собой, не правда ли?

Ее любовник был в своем репертуаре. Его заботил только он сам, его отражение в зеркале и собственный пенис, на все остальное ему было наплевать! Чтобы сбить с него спесь и соскрести тягучий липкий навар пафоса, она жестко добавила:

— Политика — как СПИД. Она разрушает иммунитет. Самое страшное — люди иногда не подозревают, что уже заразились.

У Маоза перехватило дыхание: да что она себе позволяет? С кем смеет так разговаривать?

Успокаивая себя, он снова прошелся по комнате поступью бронзовой статуи. В конце концов, он — заместитель премьера, а она — наглая бабенка, к которой он почему-то питает почти отеческие чувства.

— Ты забываешь, чьи интересы я представляю... Кому верой и правдой служу! За мной кварталы нищеты. Города развития. Все, кто бессовестно угнетен и повержен. Я — их защита и надежда! Они пойдут за мной, потому что верят...

Номи зло ухмыльнулась:

— Еще бы, самая извечная религия — разочарование, а ты ее лукавый жрец. Говоришь одно, думаешь другое, делаешь третье...

Он застыл, пораженный внезапной догадкой.

— Тебя перекупили?

— Fuck you, son of a bitch! — проскрежетала она.

Маоз побелел, но его внезапно пронзила отчаянная мысль: поведи он себя неосторожно, она еще выгащит на обозрение продажным писакам все его грязное белье полугодовой давности, а те в восторге станут полоскать его на потеху всей страны.

— Я никогда не жду от людей благодарности...

Тон страдальца, честь которого несправедливо поругана, вызвал у нее саркастическую улыбку.

Она протянула ему его «джеймс бонд».

— Если ты боишься, что я выдам твои секреты, то твои страхи напрасны, — голос ее был сухим и отчужденным.

Когда он ушел, Номи почувствовала облегчение. Ей казалось, она избавилась от невыносимого груза. Все вокруг напоминало театральный зал спустя час после спектакля. Зрителей и след простыл, актеры отправились по домам, а по опустевшим кулисам разгуливает фауна недосмотренных снов.

Ее мучили угрызения совести. В истории с Маозом она повела себя как шлюха. В принципе, он просто купил ее, и не помогут никакие ссылки на отчаянье, обрушившееся на нее после гибели Джерри. Грех требовал индальгенции, погрязшая в копоти душа — очищающей жертвы.

Номи знала, что ей надо сделать, чего бы это ей ни стоило. И от того, что она, наконец, решилась, ей сразу стало легче...

Одевшись, она вышла на улицу. В соборном куполе неба тлели канделябры далеких звезд.

7

Когда она позвонила Тамиру, он тут же, без раздумий, назначил ей встречу.

— Сегодня вечером у Перлы. Будь на подземной стоянке ее дома в одиннадцать...

За четверть часа до указанного срока она уже въехала на бульвар Эмек Амацлейва³⁶.

Слева в душной темноте устало и обреченно дремали тысячелетние камни грузинского монастыря, спереди наплывали дома — башни Кирьят Вольфсона³⁷. В этом обособленном, по-американски чрезвычайно функциональном и комфортабельном мирке еще недавно преобладал английский, как несколько десятков лет назад в соседней Рехавии — немецкий. Господи, до чего насмешливо и безжалостно время! Где они — суховатые и педантичные евреи Фатерлянда³⁸, благодаря безумию нацизма на какое-то время преобразившие здесь сутолочную ярмарку местечковой бестолковости и восточного базара? Их внуки похожи на них так же, как индейцы на славян...

Машина замерла перед поворотом на светофоре. В иссушающем пепле ночи коренасто пыжился осовремененный акрополь Кнессета. Блестели

36 Эмек Амацлейва — Долина распятия. Возможно, здесь когда-то римляне распинали преступников.

37 Кирьят Вольфсон — жилой массив, где расположен комплекс многоэтажных домов.

38 Фатерлянд (нем.) — отечество.

лунной слюдой кроны кипарисов и елей в парке, над которым он возвышался. Часы показывали без пяти минут одиннадцать. Еще полминуты, и она, повернув направо и сделав небольшой разворот, уже въезжала на подземную стоянку.

Номи вышла из машины. Не успела она нажать на кнопку дистанционного управления, как услышала лязг тормозов. В тусклом свете винтообразно петляющих этажей стоянки она увидела припарковывающуюся «Вольво». Из нее решительно и энергично шагнул тот, кому интересы страны должны были быть куда важнее личных счетов и мышшиной политической возни.

— Герцль! — искренне обрадовалась она.

Улыбаясь, он протянул ей навстречу обе руки. В тусклом, туннельном свете стоянки седоватый ворс его офицерского затылка почему-то казался жестче, чем на самом деле, а обычно живой и смеющийся взгляд по-оловянному холодным и безразличным. В свое время Вебер лаконично и точно охарактеризовал Тамира: «Не думай, что он не знает страха. Он просто относится к нему, как дрессировщик к хищнику. Это его работа!»

У лидеров бесценное качество нередко: они пропускают мимо ушей нарастающую сирену опасности...

Номи шагнула к нему, и Тамир расчувствованно с ней расцеловался. Потом, подмигнув, позвонил в интерком:

— Перла, дорогая, открой нам и больше себя не утруждай, я здесь с Номи...

Они поднялись на лифте. Тамир вытащил из «джеймс бонда» сейфовый ключ сложнейшей конструкции и открыл дверь. Тещина компаньонка давно дрыхла, но Перлу снедало любопытство. Взмахнув рукавами украшенного яркими лотосами халата, она простерла руки к Номи. Красный хохолок лысеющей шевелюры слегка вздрогнул, а густо загримированное морщинистое лицо озарила загадочная улыбка: поди распознай, кто это — состарившаяся Мона Лиза или Мэрилин Монро? Интересно, мелькнуло в голове Номи, а были ли они знакомы с Монро, ведь на Бродвее обе подвизались в одних и тех же ночных клубах. Правда, Перла была лет на пять старше.

Удовлетворив любопытство, старуха не стала с ними долго засиживаться. Оставив Тамира и его гостью в обществе открытого холодильника, она, слегка пританцовывая и напевая, удалилась в спальню.

Тамир вытащил заказанный в ресторане салат с крабами, бутылку вина и хихикнул:

— Хотел бы я знать, что тебя так подстегнуло? Иначе зачем бы ты стала мчаться сюда из Лило на ночь глядя...

Он предложил Номи поесть:

— Будешь лучше спать...

Но она лишь отрицательно помотала головой.

— Мне еще возвращаться домой...

Ситуация заинтриговала Тамира. Его холодноватые карие глаза смотрели с выражением легкой снисходительности.

— Вы с Маозом начали опасную игру... — отрезала Номи без предисловий.

Кашлянув, Тамир положил вилку на тарелку.

— Знаешь, что мне в тебе нравится, Номи? У тебя нет двойного дна. Все на поверхности...

Она резко и нетерпеливо вздернула голову. Взгляд ее чиркнул словно спичкой по коробку, и он даже ощутил нечто вроде смущения.

— Герцль, я была на той его встрече. Толпа буквально ревела от ярости...

Тамир философски развел руки в стороны:

— Толпа — всегда толпа, Номи...

Но она прервала его с таким напором, что он осекся.

— Маоз уже снова бросил свой клич: нас давят!

— Пусть делает, что хочет. Я контролирую ситуацию... — поморщился Тамир.

— Герцль, ты не в рейде, — встрепенулась Номи. — Не в тылу врага, а на политическом катке! Здесь легко свернуть себе шею...

Но он лишь высокомерно воздел кверху брови:

— Дорогая моя, ты считаешь, что у тебя больше опыта в политике?

Она не выдержала и почти крикнула:

— А если он их выведет на улицу?

В приоткрывшейся двери возник и снова исчез красный хохолок. Теперь старуха уверилась, что сексом здесь не пахнет, и все, что происходит, перестало ее интересовать.

— Не думай, что люди — идиоты. Они знают цену его клоунаде...

Тамир был из тех израильтян, которые уверены, что знают все — от Библии до расписания самолетов. Его самоуверенность бесила Номи. Ей не надо было объяснять, с чем это связано. Кибуцная ограниченность сплелась в его характере с вывернутым наизнанку ницшеанством. Генетическую память поколений о слезах и пинках в рассеянии вытеснил культ сдержанности и вновь обретенного достоинства. Благоприобретенную осторожность вытеснила лихость сбросившего кандалы узника. Все это множилось на презрение к любому напоминанию о былых унижениях.

У евреев все и всегда почему-то складывается не как у других. Сначала сбивающий дыханье рывок вперед, а потом сумасшедший толчок назад. Дно пропасти и слепящий снег вершины. От древней жестоковыйности к беспомощности рассеяния. От залитых кровью человеческих

мясорубок Бабьего Яра и Освенцима — к победе в Шестидневной войне и операции Энтеббе, когда на расстоянии тысяч миль во враждебной стране израильские командос освободили захваченных палестинскими террористами заложников.

Номи взяла себя в руки:

— И ты, и он заинтересованы только в одном: сорвать банк и прийти к власти! А что будет со всеми потом, вам наплевать...

Тамир усмехнулся и постучал ножиком по лежащей на тарелке вилке. Раздался тихий и жалобный звон. В тусклом электрическом свете заурядное лицо его стало похоже на маску загримированного актера, а голос был пронизан сарказмом.

— Уж не Маоз ли тебя послал?

— You are not less son of a bich, than he is³⁹...

Тамир прикусил губу и остановил ее властным движением генеральской руки.

— Ладно, давай по порядку: Розенталь — вор?

— Вор! — согласилась она, побелев от ярости.

— Должен он получить по заслугам или нет?!

— Должен!

— Как по-твоему, связан с ним, пусть даже косвенно, Маоз?

Она сглотнула застрявший в горле ком и устало отвела взгляд в сторону. Тамир продолжал как ни в чем не бывало:

— Пришло время расчистить авгисвы конюшни...

— Знаешь, что самое страшное, Герцль? Вы сейчас деретесь за власть, а она в конце концов все равно окажется не у вас, а у тех, кто побольше урвет за поддержку, у ультраортодоксов, биржевых жучков, протекционеров...

— Я прекращу это... — в его голосе зазвенела благородная сталь.

— Не смей меня, Герцль. До тебя это пытался сделать Альмагор. А чем все кончилось?

— Ситуация просчитана на много ходов вперед, и я управляю ею...

— Многие видят в тебе барина, а ты в них — холопов...

Тамир тяжело прикрыл глаза, а Номи с горечью продолжала:

— Наступит день, и твое поместье подожгут. Посчитают, что достаточно ты им попользовался и теперь их черед...

— Это уже дамская истерика... — покровительственно улыбнулся Тамир.

Номи встала из-за стола и, махнув рукой, направилась к дверям.

— Прощай, Герцль! Просто я еще раз уперлась в стену...

Он недоуменно пожал плечами...

Номи приняла таблетку бондормина и с непривычки уже через десять минут рухнула в тяжелый, изматывающий сон. Утром встала с головной болью. Еще одна ее попытка предотвратить неизбежное кончилась провалом.

Участь пророка незавидна: прежде чем его начнут слушать, его осмистают и оплюют сверху донизу. Но у нее хватит сил повторять эти попытки до тех пор, пока к ней не прислушаются.

Взяв себя в руки, она первым делом связалась по телефону с одним из влиятельных посольских заправил Томом Уилкинсоном. Их с Вебером отношения в свое время были довольно натянутыми, видно, столкнулись где-то на тесном пятачке лбами. Но Номи рассчитывала, что с его помощью ее страхи достигнут нужных ушей в Вашингтоне.

Оросив голос, как дезодорантом, оттенком неожиданной теплоты, этот суховатый, рано полысевший человек со стертой внешностью и не очень здоровым цветом лица осведомился:

— Могу ли я быть вам в чем-то полезен, мисс Шер?

— Я через два часа буду в Тель-Авиве и хочу с вами встретиться.

Пыл готовности выветрился, но отступить было некуда.

В Тель-Авиве она долго искала стоянку, и когда нашла ее, тут же взяла такси, чтобы добраться до посольства.

Уилкинсон встретил ее в двери своего кабинета сухо и деловито.

— Что-нибудь серьезное?

Этот человек был полной противоположностью Веберу. До тошноты трезвый и рассудительный, он небрежно развалился в высоком кресле за пустым и сверкающим лаком письменным столом. С одной стены степенно глядел портрет президента, с других — орегонские фотопейзажи. Уж он-то, Том Уилкинсон, никогда в жизни не развесил бы в своем кабинете ни диковатые африканские маски, ни индейские тотемы.

Поигрывая сигарой, он демонстрировал, что его куда больше интересует нарастающая трубочка пепла, чем посетительница. Номи ощутила неожиданную злость.

— Том, мне лично куда больше понравилось бы, если бы вы так же заботливо играли с пенисом, как с сигарой...

Хозяин кабинета вздрогнул и поперхнулся. Лицо его обрело цвет спелого бурака.

— Вы хорошая ученица, но учитель у вас был дерьмовый, — окрысился он. — Лучше бы вам с ним не встречаться. Взял и превратил хорошенькую девочку в полкового остряка...

39 Ты такой же сукин сын, как он.

Номи пользовалась веберовским рецептом: не на шутку разозлив человека, ты невольно заставишь его воспринимать себя более серьезно.

Том Уилкинсон был умным человеком и не мог не понимать этого. Он снова пыхнул сигарой, но на этот раз примиряюще.

— Кстати, можете продолжать, хотя у меня другие вкусы. Я не Вебер, и мне такие остроты не нравятся.

Он сравнял счет и, довольный собой, сжал губы в подобии высокомерной ухмылки.

— То, о чем я хочу поговорить с вами, вы должны были бы знать по долгу службы...

Уилкинсон тут же наострил уши, как гончая, услышавшая подозрительный шорох в кустах.

— О чем это вы?

— О том, что здесь сейчас происходит. Все это плохо кончится, и наши интересы могут пострадать...

Сигара во рту собеседника погасла. Держа ее обеими руками, он сосредоточенно помогал огоньку проникать все глубже и глубже. Номи понимала, что Том застигнут врасплох. Разглядывая искорки, пританцовывающие на исходящем пеплом кратере, он осторожно спросил:

— Вы о своем новом шефе?

Номи уселась в своем кресле удобней.

— Не только...

— Что случилось? — в упор выстрелил вопросом Уилкинсон.

Номи не отрывала от него дымчато-серого взгляда ведуньи.

— Вы слышали о скандале с хайфским жучком — Розенталем?

Уилкинсон кивнул и тяжеловато прикрыл веки, отчего его лицо стало похоже на маску.

— Слышал...

— Это работа Голана. Старый Лис расчищает путь Герцлю Тамиру...

Уилкинсон задумчиво вытянул губы трубочкой и вытащил изо рта сигару. Казалось, ничто кроме нее его по-прежнему не интересует. Но тайные биорадары трепетно улавливали каждый квант информации. Взгляд его слегка отяжелел, а голова чуть повернулась в сторону посетительницы.

— Я была на сходке, где Маоз собрал свою публику. Это страшно...

По мере того как Уилкинсон слушал, лицо его твердело, словно кто-то чеканил его изнутри. Наконец, он кашлянул и произнес как можно более категорично:

— Это их дела, и не нам в них вмешиваться.

Номи вздрогнула. Уилкинсон был стопроцентным американцем, и, конечно, воспринимал все совсем иначе, чем в свое время Вебер. Поди

знай, что он в действительности испытывал к этой крохотной, истеричной и великой в своем замахе стране?

— Но ведь у вас прямая связь с их службой безопасности...

На виске Уилкинсона вздрогнула маленькая жилка. Он придал голосу коленкоровый, официальный оттенок. На лбу его, у самой переносицы, собралась горсточка нетерпеливых морщин. Наконец, он укоризненно скрипнул голосом:

— Мы не можем позволить себе вмешиваться. Такое уже не раз приводило к непоправимым последствиям...

Это был намек на Джерри, и Номи поняла: здесь она ничего не добьется. Она уже встала, чтобы попрощаться, и именно в этот момент до нее донесся его внезапно потеплевший и доверительный голос:

— Кстати, Номи, вы ведь так близки к Маозу... не могли ли бы вы...

Она остановилась в дверях, окинула его потемневшим взглядом и, недобро усмехнувшись, аккуратно закрыла за собой дверь...

Ощущение беспомощности унижало. Конечно, она могла оправдаться перед собой: чем она отличается от обеспокоенного пассажира, который слышит угрожающий шум в кабине пилотов, но дверь в нее закрыта? Но, как и Джерри, она была неспособна поднять руки и сдаться на милость победителю.

Все, что происходит с человеком, связано с характером, индивидуальным биоритмом и раскладом обстоятельств. Останься она с Ор Левом, ей суждено было бы стать унылой профессорской женой, изливающей неудовлетворенность в вечных стычках с мужем. Не встретиться с Вебером, не познала бы запредельной остроты жизни, с которой хорошо знакомы профессиональные гонщики и тореодоры, игроки или террористы. Откажи Маозу — никогда бы не была допущена в закрытый за семью замками клуб изошренных интриг, какой представляет собой политика.

Номи всегда восставала против избитых истин. Ограничены не возможности, а люди, которые их изыскивают. Но подлинную революцию в ней произвел Вебер, в его математике минута уплотненной жизни стоила больше, чем год размеренной скуки.

Свои жизненные университеты этот человек окончил экстерном, в законные жены избрал авантюру, а в лучшие друзья — риск. Неисправимый игрок, он всегда пытался нащупать, когда и как цепь случайностей превращается в закономерность. Жизнь для него была шумным и перегруженным перекрестком, где планировщиком не предусмотрен светофор. Заезаешься, и тебя тут же собьет ближайшая машина...

Вебер научил ее презирать интеллектуальную анемию и нытье. У нее было такое ощущение, будто он подмигивает ей из другого

измерения и беззвучно, как и все не очень благовоспитанные призраки, шепчет:

— Клади на всех, крошка, и поступай как знаешь! Не смей сдаваться...

И вдруг ее осенило: она знает, что делать! На взбесившийся перекресток она вызовет полицейский наряд прессы...

9

Принцу-консорту телевидения Номи позвонила по своему сотовому телефону:

— Советник Азриэля Маоза — Номи Шер... Можно мне переговорить с господином Пеледом?

Через полминуты в трубке раздался слегка развязный, но напористый голос:

— Ваш звонок кстати! Мы как раз ищем для недельной передачи что-нибудь пикантное...

Тон и манера разговаривать — своего рода визитная карточка. Отпечатки пальцев той невидимой и загадочной субстанции, которая зовется человеческой душой.

Номи постаралась легкой насмешкой сбить с нахала спесь:

— Вы уверены?

В трубке прозвучало мурлыкающее и фамильярное:

— Дорогуша, иначе бы вы не позвонили...

— Вы правы, — усмехнулась она, — я сейчас в Тель-Авиве и у меня примерно полтора часа времени...

— О, этого вполне достаточно! На вашей серебристой «Хонде» до студии примерно пятнадцать минут езды...

Номи хмыкнула. Ей польстило, что этот телевизионный гриф знает о ней такие подробности.

— Договорились!

Увидя ее, он протянул ей хорошо натренированную в спортзалах мускулистую руку.

— Коби Пелед...

Крупный, вальняжный, в тончайшем алом «свечере» поверх модных бриджей, он и вправду походил на сытого хищника: крупный рот, мощный подбородок, острый взгляд цепких светлых глаз.

Номи слегка кивнула. Он с интересом разглядывал ее. В принципе, не столько раздевал, сколько прощупывал, где там у нее кости, чтобы ухватиться посильнее и нажать, а где жирок, который амортизирует удар?

Предвкушая эхо скандала, он потрогал нос двумя пальцами.

— Вы — самый редкий и интересный экземпляр в коллекции вашей партии. Надеюсь, вы не обижаетесь на меня?

Он не назвал Маоза и вместе с тем дал понять, на кого намекает. Этим искусством в совершенстве владеют опытные сплетники — политики и журналисты.

Номи пожала плечами:

— Вы находите?

— Еще бы! Вы резко выделяетесь на общем фоне.

— По расцветке? — недобро спросила Номи.

— Не только, — прозвучало в ответ. — И по размаху крыльев тоже...

Впрочем, я весь внимание...

— Господин Пелед, я ввела вас в заблуждение, я уже не советник Азриэля Маоза...

В его взгляде сверкнул блик острейшего любопытства.

— Что вы говорите?! Не может быть, просто не верится... И с каких пор?

— С позавчерашнего дня...

В его взоре запрыгали похотливые огоньки:

— Ну, тогда это совсем здорово!

Он напомнил ей частного детектива, который прячется под кроватью, покуда жена клиента занимается с любовником сексом, и вдруг, незаметно вылезши, включает мощный фонарь: «А, попалась, кошечка?! Ты еще попрыгаешь у меня... А грудки у тебя ничего... И попочка тоже... Я бы и сам не прочь, только вот служба...»

Жрец популярности ухмыльнулся: «Ты у нас еще та дамочка, — семафорил его взгляд, — стесняться с тобой нечего».

— Надеюсь, вы приготовили для нас не очень пресное блюдо?

— Смотря на чей вкус...

Номи оперлась на спинку кресла и бросила на журналиста острый внимательный взгляд.

— Речь, как вы понимаете, пойдет о политике, господин Пелед...

Тот шутливо поклонился:

— Не сомневался. О чем же еще?!

Она немного помолчала и произнесла будничным голосом:

— Точнее — о попытке раздуть внутриэтнический конфликт.

Он прикрыл веки, но не до конца, и видел все вокруг. Вычислительный центр в его голове бесцеремонного проныры работал надежно и быстро. Иначе он, Коби Пелед, не достиг бы того положения, какое занял в джунглях прессы. Кто-кто, а уж он, Коби, не заплесневелый сухарь и обожал приправить новость таким острым соусом намеков и заключений, что она заглатывалась публикой как деликатес. То, что ему пред-

ложили сейчас, было делом заманчивым, но рискованным. Сомнения, правда, длились недолго. Он с его опытом и ловкостью пройдет и через это минное поле живым и невредимым.

Пелед снова шаловливо потрогал нос и цокнул языком:

— Окей! Я согласен. Но с одним условием... — скорчив озорную гримасу, он облизнул нижнюю губу. — Я — хирург, а вы — пациент на операционном столе. А потому я могу пройти скальпелем, где угодно...

На его лице возникла улыбка шкоды, мол, каков я?!

Номи любезно вздернула брови в ответ:

— Я доверяю докторам...

Пелед встрепенулся. Чем-то ее реакция озадачила его. Он продолжал наблюдать за ней самым внимательнейшим образом.

— Во время операции могут возникнуть неожиданности...

— Например?

— Например, кончится наркоз...

В ее взгляде читалась ирония. Пелед снова лизнул нижнюю губу:

— Ну, скажем, я спрошу вас, правда ли, что вы были любовницей вашего босса?

Это была пробная ракета, которой предстояло осветить грядущее поле боя. Но Номи она застала в полной боевой готовности. Она была не одна, рядом с ней беззвучно, но спасительно семафорил призрак Джерри Вебера: «Эй, крошка! Мы сейчас швырнем его и распластем по полу!» Ей даже показалось, что говорит не она, а Вебер своим привычным издевательским баском.

— Разумеется, каждый волен спрашивать, о чем угодно. Я бы, например, спросила вас, правда ли, что это вы распускаете сплетни о жене премьера?

Если Номи думала, что смутит его, она тоже жестоко ошибалась. Не на того напала.

— Я? Понятия не имею, о чем вы говорите!

— Неужели? Разве не вы раскопали, что она тридцать с чем-то лет назад целых полгода была в компании хиппи и, о ужас, покуривала травку?

— Вы уверены, что это неправда?

— Не знаю. Но я слышала, устроенная вами травля довела ее мужа до второго инфаркта.

В ответ он непроницаемо улыбнулся. «Тебе еще подрасти, детка», — говорил его взгляд...

— Вы не знаете основного правила прессы: у политика, как у Папы Римского, нет и не должно быть секретов. — Затем, игриво взглянув на нее исподлобья, он спросил: — Вы, наверное, догадываетесь, что у вас будут вполне достойные оппоненты?

Номи энергично развела руками.

— Еще бы! Иначе какой во всем этом смысл?

Чем-то эта женщина сбивала его с толку. Ладно, это еще полбеды: она, как бы поточнее выразиться, заставляла его чувствовать своего рода беспокойство. С таким явлением в своей практике Коби Пелед почти не сталкивался. Но показывать ей этого он не собирался.

Слегка, якобы сконфузившись, он прижег ее насмешливым взглядом.

— Мисс Шер или... миссис Вебер... Так вы послезавтра у нас?

Она очаровательно, но скромно улыбнулась в ответ:

— Номи, просто Номи, господин Пелед, я не телезвезда...

И она протянула ему свою твердую, по-мужски энергичную руку.

10

Уже по настрою тех, кто восседал за большим круглым столом рядом с ведущим, можно было понять, что ни вид оружия, ни его убойная сила в этой схватке контролю не подлежат. С возможными последствиями никто просто не станет считаться. А пленных, даже если они вдруг останутся в живых, добьют тут же, на месте...

Среди приглашенных Номи видела раньше, да и то лишь на экране, пылкую амазонку ориентализма Далию Шарвит.

Благодушно улыбаясь, Коби Пелед потирал руки. Ему бы сейчас куда больше подошла римская туника, а ей и всем ее гипотетическим оппонентам — короткие юбочки гладиаторов. За две тысячи лет лозунг «Хлеба и зрелищ!» не потерял своей актуальности. Зрители в зале оживленно переговаривались.

В предвкушении удачного и живописного боя организатор был в хорошем настроении:

— Тема нашей сегодняшней встречи — конфликт между вторым и третьим поколениями выходцев из Европы, с одной стороны, и Азии и Африки, с другой.

Пелед развел руки в стороны и окинул гостей острым взглядом. Выждав пару секунд, чтобы смысл его слов лучше дошел до присутствующих, он продолжил:

— Но прежде, о маленькой сенсации. Номи Шер, советник заместителя главы правительства Азриэля Маоза, оставила свою должность в знак протеста против попыток представить следствие по делу Дорона Розенталя как провокацию ашкеназийского истеблишмента...

В зале повисла недобрая тишина. Во взглядах участников дискуссии заиграли боевые восторги. Бойцы разминались перед решающей схваткой.

С изрядной долей галантности в голосе и жестах Пелед, почти мурлыкая, осведомился:

— Не так ли, Номи Шер?

Его мощный подбородок выпятился вперед, а губы причмокнули. Номи согласно кивнула.

Ведущий экранировал воодушевление:

— Итак, Дорон Розенталь! Кто он на самом деле? Преступник? Жертва обстоятельств?

Пелед поднял вверх правую ладонь и щелкнул пальцами, стартовый пистолет подал сигнал...

Вызов был тут же принят. Рапиру подняла Далия Шарвит.

— Смотри, кто судьбы!

Ее темные глаза обрели бездонную глубину.

— Предположим, вы!

Лицо амазонки высветилось внутренней убежденностью, она энергично оперлась на стол.

— Тогда жертва! Хотя бы потому, что Розенталь был заранее обречен. Ведь он принадлежал к самой низшей касте израильского общества — выходцам из Северной Африки. Можете мне поверить, он еврей среди евреев! Таким вход через парадные ворота заказан, и они, озираясь по сторонам, прокрадываются через черный ход...

Пелед походил на почуявшего жертву грифа, и Номи дала ему про себя кличку: телеграф. Сейчас он без особых церемоний прервал эту даму и решительно обернулся к другой:

— Вы, кажется, с этим не согласны, Номи Шер. Кто Дорон Розенталь, по-вашему?

Он был в ударе, все складывалось как нельзя лучше. Публика в зале медленно, но верно разогревалась. К телевизионным экранам были прикованы сотни тысяч глаз.

На Номи его спесь произвела обратное действие: ей захотелось воткнуть ему острую шпильку в большую мозоль.

— Дорон Розенталь — жулик, мелкая сошка. Сейчас его хотят воспользоваться в крупных политических целях...

Ее резковатый с несильным американским акцентом голос четко прорезал стусившийся воздух.

Один из оппонентов, смуглый и трепетно нервный молодой человек с серьгой в ухе протестующе стукнул по столу:

— Это расизм! Суда над Розенталем еще не было, а его уже приговорили! Только потому, что он — выходец с Востока?

Не поведя и бровью, Номи спокойно возразила:

— Ваш Дорон Розенталь интересует меня, как прошлогодний снег. Но на нем, как на банановой кожуре, может поскользнуться вся страна.

Сероглазый блондин за столом бесцеремонно оборвал Номи.

— Вы правы! Все подстроено так, чтобы скомпрометировать Азриэля Маоза. Не дать ему выставить свою кандидатуру в премьеры! Еще бы, марокканец на ашкеназийском олимпе?!

Как ироничный тон, так и сама стилистика не оставляли никакого сомнения: в дискуссию вступил не какой-нибудь крикливый зеленщик, а лощеный интеллеktуал.

Телеграф повернулся к Номи, и крупный рот его разъехался в улыбке, как тюремные ворота перед «воронком», прежде чем наглухо захлопнуться...

— А чем, и правда, не устроил бы вас Азриэль Маоз в кресле премьера?

Номи язвительно отгрызнулась, словно кто-то ущипнул ее за задницу, и это потребовало немедленной оплеухи в ответ:

— Хотя бы тем, что есть люди куда более талантливые и образованные, для кого собственный имидж — не самая бесценная святыня.

Пелед бросил на нее игривый взгляд: он ведь еще даже не начал потрошить ей внутренности...

— Политика — не спорт и не театр, — не дала она ему взять инициативу в свои руки. — Скрываться от ее последствий приходится порой в бомбоубежищах...

Часть зала захлопала, другая — негодуяще загудела. Раздосадованный пиротехник от средств массовой информации — эта стерва отвлекла от него внимание — швырнул в разгорающийся костер скандала новую шутиху.

— Может быть, в вас все же говорит оскорбленная женщина? Ведь у вас был, кажется, роман с Азриэлем Маозом?

На губах у Номи заиграла недобрая усмешка. Апломб притупляет зоркость. Гриф принял притаившуюся кобру за кролика. Номи давно подготовила себя к этому вопросу:

— Господин Пелед, давайте начистоту: кто к вам обратился, чтобы дискредитировать Маоза? Ведь вы всегда строили свое профессиональное реноме на том, что компрометировали противников ваших заказчиков...

Кто-то в зале захрюкал от удовольствия, по рядам скачущим мячом проскочил смех.

Лицо Пеледа стало синюшным. Начни он сейчас перебранку с этой сучкой, вся его затея обратится против него. В одном он не сомневался, информация у нее от Марциано, а Фуше был самым опасным из его соперников.

Прикрыв на мгновение глаза, Пелед горестно развел руками. Этот жест должен был сказать телезрителям о поруганной чести и трагической необ-

ходимости интеллигентной сдержанности. Уже самим своим нежеланием и неготовностью стать с ней на одну доску он опровергал постыдный навет.

— Давайте лучше поговорим о корнях проблемы...

Пелед слегка подвинулся, и рядом с ним проворно возник мужчина лет сорока пяти. Курчавая шапка густых черных волос, хороший костюм с галстуком дразнящего цвета.

В голосе ведущего прозвучали надежда и предвкушение: теперь держись, стерва!

— Адвокат Давид Азулай из Хайфы, я обращаюсь к вам. Где корни антагонизма, о котором упомянула Номи Шер?

Адвокат заговорил быстро и энергично, всаживая слова, как пули — в мишень.

— В Израиле не было и нет настоящего плюрализма. Его задавил ашкеназийский империализм... — он обернулся к залу и, хотя его никто не прерывал, бросил: — Да-да, я хорошо знаю, что говорю, и нечего затыкать мне рот!

Он явно подготовил и следующую маленькую, но эффектную сценку. Демонстративно достав из кармана красную феску, адвокат Азулай жестом фокусника натянул ее на голову.

— Для нас Восток — не географические координаты, а культурная колыбель. Там наши корни, а вы хотите их уничтожить?!

В зале послышался легкий ропот. Тогда он повысил голос и поправил микрофон:

— Вы отняли у нас все, кроме религии, — культуру, средства, достоинство...

Теперь зал напоминал разгневанный стадион, где зрители, разъяренные игрой не по правилам, готовы обрушиться на судей и игроков, а потом заняться сведением счетов друг с другом.

Несколько минут ведущий не мог успокоить собравшихся. Казалось, потасовка просто неизбежна. Как профессионала его это могло поразить, но нельзя было забывать о правилах игры...

11

Наконец, настойчивые призывы и угрозы прекратить балаган возыме-ли действие, и шум улегся.

— Профессор Гинзбург, — протянул Пелед руку в сторону невзрачного и до сих пор молчавшего пожилого человека в нелепых очках, — ваша точка зрения...

— Все это — следствие разочарования. В начале восьмидесятых казалось, произойдет естественная смена караула, место выходцев из Европы в правящей элите займут те, чьи корни на Востоке. Ведь тогда они составляли большинство. А потом нагрянул шквал репатриации из бывшего СССР, и неотвратимая реальность обернулась утраченной иллюзией...

Поджидавшая удачного случая с наскока нанести фланговый удар, внезапно ринулась в атаку Далия Шарвит. Голос у нее был звонкий и легко взмыл над пчелиным жужжанием зала.

— Профессор Гинзбург прав, выходцы из Европы боятся потерять свою гегемонию. Он лишь забыл добавить, что четверть миллиона новых эмигрантов из России и бывших советских республик — не евреи. Прибавьте к этому такое же количество иностранных рабочих: румын, китайцев, болгар, тайландцев. За доллары с ними легче найти общий язык... Надо ли объяснять, почему некоторые секторы создают свои детские сады, школы и курсы?

Номи не дала ей закончить:

— Если вы о религиозном секторе, радоваться нечему. Через полтора десятка лет появится целое поколение недоучек и станет еще громче кричать о дискриминации? Это вы их дискриминируете своим сепаратизмом! Говорите о будущем, а готовите к прошлому! Кстати, а как насчет ваших собственных детей, Далия? Вы пошлете их учиться в религиозную школу? А как к этому отнесется ваш муж, ведь он, кажется, из Венгрии?

Соперница почувствовала себя так, словно у нее вырвали из шевелюры порядочный клочок волос. Она уже открыла рот, чтобы окатить эту американскую стерву ведром помоев, но ее властно остановил ведущий. Небрежно откинувшись на спинку стула и шаловливо потерев двумя пальцами переносицу, он решительно поднял руку, призывая к спокойствию. В цепком плотоядном взгляде его посверкивали озорные искорки:

— Если абстрагироваться от двусмысленностей, выходит...

Но его громогласно оборвал, вскочив со своего места, адвокат в красной феске:

— Выходит, есть евреи и есть евреи!

Поза у него при этом была такая, словно он вот-вот вытащит и широко развернет знамя, а потом пойдет сражаться на баррикадах.

Пелед стиснул зубы. Весь его вид выражал крайнюю решимость. Чтобы усадить ниспровергателя на место, он привстал и застучал карандашом по столу.

— Профессор Гинзбург, и вы тоже считаете, что интересы двух крупнейших общин страны несовместимы?

Эксперт из ученого мира снял очки и стал задумчиво протирать линзы:

— Если речь идет об удельном весе выходцев с Востока в правительстве и Кнессете, то повода для беспокойства и быть не может, разрыва уже не существует. Весь спор только о том, кто сегодня премьер?! Но дело не только в политике...

— А в чем, профессор?

Самим своим тоном телеведущий подчеркивал, что надеется получить точный, как математическая формула, ответ.

— Если определенная группа в составе любой нации выделяет себя и не желает смешиваться с другими, то все обстоит куда менее однозначно. В истории уже бывали случаи, когда один этнос давал начало разным народам...

— К расколу привели вы! Ваш ашкеназийский истеблишмент! Одна нация — кварталы нищеты, а другая — виллы и пентхаузы!

Это, нащупав новую точку опоры, взволнованно бросилась в бой Даля Шарвит. Но Номи всадила в нее новую и едкую шпильку:

— Тогда мы с вами — одной нации! Вы ведь тоже живете не в квартале нищеты...

Язвительность Номи не осталась незамеченной. По залу рассыпались смешки. Но довольный оскал телеведущего уже сполз с его лица. Он всерьез опасался, что пикантная стычка превратится в постыдное побоище, а его самого обвинят в подстрекательстве. На слишком уж опасные рельсы вдруг перескочил ведомый им локомотив.

А тут еще, черт бы его побрал, снова возник адвокат Азулай. Рубанув рукой воздух, он поправил феску и прокричал:

— Две нации давно существуют! И одной из них — нам, выходцам с Востока, — нанесена незаживающая историческая травма! Пока российские сионисты не появились в Палестине, никаких войн здесь полтысячелетия не было! Как не было их, кстати, и в Марокко. Это вы развязали их здесь...

Зал задрожал от гула. Ведущий остервенело стучал молотком, но гость и не думал замолкать.

— Вы, а не мы обманом захватывали и за бесценок скупали имущество у феллахов! Вы, а не мы превратили их в чудовища, а потом дискредитировали и нас! Где была создана машина уничтожения? На Востоке? И после этого с Германией, уничтожившей шесть миллионов евреев, вы примирились, а с теми, кого сами же и вытесняете, — нет?

Этот просчет мог перечеркнуть всю профессиональную карьеру Пеледа. Телеграф собирался выпустить пар вхолостую и сорвать аплодисменты, а этот тип, рванувшись, как пар из кастрюли-скороварки, ошпарил всех вокруг.

Люди обожают театр, если действие происходит на острое ножа. Но если на сцене кто-то выхватывает настоящий нож, они в шоке...

Ток-шоу захлебнулось. Потеряв самообладание, Пелед стучал по столу, пытаясь перекричать шум и перейти к другой теме.

— Прошу приглашенных покинуть свои места за столом! Что мне, полицию вызывать, что ли?

Из зала раздался вызвавший громовой смех голос:

— Армию!

Принцу-консORTу электронной прессы выпала незавидная роль вышибалы из бара. Он с досадой и раздражением выпроваживал разгулявшихся гостей.

12

Номи вернулась домой. Автоответчик был полон записей. Ею восхищались и ругали последними словами. Выражали поддержку и угрожали расправой. Убойной силы закончившейся ленты хватило бы на то, чтобы взорвать небоскреб, а не человека.

Предусмотрительно выключив телефон, Номи заново включила его лишь в половине двенадцатого ночи, чтобы позвонить одной из знакомых. Но нужный номер она набрать не успела. Ее безапелляционно остановил энергичный мужской голос.

— Номи Шер?

Решительно демонстрируя нежелание вести поздние беседы с незнакомыми людьми, Номи отрезала:

— Она самая...

— Согласен с вами на все сто...

— Что? Спасибо!

И несколько придя в себя, попыталась поставить этого нахала на место.

— Это все?

— Нет, почему же! Если вам когда-нибудь понадобится помощь...

Номи вложила в свой голос всю еще не отравленную ядом беспомощности иронию.

— Чтоб вы знали, я не собираюсь создавать новую политическую партию...

— Догадываюсь...

Не то чтобы она растерялась, просто не нашла сразу нужного тона.

— В любом случае, спасибо за звонок...

— Принято во внимание...

Это ее рассмешило. Вместо того, чтобы повесить трубку, она неосторожно спросила:

— Сколько времени вы дозванивались?

— Полтора часа...

Номи против воли улыбнулась: судя по краткости ответов — солдафон. Уже через пару месяцев после окончания службы люди обычно избавляются от казарменного тона.

— Вы что, военный?

— Вроде того...

Было забавно, напряжение спало, как рюкзак с натруженных плеч. Она сама продолжила разговор:

— Лейтенант?

— Был таким лет двенадцать назад...

Номи сделала мгновенный мысленный расчет:

— Подполковник? Полковник?

— Попали в точку...

— Ну? Так чем же вы собираетесь мне помочь?

Ответ был коротким и убедительным:

— Не знаю...

Она продолжала забавляться, хотя не могла бы объяснить, почему делала это.

— А с кем я, собственно, разговариваю, если это не военная тайна?

В полном соответствии с правилами армейской цензуры собеседник назвал свое имя и первую букву фамилии:

— Гай «Шин», запишите номер моего сотового телефона...

— Вы уверены, что он мне понадобится?

— Для телефонной беседы я и без того наговорил слишком много.

Доброй ночи...

В ухе ее отрезвляюще прозвучал отбой. Необъяснимый звонок. Странный разговор. Загадочный собеседник...

На следующее утро с ней связался помощник Маоза Морис Афарган:

— Босс очень расстроен, от вас он такого не ожидал...

Она представила себе его постную, но упитанную физиономию и скользнувшие куда-то в сторону маленькие глазки.

— Я надеюсь, мое заявление об отставке принято...

— Господин заместитель главы правительства звонил вам вчера весь вечер. Даже ночью. Но у вас был выключен телефон. Сразу после возвращения из Парижа он с вами свяжется.

Когда Афарган торопился, он вместо буквы «пэ» произносил «эф».

По ее лицу проскочила насмешливая улыбка:

— Даже из Фарижа?

Афарган не ответил. В конце концов, он не был обязан реагировать на шпильки этой особы. Он напомнил ей то, о чем ей было известно еще неделю назад: Маоз во Франции.

На душе у Номи было смутно и скользко. Ну, хорошо, драчка в прессе удалась! А что дальше? Полупасили друг друга и успокоились? Куда теперь кинуться? К кому взывать? Кого пытаться убедить в реальности надвигающейся катастрофы?

В зияющую щель памяти непрощено протиснулся вчерашний звонок. Когда тебя окружает холод изоляции, чье-то, пусть даже грубоватое, но искреннее внимание согревает. Пустота и одиночество вдруг наполняются голосами, а жизнь — смыслом.

Если бы она только могла представить себе, к чему все это приведет..

ЧАСТЬ V ВЗРЫВ

1

— Гиди, — Ор Лев услышал идущий откуда-то изнутри, чуть хриловатый голос жены, — тебе это будет небезынтересно...

Ее манера говорить возбуждала его сексуальные рецепторы.

Он только вошел в дверь, по-видимому, Гортензия узнала его по шагам.

Как и всегда, когда в доме не было чужих, она лежала на софе одетая так, что казалась раздетой. Ну прямо Маха с картины Гойи. Правильное, с крупными зрелыми чертами лицо ее повернулось навстречу ему. Лево́й рукой она подперла щеку, в правой держала бокал с соком.

С ленивым любопытством глядя на экран телевизора, Гортензия цедила через пластмассовую трубочку бледно-желтую жидкость. На тонком пальце ярким снопиком света плавился бриллиант старинного перстня — подарок отца.

Ор Лев чуть наклонился к жене. Она привычно откинула голову назад, словно подставляя ему себя, чтобы он еще лучше почувствовал ее тепло и запах. Но уже в следующую секунду он забыл и о ней, и обо всем вокруг. С экрана прямо ему в глаза глядела Номи Шер...

Камера, словно нарочно, выбрала крупный план. Ор Лев так впился в нее взглядом, что на губах Гортензии появилась лукавая улыбка.

— Ты ее знаешь?

Ор Лев вздрогнул и покраснел, он не любил, когда кто-то пытался залезть к нему в душу, даже жена. Чаще всего, кстати, она проявляла поразительную деликатность, что во многом и определило их отношения.

Гортензия была не просто умна, она инстинктивно и верно разгадывала психологический код человека. Зная его, не так уж трудно настро-

иться на нужную волну. Наверное, поэтому она так легко и свободно чувствовала себя в любом обществе.

Правда, у Ор Лева эта духовная всеядность вызывала тщательно законспирированные уколы ревности. Почему она, а не он так легко и свободно вписывается в любую компанию? Нельзя ведь всерьез сравнивать их интеллектуальные уровни. Он бы никогда и никому в этом не сознался, но сам себя убеждал, что это связано с тайной женской сущью. Своего рода биологией пола.

То, что он видел и слышал, застыв перед телевизором в неудобной позе, походило на массовый публичный стриптиз или оргию. Все со всеми, но каждый занят только собой. Как в скрытом от посторонних глаз сектантском ритуале. На экране коллективно и с готовностью выставлялись напоказ уродства, а возбужденная публика испытывала почти сексуальные страсти. Психология вытеснялась физиологией, цивилизованность уступала место инстинктам.

Но что-то, видимо, изменилось за последние месяцы в самом Ор Леве. Интеллектуальное любопытство изгадил торгашеский расчет: как это может отразиться на выборах?

В одном Ор Лев несколько не сомневался — счастье, что его кратковременный роман с Номи Шер кончился ничем. Останься он с ней, его бы унесло на дно. Раздавило в водовороте сумасбродства. Для Номи граница между «можно» и «нельзя», «допустимо» и «недопустимо» начисто стерта, а ее порывы неуправляемы.

Он даже ощутил прилив нежной благодарности к жене. Она всегда была его спасательным кругом. Правда, в не меньшей степени и скрытым в тумане загадочным маяком. Тем, что от тебя рукой подать, но к нему не подойти — разобьешься о скалы.

Маха повернулась на софе, открывая свое полное, готовое брызнуть поздними соками бедро. Оно мерцало в неярком электрическом свете, как похотливый взгляд из-за приспущенных ресниц. Рука Ор Лева невольно потянулась к нему. Как сомнамбула, отрешенно и примагниченно, скользил он по мерцающей саванне кожи туда, вглубь, в таинственные джунгли скрывшегося за тонкой полоской трусов лобка, пока, вздрогнув, не нащупал обрыв и не ощутил его горячую и пульсирующую бездну. Перед ним мелькнул приоткрывшийся лаз рта с еще не тронутыми дантистом сталактитами и сталагмитами зубов, а оттуда паровыми выхлопами било замедленное наслаждением дыхание. Ор Лев старался освободиться от одежды. Напрасно! Тогда, свалившись на пол, он, как библейский Самсон, обрушил на себя заплывавший храм секса и нирваны.

Ни одна женщина не возбуждала в нем такого неодолимого желания, как Гортензия. Вот и сейчас, сидя на нем, вздрагивая крупным тазом

и прижимая его руки к своим отяжелевшим уже грудям, она доводила его до иступления не горячечным ритмом и силой толчков, а глубинным, удерживаемым от шума и суеты, клочкотом плоти. Наверное, поэтому даже потом, после оргазма, он всегда старался подольше удержать на себе, не отпустить это неторопливое, податливое, чуткое и непознаваемое тело...

Сотовый телефон трещал, как взбесившийся. Ор Лев, скривившись, снял трубку: не очень многие знали его номер. В ответ он услышал торопливый, слегка сюсюкающий голос:

— Гидеон? Морис Афарган! Как вам спектакль?

Ор Лев еле сдержался, чтобы не сказать резкость. Но теперь, после пяти месяцев партийной шлифовки, он до конца постиг, что искренность в политике — самый надежный способ самоубийства.

— Мне это не нравится...

— Что вы, что вы! Я только что звонил в Париж и говорил с Его Честью...

Пронырливый клерк вызывал в нем неприязнь. Этакий беззастенчивый выскочка.

— Я сказал, что отправляю ему ближайшим же самолетом пленку с видеозаписью.

Ор Леву послышалось: «Фариж» и «фленка». Впрочем, Афарган, видимо, занимался с логопедом, потому что такие проколы случались с ним все реже и реже.

Чтобы хоть как-то откликнуться, Ор Лев неопределенно хмыкнул. Но Афарган с энтузиазмом продолжал:

— Эта американская дура устроила нам бесплатную сорокаминутную рекламу на всю страну! Мы выиграли немало голосов...

Решив поставить его на место, Ор Лев буркнул:

— Боюсь, еще больше проиграли...

Афарган мягко возразил:

— Я заказал телефонный опрос. Уверен, наша популярность только вырастет...

2

Разговор с Афарганом лишь подогрел растущую тревогу. Ор Лев пытался придумать какой-нибудь выход из положения, но в раздражении отвергал все, что приходило в голову. Переубеждать Маоза — бесполезное занятие. Все равно что влиять на Тамира. Поделиться своими опасениями с кем-то из шефов службы безопасности? В лучшем случае его сочтут истериком, а в худшем — провокатором...

Ор Лев понимал, что острее всего конфликт разгорится между выходцами с Востока и репатриантами из бывшего Советского Союза. И чем больше он думал о последствиях, тем отчетливее вызревало решение: он обязан встретиться с кем-то из закулисных маклеров. Рисковать встречей с депутатами Кнессета было просто самоубийственно. Все тут же вышло бы наружу, и идея была бы загублена, еще не родившись.

Единственное, о чем он просил, чтобы об этом знал лишь самый узкий круг лиц. Его обнадежили и назначили свидание на вилле у ловкого страхового агента в Гиват Зеев⁴⁰ в девять вечера.

Ор Лев заказал такси и нырнул в него в пятистах метрах от дома. Не хотел, чтобы его узнали. Впрочем, кому уж так он, собственно, был известен? Промчавшись по магистрали на север, машина потом довольно долго блуждала по длинной и нескладной улице, одна часть которой была на десяток метров выше другой и отделялась металлическим забором.

Все здесь напоминало оживший сон скороспелого нувориша. Пара шестиэтажных особняков, где между этажами степенно застыли лифты, вкусовой разнорядной соседних двух- и трехъярусных домов, щеголеватые машины, припаркованные не только на крытых стоянках, но и рядом на улице. Наконец, вилла была найдена — к ней подъезжали с другой стороны. Хозяин, полный, чуть одышливый мужчина лет пятидесяти пяти, уняв смахивающего на носорога пса, провел Ор Лева внутрь.

В салоне навстречу Ор Леву поднялся невысокий, интеллигентного вида сидящий блондин. Ор Лев знал, что свою карьеру он построил на удачной рекламе чипсов, а потом — сотовых телефонов. Теперь он энергично осваивал новую для себя и захватывающую своей перспективностью стезю — политику. Видимо поэтому он, протянув Ор Леву руку, представился довольно напыщенно:

— Леонид Лившиц, советник по имиджу.

Не какой-нибудь там разбогатевший и чересчур деятельный импортер детских памперсов, а набирающий силу партийный босс. Не нагловатый мафиози, наживший состояние на продаже подержанных машин, а пользующийся влиянием политикан местного масштаба.

Именно он руководил предвыборной кампанией одной из так называемых «русских» партий. И именно через него без шума и сплетен можно было выйти на влиятельных лиц общинного лобби.

Лившиц явно старался произвести на гостя впечатление.

— Не буду скрывать, много о вас слышал, профессор... Приятно встретиться с таким человеком. Если чем-то могу быть полезным... — он

⁴⁰ Гиват Зеев — небольшой городок под Иерусалимом.

говорил без всякого акцента. Видно, приехал в Израиль с родителями еще мальчонкой.

Хозяин дома пододвинул к гостям журнальный столик с фисташками и сухофруктами и приготовился слушать.

— Что-нибудь горячительное! Виски? Коньяк? Водку? Нет? Тогда чай и кофе. Какой предпочитаете пирог?

Ор Лев попросил апельсинового сока со льдом. Лившиц — грейпфрутового.

Он явно соблюдал такт модной политкорректности: ничем не выделяться на фоне окружения.

Опершись о спинку кресла, Лившиц кашлянул и приготовился слушать. По-видимому, так он демонстрировал свою неординарную деловитость.

— Вряд ли вам надо объяснять, — начал Ор Лев, — что политическая атмосфера раскалена до предела. Нам обоим хорошо известно, во что все это может вылиться...

Уже через пару минут Ор Лев понял: все напрасно, перед ним глухая стена. Не очень заботясь о впечатлении, которое могут произвести его слова, собеседник вдруг спросил в лоб:

— Не могли бы вы, профессор, сказать более конкретно, кто за вами стоит? Кого вы, собственно, представляете?

Ор Лева передернуло от этого снисходительного хамства. Но он пересилил себя. А правда — кто?

Хозяин дома уже раскладывал на столике блюдо с пирогом и чашечки с кофе. Но Ор Лев даже не взглянул на эти приготовления. Из его, Ор Лева, затеи явно ничего не получалось. Он пришел в поисках единомышленников, а его собеседник с самого начала взял на себя роль коммерсанта-посредника. Его, видите ли, интересовало лишь, какими могут быть дивиденды. Иначе говоря, какими капиталами располагает клиент?

Ор Лев решил прошибить лбом стену и принялся рассказывать об опасностях, которые подстерегают страну, если межобщинный конфликт разрастется. Но на лице Лившица явственно читалась скука. Раз все это самодеятельность, кому она нужна?

Прощаясь, Лившиц уверил Ор Лева, что все, о чем он сейчас услышал, дойдет до нужных ушей. Но в проигрыше своем Ор Лев уже не сомневался. Он понял одно — ход Маоза оказался «русским» кругам на руку. Если враг налицо, значит, оправдано существование бойцов и жертв. Знаменосцев и барабанщиков. И что куда важнее, окопавшегося в глубоком тылу комфортабельного генерального штаба, где мужественные и беззаветно преданные идее генералы кладут свои жизни, чтобы защитить погранные интересы многих сотен тысяч подопечных.

Наверное, если бы этот человек олицетворял безликую, ощущающую свою растерянность перед эпохой высоких технологий массу, все было бы проще и понятней. Но речь ведь шла о тех, у кого за плечами высшее образование, специальность и опыт. Почему же даже в этой среде наверх всплывают лишь жаждущие власти манипуляторы, ловкачи и маклеры?

Уже через день, встретив Ор Лева, Афарган спросил, словно осведомился о мелкой и обыденной детали:

— Говорят, вы были в Гиват Зеэеве?

Значит, Маозу уже доложили.

Ор Лев насмешливо вперился в Афаргана взглядом и бесстрастно ухмыльнулся:

— Никогда и нигде не видел столько собак...

Тот проказливо хохотнул...

Что еще удивительнее, в тот же день незнакомый голос с русским акцентом попросил его по телефону о встрече. Ор Лев хотел было отказать, но ему стало неудобно, и он согласился. Звонивший, как и он сам когда-то, был докторантом в университете.

Как и было условлено, Ор Лев вошел в читальный зал. Навстречу ему мгновенно поднялся худой брюнет в очках лет тридцати. Чем-то, может, своей застенчивой улыбкой, он напомнил Ор Лева себя самого, каким он был лет двадцать назад, — еще полным планов и надежд и не разочарованным жизнью.

Чтобы ободрить собеседника, Ор Лев улыбнулся и протянул руку. Докторант подслеповато щурился. Стекла очков его были очень толстыми, из-под них с надеждой глядели светло-карие глаза. «Сколько же у него диоптрий?» — рассеянно подумал Ор Лев.

— Я — Алекс Гриншпун, с кафедры физики...

Ор Лев разглядывал его с откровенным любопытством. Слегка запнувшись, докторант добавил:

— Занимаюсь жидкими кристаллами...

Они сели рядом. Разговор шел тихий, слышать их никто не мог.

— Если разрешите, я хотел с вами встретиться по делу. Не очень, правда, обычному...

Ор Лев ободряюще кивнул.

— Вы что-нибудь слышали об обществе «Политике — порядочность»? Оно уже довольно многочисленно, правда, состоит в нем в основном выходцы из России...

Взглянув на Ор Лева, он заторопился.

— Рыночные нравы в управлении государством надоели всем, независимо от взглядов и происхождения. Обман, торговля, грязь, скандалы... Мы уверены, все можно и нужно делать иначе...

Стараясь, чтобы его голос прозвучал как можно более мягко, Ор Лев прервал его.

— Алекс, все это очень хорошо, но почему именно я?

Мигнув расширившимися от удивления глазами, тот слегка смешался, но тут же взял себя в руки.

— Мы хотим, чтобы к нам примкнули интеллектуалы — выходцы с Востока. Если вы согласитесь присоединиться к нам, вслед за вами пойдут многие. Вам поверят.

Ор Лев кивнул и улыбнулся, но улыбка вышла грустной. Пожалуй, даже жалкой. Пойди он на такой шаг, его бы отшвырнуло с орбиты, на которую он только-только вышел. Да и выглядеть в глазах окружающих инфантильным чудаком он вовсе не хотел.

Почувствовав неловкость, Ор Лев извинился:

— Знаете, если я хотя бы был депутатом Кнессета...

Алекс попробовал неловко обороняться:

— Профессор Ор Лев, авторитет выше любых званий и постов...

Но оба знали, что все бесполезно.

Докторант в последний раз мигнул из-под очков.

— Жаль! Какими бы прожектерами мы не казались, за нами будущее. Было время, демократия тоже казалась недостижимой...

Ор Лев вздохнул. Ему было неприятно. Фактически им самим на этот раз руководили те же соображения, что и земляком этого парня, с которым он накануне встречался в Гиват Зееве...

3

А в пятницу его ждал еще один крайне неприятный сюрприз. На первой странице толстого иерусалимского еженедельника он увидел свою фотографию, а под ней интригующую приписку: подробности — дальше...

Еще один стриптиз, теперь его собственный и без его ведома.

Расшвыряв по полу страницы, Ор Лев нашел то, что искал. Ничего отвратительнее представить себе было невозможно. На трех страницах с фотографиями — где и как они их только раскопали? — киллеры от средств массовой информации без наркоза взрезали ему внутренности и копались в них грязными руками.

Взмокнув от ярости и бессилия, он проглядывал подзаголовки и подписи к снимкам.

Как и положено в таких случаях, факты густо переплетались со слухами, а сплетни — с домыслами. Способ скомпрометировать его был

избран самый простой и надежный: Ор Лев, оказывается, лишь послушная пешка в сложной и многоходовой игре могущественного тестя-мафиози. Без него Гиди Ор Лева бы просто не существовало. Менахем Бускила оплачивал ему обучение, содержал и двигал вперед. А когда он, Ор Лев, встал на ноги, добился, чтобы его послали в Штаты в один из престижных университетов Бостона. Цель была дальней и хорошо продуманной — профессорская должность как скоростной двигатель для политической карьеры.

Все это пережедалось с сенсационными подробностями о бускиловских махинациях и трюках и о его связях с сильными мира сего. Но о Маозе говорилось очень мало и крайне глухо.

Ор Лев понимал, что сейчас, на гребне политического успеха, его бы с удовольствием дружно подмяли под себя не только смертельные враги, но и закадычные друзья. Разница в том, что одни делали бы это открыто, а другие — прикрываясь участием и сочувствием.

Чтобы оправдаться, ему потребовался бы полк опытных частных сыщиков. Да и чего бы он достиг? Угробил потом пару лет на судебную нервотрепку, чтобы в конце концов получить легкое, сквозь зубы, извинение? Ведь Израиль — не Америка, и за клевету крупных компенсаций не добьешься. А грязь тем временем висела бы на нем клоушьями?

Гортензия переводила настороженный взгляд с мужа на газетные листы и наоборот. Текст она не читала, а быстро проскальзывала по нему глазами, будто искала в нем что-то крайне важное. Полуоткрытая, словно навынос, грудь ее слегка вздымалась. Впрочем, она довольно быстро обрела свое обычное спокойствие.

Кто за этим стоял, Ор Лев не знал. Возможно, Голан с Тамиром, но не исключено, что Маоз или Марциано. Следов никто из инициаторов, понятно, не оставлял...

Вздохнув, Гортензия попыталась его успокоить:

— Гиди! Когда тебя впервые окунают в грязь — это невыносимо. Но и это пройдет. Газетчики сделали на отце миллионы. Он им в лицо говорил: «Если я — дерьмо и воняю, то вы — мухи и разносите заразу!» Они еще запоют тебе аллилуйю...

И на этот раз первым его разыскал по телефону помощник Маоза, Афарган.

— Теперь вы не сомневаетесь, кто все это организовал?

Ор Лев молчал. Он бы многое дал, чтобы этого разговора вообще не было.

— Это в их вкусе, такое свинство. Надеюсь, вас эта грязь не очень задела, Гидеон?

Афарган настойчиво называл его по имени. Черт с ним, пусть тешится...
Теперь он распространялся о коварстве соперников. Ор Лев не очень-то его слушал, но едва Афарган упомянул имя Марциано, насторожился.
— А что, Иекутиэль ни о чем вас не предупреждал? Он ведь обычно знает о таких вещах заранее...

Из трубки подуло сквозняком. Месяцы безостановочной партийной карусели не прошли даром. Не только каждый шаг или слово в этом новом для него измерении имели двойное и тройное дно — молчание тоже. Побеждал тот, кто умел вовремя сориентироваться.

А что если эта недосказанность — замаскированный выпад против Марциано и цель ее — настроить Ор Лева против Фуше?

Но Афарган тут же отступил и сделал это с такой элегантностью, что даже захоти Ор Лев переиграть ситуацию, он бы не смог...

— Бывает. На этот раз он прохлопал...

Важно было выяснить, является ли такая игра личной инициативой Афаргана или продумана и осуществлена с подачи Маоза?

Существовал только один способ сделать это — встретиться с Марциано и получить свое собственное впечатление о розе внутрипартийных ветров...

Фуше предложил кафе на улице Эмек Рефаим, в новом торговом центре.

— В четыре пополудни, — сказал он.

— Лучше не придумашь, — бодро ответил Ор Лев.

Оставив жену принимать шквал телефонных соболезнований, он сначала отправился в один из мошавов в центре страны. Там, на обряде обрезания у новорожденного сына местного политического жучка, должны были собраться сливки местного общества. Приезд Ор Лева был бы расценен как общение с народом, а здесь, в округе быстро растущих городов Лода и Рамле, контингент их избирателей был особенно велик...

Марциано появился в дверях кафе секунда в секунду, по нему можно было сверять хронометр. Высокий и одетый с иголочки, он с застывшей улыбкой пожал Ор Леву руку и пододвинул стул. Ну, дышало любопытством его умное и жестковатое лицо, что скажете, месье? Его тонкие очки выглядели почти нематериальными.

Ор Лев представил себе, как он внутренне ликует, вновь и вновь перебирая в памяти пикантные подробности газетной сплетни, и у него мгновенно пропало желание даже упоминать о ней. Не хотелось унижаться...

Прикрыв на секунду глаза и, словно избавляясь от назойливого и неприятного видения, он произнес обыденным голосом:

— Вы не считаете, Иекутиэль, что надо как-то разъяснить нашу позицию в связи с недавним телескандалом?

Губы Фуше насмешливо дрогнули. Ор Лев понял, что в глазах своего собеседника он — жалкий ученик.

— Оставьте это Маозу, я не исключаю, что он был первым, кому Пелед позвонил сразу после визита к нему нашей несравненной Номи Шер...

Ор Лев от досады на мгновение опустил веки. Из-за идиотской наивности его вновь поставили на место. Он ведь сам должен был догадаться, что такое возможно!

Такого рода скандал был только на руку Маозу, выставляя его Дон Кихотом, рискующим вступать в смертельно опасный политический поединок. Беззаветным и бескорыстным защитником простого народа. Жертвой, брошенной на алтарь власти жестокой и продажной элитой.

Чем выше ты поднимаешься, тем легче должен быть твой удельный вес. Багаж принципов, «Эн Зе» совести, последние резервы чести — все это надо оставить у подножья горы, иначе до вершины не доберешься. В высокогорном пространстве карьеры взгляды и убеждения — ненужный и опасный груз. Не избавишься от него, тебя обгонят другие. Пижонство на вершине наказывается кислородным голоданием...

Молоденькая официанточка, студентка с вертявой попкой, тоненькая, как скрипичная струна, и порхающая, как легкомысленная бабочка, подала им капучино и маленькие изящные пирожные. Фуше следил за ее движениями с явным удовольствием.

Решив отыграться, Ор Лев зло раскрыл джокер, который припрятывал для более удобного случая.

— Вы уверены, что мы не выехали на красный свет? Ведь объявив войну хлынувшим сюда бывшим советским евреям, мы взорвем заряд похуже ядерного...

Марциано поджал и без того тонкие губы:

— Гиди, академические выкладки — одно дело, а реальность — совсем другое. Если у вас нет острой, как нож, цели, за вами никто не пойдет...

Ор Лев зыркнул на него злым взглядом и упрямо продолжал:

— А если все кончится смутой и беспорядками? Будем делить страну? Теперь уже между нами? На сколько частей, Иекутиэль?

Фуше насторожился. Казалось, он просчитывает в уме неожиданную ситуацию: уж не снюхался ли Ор Лев с Тамиром? Взяв на заметку и такую возможность, Марциано сманеврировал:

— Не можете же вы отрицать, что по европейским стандартам жизненный уровень большинства выходцев с Востока даже в третьем поколении ниже, чем у тех же советских евреев в первом. Разве мы не стремимся к исторической справедливости?

Блефовать с той же ловкостью, что и Марциано, Ор Лев все еще не научился, а вступать в бесплодные теоретические споры не хотел. Этим и воспользовался Фуше.

— Давайте лучше поговорим о том, что вам надо предпринять в ответ на газетную атаку...

Ор Лев до боли сжал спинку стула. Обдумывал, как бы без нажима, но категорично поставить его на место. В это время затрещал сотовый телефон Марциано.

— Да, я знаю. Два часа назад... Буду к семи...

Недовольно поморщившись от того, что его прервали, Марциано закрыл сотовый телефон.

Ор Лев невольно глянул на часы: без десяти пять. Они сидели в кафе уже пятьдесят минут.

— Вы собираетесь требовать опровержения? Обратитесь к адвокату? — как ни в чем не бывало спросил Марциано.

Ор Лев не растерялся и даже заставил себя вынужденно ухмыльнуться:

— Я рассматриваю это как рекламу. Три газетных листа бесплатной рекламы...

Во взгляде Фуше читалось недоверие:

— Вы правы, Гидеон. Обычно люди не понимают этого...

Ор Лев вошел в роль. Откашлявшись, он спросил светским тоном:

— Маоз возвращается, кажется, послезавтра?

Марциано кивнул и устремил благодушный взгляд на порхающую рядом тоненькую студенточку с вертявой попкой.

— Надеюсь, парижская встреча с Давидяном пройдет успешно...

Иронизируя, Ор Лев поиграл маленькой десертной ложечкой на блюдечке.

В линзах тончайших очков Фуше сверкнул встревоженный зайчик. Ор Лев понял, что не только сам вступил на минное поле, но и затащил туда своего осторожного собеседника. Здесь у него, бывшего танкиста, было явное преимущество над этим жалким армейским кладовщиком.

— Будем надеяться, на этот раз Давидян не покусится...

Ощущая растущую радиацию опасности, Марциано поспешил ретироваться:

— Гиди, у меня срочная встреча. Если я могу быть вам чем-то полезным, держите меня в курсе дела.

Излучая флюиды радушия, он заторопился и встал из-за стола.

Тамира одолевали сомнения: заместитель начальника службы безопасности имел с ним довольно длительную беседу и предупредил, что атмосфера накаляется. В рядах люмпенов — глухое брожение. Кое-где горячие головы призывают к бунту. Если учесть количество оружия у населения, полностью исключить возможность всплеск насилия нельзя.

Даже министры разделились на тех, кто сочувствовал Маозу, и тех, кто был за Тамира. Политическая верхушка раздиралась клановыми интересами. Чтобы решиться на поворот в ту или иную сторону, нужны были не только острый ум и опыт, но и безошибочное чутье. Слишком велики ставки и слишком необратим риск.

Тамир решил выложить все Старому Лису...

Аарон Голан потребовал, чтобы об их встрече не знали не только в прессе, но и свои же коллеги по кабинету. Этот человек никогда и ничего не делал открыто, всегда в обход, всегда по секрету.

— Было бы хорошо, если бы ты приехал ко мне примерно в полночь. Ты у тещи?

— У меня много дел в Иерусалиме.

— Ты можешь не возвращаться и остаться в Тель-Авиве.

— Ладно, будет видно...

— Герцль, сделай это так, чтобы за тобой не увязался хвост.

— Постараюсь...

— Армия делает человека косноязычным. Тебе надо от этого отвыкать, сынок...

Тамир договорился с помощником, что тот будет ждать его на нижнем, шестом, этаже автостоянки столичного муниципалитета ровно в одиннадцать вечера. С точностью десантника в боевой обстановке Амос в своей старенькой «Субару» подрулил к министерской «Вольво» шефа. Тамир поменялся с ним местами. Амос в машине Тамира поднялся наверх и, миновав Центральный Почтамт, сходу свернул с опустевшей улицы Яффо налево, а Тамир в его «Субару», прождав минут пять, двинулся в противоположном направлении: через Русское Подворье — на городскую магистраль номер один и оттуда через Рамот и Гиват Зеев — в сторону Тель-Авива.

Поставив на крышу синий полицейский фонарь, он помчался к Тель-Авиву. А через час у ворот хорошо знакомой виллы его встретил плечистый малый, прическа которого смотрелась на макушке, как оазис в пустыне. Оглядевшись по сторонам и никого не заметив, он провел Тамира внутрь. Там его ждал Голан.

Дома старик выглядел совсем по-другому. Из-под доходящих до колен шортов выглядывали худые кривоватые ноги с клочками седой поросли. За широко, по-домашнему, распахнутым воротом тенниски отгоревшим старческим пеплом на груди тлела когда-то обильная растительность. Взгляд поблекших голубых глаз, несмотря на позднее время, был бодр и проницателен.

— История с этим мерзавцем может нам очень дорого обойтись...

Тамир сжал губы в гримасе сомнения. Он не хотел сразу выкладывать все, что ему известно.

Как и всегда в щекотливой ситуации, Голан начал с вопроса:

— Ты имеешь в виду Розенталя?

Тамир кивнул.

Старый Лис прищурился:

— Герцль, у тебя был другой выход? Так велики твои шансы на победу?

Тамир неопределенно пожал плечами.

— Если бы не этот скандал, Маоз собрал бы больше голосов. У тебя — избиратели, у него — обожатели...

Тамир примерно знал, что услышит, и не прерывал Голана. Когда словесный выхлоп кончается и эмоциональное давление падает, человек становится в оборону. А это — самый лучший момент для нападения.

Старый Лис бросил на него быстрый взгляд и задумчиво пожевал губами:

— Не забывай, он для них — Робин Гуд и Джузеппе Гарибальди. Надежда и избавитель. Все остальные разобщены и мечутся. Зато теперь у тебя есть довод: этот поганец Розенталь — лишь начало клубка, дорогие соотечественники! Куда он ведет, знать лишь прокуратуре...

Он извинился и вышел в другую комнату.

— Предстательная железа, — подумал Тамир. Она мучает счастливых не меньше, чем неудачников, а хитрецов и пройдох точно также, как и простаков.

Голан возвратился довольно быстро и принес с собой графин с лимонадом, который специально для него готовила жена, и шоколадные вафли. Не спрашивая, он наполнил бокал Тамира.

— Посмотри, как дальновидно действует этот павлин! Помчался в Париж, там сейчас Давидян... В политике экономические интересы скрывают тщательнее, чем тайный флирт. Кому быть премьером, всегда решали и будут решать Давидяны.

Демонстрируя бесконечное терпение, Тамир вздернул брови. Но его трюк был тут же использован против него.

— Знаешь, что хуже слепоты, Герцль? Самонадеянность сабр! У них нет остроты чутья, которое дает жизнь в диаспоре. Ты тоже хочешь сыграть в очко со Случаем?

Тамир прикрыл глаза и заставил себя не перечить, в конце концов, Старый Лис играл на его стороне поля.

— Не смотри на меня так, Герцль. Если в мире и может существовать настоящий интернационал, то только среди миллиардеров. И он — самый влиятельный фактор в мире...

Голан уселся на своего любимого конька. Надо было деликатно дать ему понять, чтобы он не увлеклся.

— Сейчас на это смотрят несколько иначе...

В голосе Тамира ощущалось скрытое пренебрежение. Но Голана его замечание несколько не смутило. Наоборот, лишь подзадорило. Удобно расположившись в раскачивающемся кресле, он закинул одну обшитую клочками седой шерсти ногу на другую и темпераментно взбросил вверх указательный палец.

— Не думай, что этот рыжий калмык с одной восьмой еврейской крови — Ленин — был так уж неправ. Империализм — это прежде всего добровольная картелизация. Международные монополии объединяются, чтобы подавить конкурентов. Возьми того же Давидяна. Сфера его деятельности — нефть, среда обитания — Европа. А там ведь нефти и в помине нет...

Тамир инстинктивно поежился: престарелый сноб снова пришел в упоение от своих доморощенных теорий. Мегаломан! Ему бы натянуть на голову черный средневековый колпак и читать лекции с профессорской кафедры, а не лезть на ринг реальной политики. Как только он начинает теоретизировать, он проигрывает.

— Нефть! Черное золото!

Ирония, которую излучал Тамир, должна была нейтрализовать грезы Старого Лиса, но он, словно не замечая ее, с энтузиазмом продолжал:

— Где самый ближайший и удобный подступ к ближневосточному энергетическому Эльдorado? Здесь, в нашем с тобой Израиле! А кто его контролирует? Европейцы? Нет! Американцы!

Тамир решительно двинул крутым офицерским затылком. Дал понять, что его терпение на исходе. Но не таким был Аарон Голан, чтобы спастись перед новобранцем в политике. Разведя руками, он закончил с оттенком экзистенциального сожаления:

— Мы — лишь пешки в игре двух суперкартелей, Герцль...

Тамиру это надоело, и он сделал первый выстрел:

— Аарон, это интересная мысль, но взята она из марксистского арсенала.

По лицу Старого Лиса расплылась блаженная улыбка.

— Какая разница, откуда она? Главное для финансовых тузов Европы — обставить американцев.

В голосе Голана зазвучало торжество многоопытного профессора, сумевшего поставить на место кичливого аспиранта.

— Если к власти придет Маоз, он ослабит связь с Вашингтоном и сделает поворот в сторону Парижа и Бонна...

Тамир чувствовал прилив неприязни к этому изощренному хитрецу. Такие люди могут быть очень опасны. Они уверены, что в состоянии всех перехитрить, но в конечном счете нередко облапошивают самих себя.

Словно учуяв, что происходит в голове Тамира, Старый Лис снова прозорливо поднял вверх указательный палец и иронично осведомился:

— Уж не думаешь ли ты, что Давидян дает деньги Маозу за красивые глаза?

С такой жестикуляцией ему самое время перейти с иврита на идиш, на котором он в детстве разговаривал в своей Румынии, подумал Тамир. Но Старый Лис был слишком умен и наблюдателен и всегда знал и соблюдал нужную границу. Вспомни он какую-нибудь сочную идишскую шуточку или анекдот, он бы потерял в глазах этого спесивого сабры всякое уважение. Из израильтянина — он приехал в страну в возрасте восьми лет, — превратился бы в старого еврея.

— Давидяну в правительстве нужен только Маоз, вот тебе и причина, почему он делает ставку на восточную карту...

Тамир поиграл пальцами по стеклу журнального столика и поморщился:

— Слишком уж все это смахивает на старую царскую фальшивку — «Протоколы Сионских Мудрецов»? Там ведь все тоже держится на идее заговора...

Голан легко и задорно поднялся с кресла и стал расхаживать по комнате. Его худые старческие ноги, прикрытые сверху легкомысленными шортами, двигались не по годам резво. Но еще больше поражала Тамира его редкая интеллектуальная выносливость: в его-то возрасте?!

Старик терпеливо улыбнулся.

— Любой отрезок истории можно рассматривать под разными углами. Я предпочитаю — из будущего. Тогда виднее не локальные, а глобальные тенденции.

5

Тамир энергично сомкнул губы. Он вел себя как снайпер, укрывшийся за бруствером. Ждал, откуда противник пальнет и тем самым себя выдаст.

— Обрати внимание, с какой настойчивостью рвутся проникнуть в Израиль российские бизнесмены. Кстати, далеко не все — евреи. Евреи предпочитают это делать где-нибудь в другом, менее заметном месте.

От злости Тамир посерел: намек подействовал на него как укол шила в зад. Он действительно с ними встречался. Но это вовсе не значит, что он совершил нечто недозволенное. Кроме того, он знает, что то же самое до и после него делал через своих людей и сам Аарон Голан.

Жестковатое лицо Тамира затвердело генеральским бетоном, ноздри тупого широкого носа напряглись, в карих глазах заиграли желтые блики.

— Вы забыли, Аарон, кто мне посоветовал встретиться с миллиардерами из Москвы. И что кроме всего прочего, при этом присутствовали ваши люди.

Но смутить Голана было невозможно. Даже наступив на чью-то большую мозоль, он делал вид, что не заметил этого, а потому пострадавший, обращая на это внимание, невольно оказывался грубым и неделикатным человеком.

— При чем тут ты?

Он широко, словно от пронзившей его боли, распахнул свои наивные и выкипающие временем глаза. Да как его можно было заподозрить в чем-то подобном?

— Я лишь воссоздаю фон. На них работают десятки тысяч людей в России, им служит высший эшелон бывшего КГБ. В их карманах не только банки и страховые компании, но и средства массовой информации, полиция, влиятельные чиновники и генералы...

Тамир, не считаясь ни с возрастом, ни с авторитетом, решительно его оборвал:

— Вы думаете, что они заодно с европейцами?

— Москва еще до недавнего времени была основным конкурентом Вашингтона, Герцль. И потому сейчас тянется к Европе.

— Вы считаете, что национальность играет какую-то роль?

— Чуть, — загорелись пронзительным блеском глаза Голана. — Я только что прочел тебе целую лекцию об интернационале миллиардеров. Ты хочешь, чтобы они с международной автомагистрали свернули на изрытую ямами национальную проселочную дорогу?

Тамир решил взять инициативу в свои руки.

— Мы слишком много рассуждаем, Аарон. А для Маоза и его команды гораздо важнее чувства, эмоции. Поэтому он и делает первый ход...

Во взгляде Старого Лиса мелькнуло меланхоличное разочарование. Но Тамир уже шел в наступление.

— Вот вы способны, например, подойти на базаре к щетинистому зеленщику, ущипнуть его за ряшку или стукнуть по спине, как одноклассника? А Маоз может! Для него это важнее монополий и капиталов...

Старый Лис не хотел слезать с котурн, на которых так удобно устроился:

— Израиль — воистину феноменальная смесь уровней. Высокие технологии и третий мир...

Своим намеком на московских банкиров он, по-видимому, слишком больно задел Тамира. И чтобы сгладить скверное впечатление, сделал отвлекающий маневр.

— Впрочем, кого из наших, приезжающих в Москву министров не уносило на миллиардерских качелях?! Частные самолеты, приемы в стиле Гарун Аль Рашида, закрытые клубы, размах, выброшенные на ветер сотни тысяч...

Он не рассчитал и слишком далеко высунулся. Выстрел снайпера хлопнул так близко, что можно было ощутить порыв ветра.

— Не трогает же вас, когда в тех же Штатах за лекцию или участие в званом обеде переводятся десятки тысяч долларов...

Старый Лис отскочил в сторону и потрогал то место, куда могла угодить пуля.

— Тебе нужно объяснять разницу? Там регулярно платятся налоги и нет связей с организованной преступностью. Все регистрируется, все законно...

Хватит! Тамир решил без всяких умолчаний перейти к тому, что услышал от высокопоставленного контрразведчика. Но в принципе, он понимал: решение ему все равно придется принимать самому.

— Шабак считает...

Старик юлил:

— Там тоже сидят не гении...

Тамиру не надо было объяснять, что движет Голаном. Если победит Маоз, он потеряет не только закулисную власть, но и последние остатки влияния. В политике, как в витрине: перегоревшие лампочки тут же меняют на новые. И все же он не ожидал, что маска спадет со старика так быстро. Страх оказаться не у дел притупил недоужинную бдительность партийного патриарха.

— Давай реально и трезво взвесим, Герцль: если ты объявишь поход против коррупции, за тобой пойдут не только выходцы из Европы, кем бы они ни были, но и часть выходцев с Востока. Тех, кто понимает, к чему приведет разрыв...

Но снайпер уже пристрелялся и знал, куда метить.

— Все может кончиться катастрофой. Застарелые обиды — самая мощная взрывчатка в человеческом обществе...

Увы, Старого Лиса он так и не сумел загнать в угол. Как же, его заго- нишь! От досады Тамир так тяжело опустил ладонь на журнальный столик, что тот слегка покачнулся на колесиках.

Голан смотрел на него с сожалением. Так заботливый отец глядит на нерадивого сына, который не хочет следовать прописным истинам.

— Ты недооцениваешь народ, Герцль. Он не так глуп, как мы себе представляем...

Старик налил себе лимонада и, отпив глоток, разочарованно усмехнулся:

— Вместо того, чтобы ты убеждал меня, я должен убеждать тебя?

Он поставил недопитый стакан на столик и рассеянно прогундосил:

— Это твоя судьба и твой шанс, Герцль, не мой! Выбор за тобой...

Тамиру не оставалось ничего другого, как отступить.

— Аарон, я военный человек, и когда что-то планирую, обязан считать, что противник намного сильнее меня. Иначе поражение неминуемо...

Он напрягся. Но хозяин дома лишь пожевал губами и вздохнул.

— Ты переоцениваешь противника, Герцль, принимаешь батальон за армию. Маоз трезво подсчитывает свои возможности, несмотря на скандальный характер, он осторожен, как старая дева. Поверь мне, если ситуация выйдет из-под контроля, он сделает пи-пи в штаны.

Тамир отодвинул столик и поднялся. Он снова чувствовал себя как во вражеском тылу, когда надо сжать в единый кулак не только интеллект и волю, но и рефлексy.

— Окей! — сказал он. — Начинаем!

6

Ложась спать, Номы почему-то представила себе, как выглядит рас- смешивший ее своим неожиданным ночным звонком солдафон. Поймав себя на этой мысли, она улыбнулась. На кого он похож? На не знающего страха блондина со сбившимся набок чубом с плаката пятидесятых годов? На уверенного в себе и своей силе победителя из шестидесятых? На разгневанного бунтаря семидесятых? А может, это типичный чиновник военного ведомства?

Но интеллектуальные игры помогают забыть о неприятностях лишь на очень короткий срок. Проснувшись поутру и проделав введенный еще Вебером ритуал изнурительных упражнений, Номы опять вспомнила о вчерашнем звонке.

Решительно взяв в руки телефон, она набрала оставленный номер. Враг всякой благопристойности по характеру и жизненному опыту, Номы постоянно вела войну с условностями.

Стараясь сдерживать озорной смешок, она кинула в телефон:

— Ну так как поживает карбонарий?

В ответ отрывистый, немножко жующий окончания, но уже знакомый голос удивленно спросил:

— Кто-кто?

— Неважно! — и вдруг подумала, что пожалеет, наверное, если обидеешься, он бросит трубку. В ее голосе даже появились нотки извинения, ведь она всегда презирала снобизм.

— Герой новеллы Стендаля. Слышали о таком? А карбонарии — члены тайного общества, боровшегося за освобождение Италии от австрийцев.

В трубке послышался смех незнакомца.

— Моя любимая книга — «Винни Пух»...

Номи захохотала ему вслед. Во всем этом не было даже намек на спесь или назидательность.

Телефонный знакомый не был похож на тех, с кем ей приходилось иметь дело. В нем ощущалась какая-то особая непосредственность, не-растраченность. Может быть, даже детскость.

Неизъеденное корыстью прямодушие притягивает как магнит. Ей так захотелось увидеть его, что она сказала, удивляясь самой себе:

— Гай «Шин», вы, кажется хотели со мной встретиться? Берегитесь!

Ей ответил легкий раскатистый смешок:

— В восемь — в Гило! В торговом центре...

— Эй-эй! Вы что, по совместительству частный детектив? Откуда вы знаете, где я живу?

Он сразу отмел все ее подозрения:

— Разве это не понятно из номера вашего телефона?

Когда в восемь она подошла к торговому центру, из старенького армейского джипа на тротуар выскочил высокий угловатый малый с тремя фалафелями⁴¹.

В небрежности его не было никакого нажима, скорее что-то трогательное. С овального смуглого лица испытующе глядели темно-карего разлива глаза с длиннющими ресницами. Коротко подстриженные щетинистые волосы говорили о том, что характер у этого малого довольно колючий. Губы обветрены, как у альпиниста. Сквозь несомненную мужскую силу и решительность в нем проглядывало нечто по-подростковому искреннее.

Он протянул ей руку, ногти на пальцах были обкусаны.

— Гай Шрем!

41 Фалафели — мучные тефтели. Но так иронически называются и знаки отличия на погонах старших офицеров.

Пожатие было легким и ненастойчивым. Через пару секунд он снова хохотнул:

— Как насчет шримпсов в уютном ресторанчике в Яффо⁴²?

Номи покачала головой: он довольно быстр в своих решениях, этот офицерик. Впрочем, ей это не могло не imponировать.

— Смотря как они приготовлены...

Он усадил ее рядом с собой на продавленное и не очень чистое сиденье и сходу рванул с места. Номи даже схватилась за ручку двери.

— Ваш дядя начальник полиции?

Втянув носом воздух, Шрем еще сильнее нажал на газ.

— Мы застрахованы, с нами «антирадар». Вынюхивает полицейских, как датчик — дым. Купил за сто баксов в Штатах...

Пару раз он снижал скорость и, как пайныка, проезжал мимо постов дорожной полиции.

Издали огонь встречных машин походили на светящуюся надпись на небоскребе. Но буквы эти не поддаются расшифровке. Что они кодировали в ночи? Неизбежную тщетность познания? Таящуюся в безмолвии неожиданность?

Ветер и скорость выдули скопившуюся горечь и досаду. Водитель рядом был так спокоен и уверен в себе, что Номи внезапно ощутила какую-то примиренность с миром, который еще недавно был против нее. Она с удовольствием наблюдала, как ловко, не нагличая, обгоняет он машины и что-то, смешно фальшивя, напевает вполголоса.

Свернув налево на транспортной развязке «Кибуц Галует», он выскочил на Иерусалимский бульвар, ведущий в сторону Яффо. Еще минут десять и они были на месте. Номи неплохо знала эти места еще со времен Вебера, но сейчас все виделось совсем по-другому...

7

В маслянистых контурах моря тонули ночные огни. Тель-авивская набережная пролегла вдаль, на север, светящимся электрическим ожерельем. А здесь, в старом Яффо, как любопытное личико из-под чадры, выглядели реликты безнадежно ушедшего прошлого: купол и минарет заброшенной мечети, одноэтажные старенькие лавчонки и магазины, кривые петли улиц с крохотными кафешками и ресторанчиками, источающими пьянящие запахи восточной кухни.

42 Яффо — один из районов Тель-Авива.

Все, что еще недавно давило, — страх, неуверенность, одиночество и напряженное ожидание, — отслоилось. А вместо этого пришли легкость и ощущение беззаботности.

— Так с чего вы взяли, Гай Шрем, что мне нужна помощь?

— Вы — смелая, но одинокая женщина...

— Неужели? Откуда вам это известно?

В ее голосе прозвучала озорная насмешка.

Шрем открыл обветренный рот и шкодливо хлопнул ресницами.

— Во-первых, даже такой наглец, как Коби Пелед, не спросил бы замужнюю женщину, была ли она любовницей Маоза. А во-вторых, трусиха не взорвала бы под носом у этой банды слезоточивую гранату...

Номи опешила.

— Кого вы имеете в виду?

Ответ прозвучал немедленно:

— Хотя бы наш обожаемый политический истеблишмент...

Многолетняя служба в армии не выкорчевала из него ироничную гибкость интеллекта.

В этом малом было что-то, заставляющее к нему приглядываться. И в то же время ничего ни от грубоватого самца-мачо, ни от запутавшегося в комплексах интеллигента. Больше всего он напоминал ей готового скрестить с обидчиком шпагу мушкетера. Такой не подставит подножку, не предаст, не пойдет на низость. И именно поэтому, из-за своей непосредственности и природного мужества, он, как ребенок, нуждался в защите.

Ей пришло в голову, что его должны, наверное, беззаветно любить солдаты и младшие офицеры.

— Окей, но от кого вы собирались меня спасать?

В вопросе прозвучало что-то вроде материнского беспокойства.

— От идиотов, которых всегда можно провести на мякине, они — самые опасные...

— Вы женаты?

— Был. Не оправдал надежд, — ответил он почти глумливо. — После трагедии бракокрушения осталась только одна жертва: шестилетняя Мири...

Номи усмехнулась:

— Могло быть и хуже. Не осталось бы никого...

Но тут же взяла себя в руки:

— А что, часто у вас остается время для телебезделья?

— Да нет, просто я стараюсь вытянуть вторую степень по истории у профессора Гинзбурга...

Номи вспомнила невзрачную фигуру в неуклюжих очках, сидящую рядом с Далией Шарвит на вечере телеинквизиции у Коби Пеледа. Он

выглядел там как стыдливый укор, напоминание о давно изжитых принципах и морали.

— Я себе не поверил! Йошуа Гинзбург клюнул на дешевую приманку прессы? Он и Коби Пелед?

Народа в ресторане было немного. Будни. Отгорающее лето. Сентябрьская жара, вползающая в окно перегретой резиной. Хрипло пыхтящий вентилятор на потолке. При долгом взгляде вдаль — резь в глазах. От зноя все сливалось, уходило в непостижимую глубину, как за кулисы. А здесь, внутри, кружилась от пряных запахов и ночной терпкости голова.

«Не будь шлюхой, не вздумай ложиться под мужика уже через пару часов после знакомства», — одернула себя Номи. В ней говорил женский инстинкт, интеллект, чуждый ей, как она раньше полагала, груз условностей?

Если на то пошло, шлюхой ее в большей степени можно было бы назвать за связь с Маозом, ведь на его домогания она откликнулась, ничего к нему не испытывая. Больше того, в глубине души его не уважая. Сдалась от отчаянья. Смирилась от грызущего душу одиночества. Если когда-нибудь ей придется предстать перед Страшным судом, она, не страшась, крикнет зачитывающему обвинение ангелу-прокурору: «А сам ты был когда-нибудь беспредельно одинок? Тонул в окружающем тебя океане пустоты? Хватался как за оказавшуюся рядом соломинку, за любой намек на сочувствие?»

В захлебывающемся транзисторе суеты ей слышался негромкий и сдержанный призыв «SOS». И исходил он не от плаксивого хлюпика, а от хорошо обстрелянного офицера с обветренными губами и немного детским взглядом темных, бездонных глаз.

Господи, ну не было в нем ни самолюбования, ни наигранности, ничего подчеркнутого! Напротив, сквозь грубоватый армейский налет проглядывала трогательная, искренняя доверчивость...

Шрем смеялся громко, заразительно. И Номи в ее тридцать семь вдруг коснулась приплывшая из далекой молодости волна нежности.

Какой бы силой воли ни обладал человек, долго владеть чувствами, не выдав себя, он не сможет. В какие бы наручники долга и сдержанности он себя ни заковывал, в конечном счете его ждет не победа, а поражение. Насдине с собой, в ледяной пустыне ночи или в кипящем круговороте дня, он вдруг ощутит, что сердце его подобно обгоревшему куску угля, а мечты — спекшейся золе.

Номи переполняла материнская нежность. Шрем ничем не напоминал ни героя первого ее серьезного романа — Гиди Ор Лева, ни занявшего потом его место Джерри Вебера. У этого угловатого, с изучающим взглядом и длинными, чуткими ресницами офицера не было ничего общего ни с пересиливающим свою скованность щупловатым докторантом, ни

со всегда бодрствующим и в любую секунду готовым отпрыгнуть и ударить в ответ бруклинским Тарзаном с бронированными мускулами.

Ор Лев, а тем более Вебер были старше ее. Наверное поэтому она интуитивно находила и в том и в другом не только любовника, но и отца. Это невозможно понять, но иногда ей казалось, что с Вебером она совершает грех кровосмешения. А сейчас кто-то взял и все вывернул наизнанку. Сколько ему, ее сегодняшнему кавалеру? Тридцать два? Тридцать три? А что, в его годы Наполеон был уже первым консулом...

Ее вдруг обожгло легкое прикосновение. Шрем слегка тронул ее руку.

— Эй, проснитесь!

Его палец осторожно и доверчиво провел по ее локтю. В горле у Номи колыхнулась теплая волна. Так ребенок теребит мать: обрати же, обрати на меня внимание.

Улыбнувшись, она поправила ему съехавший набок погон.

— Так вы историк? И какой же период истории вас интересует, полковник Шрем?

— Пятидесятые годы...

Она смотрела на него с удивлением: он вдруг напоминал ей саму себя.

Стоп, она знает, в чем дело! Это — печать внутренней независимости, которая со стороны кажется капризом или своеволием. Тот особый, дрожжевой замес риска в крови, который меняет угол зрения и вкусы.

Он вдруг, смеясь, пустился в воспоминания:

— В своем классе в военном интернате я был единственным подростком из тель-авивской богемной семьи. Чужак. И меня все время пытались проучить. Но если ты не поддаешься, тебя, в конце концов, оставляют в покое. С синяками и шишками, конечно, но зато несдавшегося. Потом в армии мне это очень пригодилось...

— Что вас толкнуло позвонить мне?

Если бы Шрем умел читать по глазам, он бы разглядел в ее взгляде нечто куда большее, чем любопытство — граничащее с нежностью трогательное участие. Но он был мужчиной и в тонкостях женской души не очень разбирался.

Он пожал плечами и стал щелчком подталкивать хлебную крошку на скатерти в дальнее путешествие.

— Вы нащупали самое больное место — отторжение! Оно дает себя знать все сильнее. Все мы, народ, страна, на грани раскола. Но каждый при этом делает вид, что ничего не происходит...

Номи бросила на него испытующий взгляд.

— А что, если сама идея сионизма — миф? Вы уверены, что через много столетий разлуки коллективный ген нации остался тем же? Ведь

мог и атрофироваться тоже. Сколько сил истрчено на возвращение государства. И на то, чтобы стать единым народом, их уже не осталось.

Шрем нахмурился и без всяких церемоний прервал ее.

— Номи, я — сабра! Родился в этой стране, и ни какая другая взамен меня не устроит. Евреи обожают слагать мифы. Но хорошие почему-то быстро надоедают. Зато те, что похуже, — куда живучей. Самый дерьмовый из них — ностальгия. Им было так хорошо на чужбине! Что же вы тогда оттуда вдрызг побежали?

Она продолжала поддразнивать его:

— Патина всегда умиляет...

— В начале пятидесятых Сохнут послал Йошуа Гинзбурга в Марокко. Он лучше других знает, в какой нищете и убогости жили там евреи. Но сейчас говорить об этом не принято. Как же, у каждого своя собственная гордость...

Теперь его сильная, решительная рука, повертев бокал, стала двигать его по столу, словно это был танк, цель которого — раздавить неприятельское укрепление. На обветренных губах появилась тонюсенькая полоска пены.

— Почему историю надо идеализировать? Разве полторы сотни лет назад не были в том же положении ашкеназийцы? За одно лишь поколение, при французах, евреи Марокко переселились из забытых богом жалких дыр в города. Ютились в тесноте и грязи. Куча детей, нужда, трахома, чесотка, о водопроводе никто и не слышал. На полмиллиона — сотня с высшим образованием. Остальные в лучшем случае мелкие торговцы, портные, сапожники. Все в точности, как когда-то в Восточной Европе...

Заведя его, Номи теперь наблюдала за ним со стороны. Так режиссер приглашает актера на пробу: как держится, говорит, вживается в роль?

Плавающаяся магма глаз, большой рот с обветренными губами, сильные руки и ко всему — травмирующий монолог о судьбах нации. Нарочно не придумаешь...

— Если вы хотите поехать ко мне, у нас с вами уже не так много времени.

Она скользнула по нему острым, все подмечающим взглядом.

— Ладно...

Он буднично согласился, и это тоже было в его пользу...

Всю обратную дорогу Номи подремала на его плече. От включенной системы охлаждения ей стало даже немножечко зябко. Окончательно очнулась она уже в Иерусалиме, когда джип промчался через новую сеть туннелей с севера на юг.

Открыв дверь, она включила торшер и пошла готовить кофе. Шрем, закинув руки за голову, смотрел новости по «Си Эн Эн».

Номи, как мать, собирающая свое чадо в школу, слегка потормошила его. Он только посмотрел на нее, и она вновь ощутила проскочившую вдоль позвоночника теплую волну.

— Вы красивая...

Большой ребенок, он потерял о ее шею жестковатым ворсом волос. «Наверное, это такое счастье, когда у тебя есть дети», — подумала она...

Номи погладила его обветренные губы: ей захотелось смягчить их, словно шероховатость причиняла ему боль.

Шрем обхватил руками ее лицо:

— Номи Шер, ты самая привлекательная женщина на свете!

— Ч-ш-ш! Не спугни меня!

Она присела к нему на колени и прижалась к его крепкому мужскому подбородку виском.

— Зачем ты появился в моей жизни?

Могла ли она получить ответ на свой вопрос?

По лицу Шрема вновь скользнула улыбка:

— Моя мать говорила, что судьба — это шляпный магазин. Покупатели бродят между полками, оглядываются, возвращаются, идут дальше. Пока не остановятся на одной...

Номи рассмеялась, и Шрем продолжал:

— У нее было много шляп, но ни одна ей не подходила. Наверное, поэтому она отдала меня в военный интернат, хотя любила больше всех на свете.

Номи чувствовала нежность и умиление. Она не стала бы с этим бороться, даже рискуя, что нежность обернется болью, а умиление — разочарованием. И она прижала его к себе.

— Гай, ты такой большой и такой маленький! Если я лягу с тобой в постель, я буду чувствовать себя совратительницей...

В магме его темных и удивленных глаз она увидела светлый всплеск озорства.

— Тогда я лягу на полу...

Она улыбнулась:

— Дурачок! Я приду к тебе туда тоже...

— Кажется, я нашел свою шляпу...

Он осторожно взял ее на руки. Номи втянула в себя его шершавые губы и задохнулась.

— Мы просто двое сумасшедших. Или двое изголодавшихся одиночек... — ее шепот был тихим и счастливым.

Шрем положил ее на софу, но Номи привстала:

— Не хочу лежать с тобой там, где лежал кто-то другой...

Он посмотрел на нее с изумлением. Потом пожал плечами.

— Чувства — всегда парадокс...

Номи зыркнула на него колючим взглядом — не хватало еще только, чтобы он пожалел ее.

— Если да, то у них скверная изнанка. Парадоксы обычно оборачиваются пародией...

Шрем озадаченно уставился на нее: чего она вдруг? Врожденная подозрительность, что ли?

Номи пожалела о своей реакции. Чтобы показать ему это, она виновато и доверчиво облизала его губы.

— Мы еще не успели насмотреться друг на друга, Гай...

— Главное, глядеть не друг на друга, а в одну сторону...

Он удивлял ее, этот мужественный мальчик с не очень отшлифованным, своеобразным умом.

Номи ощутила его руку на своей груди. Осторожно проникнув под лифчик, его ладонь, едва касаясь, вобрала в себя всю ее и замерла, вызвав в ней ответный толчок — еще! Если это и был секс, он сопровождался такой робкой деликатностью, даже целомудрием, что вызывал не прилив страсти, а желание полностью раствориться и забыть обо всем вокруг.

Она смотрела, как он, оглядываясь на нее, снимает одежду и гладила его сильное выносливое тело. Родинка в виде лодки под одним плечом, еще одна, похожая на маленький раскрывшийся парашют на спине, и бицепсы. Не стальные, давящие испуганную плоть гусеницы, как у Вебера, не гибкие, как песчаные барханы, мышцы Гиди Ор Лева шестнадцать лет назад, а чуткие и послушные мускулы молодого и сильного охотника.

Прикосновение его обветренных губ напоминало ожог от жесткого махрового полотенца. Номи двигалась под ними, почти вращаясь, ей хотелось, чтобы это длилось вечно. Поймав, она прикусила зубами его ухо. Он даже не вздрогнул. Ждал, наверное, как ждут орден или пулю.

Глаза Номи были закрыты, губы открыты настежь. Ей казалось, они несутся вдвоем под парашютом вслед за набирающим скорость глиссером. Невесомые, обнаженные, ошалевшие от счастья, преодолевшие земное притяжение Адам и Ева. И от этого шального, уносящего их в облака полета, от спутавшей все знакомые координаты высоты

и раскрывшегося перед ними простора сейчас, вот-вот, со звоном счастья и ужаса лопнет сердце.

Потом был рывок, боль шероховатых губ, ночной клекот проснувшейся птицы и вспышка: где-то взорвалась граната. После этого Номи ничего не слышала и не видела. На нее нахлынули тишина и невесомость. Те самые, от которых люди долго не могут прийти в себя, а мир кажется маленьким и испуганным...

9

Маоз вышел из самолета в приподнятом настроении. Два дня в Париже были наполнены радостью и переполняющим удовлетворением, какие могут дать только слава и статус. Встреча с премьером. Обед с министром иностранных дел. Лекция и ужин в клубе предпринимателей. Не отстающая ни на шаг свита журналистов. Ответственные чиновники МИДа. Крепкие рукопожатия. Поклоны. Блеск любопытства в глазах. И, конечно же, его знаменитая, чуть небрежная, но внушительная походка, когда он шел сквозь расступившуюся толпу.

В Париже ему было хорошо и спокойно. Не надо было исподтишка оглядываться на застывшего рядом переводчика, жадно ловить стаккато незнакомого языка, по жестам догадываясь, о чем идет речь. Французский он знал вполне прилично — в детстве четыре года проучился в колониальной школе...

Но главное, стал реальностью назойливый сон униженного судьбой честолюбивого юнца. На вилле Давидяна, где бьющая в глаза роскошь могла соперничать со спесью старомодных дворцов, восемь финансовых воротил, контролирующих энергию, военный комплекс, высокие технологии и средства массовой информации, обещали ему всю необходимую поддержку.

В его ушах все еще журчала скороговорка хозяина дома:

— Ваша дальновидная политическая программа по сближению с Европой принесет неслыханные плоды всей стране. А вам лично — небывалую популярность.

Маленький, шустрый, с густыми загадочными зрачками, Давидян говорил, будто втирал в кожу благовония и масла.

— Я хочу, чтобы вы знали, дорогой друг: все мы здесь — ваши поклонники, и если вам понадобится, мы всегда к вашим услугам. Материальные заботы вас не должны смущать...

Маозу дали понять, что ему обеспечен неограниченный кредит...

А на следующий день он услышал о гибели в автокатастрофе одного из преданнейших ему депутатов Кнессета, Нисима Абутбуля. Маоз расстроился. Абутбуль, конечно, не был светочем мысли, но на него, в отличие от других, он мог положиться, закрыв глаза. Смерть его оставляла пустое место в защитном кольце: все, чего добился Абутбуль, он получил только благодаря Маозу.

Еще сложнее было решить, кому передать его место — Ор Леву или Марциано. Это требовало не только изощренной изворотливости, но и немалого мужества. Выдвигая одного из них, Маоз автоматически обретал врага в другом.

Но окончательно атмосферу праздника и радости испортило известие о дурацкой выходке его взбалмошной и непредсказуемой любовницы. Когда Пелед сообщил ему о визите Номи, Маоз понял, что может разразиться телевизионная буря на всю страну. Но в стихии внутренней еврейской демагогии он чувствовал себя так же уверенно, как авианосец в океанский шторм. Сейчас почему-то эта уверенность уступила место подспудной тревоге.

Вдобавок ко всему, встреча с родиной на этот раз отнюдь не согрела его ожидаемой теплотой. Наоборот, подуло холодным ветром.

Обычно его встречали на летном поле подчиненные, друзья и соратники. Маоз любил этот миг. Свою театральную пробежку с трапа самолета, энергичное рукопожатие, каким он обменивался со встречающими, плохо замаскированную лесть. Все это вызывало в нем ощущение своей значимости и успеха, вселяло надежду на будущее.

В этот раз чуть в стороне от трапа стояли Марциано и Афарган. Поодаль маячили два лба, одетые несмотря на жару в почти форменные темные тужурки с короткими рукавами, какие носят «шестерки» из службы безопасности.

— Ситуация осложнилась. Мы решили не предавать гласности ваше возвращение.

Маоз стиснул зубы: кто это мы? и почему? Но обнаруживать свою слабость в присутствии Фуше он не собирался и потому промолчал.

За рулем машины сидел двоюродный брат жены — еще один настояраживающий симптом. Значит, предстоял неприятный разговор по дороге, в таких случаях лучше пользоваться услугами своего клана.

От парижской эйфории не осталось и следа. Маоз ощутил тягостное удушье страха. Что могло случиться?

Начинать разговор он не стал и лишь хмуро, искоса, разглядывал застывшее лицо Марциано. Тонкие губы Фуше были плотно сомкнуты. За очками льдисто поблескивали умные серые глаза.

Афарган тоже пока не произнес ни слова.

Маоз набычился и с силой сжал желваки: ну, скажете же вы, наконец, в чем дело?

Голос Марциано зазвучал тихо и как-то стерильно, словно они находились в операционной.

— Завтра в прессе появятся статьи о связях Дорона Розенталя с Бускилой и политическим истеблишментом.

Он выдавливал из себя информацию по каплям, будто проверял, как она воспринимается слушателями. Как и всегда, двойное дно в его манере говорить ощущалось сильнее обычного.

— Мне удалось задержать публикацию только на день. Дальше я бессилён.

Маоз в упор посмотрел на Марциано. Рука его с тяжеловатой решимостью оперлась о переднее сиденье. Но лицо Фуше оставалось бесстрастным.

— Все идет из полиции. Там играют свою игру..

— Какую именно? — не удержался от вопроса Маоз.

Марциано чуть задержал свой ответ. Потом, кашлянув, продолжил:

— Кто стоял за скупкой земель? По чьей рекомендации правительство утвердило их под городскую застройку? Через кого они продавались потом по астрономическим ценам? И еще им известно, что конкурсы для стойтельных подрядчиков были липовые, а значит, кому-то шли взятки.

Маоз в ярости прикрыл глаза. Он никогда и ничего не решал с бухты барахты. Хорошо это или плохо, но любой свой хоть сколько-нибудь серьезный шаг он вначале обдумывал и обсуждал с доверенными лицами. И только потом, взвесив все возможные варианты, принимал решение.

Чтобы не выдать своей тревоги, Маоз переменял тему.

— Как это случилось с Нисимом?

— Возвращался со свадьбы из Тверии. Устал, наверное. Задремал. И выехал на встречную полосу. А там на большой скорости мчался тяжелый бетоновоз.

Афарган сразу же уловил настроение босса и теперь старался ему подыграть.

— Я был в шоке, — вздохнул Маоз.

Этот «тяжелый» вздох дался ему легко.

Афарган закивал. Марциано счел нужным присоединиться к атмосфере общей потери.

— Мне позвонили, когда я сидел с Ор Левом в кафе. «Абутбуль погиб в автокатастрофе. Машина смята в лепешку». Ужас...

Он помолчал и без нажима, как нечто само собой разумеющееся, добавил:

— У Ор Лева самого неприятности... А тут еще такое известие...

О том, что сам он Ор Леву об этой катастрофе не сказал ни слова, Марциано не упомянул.

— А что с ним? — мгновенно среагировал Маоз.

— Вы не получили эту статью о нем? Я послал ее вам в Париж по электронной почте.

Маоз пожал плечами:

— Ах это... Да-да, мне в посольстве ее передали...

Фуше коснулся его своим холодным взглядом:

— По моему требованию всякое упоминание о вас оттуда убрали...

Намек был прозрачен: за вами — должок.

Маоз не сомневался, что Фуше еще не преминет ему об этом напомнить.

— Вы уже решили, кто заменит в Кнессете покойного Нисима?

Вопрос Марциано звучал бесстрастно и деловито, но Маоз почувствовал, как в закрытом пространстве машины наступила гробовая тишина. Напряжение искрило высоковольтным током. Казалось, сделай кто-нибудь малейшее движение, его пробьет насквозь.

Вздернув брови, он театрально вздохнул:

— Первый, о ком я подумал, были вы, Иекутиэль, можете мне поверить!

Отодвинувшись в тень, Фуше молча вглядывался в законное пространство.

— Но чем больше я размышляю, тем решительней прихожу к выводу, что вам это только повредит...

10

Душная пасть вечера плавилась далекими огнями. Колеса разжевывали жесткий стейк пространства. Похрюкивали моторами встречные грузовики, высвистывали шинами проносящиеся мимо легковушки. Тьма в сентябре не похожа на январскую, есть в ней какой-то рыжий оттенок, мутная задымленность загазованного зноя.

Маозу вдруг захотелось остановить машину и выйти. Чтобы не дай бог не обнаружить слабости, он самортизировал с помощью привычного пафоса:

— Сейчас вы — полководец. Ваше влияние в средствах массовой информации огромно. А в Кнессете вы будете сторонним наблюдателем...

Если бы Маоз не сделал вид, что устало щурится, он бы, возможно, поймал колючий взгляд Фуше. Но длилось это только мгновение. Страхнув с плеч идеально сшитого и сидящего на нем пиджака пылинку, Марциано задумчиво согласился:

— Наверное, вы правы...

Реакция его была неожиданной, и Маоз вздрогнул. Марциано почувствовал, что переиграл, и поторопился сгладить впечатление.

— Там действительно сейчас нужен человек, не сильно замешанный в политике...

Он смущенно улыбнулся, но это была улыбка Фуше.

Маоз понимал, что Марциано кипит от злости. Но во-первых, слишком многое их связывает, а во-вторых, косточка, которую он собирался подкинуть ему взамен, была куда сочнее и аппетитнее — портфель министра в правительстве, если сам он займет кресло премьера.

Говорить об этом сейчас Маоз не хотел. Фуше не из тех, кто верит на слово, а чтобы все выглядело эффектной, надо вначале подготовить письменное обязательство. В политике оно мало что стоит, но Марциано на него клонет, поскольку сможет им потом размахивать на виду у всей страны.

Машина миновала бензоколонку «Дор Энергия» и была уже неподалеку от Бейт Хорона. В свете приближающейся рекламы очки Марциано светились неоновыми бликами.

— Я полагаю, вам стоило бы выступить по телевидению. В вас должны видеть не партийного, а национального лидера...

В глазах Маоза средства массовой информации были чем-то вроде бильярдного кия. У них огромные возможности, но только в том случае, если они в руках опытного игрока, который направляет в лузу нужный шар.

Скользнув по Марциано взглядом, Маоз с достоинством откинулся на спинку сиденья. Никто и никогда не был уверен, каким будет следующий ход Фуше. И хотя он считался одним из самых влиятельных советников мозгового треста партии, полностью исключить его флирт с кем-нибудь на стороне было нельзя.

Губы Марциано тронула легкая улыбка.

— Еще пару десятилетий назад посредниками между массами и политиками были партии. Сейчас их вытеснило телевидение. Изменилась игра. Стали другими правила. Ваше выступление могло бы принести куда большую пользу, чем сотня партийных активистов...

Маоз кивнул. Его поражала способность Марциано одергивать себя до удобного случая. Его обидчивость и злопамятность ни для кого не были секретом. Интересно, где все-таки скрыто двойное дно такой уступчивости? А может, дна вообще не существует?

В конформизме Марциано и доведенной им до совершенства технике манипуляций Маоз нуждался не меньше, чем в его остром уме. Фуше был надежным противоядием против любых происков и подкопов. Если

никакой скрытой угрозы не мог распознать даже он, значит, опасаться было нечего.

Но вот ведь парадокс, даже ему, влиятельному набобу от журналистики, проникнуть в высшие эшелоны политики было не дано. Срабатывал какой-то кастовый рефлекс: сколько бы вам, господа, ни платили за услуги, вы — обслуга, челядь и таковой останетесь! Именно в этом, а во-все не в его якобы восточном происхождении, была причина того, что он потянулся к Маозу. Тот был единственным, кто мог открыть перед ним заветные двери.

Марциано об этом не распространялся, но мать его была родом из Австрии. Благополучная бюргерская семья бежала из охваченной нацистской чумой Европы и после долгих скитаний оказалась в Марокко. Там она и застряла, а еще недавно преуспевающий адвокат вдруг оказался не у дел. Помощь еврейской общины его глубоко оскорбляла. Мало того, два года страха — вторгнется генерал Роммель из Ливии в Марокко, или все обойдется — тоже даром не прошли. Гейнц Хаузнер — дед Кути Марциано по матери, умер от инфаркта, не дожив до пятидесяти лет. Хорошо еще незадолго до смерти он успел продать швейцарскому дипломату спасенную им небольшую часть семейной коллекции картин. Хоть цену он за это получил вдвое дешевле, этих денег хватило его жене с дочерью на несколько лет.

Эмма Хаузнер, мать Кути, прекрасно говорила не только по-немецки и по-французски, но и на марокканском наречии арабского. Крупная рыжеволосая девица с властным характером она уже в девятнадцать довольно быстро окрутила сына еврейского купца из Касабланки и вышла за него замуж. Казалось бы, финансовые и матримониальные проблемы, наконец, разрешены, и можно спокойной жить и наслаждаться. Не тут то было, французы оставили Марокко. Будучи человеком религиозным, муж ее, отец Кути, настоял на эмиграции в Израиль. Эмма не могла ему простить этого до конца жизни, но возвращаться одна, беременная, в Вену, не решилась.

Кути родился через месяц после репатриации. Отец открыл в Тель-Авиве небольшой магазин обуви, но дела шли ни шатко ни валко. Хуже того — у него распознали тяжелую мышечную болезнь, и с каждым годом он слабел все больше и больше. Магазином управляла мать. Детей, Кути и его сестру, она оставляла на попечении едва двигавшегося мужа.

Болел отец долго и мучительно. И Кути, с детства отличавшийся острым умом и скрытностью, завидовал сверстникам, у которых отцы были здоровыми и сильными. Это его унижало. А тут еще, заметив однажды на улице мать с незнакомым мужчиной, он стал за ней следить

и убедился, что у нее есть любовник. Хотя Кути никому ни слова об этом не сказал, его отношение к матери изменилось. Скорей всего, она что-то почувствовала и, чтобы задобрить его, стала давать ему куда больше карманных денег. Но тратил их Кути не на сладости или тайное курево, а на красивую и элегантную одежду. Он любил все броское и мало-доступное.

В конце концов Кути пришел к выводу, что самый бесценный вклад — информация, и при умелом ею манипулировании открывает широкие возможности. Довольно смазливый паренек, он пользовался успехом у девчонок и осторожно выживал у них все, что могло скомпрометировать одноклассников, а потом не забывал им об этом намекнуть.

Сверстники относились к нему с робостью и нередко даже старались угодить. Кути позволял себя баловать и лишь надменно улыбался. Педагоги почему-то тоже были с ним чрезвычайно корректны. Учился Кути вполне прилично и для школы был своего рода витриной: мальчик из восточной семьи, умница, свободно разговаривающий, кроме родного иврита, на немецком, арабском и английском. Ему всегда и везде шли навстречу, освобождали от платы за экскурсии или учебники. Школа даже пару раз отправляла его с ученическими делегациями за границу.

Когда Кути был в предвыпускном классе, отец умер. Взяв с собой дочь, Эмма Хаузнер возвратилась в Вену. Но ехать с ней Иекутиэль наотрез отказался. Он уже кое-чего добился, а начинать заново в чужой стране значило потерять время. Полтора года он прожил у родственников отца, а потом его взяли в армию.

Оказавшись на призывном пункте, он дальновидно скрыл, что знает языки и, так как страдал легкой формой астмы, все три года прослужил складчиком в летной части. За полгода до демобилизации он отправил письма в благотворительные организации с просьбой выделить ему, выходцу с Востока, стипендию для учебы в парижской Сорбонне. А получив ее, подался на факультет журналистики. Ни одна другая профессия не могла дать такие связи и такой доступ в коридоры власти.

Коллеги его не любили, но побаивались. Он довольно быстро стал корреспондентом по проблемам партий, получил аккредитацию в Кнессете и, наконец, сделав карьеру в союзе журналистов, занял первую административную должность. Поговаривали, что он выжал ее из попавшего в неприятности партийного босса. Весь его дальнейший путь был ознаменован жестокой и агрессивной игрой на бирже слухов. Он был удачливым и изворотливым биржевиком, а если надо — и ростовщиком тоже.

И все же, какие бы посты не занимал Марциано, путь в высокую политику был по-прежнему перед ним закрыт. Сюда, в этот заветный и эксклюзивный клуб, мог быть без проблем принят бурбон в генеральских погонах, протиснуться болтливый университетский профессор и даже протолкаться, давая всем на ноги, бойкий и готовый на любую сделку с совестью проныра из низов. Но «парикмахеров общественного вкуса», как едко и глумливо прозвал журналистов Старый Лис, сюда пускать не любили: их дело обслуживать клиентов. Иначе бы вся политическая элита почти сплошь состояла бы из представителей второй древнейшей профессии.

Маоз пытался прочесть что-либо на непроницаемой физиономии своего советника, но усилия его были тщетны. В льдистых глазах Фуше плавали пушистые блики, на тонких губах играла загадочная полуулыбка. Он напоминал сейчас огромного кота, который зажмурился и выгнул спину. Но Маоз успокаивал себя тем, что Фуше прекрасно понимает, какие преимущества дает ему деловой тандем с ним.

Миновав Гиват Шауль, «Вольво» мчалась по новой автомагистрали на юг Иерусалима. В наземной своей части она напоминала разделанную по хребту гигантскую рыбину. По бокам, как оголенные ребра, высились звукопоглощающие плиты. Машина затормозила перед поворотом на Малху⁴³, где жил Марциано. Маоз сразу понял трюк Афаргана, пытавшегося от него избавиться, но поручиться, что тот не догадался, не мог бы.

Когда Фуше вышел, Афарган дотронулся до плеча Маоза:

— У нас с вами двадцать минут, Ваша Честь. В одиннадцать нас ждет Саруси. В отеле «Ляром».

Маоз поморщился:

— Это тот, что в финансовой комиссии Кнессета?

Афарган почтительно, но интригуяюще ухмыльнулся.

— Нет, Ваша Честь, генерал полиции...

Маоз невольно вздрогнул. Не хватало только, чтобы помощник заметил...

Но тот, спеша отвести подозрения, хихикнул:

— Это его собственная инициатива, Ваша Честь...

Скрывая легкое замешательство, Маоз буркнул:

— В отель!

Водитель прибавил газу. Окон они не открывали. Хотя кондиционер трудился вовсю, Маоз чувствовал, как его шею охватывает липкий ошейник пота.

43 Малха — район Иерусалима.

В отель они вошли через черный ход. Афарган ориентировался в нем, как лоцман в извилах скалистого побережья. Он провел Маоза по коридору к хозяйственному лифту, и они поднялись на пятый этаж. Выглянув из двери и убедившись, что никого поблизости нет, он осторожно постучал в ближайший номер.

В дверном проеме, выжидающе улыбаясь, стоял плотный низенький человек лет пятидесяти, одетый в штатское. Окинув цепким взглядом импозантную фигуру вошедшего, он замер в нерешительности. Скорее всего, решал, как вести себя при появлении столь высокопоставленного посетителя.

Накопленным за многие десятилетия чутьем Маоз безошибочно распознал в нем выбившегося из низов служаку.

Фамильярно положив руку на плечо полицейского, Афарган представил его:

— Генерал Саруси! Один из способнейших офицеров нашей полиции! Маоз благосклонно кивнул.

К его удивлению, собеседник оказался вовсе не так прост, как он полагал. Довольно скоро осанка неловкого просителя улетучилась, будто кто-то дал команду «вольно!». Плечи расправились, спина стала прямой, а сквозь еще недавно угодливое выражение на лице уже проглядывало пробуждающееся хамство.

Афарган многозначительно посмотрел на босса и с легким нажимом в голосе спросил:

— Вам ведь не надо объяснять, Ваша Честь, почему такие, как у Саруси возможности пропадают втуне?

Маоз настороженно кивнул.

Они уселись в кресла. Афарган добросовестно подготовил почву. Может, его подозрения излишни, подумал Маоз, и все это из-за нервов. Словно подводя итог долгой и обстоятельной беседе, он энергично сомкнул пальцы рук и бросил:

— Ну так что там с Розенталем?

Полицейский встрепенулся. Он уже ничем не напоминал старательного и угодливого служаку. Даже тон его звучал иначе:

— Следствие ведется интенсивно, Ваша Честь. Допрашиваются многие десятки свидетелей...

Он по-простонародному икнул и, извинившись, похлопал себя пальцами по губам. Маоз пытался разгадать, что за этим кроется. Просто ли этот тип неотесан или с его стороны это пробный шар: как такая влия-

тельная персона, как Маоз, отреагирует на такую фамильярность. Саруси бросил быстрый взгляд на сидящего рядом Афаргана и уже куда уверенней продолжил:

— Пешки их не интересуют. На них давят, чтобы они вышли на самый верх...

— Кто?

Голос Маоза прозвучал резко и отрывисто.

Саруси хитровато кашлянул:

— Звонят из прокуратуры, из Кнессета, от юридического советника правительства...

Полицейский генерал вел осторожную, но настойчивую игру. Все еще прощупывая Маоза, он с притворным смущением добавил:

— Менахем Бускила, Ваша Честь, — двоюродный дядя моей невестки.

Но Маоз пропустил это мимо ушей. Родственные связи Саруси его интересуют не больше, чем окуроченный тротуар. Ведь если он и доверял кому-то, то только неоднократно убедившись, что человек этого достоин. В данном случае ни о какой доверии не могло быть и речи. Чем выше ты поднимаешься по лестнице карьеры, тем большую осмотрительность приходится проявлять. Бускила же относился к тому сорту людей, от которых, даже имея с ними дело, лучше держаться подальше.

С чего он вдруг вспомнил о Бускиле, этот Саруси? Скользкий тип! Хотел тем самым намекнуть, что ему можно доверять? А что если еще хуже — знает нечто такое, чего таким, как он, лучше не знать? Конечно, на встречу он напросился сам, но все же... Сопоставляя обе версии, Маоз дальновидно решил, что ему лучше играть одновременно на двух досках, чем на одной. Кстати, в шахматах он разбирался довольно неплохо.

Саруси нерешительно открыл свой «джеймс бонд» и вытащил оттуда фотокопии бумаг. Маозу сразу бросилось в глаза, что его фамилия там была подчеркнута желтым маркером. Кто подчеркивал — следователи или сам Саруси, — Маоз не знал...

Скользкого наглеца следовало поставить на место. Брезгливо указывая пальцем на секретные документы, Маоз повысил голос:

— Я, кажется, спрашивал про Розентала?!

— Да, Ваша Честь, но...

— Никаких но! — рявкнул Маоз. — Вы на кого замахиваетесь?

В глазах Саруси всколыхнулись блики нерешительности.

Маоз загремел, обращаясь не столько к ошарашенному генералу, сколько к своему собственному помощнику:

— Это что, шантаж? Я сегодня же поставлю в известность правительство и потребую расследовать провокацию!

Он напоминал судью сразу после вынесения сурового приговора — конвойные могут увести обвиняемого...

На лице Афаргана отразились переполняющие его эмоции — стыд, боль, поруганное доверие. Лишь врожденное благородство и чувство ответственности толкали его, несмотря на справедливое негодование босса, заступиться за оплошавшего подчиненного.

Он даже прервал Маоза:

— У генерала Саруси, Ваша Честь, были совсем другие намерения!

Полицейский переводил напряженный взгляд с одного посетителя на другого. Маоз был замкнут на все щекотливые моменты, а Афарган подавал глазами знаки: ну, давай же, давай! Не видишь, что ли, это твой последний шанс, больше такого не будет!

В голосе генерала забился будильник тревоги.

— Вы меня неправильно поняли, Ваша Честь...

Со стороны это выглядело довольно жалко. Хорошо еще в номере их было всего трое, и разносить молву о его унижении ни у Маоза, ни у его помощника никакого интереса не было. В конце концов, мир всегда делился на тех, кто ест, и тех, кого едят. Правда, иногда им приходится меняться местами.

Маоз брюзгливо повторил вслед за ним:

— Неправильно поняли...

Провинившийся сородич преклонил перед шейхом колена:

— Розенталь колется. Ему уже намекнули: поможешь — в тюрьму не сядешь. Станешь не обвиняемым, а государственным свидетелем...

Гримасу гнева на лице Маоза сменила маска брезгливости и досады. Он подошел к балконной двери и открыл занавеску. В номере равномерно гудел кондиционер, а за стеклом пылала электрическая панорама города.

Афарган удивительно точно, с полувзгляда, улавливал настроение босса.

— Ты, Саруси, надеюсь, понял, что от тебя требуется?

Маоз невольно подумал: «Этот малый далеко пойдет. Если он уже сейчас обращается к полицейскому генералу таким тоном, что будет лет через десять? В делах он, конечно, незаменимый помощник, но уж слишком много знает. Об этом стоит подумать...»

Сумрачно кивнув, Маоз нетерпеливо постучал ногой по полу.

Голос Саруси казался засахаренным смирением и угодливостью:

— Если будет что-то новое, я сообщу...

Насколько все же легче иметь дело с людьми восточной ментальности.

Маоз не раз пытался понять, чем это объяснить, но к определенному выводу так и не пришел. Скорее всего, причина в ашкеназийской жестокости. Она закладывается уже в раннем детстве, а отчуждение и индивидуализм в ней множатся на типично еврейскую практичность.

Где еще, скажите, слышано, чтобы дети были для родителей не только радостью и согревающей душу любовью, но и вкладом, который надо надежно застраховать? А вот у выходцев из Европы это считается само собой разумеющимся — капитал должен принести желанные дивиденды.

С ранних лет в голову ребенка настойчиво вбивается: ты должен, ты обязан преуспеть! Мы даем тебе самое бесценное сокровище на земле — образование, но когда-нибудь ты воздашь нам за это! Если не заботой и помощью в старости, в которых мы не будем нуждаться, то тем положением, какое ты займешь в обществе.

В сущности, это ростовщичество. Но у себя в семье Маоз брал пример с ашкеназийцев. Какие усилия он приложил, чтобы его сын и старшая дочь кончили юридический факультет, а младшая стала хотя бы учительницей. Частные преподаватели почти не вылезали из его дома...

Полицейский в штатском торопливо откланялся. Афарган и тут оказался на высоте: не заместитель премьера должен первым покинуть помещение, куда он, оказывая честь, явился, а тот, кто его встречал. Дистанция есть дистанция...

Простолюдин еще раз нарушил правила этикета и торопливо протянул руку, но вовремя отвернувшийся шейх ее не заметил...

Дверь закрылась. Маоз иронически хмыкнул. Саруси интересовал его теперь, как старая телевизионная реклама. Странно, как порой чувствуется в людях порода. Сравнить хотя бы того же Марциано с этим плебеєм. Слово кто-то там, наверху, еще до твоего рождения решает, чем тебя наградить: лоском или серостью. Стеклашка ты или алмаз — от чего это зависит?

Его размышления прервал Афарган:

— Да, кстати, босс: в отношении Розенталя...

Маоз потянулся и поглядел на часы: надо было еще минут пять выждать, пока этот тип не уберется подальше. Затем он посмотрел на Афаргана.

— Если Розенталь запутает Бускилу, босс, Ор Лев у вас в руках...

Этот малый читал не мысли даже, а смутные ощущения...

Первый утренний звонок был от Ор Лева. Хотя он и старался говорить уравновешенным тоном, натренированное ухо Маоза сразу же уловило в нем след растерянности. Он решил не сообщать ему пока, что место погибшего в автокатастрофе Нисима Абутбуля в Кнессете за ним. Пусть предложит себя сам или растает от сюрприза, который ему приготовлен. Будет тогда знать, кому обязан.

Придав голосу интимные нотки симпатии и дружеской заботы, он спросил:

— Что-нибудь серьезное?

Ответ прозвучал несколько натянуто:

— Нам нужно встретиться...

Маоз ни в коем случае не хотел проявлять беспокойства, но это насекомое Розенталь просто не выходил у него из головы.

Замолчав, он дал собеседнику понять, что готов его выслушать. Всегда не лишне подчеркнуть, что ты крепок, как скала, и своим людям готов помочь чем угодно и когда угодно.

— Вы собираетесь выступить по телевидению?

Техника интриг на грани фантастики. Фуше в своем репертуаре. Лишь вчера вечером он предложил Маозу эту идею, а сегодня утром ему уже звонит по этому поводу Ор Лев. Впрочем, так даже лучше; чем больше взаимных конфликтов у ближайших приспешников, тем безопасней для него самого.

Маоз свысока улыбнулся, но Ор Лев не мог этого видеть.

— Гиди, в четыре я в Кнессете. Если вы туда подъедете, мы обо всем с вами поговорим...

Он тут же набрал номер помощника. Теперь тон его был суховатым и деловым, каким отдают распоряжения подчиненным:

— Морис, собери к четырем, не позже, всех гавриков из нашей фракции. Купи бутылку шампанского, мы поздравим Ор Лева с началом его каденции в Кнессете...

О том, что статус депутата достанется Ор Леву лишь на два месяца — на носу новые выборы, — он, естественно, не упомянул. В политике главное спектакль, а хорош он или плох, никого не интересует. Это придет потом...

Внезапно Маоз, как ни гнал он от себя любую мысль о ней, подумал о Номе. Ему даже почудилось, что он слышит ее ироничный, будоражащий голос:

— Знаешь, в чем твой недостаток, Азриэль? Ты слишком патетичен. Это смешно, нелепо и отталкивает людей поумнее.

Маоз понимал это и без нее. Но знал и другое: если он изменит своему имиджу, то станет играть на чужом поле и услышит в ответ не аплодисменты, а свист.

Никогда и никому после того, как он пошел в гору, Маоз не позволял разговаривать с собой в таком тоне. И только рядом с этой женщиной он ощущал необъяснимую робость. Почему, черт возьми?! Как от этого избавиться?

К четырем в офисе Маоза в Кнессете собралось с полтора десятка приглашенных. На письменном столе сиротливо стояла бутылка шампанского и плотным каре — приземистые стеклянные бокалы. Едва на пороге появился Ор Лев, Маоз поднял руку и оживленное шушуканье прервал его скорбный баритон.

— В лице Нисима мы потеряли истинного друга и способного политика. Он всегда был и останется для нас эталоном чести и преданности народу...

Все взоры тут же устремились вниз, словно там покоилось тело усопшего и его вот-вот должны были предать последнему успокоению.

Маоз еще пару минут перечислял достоинства погибшего, его добрые дела и влияние, какое он оказал на окружающих. Потом, вздохнув, расправил плечи и, словно извиняясь, с меланхоличной полуулыбкой напомнил, что жизнь продолжается и надо держаться, хотя бы во имя всех живых...

Когда он провозгласил, что место Нисима Абутбуля в Кнессете займет достойный преемник — профессор Гидеон Ор Лев, раздались сначала растерянные, а потом энергичные аплодисменты. Стоящий рядом Морис Афарган деловито проколол иголкой пластмассовую пробку и без лишней суеты стал разливать в бокалы укрошенную жидкость.

— Поздравляем нового депутата Кнессета, ура!

Фальшивый энтузиазм резал слух. Одного взгляда на Ор Лева хватило, чтобы понять: никаким сюрпризом для него это не стало. И Маоз с досадой подумал, что и на этот раз Фуше опередил его, сыграв, как опытный биржевик, на понижение...

Оставшись наедине с Ор Левом, Маоз положил ему руку на плечо и проникновенно произнес:

— Теперь, Гиди, вы убедились, что избранный вами путь правилен?

В зеленоватых с желтой подпалинкой глазах Ор Лева мелькнули сполохи неловкости. Он не ответил и, недолго помолчав, вдруг ошарашил Маоза вопросом:

— Вы все же решили выступить по телевидению?

Маоз нахмурился, но взял себя в руки. Он даже позволил себе шутиливо дать понять, что он догадывается, откуда такая осведомленность.

— Я думал, вы одного мнения с Иекутиэлем...
Ор Лев вздохнул, словно выпустил из легких лишний воздух.
— Если это опять Розенталь, риск слишком велик...
— Ваш покорный слуга никогда не боялся риска, иначе бы не пошел в политику... — коротко и внушительно отрезал Маоз.
Ор Лев испытал внезапный прилив раздражения:
— А если Тамир ответит в том же духе? Тогда на повестке дня уже не ваш с ним конфликт, а гражданская война?
Маоз побелел от ярости. Университетский сморчок наступил ему на большую мозоль. Больше всего его бесило то, что он не может сказать правду, а вынужден выкручиваться и искать оправдания. Десятки лет он ждал, страстно мечтал об этом миге, порой грезил им наяву, а сейчас взять и отступить? Упустить последний шанс?
Многозначительно кашлянув, он холодно произнес:
— Напрасные страхи, Гидеон. Что же касается вас лично, вам не следует забывать, что вы — зять Менахема Бускилы. Если разразится скандал с Розенталем, вы в стороне не останетесь.
Ор Лев прикрыл от негодования глаза.
— В этой игре на меня вы можете не рассчитывать...
Он кивнул на прощанье и, не произнеся больше ни слова, прошел к двери.
Маоз проводил его долгим сумрачным взглядом. Эту опасность он проглядел — у кролика оказались тигриные когти...

14

Маоз был настолько погружен в свои мысли, что не слышал, как в кабинет вошел Афарган. Впрочем, тот всегда любил появляться неожиданно.
— Ваша Честь, неслыханное дело!
Чуть качнувшись в кресле, Маоз поднял взгляд. Грушевидное лицо помощника расплылось в загадочной улыбке.
— Тамир ищет с вами встречи. Мне звонил его помощник Амос...
С Афарганом стесняться было нечего. Маоз позволил себе скривиться, словно от зубной боли. Он был уверен, что видит всех насквозь.
— Скорее всего, Ор Лев перепугался и решил действовать через него. Афарган услужливо хохотнул:
— А какая разница? Адвокат, у которого я проходил стажировку, всегда говорил: умный компромисс вредит только дураку. Вы с вашим опытом, босс...

Что он искренен, у Маоза не было и тени сомнения. Минутку поразмыслив, он бросил:
— Скажи, я согласен...
Афарган облегченно вздохнул и вытащил из заднего кармана сотовый телефон. Голливудский профиль Маоза излучал гордое безразличие. Помощник поиграл бровями.
— Место будет совершенно дискретным.
Маоз поджал губы. Афарган замурлыкал в трубку.
— А... мос? Окей! С историей покончено, давай географию... где?
Афарган слушал, что говорит ему помощник Тамира, и его маленькие глазки светились от заинтригованности и удовлетворения. Сложив миниатюрный телефон, он довольно потер руками. Маоз слегка поморщился.
— Сегодня вечером. В одиннадцать. У тамировской тещи... Эта старая блядь в курсе многих его секретов... Вы получите удовольствие уже от самой встречи с ней, Ваша Честь...
От Кнессета до высотных коробок Кирьят Вольфсона всего два шага. Но сделать их надо было так, чтобы никто ничего не заподозрил. И на этот раз помогли особые отношения помощника с «гориллами».
Двое подстриженных почти под ноль рослых молодцев в темных тужурках с короткими рукавами сели с ними в машину. Едва она пересекла перекресток по дороге в Рехавию, шофер затормозил и они вышли, оставив Маоза с помощником одних.
Свернув направо и тут же резко развернувшись в обратную сторону, Афарган въехал на улицу Дискин и промчался до нужного здания. Здесь он спустился по спиральному уклону на подземную стоянку. Часы показывали без пяти одиннадцать. Поднявшись на одном лифте и поменяв его на другой, они очутились перед дверью с табличкой, гласящей по-английски: «Перла Домшлак».
Открыл Тамир. Крепко сбитый и, как всегда, подчеркнуто энергичный, он дружески улыбнулся и протянул руку сначала Маозу, а потом Афаргану. Пожатие было сильным, но не чересчур. Говорили, что у него черный пояс по карате и он спокойно ломает ладонью кирпич. Маоз же любил выправку, а не спорт, в котором ему чудилось нечто не очень естественное.
Тамир вопросительно посмотрел на Афаргана. С одной стороны, он как бы извинялся за причиняемое неудобство, а с другой, не оставлял сомнения, что приказы не обсуждаются.
— Морис, вы ведь оставите нас одних? Мы с Азриэлем старые знакомые...
Он пропустил Маоза вперед, в затемненный салон, где подслеповато мигал телевизор, и включил сильный свет. На большом овальном столе,

окруженном шестью стульями с треугольными спинками и замысловатыми гербами на них, вспыхнул букет алых роз.

Они еще не успели сесть, как из двери, ведущей в маленький узкий коридор, чуть прихрамывая и переваливаясь на высоких каблуках, появилось одетое в кокетливое, с кружевами, платье старое пугало. Полулусая голова с остатками ядовито-красных волос чуть покачивалась на перетруженной шее.

На лице Тамира мелькнула обожающая сыновняя улыбка. Показав на гостя, он представил его:

— Перла, это Азриэль Маоз, знакомься! Ты говорила, что видела его по телевизору.

Перла Домшлак игриво повела плечами.

— Еще бы!

Она ответила по-английски, но заметив замешательство в глазах гостя, тут же перешла на французский. Пять лет, прожитых с одним из мужей в Париже, отозвались в ней альбомом лукавых воспоминаний.

Вышло у нее все непринужденно и так по-светски, что Маоз вдруг почувствовал прилив симпатии к этой старухе. Правда, акцент у нее, как и у всех американцев, был тяжеловат, но зато не надо было пользоваться услугами переводчика.

— Я знал, что тебе доставит удовольствие с ним познакомиться, — прыснул коротеньким смешком Тамир.

Этот солдафон, оказывается, говорит и по-французски тоже, больно укололо Маоза. Но фразы у того выходили настолько топорными, что Маоз невольно испытал чувство удовлетворения.

— Та... кой мужчина! — чуть-чуть вздернула брови Перла. При этом она состроила на лице умильное выражение, и сделала это с таким озорством, что Маоз ответил ей широкой улыбкой.

Тамир смотрел на него, ухмыляясь: ну как, а?! Видел что-нибудь подобное?

— Я тебе говорила?! Он похож на Кларка Гейбла... О... о... о! Это был еще тот шалун, дети...

Перла загадочно подняла глаза вверх и, подмигнув, в притворном смущении затрясла головой.

— Во время войны он записался в авиацию и ходил в форме майора. От него нельзя было отвести глаз...

— Но на фотографии с тобой он ведь в гражданском, — хитрюще улыбнулся Тамир.

— Герцль, — укоризненно произнесла Перла Домшлак, — он и вправду был пилотом, воевал и даже получил медаль.

Теща окунулась в воспоминания. Тамир не мешал ей.

— Когда он в пятый раз женился... На этой... Как ее?! Кей Спекелс... Ему уже было почти под шестьдесят. Она ждала от него ребенка...

Поиграв попкой, Перла посмотрела на улыбающихся мужчин.

— Какая судьба! Сын родился через четыре месяца после смерти Кларка...

— Позволь с тобой не согласиться, Перла, — похохатывая, поправил ее Тамир, — Азриэль больше похож на Омара Шарифа.

Он сделал ей незаметный знак, и старая пройдоха, шаловливо приподняв подол платья, подставила Маозу руку для поцелуя.

— У каждого возраста свои слабости, — на ее голове слегка заколебалась похожая на потрепанную красную мочалку растительность. — В моем — идут спать даже если нет партнера...

Когда она закрыла за собой дверь, оба опустились в мягкие кресла. Телевизор еще тлел, но звук был выключен. Цвета и тени на экране быстро сменяли друг друга. Казалось, это раскачивается от ветра старинный дворовый фонарь.

— Хотите что-нибудь выпить?

Маоз замахал рукой. Он пил, вернее касался губами жидкости в бокале, только если не хотел кого-нибудь обидеть.

— Азриэль, — уставилось на Маоза круглое, с жестковатыми карими глазами и тупым носом лицо, — нам, наверное, давно следовало встретиться. Ваш друг Марциано правильно сделал, что свел нас.

Маоз мгновенно напрягся: значит, не Ор Лев, как он думал? Инициатором встречи был, оказывается, Фуше? Ему необходимо распутать этот клубок. В бескорыстность своих соратников Маоз не верил.

Зачем, черт возьми, Марциано это понадобилось, лихорадочно соображал Маоз? Что это? Мечь за отданное Ор Леву место в Кнессете? Не исключено. Но, с другой стороны, Тамир ведь и не думал скрывать, что встреча подготовлена Марциано. Если так, что же за этим стоит? Ошибка? Тогда, значит, она была ему нужна! Возможно, это намек, предостережение. Марциано хочет показать, что лояльность имеет свои границы...

Тамир повернулся и достал с полочки под журнальным столиком сигару. Энергично чиркнув спичкой, он поджег ее краешек. Вообще-то он курил редко, обычно лишь в сложных, на его взгляд, обстоятельствах. Глядя на его офицерский затылок, Маоз подумал, что даже внешне этот сабра похож на обелиск хладнокровия. Недаром в армии его прозвали Мадьяром.

Фамильярную эту кличку обожали журналисты. Настоящая фамилия Тамира была Унгер, что в переводе означает «венгр». Он изменил ее, когда стал постарше. В этой стране происхождение всегда играло важную роль, как титул аристократа в Англии или приставка «шейх» у мусульман.

Хотя родился Тамир в Палестине, в нем, как генная печать, проскальзывало чуть пасмурное, даже в юморе, меланхоличное спокойствие венгерских долин. Что-то угрюмое, тяжеловатое слышалось и в его смехе.

Тягаться с ним было нелегко. Его имя напоминало о рискованнейших военных операциях, и не только на поле боя, но и в глубоком вражеском тылу. В принципе, он был типичным профессиональным воякой, для таких война — естественное состояние, даже когда она кончается. Но в этом, ухмыльнулся про себя Маоз, крылась не только сила, но и слабость. В политике компромиссы важны куда больше, чем конфронтация.

Тамир дымил сигарой.

— У вас больше опыта работы в правительстве, чем у меня, и вы, конечно же, не хуже меня знаете, что иногда приходится отступать...

Маоз насупился: что он о себе воображает? А эта вызывающая манера говорить?

Заглушив возмущение, Маоз свысока осведомился:

— Это единственное, что вы хотели мне сообщить, Герцль?

Ну уж нет, месье, наглостью и наскоком вы Маоза не возьмете! Не на того напали! Надо только сделать так, будто несговорчивость исходит от него, Тамира. Тогда в нужный момент можно будет бросить еще одну бомбу: была возможность прийти к компромиссу, но он отказался ею воспользоваться.

В голосе Тамира зазвучали угрожающие нотки:

— Это опасная игра, Азриэль, подумайте об этом. Розенталь все равно сядет, и крепко...

Нервный паучок пробежал по спине Маоза. Но он тут же взял себя в руки: ашкеназийский бык! Неотесанный мужлан! Никакого понятия об этикете, уважении, правилах приличия. Сам, в силу своего характера, он облегчал Маозу задачу.

Энергично вскинув голову, он прервал говорившего.

— В игре всегда участвуют двое, вы — в не меньшей степени, чем я...

Маоз был доволен своей внезапной репликой — поставил этого типа на место.

Тамир пристально посмотрел на него и пыхнул сигарой.

— Я предлагаю вам компромисс... Вы не выставляете кандидатуру на пост премьера, а я гарантирую вам место в правительстве. Вам и еще паре ваших людей... — Тамир выпустил крупное кольцо дыма.

Разве это не компромисс? Ведь прежде он требовал куда большее — или Маоз снимает свою кандидатуру, или расследование идет до конца. Важно лишь, чтобы Розенталь остался за решеткой, в назидание другим...

Его тон учителя, читающего нотацию зарвавшемуся ученику, взвинтил Маоза. Он даже побелел от злости. Голос зазвенел, как лопата экскаватора, вонзившаяся в скальный грунт.

— Вы считаете себя достойней меня только потому, что вы генерал? Или потому, что родились здесь, а ваши родители из Венгрии?

В щелке приоткрывшейся двери мелькнула жгуче-красная мочалка — тамировская теща была на стреме. Маоза это не смутило. В нем хлюпал вязкий ил ярости. Он подбирался к горлу. В какой-то момент Маоз даже ощутил, что ему трудно дышать. Этот короткостриженный тупоносый солдафон с бронебойным взглядом карих глаз был для него олицетворением всех давешних обид и унижений.

По сути, это своего рода защитный рефлекс: расправься с соперником любым путем, иначе он сделает это с тобой! Оправдание себе потом всегда можно найти. Выряди бессилие в тогу благородства, поставь знак равенства между местью и правосудием, и ты спасен...

Маоз с пафосом чеканил каждое слово:

— Из нас всегда делали людей второго сорта. Лишали не только равных возможностей, но и самобытности, культуры...

Тамир прервал его, нехорошо сверкнув взглядом.

— Азриэль, бросьте декламировать! Во имя будущего всегда приходится поступаться прошлым. Дискриминировали всех! Разве профессора из Германии не подметали улиц? Адвокаты и врачи из Румынии не мостили дорог? Не был вытоптан идиш как язык, хотя за полтора года лет на нем была создана своя удивительная литература? Пытаясь возродить мертвое, вы душите живое...

Тупоносое лицо Тамира обрело черты отлитой из металла статуи. У Маоза внутри что-то сдвинулось и ухнуло вниз, в бездну. Наглость спесивого бурбона сметала в нем все преграды осторожности и здравого смысла.

Маоз и не думал уступать лавры победы. На стезе ораторского искусства ему стесняться было нечего. Слава богу, за десятки лет он выучился не только брать власть над аудиторией, но и вести ее за собой.

Он чувствовал необыкновенный прилив сил и убежденности.

— Хватит жевать пропагандистскую жвачку! Выдуманный вами пламенный котел — преступление! Величайший грех не только против демократии — против плюрализма...

Глаза Тамира сузились в черные дыры. Офицерский затылок, дернувшись, принял прицельную позу.

— От вашего плюрализма несет многоэтничным государством. Если следовать вашей логике, евреи — разные этносы одной религии. Есть арабы и персы еврейской религии, а есть румыны и поляки. Или венгры

и русские. Вы ошибаетесь: генетический анализ упрямо говорит, что все мы — один народ.

Их обоих занесло на повороте. Оба скользили в пропасть, но ни один упрямо не хотел протянуть руку другому, чтобы вместе спастись.

— Знаете, в чем когда-нибудь обвинят вас, Азриэль? Вместо того, чтобы объяснять своим землякам, что выходцы из Европы сами далеко не всегда были элитой, вы представляете их как колонизаторов. Гордиться надо не тем, что было, а тем, чего еще можно достичь. Что мы, хуже китайцев или корейцев? Они наступают на пятки европейцам и японцам, а мы тащимся за Северной Африкой?

Маоз прохрипел от ярости:

— Вы — расист!

Он встал с кресла, но не успел двинуться к двери, как перед ним снова выросла старая пройдоха.

— Господин Маоз, не обижайтесь на меня, но оба вы похожи на двух бойцовых петухов. Я бы не хотела, чтобы вы в клочья изорвали один другого...

Настойчиво подхватив под руку Маоза, она повела его к столу. Внезапно голос ее сорвался на визг:

— Герцль, не смей петушиться! Ты не в армии, никакой ты сейчас не генерал и вообще, не большая шишка...

Она была так похожа на старую хромую курицу, а французский ее звучал так смешно, что Маоз невольно улыбнулся. Был сбит с толку и Тамир, ответив на этот демарш своим слегка сумрачным, суховатым смешком.

Но даже кафешантанного очарования Перлы Домшлак не хватило, чтобы рассеять стусившуюся предгрозовую атмосферу.

15

Никогда еще Ор Лев не был в такой ярости и так остро не ощущал свою беспомощность и одиночество. Грудную клетку сдавило, строчки рябили в глазах...

«Пришла пора узнать правду!

Гортензия Бускила стала любовницей Азриэля Маоза в семнадцать лет. Маоз возглавлял тогда городское отделение профсоюзов.

Когда Бускила узнал об этом, он пришел к Маозу. Маоз перепугался до смерти — за сожительство с несовершеннолетней можно сесть в тюрьму. Он уговорил Бускилу не поднимать скандала. Сделал за свой счет

Гортензии операцию у гинеколога: она снова стала девицей. А очень скоро устроил Бускиле крупный заказ на работы в Синае.

Через год Гортензия пошла в армию. А через полтора года, когда она кончила армейскую службу, Бускила велел родственникам найти подходящего жениха. Такого, который не знал бы о ее прошлом и был из бедной семьи...

Матери жениха Бускила купил «под ключ» маленькую квартирку и взял с нее клятву, что она никогда и никому ничего не расскажет...»

Минут пять Ор Лев стоял, прижимаясь лбом к стеклу окна. Потом достал из ящика оставленную кем-то из гостей пачку сигарет «Кемел». За последние десять лет он закурил впервые...

— Ты куришь? — спросила Гортензия хрипло. — Тебе же врачи запретили...

Не оборачиваясь, он смотрел в окно. В стекле маячило отражение: его жена, не отрываясь, разглядывает скомканный листок бумаги на полу.

Его зеленоватые с желтой подпалиной глаза стали темными и непроницаемыми. Изо рта, оставляя на холодной поверхности стекла иней, выходил горячий от табака воздух. А вместе с ним исторгался злой дух, первичный, неконтролируемый инстинкт.

Бускила всегда и все покупал. Деньги были для него паролем и отмычкой. Никто их не презирал так жестоко, как он, и никто так цинично и беззастенчиво ими не пользовался. Для него они были не средством жить хорошо и широко, а ставкой в азартной игре.

Ор Лев не мог сказать, что больше его оскорбляет и ранит — гнусность содержания или мерзкое подглядывание в его прошлое и прошлое его жены. Шок, который он испытывал, уверял себя Ор Лев, был вызван не тем, что у его жены был до него любовник — даже судя по фотографиям, Гортензия в семнадцать лет выглядела на все двадцать, — а дешевым, плебейским обманом. Он чувствовал себя слишком европейцем, чтобы приходить в ярость от самого факта, что жена переспала когда-то с кем-то другим.

Гортензия зябко обернулась, то ли чтобы убедиться, что никого больше в комнате нет, то ли чтобы проверить, далеко ли входная дверь. Потом подняла с пола брошенный листок.

Ор Лев видел все происходящее смутно. Фигура жены оплывала и тяжелела на глазах, словно с нее сняли стягивающий корсет.

Ему вдруг показалось, она ждет, что он ударит ее. Может, она даже этого хотела. Тогда бы она взвыла, закрыла лицо руками, стала истерически рыдать и, мешая слезы с руганью, биться в простонародном припадке, пока он ее не пожалеет. Но Ор Лев с силой втянул воздух,

скривился и взял у нее из рук письмо. Он делал все это автоматически, только бы не стоять как истукан.

Рядом, скользя мимо сознания, звучал голос Гортензии.

— Гиди! Гиди!

Он высоко вздернул брови и сбил с сигареты пепел на пол. Он ничего не слышал...

Гортензию трясло, как в лихорадке.

— Гиди! Гиди! Гиди!

Все, что было связано с политикой, оказывалось на поверку поддельным и эфемерным: блеск, мощь, слава. При первом же испытании на прочность ломались, корежились и рассыпались в прах принципы, совесть, порядочность.

Кто за всем этим стоит? Хитроумный инсинуатор — Старый Лис? Еще недавно устроивший ему в университете так взволновавший его сюрприз Герцль Тамир? Снедаемый обидой и ревностью Фуше? А может, это мстит ему за измену сам Маоз? Ведь месть, как секс, захватывает полностью, и пока не наступит насыщение, успокоение не придет.

— Я всегда хотела тебе об этом рассказать. Не могла, не смела...

Голос, который так возбуждал его обычно, перегорел. От тлеющих, но готовых заново разгореться углей остался лишь пепел.

Она буквально истязала себя.

— Дура, стерва, идиотка!

Но обращаться к нему сейчас было бесполезно. Он, как космонавт в невесомости, завис между прошлым и настоящим — пойдй найди там точку опоры! Нищий студент и преуспевающий профессор... Наивный идеалист и занявшийся от скуки политикой скептик...

Зачем и кому понадобилось разрушать тот уютный воображаемый мирок, в котором он жил?

А может, это запоздалое прозрение? Новая точка отсчета? Ведь только страдание способно извлечь скрытые резервы духовных сил...

— Хотела и не могла! Ну было, было, было! Но когда? Двадцать восемь лет назад?!

Ор Лев молчал. Что это? Ах да, Гортензия! Его словно заморозило, повсюду был лед — в сердце, в дыхании, в мыслях...

Он впитал в себя западную культуру, перестроил и переориентировал интеллект, но все равно где-то в глубинах мозга, в подкорке, еще дремляли инстинкты. Предательства жены он простить не мог. У него было такое ощущение, будто кто-то грязными руками копается у него внутри. Наверное, это оттуда — из алжирской касбы, которую он даже не помнит...

— Думаешь, я не знала, что ты трахался с этой американской сучкой? Оставалось либо сдержаться и самим своим хладнокровием предотвратить назревающий скандал, либо, подобно банальному рога носцу, взбешенному случкой на стороне блудливой супруги, поддаться зову подкорки.

Он не знал, кто в нем победит, меланхоличный интеллигент или все еще неизжитый драчливый плебей?

Слишком силен оказался шок. Внезапно он изошел переполняющим его криком:

— И ты еще смеешь сравнивать?

Гортензия замерла от неожиданности. Наверное, не представляла, что реакция будет такой болезненной.

Голос у Ор Лева и без того был не низким, а теперь звучал на самых высоких нотах.

— Ты ее видела! Она была для тебя призраком, фантомом, стихией! Надо было переждать, пока пронесет, и все...

Губы Гортензии по-скверному скривились. В ней проснулась фреха:

— Фантом? Ты сказал: «фантом»?

«Что она выкинет сейчас? — пронеслось в его голове. — Вытаращит глаза? Завизжит? Швырнет, что попадет под руку так, что полетят осколки?»

— Мой муж стонет во сне: «Номи, Номи!», а проснувшись, лезет на меня — это фантом?

Его передернуло: кто и кого здесь, собственно, обвиняет?

— Я когда-нибудь лгал тебе? Отрицал? Оправдывался?

Он старался перекричать ее. Главное в таких случаях перехватить инициативу.

— Молчал! Это было наваждение. Но избавиться от него я должен был сам!..

Ее чувственные губы выгнулись и изрыгнули ругательство. В глазах мельтешили пятна. Такой он видел ее впервые.

— А я тебе врал?

Ор Лев задохнулся от обиды и возмущения:

— Вы все ввали! Всем вокруг, и себе в том числе! Даже молча! Вся ваша семейка!

Его несло, остановиться и контролировать себя он был уже не в состоянии.

— Твой сукин сын — папашечка, твоя индюшка — мамашечка. Помнишь, какой тарарам она подняла в первую нашу с тобой ночь из-за

простыни, на которой были пятна крови? Как она с ней носилась, чтобы все видели и знали, что ты была девственницей. Еще той девственницей!

Внезапно Гортензия выгнулась. Рот у нее стянуло, пальцы растопырились — того и гляди вонзится ему в лицо сизыми от маникюра ногтями. Но судорога так же быстро спала, как и нахлынула, веки медленно прикрылись, и, расплавившийся от истомы, выглянул изо рта и заворочался язык. Дрогнув тазом, она надвигалась на него, как бьющее из форсунки пламя.

Не глядя нащупав то, что искала, она сжала руку так, что он вскрикнул от боли и обжигающего наслаждения. Рот, из которого доносились мычащие звуки, широко открылся. Казалось, она втянет в себя не только его губы — всего его с ног до головы как гигантская вагина, куда до смерти хотелось погрузиться, чтобы никогда больше не возвращаться.

Она опустилась на колени, и пах его оказался в горячей и урчащей кастрюле. Только вместо половника ее содержимое помешивал выросший до гигантских размеров жадный и обжигающий язык. Одновременно руки ее приподнимали платье, скатывали трусы. И хотя длилось это секунды, он видел все, как при замедленной съемке.

Приподнявшись, она легла грудью на стоящий рядом громоздкий обеденный стол, и широко раздвинула ноги. У него перехватило дыхание. Темный, гипнотизирующий лаз беззвучно, но властно звал его в неотвратимую, как смерть, пещеру...

Гортензия всегда была для него мощным сексуальным магнитом. Зовом жаждущих слияния клеток. Грезой сперматозоидов. Рецептором предстательной железы. Несмотря на весь ее лоск, было в ней что-то от самки, и пусть ненадолго, подспудно будило в нем самца. Ор Лев стыдился, но не мог себя пересилить. Осуждал себя, но всегда находил оправдание...

Где, скажите, ключ к этой тайне? Почему люди разных рас и культур, непохожего воспитания и несовместимых ценностей вдруг испытывают друг к другу неодолимую тягу? Чем объяснить, что роковая искра проскакивает не между мужчиной и женщиной вообще, как того требуют законы эволюции, а между тем, кого ты инстинктивно выбираешь, и кто откликается на твой отчаянный зов или остается глухим?

Двигутся, движутся в разные стороны два эскалатора. Мелькают лица — десятки, сотни, тысячи. Равнодушные взгляды, настороженная отчужденность толпы. И вдруг — немой крик, ожог, наваждение — вот оно! С этого мига человек словно примагничен. Он следит, всматривается, встает на цыпочки, изгибается, лишь бы не потерять из виду! И мысленно молит судьбу, чтобы это волнение, далекий и отчаянный сигнал «SOS» передалось на расстоянии...

Что это? Биоволны, настроенные на какую-то общую частоту? Телескоп подсознания, выискивающий в бесконечности космоса обитаемую звезду? Генетическая память: а вдруг вы когда-то уже встречались? Если виной всему лишь инстинкт размножения, к чему тогда весь этот поиск?

Очнувшись, Ор Лев с ужасом убедился, что ничего на самом деле не было — ни истерики, ни оргазма. Все это ему примерещилось.

Горько посмеявшись над самим собой, он поздравил себя со вступлением в ряды рафинированных импотентов. Досада Ор Лева на себя была так велика, что он оскалился и прикрыл глаза.

Рядом прозвучал разбитый на осколки голос Гортензии:
— Что ты молчишь? Ты что, истукан?

ЧАСТЬ VI

ХРОНИКА НАЗРЕВАВШИХ СОБЫТИЙ

ВТОРНИК ... СЕНТЯБРЯ...

Радиосообщение. 12:00

Группа местных жителей захватила шесть квартир в центре абсорбции «Мевассерет Цион», предназначенных для репатриантов из бывшего СССР.

Забаррикадировавшиеся там вместе с семьями захватчики угрожают взорвать газовые баллоны, если кто-то попытается проникнуть внутрь.

Вызванная полиция безуспешно пытается убедить их выйти из помещения. Из мегафона несутся ругань и проклятия в адрес «русских»...

Радиосообщение. 14:00

Мелкое уличное происшествие в торговом центре Кирьят Гата вылилось в многолюдную драку. Ее участники — местная молодежь, выходцы из Северной Африки, репатрианты из России.

Трое пострадавших доставлены в больницу. Полиция сообщает о нескольких арестованных...

Телевизионная программа «Сегодня вечером». 17:00

— Это уже третье за сегодняшний день столкновение между выходцами из мусульманских стран и репатриантами из СНГ. Наш корреспондент передает из Хулона...

— Двадцатидвухлетний студент местного технологического колледжа Александр Губельман получил проникающее ранение в область живота. Состояние раненого крайне тяжелое. Мы попросили полковника полиции Меира Гильбоа ответить на наши вопросы...

Интервьюер:

— Полковник Гильбоа, прежде всего, связаны ли все эти случаи между собой? Ведь хотя они и произошли в разных местах, все три случились в один и тот же день, точнее в течение нескольких часов. Случайное ли это совпадение или чья-то целенаправленная акция?

Полковник Меир Гильбоа:

— Ни о какой целенаправленной акции не может быть и речи. Пресса всегда нагнетает обстановку. Любое мелкое происшествие она мгновенно превращает в сенсацию.

О связи между указанными вами событиями я пока ничего сообщить не могу, но, смею вас заверить, полиция сделает все от нее зависящее, чтобы найти и наказать преступников...

Телевизионные новости. Второй канал. 20:00

В центре Иерусалима, на площади Кикар Цион, собралась толпа в триста — триста пятьдесят человек с плакатами: «Квартиры — нуждающимся сабрам, а не русским иждивенцам!», «Прекратите завоз русских шлюх и фальшивых дипломов!», «Нет — русской мафии!»...

Разрешения на демонстрацию у них нет.

Полиция разгоняет толпу, не применяя силы...

Ночной выпуск теленовостей. Репортаж с места происшествия. 23:00

Подожжены шесть русских магазинов в разных городах. Первый случай — в Бат Яме, второй — в Ашдоде... Почерк один и тот же: поджигатели разбивают стекло и бросают внутрь бутылку с «коктейлем Молотова».

СРЕДА ... СЕНТЯБРЯ. 2:26 УТРА

Работает полицейская рация

... Убит Жожо, владелец массажного кабинета «Поза» в Натании. Есть опасность возникновения стычки на межобщинной почве...

Из полицейского протокола

Владелец массажного кабинета тридцати шести лет по кличке «Жожо» обнаружен мертвым в луже крови с тремя пулевыми ранениями. Одно — в области шеи, у затылочной кости. Два других — на левой стороне груди... Стрельба велась из автоматического оружия... Порядок в комнате не нарушен... Промежуток времени между появлением убийцы или убийц и совершением преступления, скорее всего, минимален. Найденный на полу окурочек взят на экспертизу...

Звонок в скорую. 4:18 утра

Голос с сильным русским акцентом

— Приезжайте скорее! Они его убили! Господи, куда мы приехали?

Приемный покой. Выписка из истории болезни

... Борис Мучник доставлен в приемный покой в 5:30. Скончался через сорок минут после неудачных попыток реанимации от сквозного ранения в верхнюю часть брюшной полости и потери крови...

Из допроса свидетельницы Елены Бурулеску

...Их двое было. Один — в футболке, другой — в голубой рубашке. Оба — в джинсах. На головы чулки натянули. Я сначала думала — клиенты...

«Жожо» вот здесь сидел, на углу стола. Они позвали его, по имени. Только он повернулся, они по нему очередью. Из автомата... Успел только крикнуть: «Русские, русские!»...

ЧЕТВЕРГ ... СЕНТЯБРЯ

Радиосообщение. 8:00

Разборки в уголовном мире: уже второе за ночь убийство. Неизвестными застрелен репатриант с Украины Борис Мучник, профессиональный боксер, работавший сторожем и попутно по заказу выбивавший из соотечественников долги...

Докладывает агент «Дуби»

Хотя похороны были назначены на два часа, на кладбище люди стали появляться уже в половине второго.

В черном «БМВ» приехал Кокос и с ним еще двое, я их не знаю. В «Мерседесе» — Бродвей с Танкистом, а в «ВЭНе» — братья Леви: Момо и Псих.

Когда тело Жожо вынесли из катафалка, родственники начали плакать и кричать. Танкист заголосил: «Мсть! Мсть!», а потом начал пинать ногой могильный памятник с русской надписью. Его уняли...

На обратном пути Псих разорвался: «Ашкеназийцев — на мыло!» А Танкист и Бродвей рассказывали, что от «русских» не стало житья в Беэр Шеве и угрожали: «Час еще придет! Расплата будет такой — надолго запомнят!»

Заметка в одной из газет на русском языке

Ненависть к нам, репатриантам из России, среди выходцев с Востока неугасима. Нам никак не могут простить, что мы образованней, трудолюбивей и целеустремленней. Любую «русскую», даже если это пожилая женщина, обзывают «шлюхой» и готовы растерзать. Каждому «русскому» кричат, что он купил диплом.

В последние дни положение еще более обострилось. От призывов здесь перешли к действиям. Создается впечатление, что акты насилия кем-то заказаны. Ни полиция, ни муниципалитеты, ни служба безопасности никаких мер пока не принимают. Остается лишь добавить, что стражи порядка, а они в большинстве своем восточного происхождения, на стороне провокаторов. Нас, русских, избивают до полусмерти, унижают и сажают...

Передовая статья газеты религиозных выходцев с Востока

Гои, прикрывающиеся еврейскими метриками, жестоко расправились с отцом пятерых детей и прихожанином синагоги «Шатер Яакова» Йосефом Масбухой, которого соседи тепло прозвали Жожо. Он найден застреленным автоматной очередью. Соседка-румынка рассказала, что убийцы говорили по-русски. Полиция, как и всегда, когда речь идет о сефардах, не очень торопится.

По слухам, на похоронах одного из лидеров русской мафии в Натании — некоего Бориса Мучника — слышались угрозы в адрес «марокканцев». Единственный способ приостановить преступления

и приток гоев в Землю обетованную — изменить Закон о возвращении.

Добиваться этого — святое, богоугодное дело. Со времени разрушения Второго Храма⁴⁴ их приезд — самая большая опасность для народа Израиля...

Телевизионные последние известия. 21:00

Только что нам сообщили: в Бейт Шемеше загорелся клуб ветеранов Второй мировой войны, куда приходят по вечерам пенсионеры — выходцы из бывшего СССР. По всей видимости, пожар возник из-за неисправной электропроводки.

В давке один из стариков получил ожоги, а шестеро наглотались дыму. Все пострадавшие доставлены в больницу.

Распоряжение цензуры

Заметку о поджоге в Бейт Шемеше «Еще одно следствие межобщинных распрей» — снять. Другую — об избиении молодыми репатриантами из России «аврехов», учащихся религиозного училища «Врата мудрости» задержать до особого распоряжения...

Звонок журналиста на государственное радио

Коби, почему не дали мой материал из Бейт Шемеша? Что? При чем здесь цензура? Речь идет об армии, что ли?

Рапорт руководства полиции

Межобщинные стычки отмечаются в Кирьят Гате, Рамле, Лоде, Ашдоде, Хулоне, Бейт Шеане и других местах. Правительство — накануне новых выборов.

Никто не решается принять экстренные меры из-за страха потерять избирателей. Вся тяжесть решений ложится на нас.

Призыв заместителя главы правительства Азриэля Маоза в связи с делом Дорона Розенталя «Каждый выходец с Востока — жертва навета,

44 Второй Храм — Первый Храм Соломона был разрушен вавилонянами через 410 лет, а евреи угнаны в плен. Спустя 70 лет изгнанники вернулись и заново отстроили Храм, вошедший в историю как Второй Храм. Он простоял 420 лет и был разрушен римлянами в 70-м году н. э.

каждый — Дорон Розенталь!» вызвал опасный резонанс. Не исключено, что есть источники, которые заинтересованы в том, чтобы накалить обстановку до взрыва...

Кто-то заказал в Натании и оплатил листовки с портретом владельца массажного кабинета «Поза» Жожо — Йосефа Масбухи. Под черной траурной рамкой подпись: «Погиб за веру!». Кто-то оплачивает подстрекательские призывы пиратских радиостанций.

Из «русской» среды сообщают, что семья сутенера и вышибалы Бориса Мучника получила от российских мафиозных группировок жирный чек. За пострадавшими в клубе ветеранов войны ухаживают платные сиделки, каждому предоставлен телефон и телевизор. Служба безопасности должна принять срочные меры...

Из отчета службы безопасности

Информация из полиции просачивается к уголовным элементам из «русской» и нашей мафии. Имеются случаи избиения выходцев из СССР полицейскими восточного происхождения...

Попытка переложить ответственность только на службу безопасности неоправданна...

Вечерняя газета «Едиот ахоронот»

Кабинет преследует рок. Вначале получает сильнейший инфаркт премьер, затем вспыхивает война между лидерами двух крупнейших партий коалиции, каждый из которых метит на место главы правительства. Сейчас, накануне выборов, вражда обретает отчетливый межобщинный характер.

Воспользовавшись делом обвиненного в незаконных земельных операциях председателя местного муниципалитета Дорона Розенталя, заместитель премьера Азриэль Маоз в очередной раз предстал перед общественностью в качестве единственного, верного и мужественного защитника выходцев с Востока.

Вечерняя газета «Маарив»

На этот раз обходной маневр Аарона Голана, которого недоброжелатели за глаза называют Старым Лисом, привел к обратному результату: вместо того, чтобы ослабить позиции Азриэля Маоза, он их усилил. Мелкий маклер от политики Дорон Розенталь предстал как невинная жертва, а возможный суд над ним — как израильский вариант дела Дрейфуса.

Взяв под защиту обвиняемого, кандидат в премьеры Азриэль Маоз сумел сплотить вокруг себя значительную часть населения, одновременно скомпрометировав ашкеназийский истеблишмент.

Утренняя газета «Ха-арец»

Беспринципность достигла апогея. Политические конкуренты пользуются оружием, которое до самого последнего времени считалось таким же недопустимым, как и ядерное, — внутринациональными конфликтами. Как бы это не привело к непоправимым трагическим последствиям.

Телеграмма агента «Моссада»

В Париже закончился сбор средств в пользу дискриминированных восточных общин Израиля. Собрано около миллиона долларов. Один из источников сообщает, что гораздо больше. Циркулируют слухи о том, что финансовый воротила Давидян собирает перевести своим людям солидную сумму.

Существует серьезное подозрение, что деньги перекачиваются через пожертвования на якобы богоугодные дела. «Сабра».

Начальнику бюро связи «Натив». Лично

Мафиозные структуры СНГ надеются, воспользовавшись внеочередными выборами, внедриться в политические круги Израиля. Через секретные каналы переправляются значительные средства и ведется пропаганда исключительности русской общины, ее культурного потенциала и особой роли в Израиле.

Благодатной почвой для сепаратизма является враждебное отношение к репатриантам из СНГ выходцев с Востока. Связанные с ними религиозные круги пытаются перетянуть на свою сторону бухарских, горских и грузинских евреев, внушая им, что они тоже дискриминируются ашкеназийским истеблишментом.

Обе эти причины способствуют укреплению влияния «русских» этнических партий и группировок.

Начальник отдела «Моссада» — председателю комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне

Ситуация каждую минуту может выйти из-под контроля. Наше мнение: все службы безопасности должны действовать сообща...

На юридического советника правительства оказывается давление. Министры, которых мы пытались подключить, уклоняются от каких-либо шагов под любыми предложениями...

Нашего агента в Париже «Сабру» обвинили в расистских взглядах. С другой стороны, есть жалобы на полицию: во время последних беспорядков было арестовано девять «русских» и только трое выходцев с Востока.

ПЯТНИЦА ... СЕНТЯБРЯ

Радиоинтервью. Середина дня

В связи с нарастающей межобщинной напряженностью мы попросили высказаться двух депутатов Кнессета. Один из них — Хаим Коэн, представляет интересы выходцев с Востока, и другой — Аркадий Вольпер — репатриантов из СНГ.

Депутат Хаим Коэн:

— Репатриация с Украины и из России себя исчерпала. Евреи оттуда давно выехали, сейчас едут «гои». В результате чужаки получают выгодные квартирные ссуды, а уроженцы страны, чьи отцы и деды приехали из мусульманских стран, ютятся в тесноте. «Черные» теряют то, чего с таким трудом добились, а ашкеназийцы готовы привести татар и казаков, лишь бы сохранить свои привилегии.

Депутат Аркадий Вольпер:

— Мой коллега забыл сказать, что его пугают не столько «гои», сколько страх потерять свое место в Кнессете, ведь за таких мракобесов, как он, мало-мальски образованный человек не проголосует...

Реплика Хаима Коэна:

— Расист! Адвокат дьявола!

Ведущий:

— Господа, прошу успокоиться, вы в эфире...

Аркадий Вольпер:

— Кто из нас расист? Это вы отрицаете наше право жить на своей земле: у нас его нет, а у вас есть?

Хаим Коэн:

— Вам открыли дорогу ашкеназийские политики! От страха за свою шкуру! У них одна задача — ликвидировать все наши достижения, все, чего мы добивались десятки лет. Здесь был и остался «аппартейд»...

Донесение в «Шабак»

В домах адвоката Давида Азулая в Хайфе и Далии Шарвит в Тель-Авиве ведутся бесконечные совещания. Заказаны шапки с надписями: «Я — черный, это моя земля!», «Вчера Дрейфус — сегодня Розенталь!», «Ашкеназийский расизм не пройдет!», «Чужаков — по домам!» Есть договоренность с кооперативами «Эгед» и «Дан» об аренде автобусов...

ВОСКРЕСЕНЬЕ ... СЕНТЯБРЯ

Телевизионные известия «Мабат». 21:00

Здесь, на стадионе «Тедди» в «Малхе» собрались на митинг протеста многие тысячи выходцев с Востока, приехавшие из самых отдаленных уголков страны. Шум переполненных трибун не могут заглушить даже мощные громкоговорители. Среди моря голов плывут многочисленные плакаты и транспаранты в защиту Дорона Розенталя.

Ожидается прибытие заместителя премьера, Азриэля Маоза.

От имени религиозных депутатов Кнессета раввин Абарджил просит собравшихся помолиться с ним.

Репортаж из «Едиот ахаронот»

По оценкам полиции на самом стадионе и вокруг него собрались пятьдесят тысяч человек. По утверждению организаторов митинга, гораздо больше.

Подступы к каньону «Малха» и стадиону «Тедди» забиты автобусами и людьми...

Заместителя главы уходящего правительства, Азриэля Маоза, толпа встречает овацией и криками. Он обращается к собравшимся с призывом:

— Каждый из нас — Дорон Розенталь! Мы требуем настоящего, а не мнимого правосудия!

После него слово берет доктор Далия Шарвит. Она говорит о расистских предрассудках ашкеназийского истеблишмента. Сионизм как таковой, возник, по ее словам, как колониалистское движение. Поэтому евреи мусульманских стран используются как рабочая сила и сторожевой пес чужих интересов.

Вслед за доктором Шарвит к шумно реагирующей толпе обращается адвокат Давид Азулай. Европейский истеблишмент, говорит он, уже при-

вел к пяти кровопролитнейшим войнам в регионе. Но самая страшная еще впереди — гнев молчаливого большинства. Евреи Востока, которые могли стать мостом между арабским миром и Израилем, лишены возможности влиять на важнейшие политические вопросы...

Только новый депутат Кнессета Гидеон Ор Лев пытался унять накал межобщинной вражды. Он призвал сохранять трезвость и спокойствие, добиваться своих прав демократическим путем и воздерживаться от непродуманных шагов...

Драматического апогея события достигли в момент, когда толпа начала расходиться. С интервалом в две минуты взорвались две слезоточивые гранаты. Слух о террористическом акте превратил площадь в бушующую человеческую лаву. Машины скорой помощи увезли в больницы десятки пострадавших...

В кругах, близких к Маозу, в случившемся обвиняют подстрекателя европейским истеблишментом «русскую» мафию...

ВТОРНИК ... СЕНТЯБРЯ

Антимитинг в Ашдоде

— Нам не привыкать к кровавым наветам! При царе было «Дело Бей-лиса», при Сталине — «Дело врачей»! Сейчас нас обвиняют в провокации со слезоточивыми гранатами в Иерусалиме...

Мы — гои, твердят нам, потомки хазар. Не только мы — все европейские евреи. Те, кто строил и создавал страну. Кто принес с собой идеалы равенства и справедливости. Кто организовал профсоюзы, открыл школы и университеты и в борьбе с колонизаторами ценой своей крови отстоял молодое государство в 1948 году...

Корреспондент «Би Би Си» из Иерусалима

Каждая сторона сваливает вину на другую. Впечатление таково, что события вышли из-под контроля. Не исключено, что это уже стихия, которую невозможно остановить...

Передовая статья утренней газеты «Ха-арец»

Перед всеми нами, независимо от политических взглядов и партийной принадлежности, снова и снова встает роковой вопрос — одна ли мы нация или нет? Была ли попытка задействовать плавающий котел ошиб-

кой или неудавшимся экспериментом? Допустим ли мы, что наша свобода и независимость снова будут отданы в жертву братоубийственной ненависти, а «Третий Храм⁴⁵» — новое Еврейское Государство — спалит пожар взаимной нетерпимости?»

ЧАСТЬ VII ТУПИК

СРЕДА ... СЕНТЯБРЯ

Радиосообщение. 16.:00

В связи с тем, что на пороге — Судный день, положение несколько стабилизировалось. Стычки и столкновения в разных городах страны прекратились. Общее мнение — нужны срочные и решительные меры...

1

Когда Шрем появился в дверях, Номи прикрыла глаза: от него прямо-таки било паром, словно он только что из сауны.

Лоб взмок, короткий жесткий ворс волос поблескивал капельками пота, сильная, с длинными пальцами, рука сжимала и разжимала теннисный мячик: где и для чего он его взял?

Ей вдруг захотелось успокоить его. Защитить. Прикрыть своим телом...
— Хамсин⁴⁶... — хрипло бросил он.

Обычно он разъезжал на открытом джипе. Инстинкт подсказывал, что на этот раз причиной его скверного настроения был отнюдь не зной...

— Хочешь чего-нибудь выпить, Гай?
— Коктейль...

Типичный сабра, он пил мало, да и то, скорее всего, потому что так поступали герои фильмов, которые шли на экранах.

Номи кивнула и пошла за бокалами.

Шрем полуулегся в кресле, широко раздвинув ноги в красных ботинках десантника. Помяв в руках теннисный мячик, он с силой швырнул его в стену одной рукой и ловко поймал другой.

Номи поставила перед ним бокал с коктейлем.
— Хочешь рассказать, что случилось?

Соломинка с насаженным на нее ломтиком лимона была похожа на игрушечную алебарду.

45 Третий Храм — Первый иерусалимский храм был разрушен вавилонянами, второй — римлянами.

46 Хамсин — жаркий ветер пустынь с востока. По поверьям, дует пятьдесят дней в году. Отсюда и его арабское название.

Вздернув брови, Шрем махнул рукой.

— Все как и следовало ожидать...

В его темных глазах загорался гнев. Номи терпеливо ждала. В таких случаях лучше не торопить.

Внезапно Шрем пронзил ее быстрым взглядом. Ей пришло в голову, что он и хотел бы с ней поговорить, но не может решиться.

Сделав глоток, он скривился и стал скрести доньшком бокала по стеклу журнального столика.

— Дерьмо! Смотри, что вокруг творится. Еще немного, и начнется бойня. Никто не хочет брать на себя ответственность. Каждый кивает на другого...

Жестко улыбнувшись, он снова швырнул мячик в стенку. На этот раз с такой силой, что, казалось, ему его не поймать. Но он все-таки извернулся и перехватил мяч.

Номи невольно вздрогнула. Парадокс, но пестуя в людях мужество и силу духа, армия оставляет в их душах легкий налет инфантильности. Скорей всего, это от идиотской иерархии, от оставшейся с доисторических времен тяги к церемониям. Ведь если они что и напоминают, то, скорее всего, ритуалы африканских колдунов или сибирских шаманов.

Но в этом малом за налетом армейской шероховатости и грубоватой иронии ощущалась обостренная чувствительность и парадоксальный ум.

К себе он, кстати, был не менее требователен, чем к другим. Поражало его безразличие к комфорту и аскетический культ высших ценностей. Номи понимала, насколько серьезно все это в нем укоренилось.

— Принципами не торгуют...

Говорил Шрем обычно мало, только о том, что думал, или сидел молча. Демагогов и снобов сторонился. В нем чувствовалась сила, но она не подавляла окружающих. Он не навязывал себя и небрежно относился к условностям. Этим он и купил ее...

На тех, кто не способен плыть против течения, это производит впечатление. В их глазах это — бунт. Ненавистный именно из-за своей недостижимости идеал. Я не могу, а он способен!

Простить, что из-за кого-то ты стесняешься самого себя! А каждый ли на это готов!

Шрем досадливо поморщился:

— Болото! Каждая лягушка думает о своей кочке, а не о мине, которая лежит рядом...

Номи пыталась успокоить бушевавшую внутри него бурю.

— А может, все проще? И той опасности, которую видим мы, не видят они?

— Еще паскудней, — саркастически хмыкнул Шрем. — Кое для кого чин сегодня важнее, чем гражданская война завтра...

Она впервые за много лет была в действительности растеряна. Ее охватила затаенная тревога. Еще не зная, к какому неожиданному повороту все это может привести, она суеверно прикрыла глаза. «Пронеси, Господь!..»

Кто бы поверил, что она позволит ему проникнуть в окоп своего вдовьего одиночества?

За Вебера она никогда не боялась, только за себя. Жизнь мелькала, как шальные качели. В ней был свой, сбивающий с толку ритм: взлет — падение, пропасть — вершина! Для оценок и самокопания не оставалось ни нервов, ни времени.

Джерри был профессиональным игроком, чувства в нем искрились, как ток в проводе с пробитой изоляцией. Все, кто говорил о морали, были в его глазах фарисеями, а сантименты свидетельствовали о слюнтяйстве. Выбор, который стоит перед человеком, твердил он, всегда один и тот же — пан или пропал! У рулетки только два цвета: красный и черный. Банк или пуля! Фрак с гвоздикой в петлице или окровавленный бинт...

С Шремом все складывалось иначе...

Номи пыталась разобраться в себе. Чем он привлек ее, этот колючий и скрытный офицер-десантник? И кто он вообще по своему характеру? Скучный моралист? Неисправимый романтик?

2

Есть сорт людей, чьи убеждения не позволяют идти на компромиссы. Со стороны кажется, что всему виной непокладистость и упрямство. На самом деле все намного сложнее. Наиболее распространенная и безобидная разновидность их — так называемые перфекционисты. Те, кого как магнитом притягивает к себе своего рода совершенство, пусть даже и пустяковое. Ведь речь идет о красоте, а красота — это идеал. Они безвредны и считаются чудаками. Гораздо опаснее те, кто, повинаясь неведомому зову, возводят в идеал нечто искусственное и обездушивающее, будь то идея, вера или принцип. Срабатывает психологический гипнотизм, и, пока им не дадут освобождающую команду, они их зомби. Способны на любую жертву: даже убивать и быть убитыми. Но самый опасный вариант — жрецы харизмы: пророки и носители непогрешимой истины.

Слово «харизма» Номи ненавидела. Древние греки называли им божественный дар, милость богов. Какого черта! Все это липа, оптический

обман, хуже — базарный трюк. Когда она его слышала, ее незримо передергивало. Во всех случаях, будь то политика, искусство или мода, срабатывает унылый гипноз. Какая разница, скажите, между популярной кинозвездой, обожаемым поп-музыкантом или жонглирующим пафосом, как иллюзионист воздушными шарами, лидером! Все они околдовывают массы нимбом популярности. Человеку толпы каждый из них видится идолом, сама близость к которому приподнимает его и делает более значительным.

Рациональное дитя своего века, Номи не верила ни в какую мистику. Никакой словесной эквилибристикой провести ее было невозможно. Человек зачастую слаб духом, и в роковые моменты ему бы очень хотелось, чтобы ответственность за него взял в свои руки кто-то более опытный и сведущий. Научил, подсказал, направил. Так хочется освободиться от неподъемной тяжести самостоятельного решения...

Вот оно — то самое поле чудес для фанатиков и психов, святых и мерзавцев, самозванных мессий и мелких авантюристов. Огонь, который горит в них, не светит, а сжигает. Противостоит этому обычно здравый смысл. Рационально мыслящий ум, который, если он видит роковой дефект, прилагает все силы, чтобы предотвратить возможную трагедию. Но ничего от пресловутой «харизмы» в этом нет. К такому типу людей Номи относилась и Шрема...

Голос ее зазвучал тревожно и глухо:

— Что ты задумал?

Он непроницаемо ухмыльнулся.

— Армия, Гай, — встрепенулась она, — только кулак, не голова...

Он кинул на нее цепкий, внимательный взгляд.

— Есть вещи, о которых лучше не говорить. А еще лучше — не знать о них.

Ей стало жутковато. Она даже вздрогнула.

Что же он имеет в виду? Но спросить не решилась. Не только потому, что боялась не получить ответ, скорей всего, это был спасительный инстинкт, заставляющий человека отступить от бездны.

— Тебе этого не понять. Ты не можешь чувствовать то, что чувствую я.

Она взглянула ему прямо в глаза:

— Потому что ты — сабра, а я — нет!

Шрем покачал головой. Взгляда от нее он не отвел.

— Нет! Дело не в этом. Я другой не потому, что здесь родился, а потому, что иной страны у меня нет и быть не может. Со всеми своими бедами, болячками, противоречиями она — моя. Если бы ее не было, я бы появился на свет не у себя дома, а, как мои родители, — в чужой мне Литве или в не менее чужой Америке.

Нельзя сказать, что Номи вовсе его не понимала. Но его однолинейность пугала ее. Он зашорен, думала она, ничего не хочет знать. Но он продолжал, не давая ей возразить.

— И если кто-то пытается подложить мину под ее фундамент, я не могу оставаться в стороне. Я должен ее разминировать. Любой ценой, понимаешь?!

— Не может один человек взвалить на себя тяжесть, которая не под силу всему обществу.

Шрем поморщился. Он не переносил пафоса.

— И ты тоже! Иногда мне кажется, что евреи — больной народ. Мазохисты и антиподы. Все у нас строится на отталкивании, а не на притяжении. Не на «да», а на «нет». В математике это называется отрицание отрицанием...

Он с силой сжал спинку кресла и, чуть оттолкнув его от себя, отодвинул в сторону. Потом поглядел, словно удивляясь: как, ты еще здесь? И продолжая держать его в руках, снова с силой стиснул пальцы.

Чувствуя, как что-то давит в груди, Номи спросила:

— Ты в состоянии это изменить?

Шрем вздернул брови и усмехнулся.

— Ты ведь тоже, кажется, не из тех, кто готов смириться...

Она ощутила в спине легкий холодок.словно кто-то забросил ей за шиворот ледынку. Верь она в привидения, она бы решила, что это не терпится дать о себе знать Веберу.

Казалось, сам воздух вокруг сгустился, и от перепада давления вот-вот начнет пульсировать в висках кровь. У нее даже закружилась голова. Но Номи взяла себя в руки. Ты сошла с ума, сказала она себе, его надо остановить! По сравнению с Вебером — он мальчишка, необстрелянный новобранец, наивный чистоплюй...

Теперь они напоминали двух теннисистов, перекидывающих друг другу мяч через сетку. Ни один не знал, куда он попадет и кто окажется в проигрыше. Слова были размыты, оттенки и голоса многозначны, за каждым могло стоять либо множество смыслов, либо никакого. Оба они по характеру своему к такой игре приспособлены не были.

Шрем хмыкнул и постучал пальцами по журнальному столику.

— Трус боится проблем и бежит от них, а себя и других уверяет, что ничего страшного все равно не случится. Скоро — Судный день...

— Ты о чем? — удивленно спросила она.

Шрем помолчал и усмехнулся. Но молчание длилось дольше, чем следовало бы. Номи тревожно в него вглядывалась. Наконец, он кинул:

— Все дружно пойдут молиться, вернутся просветленные, и все само собой станет на свои места...

Номи замерла и, чтобы не показать своей тревоги, отпила коктейль. Шрем явно что-то не договаривал. И вдруг до нее дошло — подсказал не мозг, а инстинкт. Это был не вывод на основе фактов или намеков, а чисто женское прозрение.

— Ты меньше всего годишься в заговорщики, Гай... У тебя все написано на лице...

Она сказала это своим обычным голосом, стараясь не выдавать волнения. Так мать при виде ребенка, высунувшегося из открытого окна, просит его, чтобы не испугать, отойти вглубь комнаты.

Шрем не шелохнулся, только облизал обветренные, треснувшие посередине губы.

У Номы захолонуло сердце.

— Власть парализована. Это — анархия! Есть даже первая кровь. Но никто не смеет назвать все своими именами. А если в побоище вмешаются арабы?

Он перевел дыхание.

— Что ты задумал, Гай?

Она заранее знала, что не получит ответа.

Большинство людей предпочитает обходить опасность стороной. Взять хотя бы Марциано или Старого Лиса. У них особое обоняние. Нюх на беду. Кстати, редкий и спасительный дар эволюции. Но встречаются порой и такие, кто упрямо идет ей навстречу. Почему, как это происходит? Остается лишь строить догадки.

Тот же Вебер всю свою жизнь жил «на игле», хотя никогда не кололся. Этого ему и не нужно было. Его заворачивала и влекла к себе не цель, даже не возможный выигрыш, а сама по себе игра. Виражи риска, бой адреналина в крови, многократное увеличение ставок.

Шрем показался бы ему скучным миссионером, проповедующим в бардаке библейские заповеди. Или узколобым рыцарем идеи, готовым ради нее карать и принять кару. Для Шрема же смыслом жизни была цель, и он шел к ней упрямо и напролом, как профессионал-альпинист к вершине. Мазохизм и истеричность были ему чужды, страх отступал перед долгом. Ничего хорошего из этого обычно не получается...

— Может быть, ты в лучших традициях Ближнего Востока поднимешь еще и свой полк?

Шрем прикрыл глаза и ненадолго замолчал. Потом улыбнулся, взял с журнального столика вазочку с одной-единственной розой, повертел ее в руках и поставил назад.

— А что? Стоит подумать!

Он потянулся и шумно втянул в себя воздух.

— Если не я, то кто же? Это — библейский пророк, помнишь?

Высокий, угловатый и недоступный, он стоял перед ней, как одинокий принц из детской сказки, которому предстоит сразиться с беспощадным драконом. Номы смотрела на него со страхом и обескураживающим удивлением. Прежде всего потому, что вдруг поняла, что готова идти за ним куда угодно и когда угодно.

Губы на загорелом лице Шрема собрались в вынужденную улыбку. Номы даже не спросила, а прохрипела:

— Ты понимаешь, о чем говоришь?

Шрем развел руками и шаркнул по полу подошвой тяжелого ботинка.

— Пора молитв и стонаний прошла. Наступило время действовать...

Голос у Номы высох, словно она целую неделю не прикасалась к воде.

— Гай, а если все сорвется, не начавшись?

Не выдержав его взгляда, она опустила глаза. Ей стало не по себе.

— У меня нет ни другого народа, ни другой родины. И не будет! — отчеканил он.

— А если это не один, а два разных народа?

Она махнула рукой в сторону аршинных заголовков валявшихся на столе газет.

— Это грязная игра политиков. И если ей уступить, нас ждет не будущее, а прошлое...

У нее закоченели ноги. Жидким свинцом змеился в них страх.

Номы жала веки так, что в глазах появились размытые разноцветные пятна.

— Ты решил это только сейчас?

Гай покачал головой.

— Говорил уже об этом с кем-нибудь?

— Слова порой только мешают... Как я, чувствуют и другие. Это — взрывчатка: нужен только запал...

«Сопляк, мальчишка...»

Ее затягивало невидимое силовое поле. В возбужденном мозгу вспыхивали обрывки видений...

Хохочущий Вебер...

Отдающий команду Шрем...

Бегущие вслед за ним через улицу под огнем солдаты в касках...

Дуло танка, глядящего ей прямо в разорванный криком рот...

Шрем в джипе с поднятой рукой, приветствуемый толпой...

Шрем в кандалах...

Судьи в мантиях...

Они со Шремом на скамье подсудимых...

Стоп, ее занесло, обратного пути нет. Она — сообщница! Где-то в животе отозвались ворчанием кишки.

— Зачем тебе нужна я?
— Тебя никто не принуждает...
Все вокруг ходило ходуном...
Карусель...
Снарядный толчок ввысь...
Теперь рывок вниз, в бездну...
«Я упаду!»...
«Держись за меня!»...
— Но почему я? Не кто-нибудь другой?
Лучше бы не спрашивала. Но не могла иначе. Заранее знала, что ответ разобьет ее вдребезги. Такой, как Шрем — не солжет.
— У тебя связи со спецслужбами в Америке...
Не разбилась... Осталась жива... Но все болело и ныло...
Номи охватила чисто женская злость: отхлестать бы его по щекам. Но она только жестко рассмеялась: а ты что думала?
— Так ты знал, кому тогда звонил ночью?
— Жене Джерри Вебера... Но так было только в ту ночь. Потом все изменилось. Ты мне нужна и без этого...
Номи закрыла глаза и закусила губу.
— От кого ты о нем узнал?
— Джерри и мой отец — кузены...
Какой парадокс! Тайной оказался не старомодный романтик — Вебер, а этот, поразивший ее, немногословный и по-своему неуловимый мальчик тридцати трех лет с полковничьими погонами на плечах.

3

За окном смутно опохмелялся рассвет. Серый, хмурый, изжеванный. Такой предвещает хамсин: неотлипающие тела зноя давят, как изнывающая от похоти десятипудовая бабища.

Сухость в горле, неслышный звон в ушах от перепада давления...

Шрем не спал. Он не любил погружений в прошлое, и если это случилось, чувствовал болезненную неловкость...

Нельзя сказать, что он не испытывал к родителям самых нежных чувств. Но их безалаберная беспечность и беспомощность не только ранили его, но заставили в конце концов поменяться с ними ролями. К нему обращались, решал он. Ему жаловались, утешать приходилось ему.

Гай представил себе отяжелевшее от обильных возлияний лицо отца и вздохнул. Большие, по-детски доверчивые влажные глаза Шрема-стар-

шего смотрели на него смущенно и выжидательно. Лысина, подбитая на макушке сереньким пушком, толстые и добрые губы с тонюсенькой ниточкой усов, чуть курносый симпатичный носик. Куда делся глгучий брюнет, глядящий со старых черно-белых фотографий?

Натанчик Шрем и в свои под семьдесят оставался тем же безобидным, простодушным «хомячком». Так его прозвали сокурники по вильнюсскому юрфаку. Он никогда ни с кем не ссорился и никому не причинял зла. Обожал джаз, любил танцевать и даже немножко поигрывал на саксофоне. Одевался Натанчик как пижон, крутился возле богемы, и даже был принят в этих недостижимых кругах, поскольку знал и умел рассказывать бесчисленное множество анекдотов. Грубоватые шуточки приятелей, насмехавшихся над его невинными слабостями, он сносил стоически.

Через Польшу в Израиль его вытащил сводный брат матери — Соломон Вебер. Тот уехал из Литвы в Америку еще в далекие двадцатые годы. Но встретиться с ним Натанчику не привелось. Дядьки не стало за полгода до того, как ему дали разрешение на выезд. Зато сын Соломона, Джерри Вебер, сам однажды разыскал Натанчика в Тель-Авиве.

Кузен пригласил Натанчика в отель, где он остановился. В таком храме великолепия, беззаботной роскоши и снобизма Натанчик оказался впервые в жизни. Разве можно было сравнить с ним советское убожество вильнюсского «Интуриста»? В вестибюле, где хлопотали деловито непроницаемые портье и нагловатые швейцары, Натанчик несколько растерялся, робко съезжился и прибавил шаг.

Но больше всего его потрясли небрежная элегантность родственника и его вместительный кошелек...

Единственным языком общения оказался идиш. Оба знали его довольно скверно, и потому особого контакта не получилось. Кроме того, Натанчик вусмерть напился. Сквозь приятный, легкий туман теплым и шелестящим дуновением прозвучало приглашение посетить Джерри в Америке, когда тот туда вернется. Мало того, дома, придя в себя утром и корчась от головной боли, Натанчик обнаружил в кармане пять зелененьких стодолларовых купюр. Он был тронут до глубины души.

С тех пор, когда речь заходила о кузене, в его добрых и влажных глазах появлялись искорки тайного восторга и обожания. И все же настоящей легендой, одновременно жутковатой и захватывающей, стало то, как Джерри вытащил Натанчика из беды...

Скажи кто-нибудь в Вильнюсе, что «хомячок» сунется в политику, это прозвучало бы анекдотом. Кто? Этот маленький пижончик с набриллиненными волосами и пританцовывающей походкой? Тот, кого из-за отсутствия протекции и наглости не приняли даже в адвокатуру, и кому

пришлось в связи с этим довольствоваться должностью юрисконсульта на жалкой мебельной фабрике?

Как это ни парадоксально, но историческая родина пробудила в Натанчике бактерию протеста! Выражая свое нонконформистское презрение сытому и бездушному буржуазному истеблишменту, не обращающему внимания на страдания неофита, он совершил шаг, который возмутил одних и вызвал громовой хохот у других — вступил в местную компартию.

В Тель-Авиве Натанчик работал на такой же, как и в Вильнюсе, мебельной фабрике, но уже не юрисконсультом, а кладовщиком. Там он и подружился с молодым симпатичным арабом из Лода, который не насмеялся ни над его манерами, ни над акцентом и терпеливо выслушивал его рассказы. А уже тот свел его с коммунистами.

Вообще-то вся партийная деятельность Натанчика свелась лишь к паре-другой собраний, откуда он уходил, зорко оглядываясь по сторонам и высматривая коварных шпииков. И еще к первомайской демонстрации, где он нес огромный плакат, изображавший рабочего в комбинезоне, сбивающего капиталистические цепи с земного шара. Но подвела, как и всегда, былая страсть...

Дружба между представителями двух не очень братских народов росла и крепла. Вскоре она стала настолько тесной, что приятель зачастил приглашать его просто распить бутылочку. Сам он к спиртному не прикладывался, но зато безотказно платил. А еще через пару месяцев араба забрали по обвинению в связях с сирийской разведкой.

Тогда-то Натанчику и пришлось предстать перед не очень симпатичными следователями службы безопасности. Что ему грозит, он услышал уже через пять минут...

Помогло вмешательство всемогущего заокеанского родича, к которому воззвал Натанчик. После его звонка даже не очень склонные к юмору мастера дознания вдруг заулыбались. Натанчика, пожурив, как старого приятеля, отпустили. Но предупредили, что лучше ему с коммунистами не зняться...

4

В судьбе родителей было так много непонятого, что объяснить всего не могли никакие воспоминания.

Начать хотя бы с того, как и почему сталкиваются и тянутся друг к другу наивные и совершенно неприспособленные к жизни и эпохе натуры? Не таится ли ответ на этот сакраментальный вопрос в исторических глубинах самого еврейского гено типа? Разве не сплелись в нем

отчаянье с надеждой, а покорность судьбе — с бесшабашным весельем нищеты? И не переплавилось ли все это со временем в единственный вид оружия, дозволенного безоружным? Смех сквозь слезы — возмездие слабым миру сильных...

Подстать Натанчику оказалась и отвергнутая сценой, но приголубленная хиппи простодушная дочь нью-йоркского Бронкса Бетти Фишер. Бывший вильнюсский денди встретил ее впервые на берегу Мертвого моря. Может, виной всему была суровая экзотика самого глубокого котлована планеты, который вызывает пугливую неловкость и растерянность у людей с развитым воображением. А может, мгновенно обгоревшая спина Бетти, которую, слегка пританцовывая, взялся покрыть спасительным йогуртом смазливый рыцарь с тонюсенькими усиками и густо набриолиненной прической?

Однако костер любви нуждается в горячем. На крайний случай — в таких старомодных дровах, как деньги. Иначе он постепенно гаснет. Стынет жар страсти, а остывающие угли чувств покрывает унылый пепел хлопот...

Родился ребенок, заработков обоих незадачливых супругов хватало лишь на квартирную плату и самые необходимые расходы. Не помогли ни дерзкий и героический рывок Натанчика к профессиональной карьере — он стал мелким чиновником при судисполнителе, — ни должность театральной гримерши, которую удалось получить Бетти Фишер.

Когда в полночь она возвращалась из театра, одуревший от дневной работы и ежевечерней возни с ребенком супруг пилил ее за грязь, разбросанные повсюду вещи и полубогемное валянье в постели до полудня. Утром он отводил сына в садик, а она, растрепанная и неряшливо одетая, его оттуда потом забирала.

В конце концов, оставив заласканного ими обоими трехлетнего сынишку на попечение незадачливой мамы, Натанчик Шрем укатил в Париж. Его сманил туда невыплеснувшийся радикализм и не на шутку разыгравшийся студенческий бунт. Увы, и там тоже он оказался на задворках жизни.

С тех пор Гай жил между зимним Тель-Авивом и летним Парижем. Между маминими ухажерами с ее сестринской к нему привязанностью и папиными сожигательницами и его слепым обожанием.

Идея отдать Гая в военный интернат принадлежала одному из маминых почитателей, по-видимому, обладавшему недюжинным педагогическим талантом. Возможно, он оказался прав: очутившись в чуждом ему и враждебном мире команд и дисциплины, Гай уже подростком научился отстаивать свои права. Чаще всего с помощью

кулаков, которые от одной драки к другой становились все круче и крепче. Но чем дальше, тем больше чувствовался среди сверстников его авторитет.

Он стал куда собранней и решительней. Когда приезжал на побывку, вел дома нехитрые финансовые дела и со временем стал верным и деликатным советником матери в ее сердечных переплетях. Бетти делилась с ним всем, даже самым сокровенным, и чем дальше, тем больше от него зависела.

Как и следовало ожидать от этой шутницы, судьба сыграла с Натанчиком в Париже еще одну скверную шутку. Он нашел приют на кафедре советологии. Работа его состояла в том, чтобы копаться в советской прессе и собирать материалы, компрометирующие режим или свидетельствующие о тайных планах кремлевских правителей.

Перед приезжавшим к нему на каникулы Гаем Натанчик испытывал странную и сковывающую робость. Она усилилась еще больше, когда перед мобилизацией в армию сын заехал в Париж попрощаться с отцом. Минимум три года ему в Париж не попасть.

Поздним вечером на темной улице на них наткнулись двое подвыпивших верзил. Им не хватило пары десятков франков, чтобы взлететь на седьмое небо наслаждения. Жаждающие привязались к отцу и сыну, и отец готов был вывалить им все, что еще оставалось в его скудном кошельке. Но сын! Не тут то было...

Гай дрался как расвирипевший волчонок. Отец стоял в стороне и, заломив руки, рыдал в голос. Редкие прохожие, опасливо оглядываясь, издали обходили очаг международной напряженности.

— Папа, — сказал Гай, когда свист ажанов заставил слегка потрепанную в бою с юнцом рать смыться, — тебе нечего стесняться. Просто я сильней и всегда тебя защищу...

Старший Шрем прорыдал всю ночь. От унижения, но в не меньшей степени от гордости за сына. Гай был для него не просто утешением за поруганную честь, а обожаемым божеством. На стене своего субсидированного муниципалитетом жилья Натанчик повесил огромную, во всю стену, фотографию — Гай в каске с маскировочной сеткой на голове в чреве вертолета.

Сколькими бутылками красного вина пришлось пожертвовать ему, чтобы так увеличить фотографию?

Гай заворочался во сне. Протянув руку, Номи коснулась его, и он, вернувшись из прошлого в настоящее, снова затих...

Ощущение беды зрело в нем долго и неотвязно. Заряды его носились вокруг, разгоняемые синхрофазотроном событий, бессилием и подзрительностью одних, брезгливой отчужденностью других.

Неудовлетворенности и страхам цепляющихся за прошлое выходцев с Востока противостояла высокомерие ашкеназийцев, только век-полтора назад перекочевавших из загнанных в черту оседлости бесправных местечек в бурлящие будни рвущихся в будущее городов.

Расплатившись за свой «модернизм» потерей исторической памяти, они всеми силами пытались доказать, что цена, хоть и была дорогой, стоила того, чтобы ее заплатить.

В университете, получая у старика Гинзбурга вторую степень по истории, Шрем напугал своего ментора тезисами дипломной работы. В таком виде тот просто не решался представлять ее для защиты.

Шрем утверждал в ней, что все попытки замедлить историческое ускорение и пройти упущенный путь в несколько этапов кончились крахом. Наивный юмор Шолом-Алейхема, газеты и театры на идиш — все это с самого начала было обречено на прожорливое пламя крематориев в Старом Свете и медленное угасание в Новом. В истории преуспевают лишь те народы, которые меняются вместе со временем.

Две тысячи лет гонений привели к тому, что внешнему миру изгнанники предпочли внутренний. Эмиграцию внутрь себя. Бегство от вражды и унижений.

Но даже меня географические пояса и скитаясь, они оставались там, откуда вышли. И вместо того, чтобы оглядываться вокруг, все глубже и глубже погружались в себя и в свое прошлое. А когда поиск духовных ценностей зашел в неизведанные глубины, вдруг обнаружилось, что там, наверху, окружающий мир совершенно изменился. Он энергично шел другим путем. И тогда, в страхе оторваться от цивилизации, замордованное восточноевропейское местечко сломя голову, ринулось за Западом.

Но в этом реквиеме по прошлому звучали и мажорные ноты. Добытая в глубоких шахтах Талмуда⁴⁷ и Каббалы⁴⁸ руда мудрости и таланта не пропала даром. Из нее выплавилось еретическое богоборчество отца коммунизма Маркса и жреческий свиток психоанализа старика Фрейда,

47 Талмуд — религиозно-этическая и правовая основа иудаизма.

48 Каббала — религиозно-мистическое учение.

литературные кошмары Кафки и мистическая гениальность автора теории относительности...

О тайнах подсознания Шрем знал не очень многое. Не особенно разбирался и в сложных эйнштейновских формулах. Но в отличие от бесхарактерных, вечно колеблющихся интеллектуалов, он был способен на решительные действия. Слишком хорошо он понимал и как военный, и как историк, что нет вражды более безжалостной и кровавой, чем рознь между соплеменниками. Дымный смог ненависти и родственных дразг в конце концов приводит к жестоким братоубийственным конфликтам.

Внезапно он проснулся и уже не мог заснуть. За окном слепил мертвящим светом фонарь. Где-то надоедливо мерзко жужжал невидимый комар. Но зажигать свет он не хотел — Номи спала.

Он снова и снова обдумывал свой последний разговор с таким же, как он, разведенным бобылем — подполковником танковых войск. Они не были близкими друзьями и обыкновенно при встречах ограничивались обсуждением служебных проблем или спорта. Но сейчас, по-видимому, ситуация встала поперек горла даже этому, более чем сдержанному и не привыкшему говорить о политике малому.

— Когда я думаю об этом бардаке, — сказал он, — мне хочется схватить кое-кого за шкуру и хорошенечко встряхнуть. Это тебе говорит Амнон Коэн, внук повешенного иракского коммуниста.

Высокий, плотно скроенный и несколько неуклюжий брюнет в мятой форме глядел на Шрема настороженным взглядом.

Шрем сумрачно кивнул:

— Не только тебе...

Коэн замысловато выругался.

— Этим ты не поможешь, — пожал плечами Шрем.

— У тебя есть другой способ? — пристально посмотрев на него, пролаял танкист.

— Должен быть, Амнон, — коротко отрезал, словно стегнул автоматной очередью, Шрем. — Иначе мы потеряем страну.

— Готов слушать, — угрюмо бросил тот.

— Хочешь загнать меня под трибунал?

Собеседник напрягся. Он не отвечал довольно долго, словно перемазывал в себе огромные бульжники.

— Я тебя не загоню. Я — с тобой...

Шрем прикусил губу. Он никогда не мог понять, почему те, кем он командовал, готовы были идти за ним в огонь и в воду. Но они были его подчиненными, их связывало то особое доверие, которое возникает при совместном участии во многих рискованных операциях и боях. А что двигало этим вполне самостоятельным человеком со своими взглядами и жизненным опытом?

— Скоро Судный день, — сухо щелкнул голос Шрема.

Коэн тяжело, как разворачивающий башню танк, повернулся к нему. Они снова замолчали. На этот раз молчание длилось еще дольше. Каждый, не произнеся ни одного лишнего слова, прекрасно понимал, что это значит...

В Судный День народ общается с Богом. Отмаливает свои грехи и прощает грехи другим. В Судный день выносятся приговоры на будущий год — чему быть и чего не миновать. Кому — прощение и благословение, кому — кара и возмездие.

В Судный день не работает транспорт и учреждения, останавливаются промышленные и торговые предприятия, молчат радио и телевидение. И даже отпетые атеисты стараются не демонстрировать своего неверия.

Именно поэтому в Судный день 1973 года под покровом тайны и без объявления войны сирийская и египетская армии двинулись на рубежи страны, распростершей к Богу свои грешные и вопиющие о милосердии длани. Пока была поставлена на ноги регулярная армия и отобилизованы резервисты, противник сумел прорвать разреженную донельзя оборону. И хотя через три недели после начала войны израильские войска стояли в ста километрах от Каира и в двадцати пяти от Дамаска, три с половиной тысяч убитых и многие тысячи раненых стали проклятьем проигравшим войну политикам и генералам. Ее выиграла позже своими телами и мужеством солдаты и их жены.

Шрем ничего не должен был объяснять. Все было ясно и понятно с полуслова. Если что-то делать, то именно в этот день. Каждый из них знал, на что способна ярость доверчивых юнцов, вдруг обнаруживших, что те, кто был для них символом, их предали.

Шрем был старшим по званию и всю ответственность решил взять на себя. Он шел на риск и делал это совершенно сознательно, ни на секунду не забывая, чем это может для него закончиться...

Могли ли они еще недавно представить себе, что в роли захватчиков власти, да еще в собственной стране, им придется выступить самим?

6

Номи проснулась. В поздний час человек чувствует себя более незащищенным. Дневной свет еще не рассеял смутные страхи и пугающие силуэты. Ему одиноко и не по себе.

Шрем не посвящал Номи в подробности своих планов. Но она знала: то, что должно произойти, неизбежно и таит в себе шальной риск. Вопрос прозвучал буднично и потому сразу насторожил его:

— Когда?
Он медлил с ответом, наверное, целую минуту. Потом вдруг нехотя бросил:
— В Судный день...
Номи кивнула.
— Эй! Послушай! — мгновенно вскинулся Шрем. — А может, тебе незачем это знать?
Она тронула его темные жесткие волосы.
— Гай, я из другого теста... Есть люди, которые готовы прожить жизнь и не знать, не прочувствовать ничего из ряда вон выходящего. Я — нет! — ее голос не изменился, словно она сказала, что только что выгладила его форму.
Шрем приподнялся на локте.
— Ты уверена! Не пожалеешь?
Голос его так напряжен, что, казалось, из его рта вот-вот посыпятся искры. Номи медленно покачала головой.
— Тогда... Ты можешь помочь.
— Как? — перехватило у нее дыхание.
— Пригласи их всех к себе на день рождения.
— Что? Кого ты имеешь в виду?
— Тамира со Старым Лисом. Маоза с Марциано. Ор Лева...
Он бросил на нее долгий взгляд, облизнул ответренные губы и доверчиво провел рукой по ее лицу...
— Все остальное я возьму на себя.
Номи давно не чувствовала в себе такого электричества. Что с ней происходит? Почему ради этого высокого смуглого малого с улыбкой неиспорченного юнца она готова на все?
Чтобы он ничего не заметил, она отвернулась. Что это? Страх перед старостью? Разница в возрасте, толкающая женщину в объятия молодых? Остаточная радиация проведенных с Вебером лет?
— Если ты согласна, все упрощается, — с облегчением вздохнул Шрем.
Она бы многое дала, чтобы разгадать, что толкало его на такой риск? Синдром саморазрушения? Непочтая гордыня? Инфантилизм?
С ним она тупела на глазах. Шрем приводил ее в замешательство... Внезапно ее пронзил испуг:
— Послушай, а не слишком ли все это очевидно?!
Она даже суеверно схватилась за спинку деревянной кровати.
По лицу Шрема проползла кривая ухмылка.
— У простоты свое преимущество, никто не поверит...
— Твои люди тебя не подведут? Пойдут за тобой?
Шрем вплотную приблизил к ней свое лицо. Его темные глаза поглощали пространство, как черная дыра в далекой галактике.

— У нас нет иного выхода...
Номи прикрыла веки. Его суховатый решительный голос звучал требовательно, как команда.
— Всего остального тебе знать не надо. Мало того, ты улетишь вместе с ними. Вернешься, когда все будет позади...
Господи, вздрогнула она, ведь это он решил сейчас, здесь! Не мог же он знать о ее намерении не оставлять его одного.
Хамсин вползал в окно душной подушкой. Ей захотелось пить.
— А если провал?
Ей показалось, что она охрипла. Шрем скривил губы:
— И это может случиться... — и, слегка помедлив, добавил: — Помнишь праотца Авраама?
Номи кивнула.
— Он жертвовал своим сыном Ицхаком... А нам придется пожертвовать родителями: законом и демократией. Иначе стране грозит гибель...
Когда снаружи зарокотал мотор отъезжающего джипа, Номи взялась за телефонную трубку. После нескольких гудков в ней зазвучал обволакивающий мужской баритон:
— Фредди, это я, Номи Шер...
— Сколько лет, сколько зим! — напевно удивились в трубке.
— Я бы не звонила вам, если бы ты не был мне срочно нужен.
Теперь баритон был явно озадачен.
— Жаль... Впрочем, догадаться было нетрудно.
— Сколько длится полет от Стамбула до Тель-Авива? Часа полтора?
— Редкостная эрудиция...
В баритоне послышалась настороженность. Номи хмыкнула:
— Через три часа — рейс. Я узнавала. Но это ваш выбор, Фредди, если не захотите, можете не прилетать...
Она лицемерила: весь ее расчет строился на том, что он ей, конечно же, поможет. В трубке раздался вздох:
— Знакомый стиль, у тебя был способный учитель...
— Я знала, кому звонить, — улыбнулась Номи.
В тумане тревоги робко проглянул зайчик солнечного любопытства.
— Это так срочно?
Она немного помолчала прежде чем сказать:
— Это касается не только меня...
— Ах так...
На другом конце провода повисло удивленное молчание, и Номи добавила:
— Тетя Марта очень плоха...

Мужчина мгновенно умолк. Таким кодом они пользовались в свое время с Джерри Вебером. Он означал возможность переворота. Номи показалось, что собеседник встревоженно сглотнул слюну.

Но Фредди Киржнер лишь буднично пробубнил:

— Передай ей привет от Памелы и Джонатана.

Эти слова тоже были кодом — так договаривались называть посольство, если назначалась встреча.

Вздыхнув, он добавил:

— Я увижу их в пять вечера...

Номи невольно улыбнулась: Вебер знал, кого выбирать в друзья. Впрочем, может быть, это они выбирали его?

7

Фредди Киржнер был дружкой Джерри по службе. Они провернули немало общих дел и полностью доверяли друг другу. Сейчас он возглавлял резидентуру в Стамбуле.

Рассчитав время, Номи направилась в Тель-Авив, в посольство. Она не любила ни это тусклое здание, ни тех, кто в нем работал. Хотя за последние годы все так изменилось — каждый посол повсюду сажал своих людей.

Ровно в пять она постучала в указанную дверь. Фредди Киржнер открыл ее, помахал кому-то в коридоре рукой и тут же плотно прикрыл за ней.

— Рад тебя видеть, девочка! Я просил освободить для нас проверенный кабинетик. Заходи...

Киржнер был лет на пять моложе Вебера и выглядел как модный дизайнер, демонстрирующий безукоризненный вкус для людей пожилого возраста. Подсиненная седина, элегантный костюм, жесты и голос профессионального соблазнителя.

Он усадил ее в кресло и сам сел рядом.

— Я уже кое-что слышал.

Номи поняла, что ему известно о ее недавнем визите в посольство. Она начала без обиняков:

— Фредди, здесь зреет заговор...

Его спина слегка выпрямилась, но на лице не шевельнулся ни один мускул. Вздыхнув, он кивнул, взял со стола стакан и, повернувшись, достал из стенового шкафа виски. Плеснув себе, он нерешительно посмотрел на Номи.

— Будешь?

Она видела, что Фредди собирается с мыслями, и в ответ лишь покачала головой:

— Нет!

Киржнер глядел на нее потертой карей эмалью глаз. Выдержав паузу, он кашлянул.

— А какое ты к этому имеешь отношение, детка?

Она вздернула брови:

— Я в курсе...

Эмаль во взгляде Киржнера поблекла.

— Ты не считаешь, Номи, что взяла на себя слишком много?

— Это я от вас слышу, Фредди?..

По благообразному лицу Киржнера промелькнула тень досады.

— Не забывай, мы с Джерри действовали не на свой страх и риск, а от имени государства...

Во взгляде Номи зарябили насмешливые блики, а губы скривила саркастичная усмешка.

— Вы же еврей, Фред...

Киржнер сморщил нос и скорбно вздохнул — ну почему всегда, когда опасность зашкаливает до взрыва, его суют в эпицентр!

— Вам ведь не безразлично, кто придет к власти в стране...

Эта сумасбродная амазонка с короткой бронзовой стрижкой «а-ля античный шлем» и манерами сорвиголовы была способна закружить любого, как водоворот.

Киржнер расстроено замахал рукой с большим агатовым перстнем. Но остановить Номи уже не мог.

— Маоз — это коррупция. Непотизм⁴⁹. Ханжество. Шейх и племя. Возврат в прошлое. Восток. Вы бы пожелали такого этой стране?

Он сделал успокаивающий жест ладонью:

— Окей, окей! Ты ведь не ждешь от меня совета, правда? Только меня извещаешь...

— Не будьте ханжой...

Фредди покачал головой.

— Что тебе нужно? Страховку на случай отступления?

Номи расхохоталась:

— Вы что, перед пенсией начали торговать страховыми полисами?

Киржнер сделал вид, что смущен.

— Ладно! Я хочу одного, чтобы ваша контора, даже узнав об этом, не стала бы мешать.

⁴⁹ Непотизм — кумовство.

Киржнер расширил донельзя глаза и иронично присвистнул:

— Только и всего?!

Но Номи не отреагировала, и он вынужден был продолжить.

— А что я им скажу? Что моя очаровательная знакомая причастна к заговору? Пожалуйста, ребятки, милые, не мешайте ей...

В ответе Номи звучал откровенный вызов — снова давала себя знать веберовская выучка:

— Ну почему же? Хотя бы что с подачи Давидяна и его дружков европейские концерны вкладывают деньги в избирательную кампанию Маоза. И цель их — переориентировать Израиль с Америки на Европу...

Киржнер прикрыл глаза и стал похож на сжатую пружину.

— Это — лишь слухи. Насколько они верны? Их надо еще обосновать...

Номи развела руками и усмехнулась:

— Ну уж это ваша задача, Фредди.

— И кому это все я должен изложить?

Она поморщилась:

— Уж не устраиваете ли вы мне экзамен на сообразительность?

Благообразный и обходительный джентельмен грязно выругался.

— По-моему, Номи, ты нуждаешься во мне, а не я в тебе...

Она подняла руку в примирительном жесте.

— Фредди, вы-то ведь понимаете, что все куда серьезней, чем могло бы показаться.

— Чем тебя не устраивает Тамир, дорогуша?

— Тамир замешан в этом дерьме насколько не меньше, чем Маоз. А если победит — поведет себя как типичный лидер третьего мира: ни нашим, ни вашим. Он ведь не очень рвется в ваши объятия. Ему бы что-то посередине...

Тон, каким Номи говорила, был взвешен и холоден. Если даже внутри у нее все тряслось и переворачивалось, внешне ничего заметно не было.

Модный дизайнер все еще не решил: примерять столь смелое декольте или лучше не надо?

Внезапно он подозрительно высморкался:

— Ладно, а где гарантия того, что даже сорви вы банк — во что я лично не очень верю, — твои друзья еще теснее примкнут к нам?

— Они будут вам обязаны...

— Не густо...

Благообразный джентельмен задумчиво покачал головой.

— Фредди! Если вы проговоритесь, я на всю оставшуюся жизнь угожу в тюрьму, но вы при этом не покроете себя славой непревзойденного разведчика. Об этом нашем разговоре узнают газеты...

Образец благопристойной сдержанности заскрипел зубами и вздохнул. Вздох его был протяжным и хватающим за душу. Эта соплячка ему еще угрожает! Знакомый почерк!

Открыв один из ящичков, Киржнер достал парик и очки.

— Сядешь ко мне в машину и там все наденешь. Я высажу тебя на Центральной автобусной станции.

Номи кивнула.

— Несчастный народ, несчастная страна...

В голосе веберовского коллеги и дружка послышались интонации старого еврея. Все когда-нибудь возвращаются туда, откуда прибыли...

8

Ор Лев старался приходить домой как можно позже и даже снял себе номер в тель-авивской «Плазе». Если он и видел жену, то тут же направлялся к себе в кабинет. Там он и ночевал, если приходилось.

Вопреки боли и отвращению, доконала его не история с анонимкой, а реакция тех, ради кого он затеял свое возвращение.

На одной из публичных встреч Ор Лев позволил себе усомниться в правильности курса, выбранного Маозом. Тут же взяв слово, тот загрел в микрофон:

— Вы уподобились ренегатам! Не мы начали охоту на ведьм — из нас сделали ведьм! Не мы не подпускаем других к власти — нас от нее отстраняют! Диктатуре ашкеназийской элиты должен прийти конец! Если вы против, отдайте мандат другому! Тому, кто с нами!

В зале кто-то ревел:

— Вон! Верни мандат, выблядок!

Ор Лев увидел в зале явно заранее заготовленный плакат: «Ашкеназийская подстилка!» Здесь, на месте, его никто не мог бы так красочно и профессионально написать.

Как ни сопротивлялся он шквалу окружающего безумия, его несло вместе с ураганом событий. Спасти, спрятаться было уже невозможно. И все же его не покидала надежда, что еще можно что-то сделать. Иначе он бы плюнул на все и возвратился в Бостон.

Ор Лев не мог бы этого объяснить, но его не оставляло чувство вины, хотя обвинить его никто ни в чем бы не мог. Приговор себе вынес он сам — ты пошел с Маозом потому, что надеялся на быстрый и легкий успех? Теперь расплачивайся!

Больная, искалеченная страна. Его земляки-интеллектуалы предпочитают Канаду, Францию или Штаты. Здесь, в Израиле, приживаются лишь те, кто не прижился бы нигде больше. Но внутренний голос холодно и безжалостно возражал. Во-первых, здесь все подчинено борьбе за выживание, а на такой почве интеллект подобен цветку на сожженной солнцем дюне: не всякий выдержит. А во-вторых, ты и сам уже давно — изъеденный комплексами западный интеллигент. Небритые и агрессивные горлопаны вызывают у тебя такое же инстинктивное отталкивание, как и у тех, кого они ненавидят.

О жене он вынуждал себя не вспоминать. Внутри лопнула какая-то струна, и вместо прежней мелодии слышался только скрежет.

На следующий день в Кнессете, когда он уже собирался уходить, ему позвонил Маоз и пригласил зайти. Не сделай он этого, кривотолки лишь усилились бы. Маоз встретил его в дверях своего кабинета и, пропустив внутрь, наглухо закрыл дверь. Тон его даже здесь и сейчас был набит пафосом, как матрас — пухом.

— Гиди, ко мне приезжала Гортензия, она в отчаянии. Клянусь вам своими детьми, после того как она вышла за вас замуж, между нами ничего не было!

Над вальяжной омар-шарифовской фигурой незримо мерцал нимб страдания и обиды.

Он хотел продолжать, но Ор Лев не дал ему этого сделать. Взгляд его зеленоватых, с желтой подпалинкой глаз стал острым, как осколок только что разбившегося стекла. Обычно ровный, сдержанный голос взрезал слова подобно скальпелю:

— Нам лучше поговорить о том, что происходит вокруг, Азриэль... Страна накануне анархии... Разве не на нас с вами полная ответственность за это?

Маоз театрально прикрыл глаза. Вся его фигура с гордо поднятой головой и шевелюрой почти до плеч выражали боль от коварно нанесенного удара.

— Разве мы не защищаем интересы презираемого и угнетенного большинства? Тех, кто считается вторым сортом? Разве не я — их последняя надежда и опора? Вы! Вы! Побойтесь Бога, послезавтра Судный день!

Но Ор Лев не дал ему закончить. Голос его звучал подчеркнуто тихо и отрешенно.

— Да посмотрите же, наконец, что творится вокруг! И мы, лидеры, вместо того, чтобы предотвратить развал, устраиваем театр?

Гримаса безудержного сарказма исказила лицо Маоза.

— Уж не предложил ли вам Тамир место в своем теневом кабинете...

Ор Лев устало махнул рукой.

— Пока нет. Но свой мандат вам я решил возвратить. С меня хватит.. Это окончательно вывело из себя Маоза, он не прощал унижений.

— Что вы о себе думаете? Вы трусили! Это просто трусость!..

Слушать дальше Ор Лев не стал. Сдерживая клокотавшую в нем ярость, он повернулся и хлопнул дверью.

Выражения лица Маоза он не видел...

Поздно вечером, когда, лежа перед телевизором, он уже клевал носом, в его номере зазвонил телефон. Поморщившись, он поднял трубку, и полудрема мгновенно прошла. Он услышал знакомый женский голос:

— Гиди, сразу же после окончания поста я собираю у себя в Судный день несколько человек. Можно тебя тоже попросить прийти? Это очень важно для всех нас...

Ему сдавило горло:

— Конечно! Сейчас это даже весьма кстати...

9

Ночью Маоз созвал совещание у себя дома. Присутствовали Марциано и Афарган. Крепко сжав подлокотники кресла, Маоз хмуро спросил:

— Что будем делать?

В его тоне звучало осуждение: как, они еще ничего не придумали? Не то чтобы он очень на них надеялся, но должны же они проявлять находчивость и мудрость.

Афарган бросил быстрый взгляд на дверь, словно ожидая, что сейчас кто-то войдет, и тут же посмотрел на Марциано. Впервые за последние полгода они сидели втроем. Ор Лев не звонил и не показывался.

Тонкие губы Фуше не двигались, глаза за паутиной очков цепко глядели в пространство. Легкую отчужденность мага средств массовой информации подчеркивали серебристо-рыбья чешуя костюма и песочный галстук.

Поглядев на свои ухоженные, голубовато-молочного цвета ногти, он спросил обыденным голосом:

— С Ор Левом это окончательно?

От такой неожиданной бестактности — неужели он не видит, что босс и без того взвинчен? — Афарган невольно вздрогнул. Но Маоз сделал вид, что не расслышал вопроса, и пренебрежительно махнул рукой.

— У вас в прессе — мастера делать из мухи слона. Послушать вас, так мы чуть ли не на грани гражданской войны...

Марциано не ответил. На виске у него дрогнула жилка, его коробила бесцеремонность Маоза. Но тот еще более раздраженно спросил:

— Есть новости из лагеря наших соперников?
— Все глухо. Пока никакой информации оттуда не просачивается... — Маг средств массовой информации не говорил, а цедил слова. Ощущая важность момента и возможность еще больше привязать к себе босса, Афарган перебил его:

— В службе безопасности решено взять под контроль наших активистов...

Маоз возмущенно вскинул голову:

— Только наших?

Но голливудовская постановка голоса на сей раз ему изменила — он звучал не очень уверенно.

Уголки губ Фуше тут же поджались. Он знал, что Маоз никогда не принимает поспешных решений. Свою интуицию и опыт тот всегда взвешивал на чужих весах. Его стиль — рокировка в самый неожиданный момент. Она обезоруживает соперника.

— Если вы отступите сейчас, всю вину тут же свалят на вас...

Но Маозу почему-то показалось, что произнес это Марциано слишком поспешно. С одной стороны, с ним вроде бы нельзя было не согласиться. С другой — в голове Маоза вдруг заскреблась отвратительная мыслишка: а что если Фуше обскакал его? Если уже договорился с Тамиром, а теперь просто топит своего бывшего сюзерена и союзника? Если так, то сейчас основная задача Марциано — окончательно его скомпрометировать.

В последние дни Маоз чувствовал свое одиночество куда острее. Ор Лев громко хлопнул дверью, на Фуше — не положишься, оставался лишь Афарган. Но даже у него свой запас прочности.

Однако Маоз не был бы Маозом, если бы не устроил театрального представления даже сейчас. Он подтянулся и многозначительно сжал кулак.

— Все зависит от силы воли и степени риска.

Его омар-шарифовский профиль выражал непреклонную волю и решимость. И снова Марциано почему-то слишком быстро согласился с ним:

— Насколько мне известно, голоса в службе безопасности разделились. В полиции у вас немало сторонников...

Маоз понимал, что игра идет ва-банк. Это было не в его характере, но ничего иного ему не оставалось. Если Тамир первым не сойдет с дистанции, у него, Маоза, может кончиться дыхание. Надо пойти на блеф...

Внешне необходимо было сохранять уверенность и хладнокровие. Слова в политике — всего лишь маски. Истина должна быть тщательно закодирована. Выигрывает и преуспевает лишь тот, кто догадывается

о ее тайном смысле. Таковы правила джунглей, где все живое Библия делит на ядущих и ядомых. Тех, кто охотится, и тех, на кого охотятся.

Как бы ни кричала и ни кровоточила душа, игра должна продолжаться. Сколько бы ни обволакивало холодным потом шею тщательно стянутым галстуком воротником, лицу следовало отражать в худшем случае непроницаемость.

— Как провинция? — обратился к Афаргану Маоз.

— Русские их достали, босс. Люди рвутся выйти на улицу и показать чужакам, кто настоящие хозяева. Они видят в вас единственное спасение.

Маоз помахал указательным пальцем и уверенно произнес:

— Если надо будет, мы их успокоим...

Марциано молчал. Невольно встрепенувшись, Маоз схватил Афаргана за рукав.

— Свяжи-ка меня с Нисаном Коэном...

Помощник поспешно застучал ногтем по фосфоресцирующим кнопкам сотового телефона. Услышав голос Маоза, старый земляк и товарищ по профсоюзным временам хрипло закричал в трубку:

— Азриэль! Здесь митингуют. Обстановка накалилась. Боюсь, что послезавтра, после Судного дня...

Маоз побледнел:

— Сделай что-нибудь...

Он забыл, что не один в комнате, и с ужасом думал только о том, что события иногда становятся неуправляемыми. В тихо дремлющий вулкан сбросили ядерную бомбу, и он проснулся.

Зазвонил телефон. Стрелки часов перевалили за одиннадцать. Маоз ответил и на миг растерялся — ему звонила Номи Шер.

— Номи? — спросил он, стараясь говорить как можно увереннее.

Он откинулся на спинку кресла и положил ногу на ногу. Как хозяин, которому сейчас отрапортуют. Ему стоило невероятных усилий придать голосу нужный оттенок. Фуше и помощник его слышали. Много бы они дали, чтобы узнать, что она ему сказала.

С минуту Маоз слушал, прикрыв глаза. Потом, словно раздумывая, неопределенно произнес:

— Да, хорошо...

И снова воцарилось молчание. На этот раз еще более короткое.

— Нет-нет, мы приедем втроем: я, Марциано и Афарган...

Оба его собеседника не спускали с него глаз. Один — любопытных, другой — настолько льдистых, что их выражения не могла скрыть даже супертончайшая и дорогая оправа очков.

Высморкавшись, чтобы никто не учуял его растерянности, Маоз возвел брови:

— Тамир бьет отбой. Сразу после окончания Судного дня все мы встречаемся у Номи Шер...

Постепенно расслабляясь, он только сейчас осознал каким было напряжение.

Афарган облегченно выпрямился. По его лицу скользнула довольная улыбка.

— Сейчас самое главное — не сбить цену...

К Маозу снова вернулся привычный пафос:

— Если все будет, как я предполагаю, гарантирую вам, Иекутиэль, кресло министра. Не нужны вам никакие депутатские мандаты...

Он сделал небрежное движение рукой в сторону Афаргана.

— Морис, составь-ка письменное обязательство...

10

Тамир настолько устал, что даже пустяковый звонок ослабил нервную закрутку. Он невольно улыбнулся, и голос его помягчал:

— Номи? Чем обрадуешь?

Ответ его озадачил:

— Хочу пригласить тебя завтра к себе. У меня день рождения. Сразу после окончания поста...

— С удовольствием, моя девочка, но...

Он услышал, как она хмыкнула в трубку, и улыбнулся еще шире: бедовая бабеха! С такой хорошо в переплетях, но лучше не пробовать в рутине — заест.

Голос его собеседницы сразу стал елейным:

— Герцль, все знают, что государственные деятели — чрезвычайно занятые люди, но, видишь ли...

Уж этой бестии палец в рот не клади! Тамир постарался сделать вид будто не замечает ее ехидства.

— Ты хочешь меня переубедить?

Он встрепенулся: видно, в ее рукаве был припрятан дрессированный кролик и вот-вот оттуда выскочит.

— У меня день рождения, Герцль, и я хочу кое-кого пригласить, кроме тебя...

— Авантюристка! — хохотнул он игриво.

В отличие от Маоза, он не строил из себя шейха и не фамильярничал, а старался держаться с людьми как можно проще. В этом была его сила, но порой она почему-то оборачивалась слабостью.

Такой комплимент не мог ей не польстить, и Тамир знал это: с Вебером она прошла высшую школу. Это ведь как наркотики или азартные игры: если ты уже привык к хмелю опасности, без него не обойтись. Покойный Джерри обладал поразительным нюхом на людей. Недаром он прожил с этой девахой целых девять лет. С другими его хватало на пару недель, а потом он сбегал и отсиживался в каком-нибудь экзотическом борделе.

— У меня будет Маоз с его командой, ну и ты, если все же решишься...

Тамир присвистнул:

— Вот как?! Я и не знал, что ты открыла политический салон...

— По-моему, ты в нем сейчас нуждаешься больше, чем кто-либо другой.

Тамир скривился. Она словно почувствовала это и жестко его оборвала.

— Доигрались!

Он холодно отрезал:

— Знаешь что, я привык работать без маклеров. Слишком большие они берут комиссионные. Обойдусь и на этот раз...

Он ждал, как она среагирует. Конечно, встреча с Маозом была бы ему как нельзя кстати. Тайно он даже хлопотал о ней через Марциано, но тот почему-то все откладывал и откладывал.

Холодный расчет подсказывал, что вмешай он сейчас во все службу безопасности и армию, — даже если он победит на выборах, — свою каденцию придется начинать с левой ноги. А он этого не хотел. И ждал...

А ждать Герцль Тамир умел. Этим он прославился еще когда носил погоны. Про него говорили, что у него не нервы, а стальные тросы. Сдавала выдержка у самых хладнокровных ветеранов, а он, сжав волю в немыслимую по напряжению пружину, отпускал ее лишь в тот момент, когда все были уверены, что удар запоздал и не последует.

Что-то в голосе Номи подсказывало ему, что она заинтересована во встрече не меньше, чем он. Это меняло дело. Но почему? Причина могла быть лишь одна: Маоз сломался и готов просить о пощаде.

Номи слегка отступила:

— Герцль, речь ведь идет не только о тебе...

На всякий случай Тамир поддел ее еще раз:

— Будь это кто-нибудь другой, я бы не пришел...

— Надеюсь, ты появишься не один, а с Аарончиком Голаном...

Тамир снова насторожился — это еще зачем?

— Тебе не кажется, что ты ставишь слишком много условий?

Она немножко подождала и, словно спрашивая, какая сегодня погода и что ей надеть, осведомилась:

— Не лучше ли тебе поставить его в известность заранее? Так, на всякий случай...

Стерва! Быстрый и острый ум, конечно, хорошо, но в повседневной жизни он только мешает. С таким человеком трудно общаться: всегда чувствуешь себя бактерией на предметном стеклышке микроскопа. Может поэтому она не вышла замуж и не имеет детей?

Он как ни в чем не бывало согласился:

— Окей! По рукам...

— Да, и еще... Я бы не хотела, чтобы поблизости торчали «гориллы». Маоз взбеленится...

Тамир хихикнул:

— Посмотрим, как ты выглядишь в роли хозяйки салона. Эдакая мадам де Сталь...

11

— Ваша очередь...

Искуситель был в ударе. В его голосе звенел азарт игрока.

Всевышний улыбнулся, шутиливо поцеловал кончики пальцев и бросил кости.

Раздался скрипучий механический голос Машины Времени:

— Спиральная галактика номер 4219, звезда 87 миллиардов 679 миллионов 231 тысяча 176...

В голосе Искусителя слышалось нетерпение игрока:

— Дурацкое изобретение...

Но заметив, что Всевышний иронически прищурился, он тут же с вызовом бросил:

— Что за планета, я спрашиваю?!

Невозмутимый автомат бесстрастно продолжил:

— Третья от звезды, жизнь есть только там...

Искуситель брезгливо сморщил нос.

— Какая занюханная дыра! Переиграйте, Ваше Всемогущество...

Всевышний пожал плечами.

— Это почему же? Правило есть правило! Раз выпало...

В амфитеатре послышались ободряющие возгласы, прерываемые разочарованным гулом. Кто-то из зрителей свистнул. Из свиты Искусителя, разумеется. Совершенно не умеют себя вести. Плебс⁵⁰...

50 Плебс (лат.) — плебеи.

Постучав по подлокотнику кресла, Всевышний призвал к порядку:

— Господа, господа! Прошу успокоиться! Пожалуйста, соблюдайте порядок...

Когда шум смолк, он снова обратился к Машине Времени:

— Фон, пожалуйста!

В центре зала поплыли семимерные изображения земных пейзажей. Окуляр то приближал, то отдалял их. Потом стали быстро мелькать кадры истории: нельзя же все помнить наизусть.

Когда мелькание улеглось, Всевышний хлопнул в ладоши:

— А теперь, господа, погрузимся в местную реальность. Припомним, как все там происходило, подготовимся к местным условиям и включимся в игру. Внимание, начинаю обратный отсчет: десять, девять, восемь, семь...

Он прикрыл глаза и мгновенно обрел соответствующие случаю очертания.

На нем оказался костюм благородного темно-синего цвета, который оттеняли густая белизна рубашки и золотистый с коричневыми брызгами галстук.

Искуситель выбрал угольно-черный цвет. В глаза бросался заливчатый, но мрачный покроей одежды. Даже лакированные мокасины и шляпа отдавали каким-то мерзко мокрым цветом оттенком. Все довершали непроницаемо темные очки: ни дать ни взять, старомодный киногангстер...

Публика на скамьях, расположенных полукругом, разоделась как на карнавал. Монахи и монахини в тяжелых рясах, ковбои в джинсах, хиппи в обносках, хасиды сатмарского ребе в полосатых халатах и чулках, солдаты, панки, деловые женщины в брюках и пиджаках, то ли лорды, то ли швейцары в цилиндрах, жокеи, экзотические типы в турбанах и чалмах, девицы, на которых срамом казались не голые тела, а покрывающая их ключья одежды. Все почувствовали себя свободнее и веселее, вокруг воцарилась атмосфера праздничного ожидания.

Подмигнув, Искуситель озорно щелкнул пальцами, и в зале из пустоты вдруг возникла странная фигура в белом балахоне и с бородой, похожей на облако. В руках она держала огромный пастуший посох с головой змеи на набалдашнике.

Злой Дух прыснул гнусным смехом:

— Вспоминаете, Ваше Всемогущество?

Всевышний добродушно улыбнулся:

— А-а-а! Здравствуй, Моисей! Ну, как тебе там? В раю?

Белобородый отвесил земной поклон и патетически прокричал:

— Прости им грехи их! А если нет — изгладь и меня из книги твоей, в которую ты меня вписал...

Почувствовав некоторую неловкость, Всевышний рассеянно осведомился:

— О чем ты? Забыл? Прошло почти четыре тысячи лет! Может, ты еще вспомнишь, сколько покрывал крученого виссона я велел тебе приготовить для скинии и какой ширины и длины сделать ковчег? Право же...

В голосе его был не укор, а удивление, не столько жалость, сколько сострадание.

— Для него, Ваше Всемогущество, ничего не изменилось! — нагло хохотнул Искуситель. — Вы только посмотрите, какую он нахлобучил на себя хламиду! На кого ты похож, приятель? Чучело!

Но его мерзкую реплику прервал громовой голос патриарха, высоко поднявшего посох:

— Изydi, Сатана!

В зале зазвучали смешки, и Искуситель окрысился:

— Дурак! Ты что, думаешь, ты на горе Синай, что ли?

Всевышний досадливо поморщился: манеры у этого разодевшегося во все черное выскочки просто невыносимые. Но не изгонишь же его только потому, что он невежа и мужлан. О какой тогда демократии на небе может идти речь?

— Оставь его в покое... Пора бы убедиться в разнице между вечным и смертным. Моисей остался в своем времени.

Не мог, не в состоянии был Искуситель остаться в долгу:

— А помните, Ваше Всемогущество, как он вместе со своей паствой жарил для вас шашлык на жертвеннике? — он залился тихим проказливым смешочком. — Ну и вонь же они тогда развели...

Но так как замечание его было проигнорировано, он, зыркнув по сторонам насмешливым взглядом, захохотал еще более нагло:

— Вас ведь от нее, между нами, тоже воротило! Дикари, они ведь несчастных агнцев вместе с шерстью палили!

Видно, вспомнив что-то еще более пикантное, он вдруг скорчился от душасящего его смеха и замахал руками. Ну и манеры!

— А как они назло ему отлили из золота здоровенного быка с яйцами?

В амфитеатре все смешалось: возмущенные возгласы ангелов и херувимов осквернялись бесовским улюлюканьем. Что поделаешь, таков основной дефект демократии — праведность и грех живут в одном мире, и столкновений между ними не избежать.

— Ваше Всемогущество! Да уймите же вы, наконец, Духа Тьмы! От смрада и скверны дышать невозможно...

Святое возмущение подействовало. Всевышний строго посмотрел на амфитеатр, и приструненные исчадия греха смолкли. За пятнадцать миллиардов лет творения этот неотесанный и глумливый наглец со

своей сворой ему основательно надоел. Но увы, приходится сознаваться, без него вечность выглядела бы невыносимо скучно и пресно...

Седобородый патриарх исчез, и в замелькавшем водовороте видений вдруг показался обнаженный молодой мужчина с повязкой на бедрах и терновым венцом на голове. На его восковом от молчаливых страданий лице жалко смотрелись интеллигентская борода и усы. На спине он волочил здоровенный римский крест.

— А-а-а! Еще один помазанник! Нашлись лопухие простакИ, Ваше Всемогущество, которые верили и верят, что он Ваш сын...

Искуситель засмеялся, как актер в провинциальном театре, играющий роль Мефистофеля.

— Вы якобы приснились во сне жене какого-то импотента, плотника из занюханной дыры с дурацким названием Вифлеем, и по индукции клонировали себе от нее наследничка... Иначе, полагают, Вы бы постеснялись, ха-ха!

Он так развеселился, что на глазах его выступили слезы.

Пневные возгласы и регот в публике слились в один сплошной и невообразимый гвалт. Искусителя такой успех еще больше подзадорил, он согнул свою левую руку в локте, сжал кулак и между вторым и третьим пальцем выставил вперед первый: накося, мол, выкуси, самозванец! И все это непотребство хам инфернальный продемонстрировал детям света — ангелам.

— И это еще не все, — прохрипел, хохоча, сукин сын, — а когда эти варвары римляне его распяли, Вы, мол, взяли его к себе на небо, и теперь он, слышали, одна из Ваших ипостасей!

Амфитеатр стал похож на стадион, где разбушевались болельщики, а полиция сбежала.

Безобразие! Всевышнему надоело, и он решительно постучал ногой, призывая к порядку:

— Прекратить балаган! Совсем распустились! Твои поклонники, Царь Тьмы, сядут в левые ряды амфитеатра, а мои — в правые. Тогда мы действительно увидим, у кого перевес. Демократия есть демократия...

Началась суета и переполох. Присутствующие толкали и пинали друг друга, переругиваясь, менялись местами. Кто-то кого-то ущипнул, кому-то поставили подножку, у кого-то украли нимб. Топот, пререкания, визги...

— Я говорил вам, Ваше Всемогущество, не надо делать ваших ангелов однополыми. Они у вас вышли закомплексованными онанистами. Занимаются суходрочкой...

— Призываю всех к порядку!

Возмутившись, Всевышний повысил голос, и от сотрясения столкнулись две ближайšie галактики со всеми звездами и планетами. Слегка смутившись, Искуситель извинился:

— Виноват, Ваше Всемогущество, не очень удачная шутка...
Справа праведно негодовали ангелы и херувимы:
— Жалкий клоун! Ничтожество!
Слева не унималась бесовская чернь:
— Так вам! Агу-ату!
Театрально сверкнув темными очками, Искуситель щелкнул пальцами, как кастаньетами, и зловеще цыкнул:
— Цыц, сгною!
Волнение в левой стороне амфитеатра улеглось. Ярмарочный балаган стал похож на панихиду по покойным родственникам.
А между тем семимерная виртуальная эпоха в Машине Времени слегка пискнула и переместилась в новую. Смуглый семит с аспидно-черной бородой и горящим взором заголосил в транс:
— Аллах всемогущ! Аллах всемогущ!
Воздев кверху руки, Искуситель издевательски передразнил его:
— Открыл Америку, погонщик верблюдов! Смотрите на него — читать и писать не научился, а объявил себя пророком...
Вся левая часть амфитеатра мстительно заверещала. Довольный реваншем Искуситель ухмыльнулся:
— Сколько там миллиончиков, суесловья Вашим именем, его правоверные вырезали?
И он нехорошо сверкнул темными очками.
Справа вовсю топали и угрожающе размахивали руками ангелы. Дух Тьмы демонстративно повернулся к ним спиной и облизнулся.
— Вы только подумайте, какой инфантилизм! Каждый из обитателей этого космического захолустья — они его Землей зовут — из-за своей трехмерной убогости представляет себе вас по-своему. Мало того, готов другому перегрызть глотку за то, что тот видит вас иначе.
Раздался гадливый возглас Всевышнего:
— Это все твои штучки, интриган! Забыл, как ты исподтишка подсунул в колбочку для клонирования свои клетки?
Искуситель блудливо опустил глаза.
— Эта история быльем поросла, Ваше Всемогущество! У Вас было столько возможностей сделать все заново и более стерильно. Поверьте, я бы Вам не помешал. Вы же могущественней меня...
В заднем ряду левой части амфитеатра кто-то гнусно и сопливо хихикнул, но Всевышний раздраженно постучал по подлокотнику кресла, на котором восседал, и несколько галактик в испуге принялись разбегаться в разные стороны.
Топнув черным лакированным мокасином, Искуситель вытащил автомат «Узи» и полыхнул очередь в сторону нарушителя спокойствия.

— Ты у меня!
На мгновенье задумавшись, Всевышний с ноткой растерянности в голосе сознался:
— Я надеялся, что добро победит уже потому, что оно — добро...
— Аберрация, Ваше Всемогущество! Минус сам по себе не может стать плюсом. Иначе в природе наступила бы энтропия — тепловая смерть. Смешайте лед и пламя, что получится? Тепленькая водичка. Она ведь потом тоже остынет...
Лицо Всевышнего дышало иронией и презрением:
— У тебя осталось хоть что-нибудь святое?
— Что Вы, что Вы, Ваше Всемогущество! Конечно, а как же! Возьмите, к примеру, прогресс!
— Даже его ты умудрился исковеркать. Из созидания сотворить разрушение...
Искуситель сокрушенно вздохнул:
— Увы, добро и зло неразделимы! Не будь зла, добро бы не было добром...
Он встал в позу адвоката, защищающего перед присяжными подсудимого:
— Вот Вы рассердились, и столкнулись две галактики. А там ведь свои миры, свои живые существа. Да будь это даже тараканы, Ваше Всемогущество, разве это что-то меняет? Вы ведь, небось, даже не заметили...
Всевышний горестно покачал головой: так было и, наверное, будет всегда в их споре. Один обвиняет, а другой оправдывается. Всемогущий ищет нравственные начала, а Искуситель пытается их разрушить...
Но Духа Зла все же проняло, потому что тон его окрасила экзистенциальная скорбь. Фатализм...
— Новое всегда взрастает на могиле старого, но потом само дряхлеет. Ни Вы, ни я ничего с этим сделать не можем. Да и зачем, собственно? По рядам прокатился стон раскаяния: какой жестокий рок — любому реформатору суждено со временем стать ретроградом! А ведь в идеале даже самому страшному грешнику хотелось бы стать святым.
И снова тоном прожженного судейского крючка Искуситель продолжил:
— Вот Вы твердите все время, Ваше Всемогущество: правда, справедливость, жертвенность! А чья она, скажите, правда? С кем сестра ее — справедливость? Во имя кого и чего жертвенность?
Искуситель развел руками. Теперь он был похож не на хитрожопого законника или гангстера, а на иллюзиониста. Послышались одобрительные шевеленье слева и легкое, сконфуженное покашливание справа.
— Вы — паразитительный мастак все выворачивать наизнанку, — осуждающе покачал головой Всевышний. — Впрочем, это ведь не что иное, как попытка оправдаться...

— Позвольте не согласиться, Ваше Всемогущество... Одну минуточку... Ну вот... Хотя бы это...

Он глумливо усмехнулся и бросил быстрый взгляд на замерший амфитеатр.

— Может, приглядимся к тому, что происходит на этом маленьком и обгавленном кровью клочке Земли, у самой, кстати, глубокой ее впадины, откуда все эти трое самозванцев родом... Тоже ведь по-своему символично, а...

Всевышний нахмурился, но Машина Времени уже остановила свой окуляр на глубоко спящем малом с крупными темными глазами на овальном лице. Он морщился во сне и беспокойно поворачивался с боку на бок.

— Втянул таких же, как и сам, мальчишек в заговор, и хоть бы хны, Ваше Всемогущество. Спит, как младенец! Как Вам это нравится? Сопляк! Вздумал привести к власти хунту и попать демократию...

Он на мгновение осекся и легким придыханием подчеркнул, как глубоко оскорблен в лучших своих чувствах. Сочтя, что этого мало, он поднял вверх указательный палец.

— Заменить порядок анархией! Презреть закон и установить беззаконие!

Теперь он повернулся к трибунам как прокурор, взывающий к чувствам публики на процессе маньяка и серийного убийцы. Но его прервала холодная, уничтожающая реплика Всевышнего.

— С каких это пор ты стал апологетом порядка и чести? — в голосе Всемогущего отчетливо звучали гневные нотки. — Еще немножко и ты примешься за нравственность и мораль. Дай тебе волю, ты мир превратишь в антимир...

Но Искуситель был ловким и опытным крючкотвором. Ослабившись, он подмигнул залу.

— Догма рождает оппозицию, а та, Ваше Всемогущество, — двигатель прогресса.

Что ни говорите, а есть в нем что-то, что заставляет испытывать к нему симпатию! Свообразное «Поди сюда!». У него даже пороки галантны, а соблазны просто привлекательны. Недаром поэты девятнадцатого века рисовали его таким романтическим бунтовщиком. «Печальный демон, дух изгнания, летал над грешною землей, и лучших дней воспоминанья пред ним теснились толпой»...

Всевышний знал об этом и старался звать к разуму, а не к эмоциям:

— Демократия имеет право на самозащиту. В особенности когда нация на краю ненависти и гражданской войны...

Искуситель притворно опустил взор и замурлыкал:

— Ах да! Я и забыл! Они ведь всем прожужжали уши, что Вы избрали их среди всех остальных племен и народов...

Он блеснул линзами непроницаемо черных очков, и в амфитеатре послышались смешки.

Всевышний решительно прервал его:

— Ты предпочитаешь, чтобы они завтра начали резать друг друга?

— Уже режут, Ваше Всемогущество... Поздравляю Вас с оправдательным приговором. И все благодаря мне, вашему единственному адвокату. Если бы не я, Дьявол, как бы вы тогда объяснили ваш театр с разными ипостасями: Иегова, Христос, Аллах! Это ведь я якобы вас на то попутал...

В амфитеатре началась потасовка. Монах в тяжелой рясе сцепился с двумя девицами. Деловые женщины в мужских костюмах схватились за торчащие в разные стороны колючки панков, хасид сатмарского ребя молотил ковбоя, а почтенный лорд стягивал тюрбан с экзотического то ли турка, то ли сикха...

Всевышний с силой стукнул ногой, и амфитеатр провалился в тартарары. Униженный Искуситель скандальным и визгливым голосом жаловался на извечное отсутствие справедливости:

— Люди глупы и несправедливы! Вам они молятся и кадят, а мне уготовили роль злодея и подонка? Вы, видите ли, добросердечны и милосердны, а от меня все трагедии и невзгоды?

Он даже смахнул с лица внезапно набежавшую слезу.

— Ведь даже когда Вы, разгневавшись, насылаете на них беды и напасти, они, как попугаи, твердят, что это моя работа. Если бы, мол, не я, Вы бы были паинькой, а они бы давно удостоились сана ангелов...

Всевышний нажал пульт дистанционного управления, и Машина Времени погасла. На громкие стенания Искусителя он не реагировал.

Внезапно Дух Тьмы припадочно завопил:

— Подождите, еще пара поколений, и они станут хуже меня! Уже не я — они будут Вам конкурентами, эти тараканы! Сейчас они только овец клонируют, а через сотню лет — нас с Вами...

Шрем застонал во сне, и Номи, проснувшись, потрясла его за плечи:

— Что с тобой, Гай?!

Часть VIII РУССКАЯ РУЛЕТКА

1

Часы показывали двенадцать дня. Достав сотовый телефон, Шрем набрал первый номер. Несколько минут никто не отвечал, но он не обращал на это никакого внимания.

Наконец, в трубке раздался щелчок и вслед за ним — недоуменный голос:

— Слушаю!

— Это Шрем! Сколько времени у тебя займет дорога в Гило?

Голос настороженно смолк, а затем поинтересовался:

— Сейчас?

— Сейчас!..

— Полчаса...

— Жду. Записывай адрес...

Затем последовал второй звонок и потом — третий. Кто-то спросил с дразнящим смешком на другом конце провода:

— А меня камнями не забросают?

Шрем не ответил. Это было единственным напоминанием о Судном дне. Стараясь ничем не выдать волнения, Номи уставилась в книгу.

Шрем включил телевизор и настроил его на «Си Эн Эн». На экране диктор-индус энергично рассказывал об Африке.

Через полчаса на улице резко заскрежетали тормоза. И почти тут же в дверь постучали. Шрем открыл и пропустил высокого, плотно скроенного брюнета, на котором штатская одежда висела как чехол.

— Привет, Амнон!

Тот вопросительно посмотрел на Шрема. Ответ полковника был лаконичен:

— Ждем...

Номи с удивлением отметила про себя, что ни один мускул не дрогнул на лице вошедшего.

Через пять минут затормозила вторая машина. На этот раз на пороге, с любопытством глядя на собравшихся, появился щеголевато одетый блондин интеллигентной внешности с ироничным взглядом и немножко капризной улыбкой.

— Как насчет карт и виски?

Шрем непроницаемо хмыкнул:

— Обойдешься, — и кивнул в сторону Номи так, словно подписал ей допуск в самую секретную часть. — Она своя.

Блондин уселся в кресло и бездумно забарабанил по его ручкам пальцами.

Наконец, появился третий — наголо стриженный гигант баскетбольного роста. Такого без вопросов взяли бы в «Эн Би Эй» и еще заплатили бы завидные деньги.

Едва он уселся, на лице Шрема прорезалась кривая усмешка.

— Пехота, танки и служба безопасности на месте, можно устраивать разговор...

Не выдержав, Номи на цыпочках вышла в другую комнату и осторожно прикрыла за собой дверь. Минут пять, а может и больше, она стояла, вжавшись пальцами в книжную полку. С нее с укором смотрели чучела экзотических птиц. Видно, хозяев виллы, дипломатов, основательно помотало по свету.

Номи пыталась прислушаться к тому, что происходит в салоне, но ничего не услышала. Тогда, пересилив себя, она тихо приоткрыла дверь и вернулась назад.

Все сидели на прежних местах. Только интеллигент с ироничным лицом, дурачась, хихикнул:

— А где все же карты и виски?

Номи встрепенулась:

— Хотите выпить? Сейчас...

Но ее остановил Шрем:

— Он не пьет, это его манера острить...

Лица брюнета и остальных гостей были суровы и непроницаемы.

Интеллигент привстал с места:

— Ну что ж, раз так, подготовимся...

Шрем пристально на него посмотрел.

— Готовиться, Нир, будешь здесь...

Тот встал к нему вполоборота.

— Как здесь?..

— Вот так. Как все мы...

Остальные на них не смотрели.

— Ты даешь!

На лице Шрема появилось слабое подобие улыбки:

— Знаешь, у Геродота есть рассказ. Про персидского царя Дария. У него был раб, очень похожий на него. Только, как все рабы, — без ушей...

Теперь лица всех заговорщиков были обращены к нему. Брюнет в штатском костюме спросил у Номи знаками, можно ли курить?

Номи утвердительно кивнула, и он достал сигарету. Шрем продолжал как ни в чем не бывало:

— Раб убил Дария: ему помогла любимая женушка царя. Потом сел на его трон и ходил либо в короне, либо в шапке.

Брюнет закурил и передал пачку сигарет гиганту с бритым черепом. Все это делалось молча и деловито. Словно никого из них рассказ не касается, а слушают они его только из вежливости.

Шрем прищурился.

— Однажды ночью Кир, сын Дария, созвал униженных придворных и предложил убить двойника царя. Те согласились. «Прикончим его утром», — предложили они. Но Кир только усмехнулся...

И Шрем улыбнулся тоже.

— Или мы сделаем это сейчас, — сказал Кир, — или я сейчас первым пойду к нему и обо всем расскажу...

Шрем взял со стола сотовый телефон. Двое военных в штатском продолжали безучастно заниматься своими сигаретами. Интеллигент из службы безопасности, прокашлявшись, шуточно встал и подошел к пианино. Открыв его, он заиграл свадебный марш Мендельсона...

2

Сидящий за рулем Афарган заметил по другую сторону магистрали два крытых командкара⁵¹ и плоско сострил:

— Что, еще один сюрприз в Судный день?

Напоминание о внезапном нападении арабов в семьдесят третьем Маозу не понравилось. Он досадливо поморщился:

— Оставь свои шуточки!

Марциано, лениво пронзив неудачливого шутника взглядом, — ну и плебей, — отвернулся. В трехстах метрах от виллы Номи они заметили еще один командкар. Теперь сам Марциано испытующе взглянул на Маоза, но тот пренебрежительно махнул рукой: ерунда! Рядом стоя-

51 Командкар — (амер., воен.) штабной автомобиль.

ла машина с антеннами с надписью крупными буквами: «Телевидение»! Заглаживая оплошность, Афарган виновато хихикнул:

— Интересно, что она нам приготовила?

Никто не среагировал.

Они позвонили. Дверь открылась на удивление быстро. На пороге стояла Номи. Маоз не удержался и вместо того, чтобы горделиво пройти мимо, бросил на нее мимолетный взгляд. Привычной дерзкой усмешки на ее лице как ни бывало — в глазах затаилась настораживающая глубина.

Номи прошла вперед, в прихожую. Все трое — за ней. Замыкал шествие Марциано. Но захлопнуть дверь он не успел. За его спиной это сделал кто-то другой, видимо, стоявший в коридоре. Звук был резким, и все трое мгновенно обернулись. Ключ в замочной скважине поворачивал военный в маске.

Вначале у Маоза мелькнула мысль, что ему просто померещилось. Но военный, широко расставив ноги, продолжал стоять, отрезая путь назад. Сердце взвилось, а затем ухнуло в пах. Ноги стали ватными, тело отяжелело. Сделав несколько шагов, Маоз остановился. Главное, чтобы его состояния никто не заметил...

В большом салоне за знакомым столом сидели трое в штатском и только один в полевой форме с полковничьими погонами. В глаза бросилось его смуглое с обветренными губами лицо. Жесткие волосы коротко подстрижены, взгляд приковывал к месту.

— В стране чрезвычайное положение, господа! Вы арестованы!

Голос его был глуховатым, окончания слов немножечко изжеваны.

— Кто вы такие? — придя в себя, негодуя загремел Маоз.

Ему ответил офицер с полковничьими погонами:

— Полковник Гай Шрем! Телефоны и оружие на стол, пожалуйста!

Голос Маоза звучал теперь далеко не так уверенно:

— Это бунт!

В ответ никто не произнес ни слова. Тишина была зловещей, давящей.

Маоз оглянулся. Восковое лицо Афаргана блестело от пота, Фуше был бледен и странно обмяк.

В углу, где стояло большое кожаное кресло, сидел, развалившись, щеголевато одетый блондин с интеллигентным лицом, которое показалось Маозу знакомым. Сейчас он вспомнит, где его видел...

Словно извиняясь, блондин с интеллигентным лицом развел руки в стороны и, вздохнув, улыбнулся.

— Не хотелось бы надевать на вас наручники и натягивать на головы мешки...

Первым на стол положил телефон Марциано, за ним Афарган и, наконец, сам Маоз.

— Карманы, господа! Нет-нет, не вы, конечно, господин Маоз! Только ваши спутники...

Маоз все еще не свыкся со своей новой ролью.

— Это что — военный переворот?

— Представьте себе, господин Маоз...

В голосе штатского сквозила ирония.

Теперь Маоз вспомнил: он — из ШАБАКА, присутствовал пару раз вместе со своим шефом на заседаниях правительства.

— Вы?

— Вопросы, господин Маоз, буду задавать я, и только я...

Один из телефонов на столе отчаянно затрещивал. Никто не обратил на него внимания. Время застыло. В каждой минуте ждалось по часу. Секунды отстукивали пульсом как молотом.

С улицы зашли еще трое офицеров. Они принесли комплекты военной формы, и те, что были в штатском, пошли переодеваться. Ожидание душило жаркой и липкой лапой...

Звонок входной двери снова заставил всех повернуть головы. Стоявшая у стены Номи вновь пошла открывать.

В прихожей послышался раскатистый баритон Аарона Голана и беспечный смешок Тамира. Вслед за тем — хлопок. Дверь закрылась, и фигура в маске сняла с плеча взведенный «Узи». Жест был более чем убедителен: без глупостей...

После полутьмы прихожей Тамир прищурился и обвел удивленным взглядом комнату.

— Это что за спектакль?

Вошедший вместе с ним Аарон Голан уже успел заметить Маоза и его спутников и пытался по их реакции понять, что происходит. Внезапно взгляд его упал на сотовые телефоны, валявшиеся на столе, и заполнивших салон военных.

Голос Грема звучал буднично, даже бесцветно.

— Вы арестованы!

Старый Лис нервно взвизгнул:

— Хотите под трибунал?

Полковник, сидящий за столом, досадливо поморщился:

— Трибунал здесь! Вы обвиняетесь в разжигании межобщинной розни. Все остальное добавят юристы...

Снова прозвучала команда:

— Телефоны и оружие сдать!

Старый Лис судорожно схватился за задний карман. Криво улыбнувшись, Тамир положил и свой телефон.

Кто-то издал клацающий звук. Маоз оглянулся. Лицо Марциано плыло пятнами. Ему стало нехорошо.

Раздался оторопелый голос Тамира:

— Воды!

Маоз прыснул от смеха. Где она, гипнотизирующая спесь Фуше? Смотрите, как растопило арктический холод взгляда! Куда исчезли вес и значимость каждого слова? Маоза сотрясал хохот.

— Он думал, это ваши люди, Герцль! Перехитрил самого себя! Он ведь предлагал вам свои услуги, а?

Теперь рассмеялся Тамир. Наверное, как и Маоз, от нервного напряжения. Маоз вдруг впервые почувствовал к нему необъяснимый прилив симпатии. Враг оказался не так подл, как он думал. А значит, с ним можно было иметь дело. Во всем виноваты те, кто их окружает: эта хитрая сволочь — Старый Лис, вероломный интриган Марциано, чистюля и дурак Ор Лев. Доведись им сесть с Тамиром и поговорить друг с другом по душам, они бы обязательно нашли общий язык.

И опять звонок в дверь. Кто сейчас, подумал Маоз. Ор Лев?! Ну еще бы! Мокрая клякса, интеллигентский хлюпик! Вы посмотрите только на его недоумение...

— Старший сержант Ор Лев, вы ведь были уже в окружении в семьдесят третьем, в войну Судного дня. Выкладывайте телефон. Оружия при вас, конечно, нет...

Ор Лев узнал голос Тамира и вынужденно улыбнулся. В роковые минуты человек либо становится на колени и начинает молить о пощаде, либо устраивает своего рода спектакль. Старик Шекспир прав: все люди — актеры, только на прощанье каждый выбирает роль по вкусу.

Взглянув на часы, Маоз резко опустил руку. Прошло всего пятнадцать минут...

— Собирайтесь, господа. На улице — ни звука! Вертолет ждет. При любой попытке поднять шум...

Шрем взял в руки омерзительно затрещавшую рацию.

— Дорон из телестудии в Ромеме... Мы здесь полтора часа, командир. Пока без происшествий... До вашего приказа передача идет обычная. Текст последних известий мы не меняли...

Теперь все смотрели на Шрема. Неспешным движением поправив рацию, он бросил взгляд на застывших пленников.

— Ровно через полчаса диктор сообщит о чрезвычайном положении и предоставит слово мне... — голос его был ровным и бесстрастным.

«И здесь тоже игра, — с грустью думал Ор Лев. — Спектакль! Кто кого переиграет. Кому громче зарукоплетет публика...»

— Никакого вреда вам причинено не будет. Вертолет доставит вас в Атарот, на аэродром. Оттуда самолетом — за границу...

— Сопляки! — вдруг вне себя от ярости закричал Старый Лис.

До него внезапно дошло, как примитивно, хуже того — абсурдно легкомысленно спланирована и осуществлена операция. Будь она хоть сколько-нибудь более профессиональной, заговорщиков переловили бы как мышат.

Но пленников уже выпроваживали.

— А вы — останьтесь, — задержал Шрем Ор Лева.

3

— Самолет вылетит через пять минут, — слышался голос Шрема. — Свора уже на аэродроме...

Шрем по-мальчишески втянул носом воздух и, словно испытывая сильную зубную боль, продолжал:

— Поделить страну, профессор, не представляется возможным. Не те масштабы. Остается только перетряхнуть в ней все заново...

Ор Лев рассеянно слушал, думая о своем. Откуда у них, у сабр, такая уверенность в себе? Это гипертрофированное самомнение, апломб...

— Но при всем своем могуществе армия сама не в состоянии управлять государством. Она его загубит...

Хунта заговорщиков в его глазах — армия?

Внезапно перед ним возникла Номи. Она стояла настолько близко, что он чувствовал не только ее запах, но и дыхание.

— Я могу с тобой поговорить наедине? Как когда-то?

Голос у нее срывался. Слова она произносила глухо, но с таким напором, словно каждое вбивала как гвоздь.

Ор Лев невольно вздрогнул. Номи смотрела ему в глаза не отводя взгляда, и это сковывало куда надежней, чем цепи.

Он не ответил. В горле саднило. Руки провисли как плети.

Номи провела его в спальню. Она стояла, опершись спиной о подоконник. Ор Лев машинально присел на один из двух стоящих здесь пуфов.

— Гиди! Ты ведь веришь в судьбу, правда?..

Он не мог ответить. Боялся, что голос сорвется. Горло раздирало от сухости. Он по-прежнему молчал.

— Ты ведь интеллектуал, Гиди! Кто другой — ладно, но ты ведь не можешь не понимать, куда мы все катимся... Демократия уже нокаутирована...

Ее голубовато-серые глаза стали совсем темными, голос осип.

— Сейчас ты можешь сыграть великую роль. Спасти эту несчастную страну...

Уже догадываясь, куда она клонит, но все еще не будучи полностью уверенным в этом, он хрипло кашлянул и, наконец, выдавил:

— Да о чем ты, в конце концов? Они, — показал он на дверь в комнату, где сидели офицеры, — уже все решили.

— Не ты в них, они в тебе нуждаются, Гиди! Не только они — все мы... Лицо его стало серым.

— Только ты можешь возглавить временное правительство и обесмертить себя в истории страны, — произнесла она, не отрывая от него взгляда. Голос ее перешел в шепот.

Ор Лев снова оказался перед выбором. И снова, как тогда, в больнице у тестя, ему предстояло решить, соглашаться ли на шальной блеф судьбы или, подняв кверху руки, отойти в сторону. Только сейчас его заталкивали через пустой черный ход туда, куда через парадный, но сквозь враждебную и готовую растерзать его толпу, пытался провести зятя покойный Менахем Бускила.

— Но почему я? — в его голосе слышалась растерянность. Номи всегда ставила его в тупик своей непредсказуемостью. Он был уверен, что никто из этих офицеров не осмелился бы предложить ему то, что предлагала ему она.

— Никто другой сделать бы это не смог. Ему бы не поверили.

У Ор Лева перехватило горло. Он снова был не в состоянии произнести ни слова.

— Ты и только ты способен вернуть спокойствие народу и привести его к новым выборам. Их цель — не власть, Гиди, поверь, — показала она на дверь, — предотвратить вспышку братоубийственной войны.

Ор Лев не шелохнулся. Номи тяжело вздохнула. Голос ее стал суше. Ор Леву даже показалось, что она сейчас не выдержит и заплачет.

— Ты родился в Северной Африке, Гиди. Никто не виноват, что людей с образованием там было куда меньше, чем в Европе или Америке. Сейчас все выровнилось. Нельзя жить в прошлом. Это тупик. Оттуда нет дороги в будущее.

— Что вы все от меня хотите?

— Только одного! — закричала она. — Чтобы ты взял на себя бремя власти. Это самая опасная для страны минута. Ты — интеллектуал: за тобой пойдут те, кто ориентируется на Запад. Но ты — выходец с Востока, и тебе поверят твои земляки. Те и другие...

Она взяла себя в руки и, прикрыв глаза, ждала. Выговорилась. Иссякла. Где та девчонка-сорванец, к которой он в свое время так привязался? Первозданный стук энергии и сумасбродства, идей, капризов... Прежние черты выглядели в ней теперь не очень удачным гримом. Зрелая, начинающая стареть женщина, она поразила его своей отрешенной усталостью. А может, ему показалось?

В спальню заглянул Шрем. Не сказав ни слова, он ждал, что заговорит Ор Лев. Шрем сел на другой, свободный пуф и взглянул на Номи. На Ор Лева он не смотрел. Так прошла минута-полторы.

Внезапно в дверях показалась голова одного из военных:

— Гай, тебя! Камеры готовы!

Шрем поднялся с пуфа, оперся о стенку, поправил на себе выгоревшую полевую форму и вновь посмотрел на Номи.

Когда он проходил мимо, она прильнула к нему, буквально вжалась в его сильное, поджарое тело.

«Господи, — мелькнуло в голове Ор Лева, — неужели на поверку любая феминистка, устав от свободы и независимости, превращается в Пенелопу и ждет своего Одиссея?»

Ни ревности, ни боли он не чувствовал, только горечь и жалость к самому себе.

Внезапно включенный экран маленького телевизора над кроватью стал темным. Кадры давно заснятой передачи кончились. Потом вспыхнул свет и послышался натянутый голос диктора.

— Сейчас прозвучит сообщение особой важности...

По-видимому, они уже нашли телеоператора, и тот ждал, когда включить камеру. Отсюда изображение и звук шли в Ромему, в здание телевидения.

Прошло еще с десяток секунд, и в кадре появились сидящие за столом офицеры. В штатском был только представитель службы безопасности. Придвинув к себе микрофон, молодой полковник с короткой стрижкой и твердым, сковывающим взглядом на смуглом лице, начал без выражения читать текст с листа.

— Сограждане! В связи с царящей в стране кровавой междоусобицей и преступной халатностью правительства, власть взял в свои руки временный военный комитет. Мы контролируем Кнессет и основные средства связи. Оба кандидата на пост премьера и их окружение арестованы и отправлены самолетом за рубеж. Любая попытка оказать сопротивление будет немедленно пресечена самым решительным образом...

Шрем остановился и посмотрел в объектив, словно хотел увидеть в нем тех, к кому обращался, потом мельком оглянулся на сидящих рядом с ним офицеров за столом. Лица военных были бесстрастны. Шрем кивнул штатскому, и тот приблизился к одному из микрофонов.

— Я — начальник отдела общей службы безопасности... Впервые за все годы существования государства нам грозит опасность не извне, а изнутри. Начавшиеся в стране стычки приведут к братоубийственной войне. Это — гибель. Конеч! Не только государства — нации, народа...

Он переждал пару секунд. Следы иронии на его породистом лице давно исчезли.

— Мы — офицеры и не собираемся брать на себя управление страной. В течение полугода пройдут всеобщие выборы. А до тех пор — все решения будет принимать временное гражданское правительство. Армия оставит себе только функцию охраны порядка...

Ор Лев неотрывно всматривался в экран, словно этот холодный, бесчувственный шедевр техники — живое существо, говорит и решает само, а не те, кто находятся в другой комнате.

Рядом снова раздался голос Номи и, оглянувшись, он уперся в настойчивый, ищущий взгляд женщины, с которой, казалось, не был знаком.

— Премьером временного правительства должен стать только ты...

Он слотнул слюну, словно это был камень. Маленький кадык дернулся и замер.

— Хоть раз в жизни — решишь! Подумай не только о себе — о других...

Голос Номи сорвался. Зеленоватые, с желтой подпалинкой глаза Ор Лева смотрели на нее с грустью и разочарованием. Как все мы способны ошибаться в людях...

Она вздохнула.

— Гиди, мы можем подождать до утра. Тебя закроют в этой комнате. На улице — часовой. Если все сорвется — ты был только пленником, а не соучастником! Преследовать тебя никто не станет. Но если ты согласишься...

— Где будешь ты?

Он спросил и почему-то подумал о Гортензии. Где она сейчас? Что делает?

— С ним! Для него это — решающие часы... Я буду с ним, Гиди. Я хочу этого, пойми! Он тот, кем побоялся бы стать ты...

4

Гидеон Ор Лев остался наедине с собой.

Что, собственно, от него хочет судьба? Почему она всегда ставит его перед роковым выбором? Номи — Гортензия... Академическая карьера — политика... Интриги — заговор...

И кто вообще он, настоящий Гидеон Ор Лев? Сын писца Торы из Алжира? Сержант, взявший на себя командование танковой ротой в безнадежном бою? Ретивый студент? Многообещающий докторант? Профессор престижного университета? Политик? А может, ни тот, ни

другой, ни третий и ни четвертый, а мечущийся между ними смысленный и старательный парнишка, пытающийся доказать, что он не хуже других своих сверстников?

Гиди Ор Лев не хотел и не умел ненавидеть. Он довольно рано открыл для себя, что ненависть — лишь оборотная сторона бессилия. И всю свою энергию и страсть сосредоточил в едином порыве: добиться или умереть!

Ему всегда и везде приходилось выкладываться до полного физического изнеможения, до неслышной другим внутренней истерики. Иначе он и сегодня нес бы на себе крест убогого существования или боролся с ашкеназийскими ветряными мельницами.

Телевизор Ор Лев выключил. Если принимать решение, то там, внутри себя, а не потому, что кто-то подсказывает или давит...

Он бы отдал все на свете, чтобы помочь тем, кто задавлен. Его связывали с ними не только происхождение — общие коды, которые прививает семья, улица, где ты живешь, отношение к тебе со стороны тех, кто выглядит или чувствует иначе.

В тридцать, при его рождении заново, эти коды потеряли прежний смысл. Он стал другим и в горьком прозрении осознал, что нет ничего более лживого и унижающего, чем превращенная в религию ненависть к тому, кто богаче, настойчивее и даже способнее. По сути, по-настоящему нуждается лишь малая и покорная часть социальной пирамиды. А кричат, размахивают кулаками и готовы пустить в ход оружие те, кто неплохо устроился в жизни. Для них крик — профессия. Дай или будет хуже: я возьму сам!

Какой парадокс — для подлинной бедноты образование и культура недостижимые сокровища. А сытый плебс презирает их и оплевывает, пользуясь таким суррогатом, как мода.

В одном марксисты правы: человека из обезьяны сделал только труд. Возвысить может не лавка, а университет. Достигнет подлинного прогресса не племя, а общество! Именно поэтому так много удалось Западу и так отстает в своем развитии Восток...

Ор Лев расхаживал по спальне из угла в угол, иногда натываясь на пуфы или комод. Все здесь осталось от прежних хозяев: Номы не привнесла сюда ничего своего. Вещи кричали о чужом вкусе и нелюбви к ним со стороны бесчувственной квартирантки. Помпезная, как в театре, люстра была покрыта пылью. Гортензия бы подобного в жизни не допустила. Тяжелые гардины выгорели на солнце. Величественный алтарь любви — постель неаккуратно застелена, эротический рисунок, изображающий индийских богов, покривился. На трюмо разбросана косметика. Интересно, что там в ящиках?

«Ты свинья, Гиди», — сказал он себе, но, посмеиваясь над самим собой, открыл первый ящик. Любопытство всегда сильнее нас...

Счета... Гребешки... Бижутерия... Пуговицы... Рожок для обуви... Платки... Лекарства... Противозачаточные таблетки, и на тебе, пачка презервативов... Неужели она заставляет ими пользоваться этого жеребца в форме? А может, это наследство Маоза?

Странно, но молодой солдафон не вызывал у него такой брезгливости, как Маоз, хотя тот был чистоплей и педантом. Неужели это из-за Гортензии?

Стоп! Руки наткнулись на что-то твердое и скользкое. Что это?

Ор Лев приподнял и взвесил на руке вороненный револьвер. Тяжелый! Потом обратил внимание на выгравированную сбоку на рукоятке надпись: «Джерри Веберу от коллег в день пятидесятилетия».

Прошлое стереть невозможно. Как бы далеко в подвалы памяти его ни загнать, оно неистребимо, как жесткий диск в компьютере. Даже оторвавшись на световые годы, ты привязан к нему, как планета к своей орбите. Невидимо, но неразрывно...

Ор Лев не отрывал взгляда от револьвера. Уж что-что, а стрелять он не разучился...

«А что, если выждать и обезоружить часового?» — со смехом подумал он. Уйти! К чертовой матери. От всех и вся... Уехать. Улететь. Испариться... И все забыть, забыть...

Но он слишком хорошо знал: от себя не уйдешь. Ты сам себе вернейший и неподкупнейший страж...

В любой цивилизации есть свои взлеты и свои падения. Лихорадочный динамизм и депрессия. Безумие и прозрение. В средние века аристократией духа было испанское еврейство... Халифаты. Султанаты. Эмираты... Военачальники и визири. Поэты и мудрецы. Ученые и путешественники... Разве их можно было тогда сравнить с бесправными, изгоняемыми отовсюду коробейниками и шинкарями Польши или Германии? А что сейчас? Пирамида опрокинулась, вершина стала дном!

Ор Лев прокрутил барабан. Это же надо: в нем был всего лишь один патрон. Случайно? Припасен на крайний случай?

Восток, а по сути, Юг всегда был более сыт, и уже поэтому, наверное, ленив и инертен. Здесь можно было довольствоваться малым и не умереть с голода. Поклониться и остаться в живых. Заговоры предрешали революции, а угодливая покорность — бунты и ураганы социальных катастроф. Это не могло не наложить своего отпечатка и на евреев. Здесь, на Востоке, не было массового истребления. Но был тяжелый и душный летаргический сон...

Ор Лев машинально раскручивал барабан... Пустота... пустота... патрон... Снова пустота... пустота... пустота... Стоп!

Хоть раз в жизни, сказала она... Сделай. Решись!
Решиться на что? Стать игрушкой в руках армейских ничтожеств? Что у него с ними общего? Образование? Интеллект? Цели?

Черт... пустота... пустота... патрон...

Он, Ор Лев, в роли мессии? Смешно! И нелепо! Но почему тогда режет глаза от смутного, настойчивого порыва?

Вирус тщеславия? Микроб самообожания? Вот, любуйтесь! Сейчас он перед вами как на предметном стеклышке микроскопа. Виртуальный восторг отнюдь не виртуального мира...

Патрон... пустота... пустота...

Жертва во имя славы? Герострат, спаливший храм Артемиды Эфесской? Жанна д'Арк двадцатого века? Дон Кихот в Стране дураков и мерзавцев?

Человек играет со смертью в прятки. Делает вид, что ее не существует. Хорохорится и бравурит. Или униженно ступшевывается. Но все равно: чему быть, того не миновать!

Страх перед смертью скрыт в генах. Не мы, они знают, что нам суждено умереть. И они же готовят нас к этому, используя страх как оружие. Единственный способ, нет, не победить этот страх, обойти его, как на войне — пойти ему навстречу...

Что это, жестоковийность? Синдром саморазрушения?

Отказаться?

Согласиться?

Стоп, а на что, собственно? На то, что он, Ор Лев, поможет задушить демократию во имя казарменного порядка?

Он вдруг вспомнил о гипотезе, что беспорядок — это тоже своего рода порядок. Мало того, он, и только он способен привести к появлению новых форм и связей. Швырните камень в лужу при четырех градусах Цельсия, и она замерзнет. Но лед — никакой не порядок. Это энтропия, тепловая и духовная смерть...

С ума сойти! Что на него нашло?!

Его загнали в ловушку. Начал тесть, продолжила свора политиков, а теперь захлопнул дверцу короткостриженный полковник с суровым взглядом судьи и пророка.

Что вы все от него хотите? Почему давите? Какого черта именно на нем сплелись все ваши интересы? Кто прав? Кто виноват? Что делать?

Как вы все ему осточертели! Надо быть фанатиком, чтобы взять на себя ответственность за целую страну. Или отпетым мерзавцем. Он, Ор Лев, никогда не был ни тем ни другим...

Его предали. Все! Гортензия, Номи, Маоз, Барак... Клоун против Игрока, а банк срывает сопляк...

А что будет потом? Что потом, он вас спрашивает? Молчите? Не знаете? Или не хотите знать? И, если на то пошло, что важнее: нация или демократия? Хлеб или принципы? Не будет одного — исчезнет и другое...

Он, Ор Лев, не хочет больше решать. Солдат измотан в боях. Ученый убедился, что открытие не выдерживает критики. Семьянин — что семья — это фикция...

И все же решиться, наверное, надо... Надо!.. Чтобы прервать летаргический сон...

Пустота... пустота... оп — патрон! Русская рулетка...

Ты не ошибаешься, Гиди, выход один, как и патрон...

Бедный, бедный Гиди...

Ор Лев вздернул брови и приставил дуло револьвера к виску. Оно было холодным и всепоглощающим...

И прозвучал выстрел...

1998 — 1999 г.

Новеллы

ЗВЕЗДНЫЙ КАПРИЗ

В секретари к нему я попал по объявлению. Наткнулся на него случайно в газете. «Нужен студент. Предпочтительно — владеющий пером. График работы гибкий. Приличное вознаграждение». И номер телефона...

Я позвонил, и после минутного разговора получил приглашение явиться. На вопрос, что за работа, голос в трубке холодно ответил:

— Придешь — узнаешь! Записывай адрес...

Так я и очутился на этой вилле...

Увесистые ворота. Над ними — ползучий кустарник. Я нажал кнопку домофона и назвалса. Открывались они медленно и величественно.

Хмыкнув и подмигнув самому себе, я прошел внутрь. В десятке метров от ворот начиналась широкая полукруглая лестница. Она вела к двухэтажному особняку. Внизу розовели посыпанные кирпичной крошкой дорожки. Над клумбами навис прозрачный парашют капель. Шла поливка...

Я насчитал двадцать две ступени. В приоткрывшейся массивной двери с медными побрякушками стоял пожилой мужчина. На нем было белое японское кимоно с красными драконами. А под ним — домашники с красными помпонами. На шее — экзотический амулет. И меня вдруг осенило: стоп! Да ведь это же он — секс-символ тридцатилетней давности!

— Входи! — раздался хриловатый голос.

Разглядывать его я старался исподтишка. Время, конечно, взяло свое. Он постарел. Когда-то красивое и мужественное лицо обсыпали бугры. Под глазами обозначились мешки. Зато взгляд остался прежним. Крутой, немножко насмешливый. И уголок рта все так же в полуухмылке чуть приподнят кверху.

— Мне нужен секретарь, — слегка поморщился он. — Если подойдешь — не пожалеешь...

Прическа его отливала легкой голубишной, словно он только что встал с парикмахерского кресла. И я еще подумал, что, наверное, он и сейчас ухаживает за собой как за любимой женщиной. Но даже искусно возделанная шевелюра не могла скрыть розоватую кожу в просветах.

Он уже довольно давно не светился на экранах. В его амплуа требуются молодые и беззастенчивые.

— Садись, — показал он на кресло.

От него исходил слабватый запах марихуаны. Такой дымновато-сладкий, липучий. Собственно, а кто сегодня обходится без наркоты?! Не героин же это, даже не экстази...

За окном жидким маслом расплылось калифорнийское солнце. Но в салоне, куда он привел меня, было сумрачно и тихо. Через щели в прикрытых жалюзи пробивались только взлохмаченные ошметки света. С улицы доносился глухой привычный шум города.

Чуть освоившись, я стал украдкой разглядывать стены. Они были обклеены киноафишами и фотографиями в дорогих рамках. И на каждой — он и только он, никто другой. Жестковатый красавчик в небрежных, но элегантных костюмах. Все остальные если и высвечивались, оставались лишь фоном.

— Слышал обо мне? — спросил он равнодушно.

— Еще бы! — кивнул я.

Он посмотрел на меня так, что я смутился. Наверное, подумал, что я ему подыгрываю.

— Чем занимаешься? В газетах пописываешь?

Взгляд у него был бесстрастный, даже сковывающий.

— Не совсем. Пишу рассказы. Иногда даже публикуюсь...

— Вот как! — ухмыльнулся он. — Что ж, впрочем, это даже к лучшему. Видишь ли, у меня нашли рак. Вот и хочу написать кое-что о своей жизни...

Я вздрогнул и уставился на него. Но он не обратил на это внимания. А может, знал, что я так среагирую, и предпочел продемонстрировать свою браваду.

Я кашлянул.

— Я ведь достиг кое-чего в своей жизни. Может, кто из детей или зрителей захочет узнать меня поближе.

— Конечно! — сказал я.

Он довольно улыбнулся.

— Собирай материал. Будут вопросы — я на месте. Чем моложе автор, тем незасоренней его мозги.

— Идет! — деловито бросил я. Пусть думает, что я не так прост, как кажется на первый взгляд.

Меня это вполне устраивало. Чистые денежки. Да и работа вполне приятная.

— Вот ключ от библиотеки. Приходить будешь два раза в неделю.

— Можно по вечерам?

— Твой выбор! Пойдем, покажу тебе, где это...

Так я начал у него работать...

Библиотека располагалась на самом верху, в мансарде. Заходить туда мне было удобней не через главный вход, а поднимаясь по боковой лестнице. Просторное и светлое помещение, почти зала. По бокам — стены, забранные полками с книгами. Я сразу же обратил внимание: они так плотно набиты одна к другой, что вытащить какую-нибудь из них без трактора не удастся.

Скорей всего, их годами никто не брал в руки. А может, и вовсе не открывал.

У огромного, во всю стену, окна стоял письменный стол с компьютером и принтером. Над ним — деревянная маска. Улыбающийся Мефистофель. Маленькие рожки на затылке. Гнусно ухмыляющиеся губы. А в паре метров — низенький, крытый стеклом журнальный столик и два глубоких кресла.

Первые пару недель я своего нанимателя почти не видел. В библиотеку он не поднимался. А я, если и наткался на него на лестнице, чувствовал себя крайне неуверенно. Он ведь был пусть и погасшей, но звездой. Живой легендой. Окаменевшим отпечатком ладони на бульваре Сансет...

Я втискивал в память компьютера все, что мне попадалось о нем под руку. Самое поразительное — чем больше я узнавал о нем, тем большее любопытство он во мне вызывал. Как и я, он не знал своего отца. Мать умерла от рака, когда ему было семнадцать. Обычный парень из умирающего шахтерского поселка. Не умнее. И уж точно — не образованнее. Никаких университетов не кончал. А заботливые родители не вшивали в него, как безумные, разную чепуху. Таких вокруг — миллионы. Как же ему удалось одолеть этот смертельно опасный и уродующий путь от подножья к вершине! Не свалиться в пропасть. Выстоять. Мало того — победить. Вырваться из нужды к роскоши. От безвестности — к славе. Чем он взял? Каким для этого должен быть характер!

А потом мы встретились с ним на лестнице. Мне даже показалось, он меня подждал. На этот раз он был в белых — от Армани — шортах и такой же тенниске. С желтой лентой-банданой на лбу.

— Как дела, юноша?

— Стараемся, — ответил я ему в тон.

— Издалека приходится ездить?

— Из Калабасаса.

— Минут сорок-пятьдесят. Нормально! Живешь один?

Я кивнул.

— А где семья?

— Мать? — спросил я. — В Нью-Йорке.

— А отец?

— А у меня его никогда и не было, — с подчеркнутой усмешкой ответил ему я...

Вот уже три года как я жил отдельно. Она была возмущена тем, что я выбрал литературу, а не юриспруденцию. И наказывала меня, отказываясь мне помогать, хотя назвать ее бедной никак нельзя.

Старый актер бросил на меня любопытный взгляд. И я объяснил:

— Моя мама не очень нуждалась в муже. Она у меня самодостаточная и решительная.

Он улыбнулся, и мне показалось, что вокруг стало светлее.

— Поэтому ты и сбежал?

Но на этот вопрос я отвечать не стал.

— Хочешь немножко потренироваться? — предложил он.

— Где?

— Внизу. Никуда ездить не надо.

Я пожал плечами.

— Давай! Иди за мной...

Мы спустились в полуподвал. Он открыл дверь. И я замер, чуть не присвистнув от удивления. Помещения бы хватило не на одного человека, а на целый спорт-клуб.

Старый актер с любопытством на меня поглядывал. Серые глаза его поискивали насмешливыми бликами. А я, глядя на его спортивно сложенную фигуру, невольно представлял себе, сколько усилий от него требуется, чтобы не поддаваться не только возрасту — болезни! И какой силой воли он должен обладать, чтобы жестковатая, но обаятельная улыбка не исчезала с лица.

Он протянул руку, предлагая мне выбор.

— Что сначала? Дорожка? Велосипед? Разминка для мышц?

Мне было неловко. Но я все-таки сел на велосипед и стал крутить педали.

— А знаешь, ты мне нравишься! Можешь звать меня Робертом. У тебя есть девушка?

Я зло хмыкнул. А что — скрывать от него? Ну уж нет, самооценка не позволит.

— Нашла другого...

Своему сверстнику я бы, конечно, этого не сказал. Он кивнул.

— И ты найдешь...

Я не ответил...

Мы продолжали тренироваться. Минут двадцать он устало, но упорно шагал по беговой дорожке, а я крутил педали велосипеда. Иногда я бросал на него взгляд. Из-под желтой банданы на его лбу свисали клочья пота. Но на твердо очерченных губах играла все та же насмешливая улыбка.

— Так ты отца своего вообще никогда и не видел? — тяжело дыша, спросил он.

— А я, кстати, не очень об этом сожалею! — отрезал я.

Он остановил беговую дорожку.

— А вот я сожалел. Наверное поэтому и рос таким злым.

Он поправил бандану над потным лбом.

— Сначала жил с матерью. Потом, когда она загуляла, — у тетки. А у той — своя семья. И я был ей в тягость. Мог бы преступником тоже стать...

— Не стали же, — буркнул я.

— А знаешь почему? — его суховатый мужественный голос почти гипнотизировал меня. — Амбиции спасли. Ох и крутые же они были у меня! Я — не хуже! Я еще докажу, кто лучше!

Я помолчал и, чтобы избавиться от наваждения, спросил:

— Вы говорили про детей. А где они, ваши дети?

— Дети? — спросил он, повернув лицо в мою сторону и жестковато усмехнулся. — Ах да, — дети! Не знаю! Где-то! Не до них было. Я ведь хотел стать звездой...

Его голос вибрировал на полутонах. Он продолжал улыбаться.

— У звезды не должно быть ни привязанностей, ни обязательств, понял? Они только мешают. Слава конкуренции не терпит.

Он сказал это как старый сержант, объясняющий новобранцу правила казармы. Но мне захотелось показаться умным и опытным.

— В принципе, она — как наркотик...

Взгляд свой он вонзил в меня как штык.

— Слава? Наркотик? Никакой она не наркотик — завистливый и капризный божок!

Штык-взгляд все еще копался в моих кишках. А он продолжал:

— Чтобы ему понравиться, нужно отречься от всего и от всех. Стать его рабом. Не просто рабом: рабом-иноком...

Бескомплексные мачо всегда вызывали у меня подсознательную зависть. Если откровенно — даже страх. Я невольно ими восхищался, но восхищение это отравляло презрение. Если бы мне предложили выбрать

между кулаками и мозгом, я, конечно, выбрал бы ум. Но при этом, наверное, все время старался бы заглушить царпающиеся сомнения.

Может, я — слабак или трус. Но я лично на такое способен бы не был. Не из того материала, наверное, сделан.

И тут же, чтобы поставить его на место, добавил:

— Сочувствие измерять расчетом! Любовь — похотью!

— Ты чего это за пафос схватился! — расхохотался Старый Актер. — Патетика — самое ненадежное оружие из всех возможных.

Я смущенно сглотнул слюну. Он смотрел на меня мефистофельским взглядом.

— Судьба — сука и стерва! И ты — или с ней, или ходишь в неудачниках. Если не выдавить из себя все, кроме мечты, ничего из тебя не получится.

Зачем он это мне все говорит? Что ему от меня нужно? Не мог я, не должен был проиграть в этом споре! Иначе я бы потерял уважение к самому себе. Слишком уж он был для меня принципиален. Слишком личным и важным.

— И вы ни разу не пожалели о своем решении?

Мне показалось, его взгляд заledenел.

— Каждый выбирает себе судьбу по вкусу...

На лбу у него собрались две параллельные морщинки. Уголки рта разъехались в разные стороны, как при гримасе.

— Никогда не зарекайся! Нет на свете ничего изменчивее желаний...

Порой мне казалось, что его привлекает во мне моя строптивость. Ведь ему вряд ли кто возражал с таким упорством. Иногда — что были какие-то другие мотивы, о которых я не знал и не мог знать.

В одном должен сознаться: меня тоже необъяснимо к нему влекло. Судьба наградила его самым редким из даров — обаянием. Даже если он был рассержен, его немногословная элегантность обезоруживала, а у молчания был особый смысл. Просмотрев почти все его фильмы, я пришел к убеждению, что ни роль, ни одежда никакого влияния на него не оказывали. Он всегда оставался самим собой, одет ли он был в модный костюм или в техасские джинсы и сапоги со шпорами. Хозяин жизни. Победитель...

Со временем он стал все чаще появляться в библиотеке. Спрашивал, что я еще накопал. Улыбаясь, приговаривал, что вовсе не хочет вмешиваться в мою работу.

— Слушай, ты такой симпатичный и неглупый парень: почему вдруг твоя зазноба тебя оставила?

Меня его бесцеремонность разозлила.

— А если я не скажу? Вы что, выгоните меня?

— С чего ты взял?! — хохотнул он. — Просто со мной ничего подобного не случилось.

В его глазах я уловил сочувствие. Он меня жалел. И это распалило меня еще больше.

— А что, разве привязанность женщин — привилегия славы? — спросил я.

Он улыбнулся и пожал плечами.

— Все непонятное вызывает любопытство. Те, кто не такие, как ты, начинают к тебе тянуться...

Он умел объяснять все простыми словами. Без намеков и выкрутасов. Я понимал, что он прав. И смущенно вздохнул.

— Сказала, что у меня нет амбиций...

— Ну, — ухмыльнулся он, — это так по-женски!

— Что — по-женски? — спросил я удивленно.

— Для женщины важнее всего — привлечь внимание. Не только к себе, кстати. К мужчине, который с ней, — тоже.

— Это что, вроде каприза?

— Куда там! — снова прыснул он хохотком. — Приказ!.. Стань моим! Ведь если ты — мой, значит, я лучше тех, кто вокруг...

Я хмыкнул:

— Фрейд считал, что любовь к себе — нарциссизм. Человек упивается собой, потому что боится сознаться себе, что его тянет к таким, как он сам. Что он — голубой...

— Ух ты! — покачал головой Старый Актер...

Нельзя было не сознавать, что звезда его уже отгорела. Но звездная пыль вокруг него все еще клубилась. Наверное поэтому слова были для него лишь тенью чувств. Если хотите, «брендом», товарным знаком, с помощью которого общаются продавец и покупатель. Но был ли это он сам или талантливо и удачно схваченный образ — я не знал...

Образ жизни Старый Актер вел довольно замкнутый. Редко куда ездил сам, и гостей к себе не приглашал тоже. Его домочадцами была лишь пожилая мексиканская пара: Руис и Флора, муж и жена. Они уже много лет жили в небольшом флигельке и занимались хозяйством. Убирали, готовили, ездили по поручениям...

Это от них я узнал, что внизу, на первом этаже, расположена не только его спальня, но и еще две всегда закрытые комнаты: «гримерная» и «костюмерная». Там он просиживал перед зеркалом долгие часы, создавая свой знаменитый образ. Для чего? Для кого? Скорей всего, для самого себя. Ведь он не расставался с ним ни на минуту. Думаю, и во сне тоже. Он не просто придумал его: заставил других в него поверить. Актеры — публика самолюбивая и тщеславная. Любят образ куда больше,

чем себя. Причем чем талантливее актер, тем убедительнее его способность выдавать оптический обман за реальность.

Однажды он пригласил меня на ужин. Мы сидели в гостиной. Я не очень люблю мексиканскую еду: она слишком остра. Но вино было и вправду великолепным. Я только мог представить себе, сколько стоит бутылка с таким содержимым.

— Скажите, сэр...

— Роберт...

— Скажите, Роберт, вы всегда хотели стать актером?

Он смотрел на меня, как смотрит отец на сына, который еще не дорос до отцовской мудрости.

— Хочешь правду?

Я пожал плечами. Он усмехнулся:

— Когда стал сниматься в порнофильмах...

Мое изумление показалось ему забавным. На лице его даже появилась улыбка. Скорей, не улыбка даже — что-то вроде озорной гримасы.

— Видишь ли, изображать кого-то значит стать иным. Другим. Чувствовать по-иному. Думать. Реагировать. Жить...

Я не знал, что ответить, и молчал. Наверное, это глупо выглядело. А он продолжал как ни в чем не бывало.

— Если артист — настоящий, он — творец. А если творец, — значит, в чем-то подобен Богу. Разве он не создает то, чего на самом деле до него не существовало?

Не знаю, было ли это ересью с точки зрения человека верующего. Но так или иначе, я спросил:

— А вы верите в Бога?

— Я! — голос его прозвучал как-то странно. На меня он не глядел. — Верю в искусство! Оно вечно. А вечность — прерогатива богов. Помнишь, сколько тысячелетий греческим трагедиям? Сколько сотен лет Шекспиру? Больше ста — Чехову?

Он отпивал вино из бокала, не сводя с меня взгляда.

— Каждое поколение открывает их заново. И всякий раз они не похожи на тех, какими представлялись раньше.

И уже каким-то боковым скачком мысли продолжил:

— Когда я это понял, я остался без гроша и пошел учиться.

У меня возникло ощущение, что все это он говорит не столько для меня, сколько для себя самого. Что ему крайне важно в чем-то себя убедить.

— А порно причем? — широко раскрыл я глаза. Прозвучало это не очень вежливо, и он не мог этого не заметить.

Старый Актер вздохнул, поставил бокал на стол и выпрямил шею. Впечатление было такое, словно он принял соответствующую моменту

позу. Еще мгновение, и он произнесет важный монолог. Может, самый важный в своей жизни.

— А ты уверен, что граница между порнографией и искусством так уж отчетлива?

Я пожал плечами.

— Секс — не что иное как грамматика любви. А разве может быть безобразной грамматика? Она кажется такой, только если ее изгадили жирные языки больной фантазии.

Но для меня его слова по-прежнему были лишь частью образа, который он для себя придумал. Хотя, может, это и вправду был самый важный и самый выстраданный монолог его жизни. Даже больше того — исповедь человека, который решил, наконец, излить душу перед исповедником! Но было ли у меня право принимать его исповедь?

Он хмыкнул и бросил на меня взгляд, полный насмешки и жалости.

— Ты бы мог представить себе искусство без секса? Литературу и кино без соитий? Живопись — без голой натуры? Скульптуру — без груди и бедер?

Я не хотел выглядеть в его глазах ханжой и не стал отвечать.

— Сексом нужно наслаждаться. Как искусством. Но можно превратить его и в дерьмопровод похоти тоже. Все зависит от того, кто, как и зачем им занимается.

Ему, видно, было важно вовлечь меня в дискуссию, которую он начал.

— Все это сознают, но притворяются, что ничего подобного на самом деле быть не может.

В сущности, ему, видимо, и не нужен был мой ответ. И он продолжал, даже не ожидая, что я отвечу.

— Искусство нельзя полностью отделить от того, что мы считаем порнографией. Запретить писателю выворачивать наизнанку самые постыдные уголки подсознания своих героев! Снять со стен музеев картины и скульптуры с фаллосами и вагинами!

На меня демагогия действует как удар тока.

— А вы бы дали маленькому ребенку смотреть порнуху?

В его глазах затвердела сталь.

— Нет! Но я бы объяснял ему постоянно, что стыдиться природы — извращение. Все зависит от обстоятельств. И от собственного чувства вкуса.

— То есть и обстоятельства, и чувство вкуса, конечно, в любом случае оцениваете вы сами? — усмехнулся я.

— Эй! — оборвал он меня. — И в сексе, и в искусстве всегда было, есть и будет что-то варварское. За пару тысячелетий его, конечно, приручи-

ли. Но это — как приручить дикое животное. Оно послушно укротителю, но однажды...

Надо отдать ему должное: он выражал свои мысли на редкость образно.

— Кстати, в Японии до сих пор существует праздник фаллоса. Слышал? Наверное, не только там. Ну и наконец, — без секса нет и не может быть любви...

Я иронически ухмыльнулся.

— Зато секса и без любви — вагон и маленькая тележка! Проститутки, извращенцы, жиголо! Это тоже искусство? Не товар на продажу?

Смутить его было невозможно.

— Ты это по собственному опыту говоришь! Или — понаслышке! Если понаслышке, спроси меня. Я ведь и это тоже попробовал! Все не так просто, как тебе кажется. Уж не шокирован ли ты?

Я приподнял бокал и стал рассматривать в нем блики света.

— Нашел! — спросил он.

— Что нашел? — восторженно спросил я.

— Ну, ты так внимательно на него смотришь, что я подумал, что ты там что-то ищешь.

От его пристального и ироничного взгляда мне стало немножко не по себе. Я даже покраснел. Он лишь хмыкнул и сделал продолжительный глоток из бокала.

— Да, кстати, если муж и жена вот уже десять лет трахаются два или несколько раз в неделю — это что: любовь или секс?

— Вы что, считаете меня ханжой или святошей? — обиделся я.

И тогда он нанес мне окончательный удар:

— Да ничего я не считаю! Ты вот ответь: а что, пользоваться дилдо более прилично, чем услугами жиголо?

Я ошарашенно вздрогнул. Несколько капель вина попало мне на брюки.

— При чем здесь приличия? — возмущенно возразил я. — Продавать себя за деньги! Улыбаться когда тошнит!

— А если женщина никогда в жизни не испытывала оргазм? — прожигали меня его глаза. — Если мужики, которые у нее были, — ханжи или эгоисты? Если она так непривлекательна или стара, что никто ее не хочет? Она что, не имеет права на секс? Ты подумал, кто, кроме жиголо, может помочь ей ощутить себя женщиной?

Я не знаю, кто победил в этом споре. Да это, наверное, и не столь важно. Каждый вправе думать и чувствовать по-своему. Но в одном я уверен: судьба, наверное, куда благосклонней к таким грубоватым, презирающим слабость и морализм конкистадорам. Они импонируют ей куда больше, чем тонкие, но закомплексованные интеллигенты. Да и что

удивляться! Ведь даже сейчас, в наши дни, борьба за выживание оттесняет комплексы цивилизации в сторону.

Наверное, только такие бойцы, как он, и получают от жизни все, о чем только можно мечтать. Славу! Поклонников! Восторг миллионов! За ними гонятся папарацци. Отталкивают напирющую толпу полицейские. Дымятся сплетнями и скандалами средства массовой информации.

— А знаешь, почему я с тобой так откровенен? — озадачил он меня однажды.

Я решил его поразить. На таких людей только цинизмом и можно произвести впечатление.

— Я пишу о вас книгу...

— Нет, — вздохнул он, сожалючи, — ты мне нравишься. В тебе есть что-то неподдельное, цельное. Я бы хотел, чтобы у меня был такой сын...

А потом он исчез...

— Хозяин в больнице. Просил, чтобы ты продолжал свое дело, — сказал мне низенький, с квадратными плечами и такой же квадратной головой, мексиканец.

Вопросов я задавать не стал. Да и не получил бы никакого ответа, если бы даже что-то спросил...

Странно, но я ощущал в себе какую-то пустоту. Встреча со Старым Актером разворошила у меня в подсознании целое осиное гнездо. Я ничего не знал о своем отце. А воображение почему-то осторожно, но настойчиво нашептывало: все это не просто так! Твоя раскрепощенная мамаша вполне могла встретиться с ним в свое время. Тем более, что когда-то работала и для кино тоже. Что если Роберт и есть твой отец? И лишь самолюбие и стержовность не позволяли ей сказать мне об этом. А сейчас, когда он смертельно болен...

Я появился на свет, когда мужчина перестал быть главой семьи. Он потерял не только статус — сам смысл своего существования. Из охотника превратился в изнеженного и капризного потребителя. В раба комфорта и удовольствий. Иногда я представлял себе, как бы сложилась судьба Роберта, столкнусь он где-то с моей мамашей. И улыбался самому себе: наверное, каждый из них выламывался и выпендривался перед другим.

У меня, по сути, не было не только отца — матери тоже. Вернее, обе родительские роли выполняла она одна. И заботилась потому обо мне

вдвойне тоже. Самодостаточная, решительная, не ведающая сомнений, она всегда и точно знала, что нужно не только ей, но и мне.

Только ведь мать — не одна забота! Это еще тепло, ласка, радость. А их-то мне всегда катастрофически не хватало. Все было на фиг перепутано: женщина вела себя по-мужски, но стать настоящим мужчиной она так и не могла. Этого не давал ей сделать закон эволюции...

Едва я вспоминал о Роберте, как меня обволакивала щемящая, но сладковатая грусть. Увы, все мои эти полумечты-полугаллюцинации разбивались об одну-единственную деталь: я ведь позвонил ему сам!..

Через неделю я услышал его глухой и усталый голос в телефонной трубке:

— Приезжай! Ты мне нужен...

И я тут же помчался. В пробках, возникающих на каждом переезде, я не мог не думать о том, что же он хочет мне сообщить. Не очень здоровое, надо сказать, ощущение...

Он ждал меня в салоне. Теперь на нем было черное кимоно с желтыми драконами. Даже помпоны на белых домашниках были черными. Волосы его поредели еще сильнее. Лицо осунулось. Взгляд блуждал, словно божь, ищущий пристанища. У меня сдавило сердце.

— Врачи говорят, что мне осталось жить недели две-три. Не больше...

Я подавленно замолчал. Снаружи шел дождь. Старый Актер открыл окна и погасил яркий свет. Осталось гореть лишь тусклое бра в углу. Потом подошел к бару в стене и принялся перебирать бутылки. Приподнимал какую-нибудь, хмыкал, ставил назад, брал в руки новую. Постеры и киноафиши следили за ним в полутьме со стен во все глаза. Наверное, не узнавали. Да и как его можно было узнать!

Снаружи слышалось влажное чавканье. Это катили по лужам автомобильные шины. Иногда звучал редкий перестук каблучков. Освещенные дома вдаль семафорили, словно морские баржи. Помигивала далеким маяком телевизионная башня на горизонте.

Наконец, он выбрал то, что искал.

— Виски! Ему больше ста лет.

Он поставил бутылку на столик. Достал с полки второй бокал. И налил мне тоже. Рука его чуть подрагивала. Виски в бокалах — тоже. Мы выпили. Он — небольшими рассеянными глотками. Я, закрыв глаза, окунал язык в острую кровь алкоголя.

Думаю, он нагрузился еще до этого...

— Когда-нибудь приходишь к выводу, что вся наша жизнь, сынок, — не что иное как написанный кем-то сценарий. Только пишет его тот, у кого очень мрачный юмор.

Он процедил это с придушенным смешком. Я оторопел. Мачо-философ, он назвал меня «сыном». Мне вдруг захотелось его обнять. Но я не решился, только спросил:

— Моя мать — Джудит Нейман. Она — довольно успешный дизайнер и когда-то работала в кино. Вы о ней ничего не слышали?

— Нет! — ответил откуда-то издалека.

— Ну да, у вас ведь женщин было видимо-невидимо, — пробормотал я, — и вы не помните...

— Если вспомню — скажу...

Он растянулся в кресле, как на лежаке. Зажмурившись, втягивал в себя виски. Полы его кимоно чуть прираскрылись. Из-под них выглянула нога. Худая, желтоватого цвета с синюшными венами.

— Врачи занимаются телом. Психологи — душой. Но разве одно от другого отделимо? Разве мы — две половинки, а не одно целое?

Слова стучались друг о друга как ледышки в бокале. Я не знал, как реагировать.

— Скажи, — неожиданно спросил он. — А ты когда-нибудь был счастлив?

Я задумался.

— Наверное, был...

Я думал о тех нескольких женщинах, кого, казалось, любил, и кто, казалось, любил меня. И вдруг неожиданно для самого себя спросил:

— А ты?

Почему я назвал его на ты?

Он поскрипел доньшком бокала по стеклу журнального столика.

— Знаешь, что ощущает человек, когда переполненный зрительный зал встает ему навстречу и бурно ему рукоплещет? Можешь себе представить, что творится в его душе?

В его отполированных усмешкой глазах засквозил огонек памяти. Он слегка качнул бокал и хорошенько глотнул виски.

— Такое можно сравнить только с оргазмом...

Я уставился на него в недоумении. В его словах ощущался металлический привкус безысходности. В каждом из нас гнездятся, как крысы, комплексы и инстинкты, страхи и сомнения. Кусают, рвутся наружу. Нужно отпереть двери и броситься к священнику или психологу.

— Почему-то когда люди говорят о своем самом сильном переживании, они всегда вспоминают о сексе.

Он тяжело вздохнул. Может, просто не слышал моих слов.

— Когда-нибудь наступает момент, когда ты осознаешь: слава — не что иное как надгробие. Она хоронит человека заживо...

Я ему не верил. Он лгал не мне — себе. Ему было скверно. Дай ему жизнь начать все сначала, он бы сделал то же самое. Чуть повернувшись, он двинул ногами, и черные драконы на его кимоно вцепились друг в друга.

— В твоём возрасте люди охотятся за жизнью, — продолжал он рассеянно. Только вот чего, собственно, хотят, — не знают. Всего, наверное...

— А в твоём? — хлебнул и я виски тоже.

— Гоняются за прошлым! Ведь у них не осталось будущего.

Он достал платок из кармана кимоно и стал вытирать потный лоб. И я вдруг физически ощутил, как ему плохо. Какой все же парадокс: гениальное фаустовское «замри, мгновенье!» — далеко не всегда апофеоз счастья! Порой хочется заорать то же самое, когда тебе одиноко и холодно и дальше терпеть ты не в состоянии.

Мне отчаянно захотелось его как-то успокоить. Пригреть...

— Слушай, — вдруг словно очнулся он. — У меня к тебе просьба. Ты можешь найти двух телок и оператора?

Я опешил. Мне даже показалось, что я ослышался.

— Конечно, я мог бы обойтись и без тебя, — буркнул он. — Просто не хочу, чтобы об этом знал весь Голливуд...

Наверное, его можно было понять. На пороге иного мира ему вдруг остро захотелось вновь испытать нечто, что приближает смертного к Богу. Счастье еще, что оргазм так скоротечен: иначе бы у людей поехала крыша. А может, он хотел доказать всему миру, что он был и умрет Мачо и Артистом! Но спрашивать, что вернее, я не посмел...

Внезапно он сухо засмеялся. Звук получился костяной, настораживающий...

Внутри мне не давало покоя неприятное ощущение. Шестое чувство подсказывало, что не обойдется без неприятных сюрпризов. Но отступать не позволяло самолюбие. Не столько даже оно, сколько возникшая между нами необъяснимая близость.

На следующий вечер я поехал к океану. Уселся в кафе, где обычно тусуются рвущиеся в Голливуд молодые «шахиды». Сколько их здесь, в Лос-Анджелесе, — начинающих актеров, режиссеров и операторов...

Когда к столику подошел паренек-официант, чтобы взять заказ, я слегка коснулся его локтя.

— Нужны две телки и оператор.

Он оторопел. Потом пришел в себя и бросил на меня ухмыляющийся взгляд:

— А я было подумал, аппетит... Хочешь подзаработать!

— Вроде того, — слегка сморщился я.

— Понятно!

Он на мгновение задумался, лизнул губу и оглянулся. Выражение лица у него вдруг приобрело заговорщицкий вид:

— Видишь в углу парня в белом свитере? Скажи ему, я тебя послал. Джимми.

— Окей! — кивнул я. — Я к нему подсяду...

— Валяй! — подмигнул мне официант.

Я протиснулся к столику, за которым сидел малый в белом свитере. Черные волосы его блестели так, словно он вылил на них литр бриллиантина. Рядом облокотилась на стул крашеная блондинка. На ней были туго обтягивающие ляжки джинсы и кофточка с таким разрезом на груди, что невольно думалось: зачем она ей? Малый в белом свитере легонько пританцовывал ногой в узконосой туфле.

— Джимми сказал, ты можешь мне помочь...

Он иронически кивнул.

— Круто!

Я поморщился.

— Мне нужна камера и две телки...

Он зыркнул по мне клейким и подозрительным взглядом.

— А ты кто? Что-то я тебя до сих пор нигде не встречал...

— Не коп, а остальное тебя не касается, — оборвал его я. — Заинтересован — сведу с заказчиком. Нет — мы с тобой незнакомы...

Он все еще изучал меня. Взвешивал и мерил на своих весах и своим метром.

— Насчет оплаты не суетись: цена твоя, — вовремя бросил я. — Конечно, если не зарвешься...

Малый почесал в ухе. Лицо его все еще выражало колебание. Но, видно, наклеивающееся дельце перевесило опасения.

— На сколько минут фильмец?

Я секунду помедлил. Потом, пожав плечами, ответил:

— Минут на двадцать. А что?

— Да нет, ничего! Просто спрашиваю. Сам участвуешь тоже?

Я отрицательно мотнул головой:

— Нет!

— А кто заказчик?

Глаза его приняли такое выражение, словно он ощупывал кошелек в чужом кармане.

Я пожал плечами:

— Может, и я у тебя попрошу удостоверение личности?

Он удовлетворенно усмехнулся.

— Ладно! Но учти, мужик: я с блядами не работаю. Приведу студентов. Им на камуфляж тоже надо подкинуть.

Я хмыкнул.

— Да, и еще! Если фильмец для извращенцев, — цена вдвое дороже.

И он пощелкал языком во рту. Это должно было означать, что уж он-то навидался в жизни. Но я не среагировал.

— Эй! Ты все усек? И учти: все только наличкой! Чеков не берем!

Формальности были кончены, и он приступил к делу.

— Когда начинать?

— Сейчас выясним, — сказал я, беря в руки мобильник.

Он прошелся языком по губам из одного уголка рта в другой.

— А что насчет авансика?

— Половину получишь перед самым началом работы, половину — когда сдашь продукцию.

Он втянул в себя воздух:

— Смотри, чтоб не было динамо. Мы придем впятером: я, оператор с осветителем и две телки.

В трубке послышался голос Старого Актера.

— Ну?! — только и спросил он. — Это ты?

Я в двух словах сказал, где я.

— Договаривайся на завтра вечером...

Я кивнул, словно он мог это видеть.

— Можешь подъехать? — через пару секунд устало спросил он.

— Конечно, — ответил я.

Выключив мобильник, я повернулся в сторону малого в белом свитере.

— Завтра в десять вечера.

— Не парься! — хрюкнул тот напоследок.

Сказать, что мне очень хотелось ехать к Роберту, значило бы солгать.

Уж слишком скользкую миссию он мне поручил. Наверное, стоило слегка поостыть и отключиться. А кроме того, это не был мой рабочий день. Но я заставил себя сесть в свой старенький «Хендай» и нажать на газ. Чтобы как-то отвлечься, я включил радио. Пел Леонард Коэн. И так же, как воспоминание о Роберте, его негромкий и печальный голос выдавил у меня из глаз несколько слезинок. Но выключать радио и прекращать наваждение я не стал.

Подъехав к вилле, я нажал на пульт дистанционного управления, и ворота открылись. Но заезжать в гараж, где, как лошади в стойле, неслыш-

но подремывали его «Джип», «Порше» и «Шевроле», я не стал. Поставил «Хендай» во дворе и, подпрыгивая через две ступени по полукруглой лестнице, поднялся наверх. Старый Актер стоял в дверях. Кимоно на нем было, как и в прошлый раз. Черное, с ядовито-желтыми драконами. И те же белые домашники с черными помпонами на ногах. Вид у него был усталый и сумрачный.

— Проходи!

В его спальне я был в первый раз. Татами на полу. Стенные шкафы с дверцами из плотной японской бумаги. Два плоских, как подушки, сидения. Низкий столик со спиралевидной вазой. В ней — один-единственный цветок. И большая, почти в рост, фотография. Самурай с клиновидной шапочкой на голове в полном боевом облачении. В руках самурая, как знак царского достоинства, — меч. Я узнал афишу фильма с его участием тридцатилетней давности. Видно, когти памяти его ни за что не хотели отпустить.

Звездная пыль осыпалась с него, как старческая перхоть. Под ней тоскливо прятался одинокий старик. Более чем жалкая роль для бывшего кумира. Мне стало его остро жаль. Он ведь отдал Славе все, что только у него было! А с чем остался! Ни жены, ни детей! Один-одинешенек!

Поймав мой взгляд, Старый Актер опустился на одно из низких сидений. Протянув руку, он показал мне на другое.

— Не удивляйся! Я ведь прожил в Японии полгода...

Он улыбнулся. Улыбка, как всегда, вышла жестковатой. Но ее смягчило выражение глаз. Они смотрели сквозь меня. Куда-то в туманную даль. В иное время. А может, — в иное измерение.

— Смешно, наверное: на съемках там я часто представлял себе, что родился в Японии лет двести назад.

Обычный актер, возвратившись домой, снимает себя роль как грим. Звезда — нет! Иначе она быстро отгорит. Кумир может скандалить, драть горло, глотать наркоту, драться, хулиганить. Но ему нельзя выходить из образа. Ведь выдуман не он, а человек, который за ним скрывается.

— Достань там, внизу, sake. У него вся крепость — пятнадцать градусов. Нагревать не станем. Обойдемся...

Мы стали потягивать sake. Оно не схватывало горло и не сжимало дыхание. Только чуть покусывало язык и небо.

— Японцы — эстеты во всем. Даже если делают харакири. Не дай бог, чтобы внутренности вывалились наружу. Это осквернило бы ритуал самоубийства...

Меня передернуло. Но, чтобы не показаться слюнчавым интеллигентом, я вынудил себя улыбнуться:

— А знаешь, — сказал он, задумчиво глядя на меня, — мне жаль, что я не был знаком с твоей матерью. Я был бы счастлив, если бы ты оказался моим сыном.

У меня сдавило горло. Мы замолчали. Воцарилась тишина. Она была душевной, тяжелой и цепкой. Куда делся не знающий слабости мачо? И как все это скажется на завтрашнем дне! Но предлагать ему отменить съемку я не решился. Нельзя бить лежачего...

Он вдруг достал из кармана кимоно три конверта и положил его на стол.

— Это для тебя, гонорар для гостей и записка врачу с номером телефона. А вдруг понадобится...

Я тогда еще не знал, что понадобится. Еще как понадобится...

На завтра в девять пятнадцать вечера я был уже у него.

— Я одеваюсь, — прозвучало в домофоне. — Делай все как знаешь. Тебе ведь объяснять не надо...

Я зашел в библиотеку. Зачем-то включил и выключил компьютер. Посмотрел на пачку присланных по почте газет и журналов. Честно? Я просто убивал время. Потом прошел в салон. Сунул в ящик тумбочки конверты, которые он мне дал загодя. Постеры и афиши холодно провожали меня взглядами. В виртуальном мире не очень любят людей во плоти. Они слишком нетерпеливы и непредсказуемы.

Внезапно задрезжал домофон.

— Мы здесь! — услышал я голос маклера.

А минут через пять возник в двери и он сам. Набриолиненные волосы его жирно поблескивали. На нем была рубашка из яркого китайского шелка и дорогие кеды. Позади — две девицы. Одну — крашенную блондинку с обтягивающими ляжки брюками я уже видел. Другая — с колечками на выпяченных губах и в носу — была мне незнакома. Вслед за ними ввалились двое парней. Бритоголовый крепыш — осветитель и смазливый, креольской внешности оператор.

— Ни хера себе! — присвистнул малый с набриолиненными волосами, уставившись на портреты на стенах. — Узнаете, девочки?

Но те не очень-то всполошились. Скользнули скучающими взглядами по стенам и стали рассаживаться. По-видимому, к кино они не имели никакого отношения. Скорей всего, просто шлюшки. Креол-оператор скользил взглядом по фотографиям. Осветитель, не очень обращая на них внимание, оглядывал помещение.

Девицы хихикали. Осветитель обхаживал салон, ища, где лучше поставить свои приборы. Оператор расчехлил камеру и установил треногу.

— Давай-давай, к делу! — прикрикнул маклер на девиц, и те валко отправились к софе. Одна из них, усевшись, закурила. Из-под припод-

нявшейся юбки, как реклама порнушки, сочно замерцала загорелая ляжка.

— Виски? Текилу? Водку? — спросил я и показал на бар, над которым была полка с бокалами.

Публика не была стеснительной. Через пять минут каждый из присутствующих уже посасывал свой «дринк».

А потом появился он — Старый Актер...

Прищуренно-холодный взгляд его экранировал уверенность в себе и спокойствие. Подбородок чуть-чуть приподнят вверх. Белая спортивная рубаша распахнута на груди. Брюки спортивные, такого же белого цвета. Окинув присутствующих пристальным взглядом, Старый Актер сделал несколько шагов к софе. Он шел, словно принимая парад почетного караула. Медленно. Торжественно. Сознывая свой статус и величие. И я видел, как обычную глумливость на лицах этой шпаны сменило удивление.

— Начнем?

Он чуть кивнул и присел на широкую софу у стены. Никто не ответил. В воздухе провисла неловкость. Не знаю, чем она объяснялась: былой ли славой или личностью самого заказчика?

Демонстрируя свою удаль, крашенная блондинка чуть поджала губы и стала игриво расстегивать кофточку. Потом, все еще ослабившись, опустила бретельки на лифчике. Роберт не обращал на нее внимания. Другая телка с колечками на губах и на носу расстегнула плетеный пояс на его брюках.

— Свет! — коротко приказал оператор.

Наманикюренные, с неестественно длинными ногтями, пальцы крашенной блондинки медленно сдернули вниз юбку и трусы. Н ее ягодицах и бедрах заиграли, подмигивая, татуировки. Рыбы и змеи, русалки и кресты. Потом те же руки взялись за его фаллос. Телка наклонилась и, насмешливо мигнув, лизнула его языком...

Я отвел взгляд. Воспитание не выдержало перегрузок. Треснул и раскололся фундамент терпимости. Не потому что я видел нечто подобное впервые: потому что там, на софе, был Роберт! Окажись на его месте кто-нибудь другой, я бы никогда так не среагировал! Но с ним я почему-то чувствовал то же, что, наверное, испытал бы, увидев в такой ситуации собственного отца или мать.

Подсознание тревожно вибрировало. Вдолбленные супер-эго приличия схлестнулись с инстинктами. Фантазии — со стыдом. А любопытство — со страхом. Казалось, еще секунда и окажется позади какая-то виртуальная граница. А за ней — сумбур и хаос. Смятение и раскаяние...

Не знаю, сколько времени это длилось. Я все-таки открыл глаза. Что-то в комнате изменилось. Я видел это по лицам оператора и осветителя. Даже по опешившему взгляду маклера-сутенера.

Этого не могло быть! Это было просто невысказано! Движения на софе обрели новый и неожиданный смысл и рисунок. Старый Актер вывернул наизнанку пошлую и грязную порнуху. Создал пусть извращенную, но захватывающую комбинацию балета, акробатики и древнего религиозного ритуала. Он был на сцене один, и все же их было трое: режиссер, актер и драматург. А те, кто присутствовал, — лишь потрясенные зрители спектакля, где секс сублимировался в искусство.

Старый Актер, словно злой гений, смешал и перепутал все цвета и оттенки. Размыл границу между творчеством и инстинктами. Скрестил мораль с аморальностью. Но я почему-то, глядя на него, не мог отделаться от мысли, что творцом этого уродливого мутанта был не сам Роберт, а сотворенный им образ.

— А-а-а-а-а-а!!!

Лопнула натянутая струна. Как выброшенное с крыши тело сорвался с губ голой телки вопль...

Вначале, нелепо раскинув руки, заорала она. За ней — еще истошнее — другая. Обе, словно обезумев, истерически металась по комнате. Роняли вещи. Путали провода. Отшвыривали электрооборудование. Понять что-нибудь было невозможно.

Вслед, подпрыгивая и матюгаясь, мчался набриолиненный маклер-сутенер.

— Вы что, обдолбились, сучки?

— Жмурик! — горланила толстогубая. — Откинулся!..

Крашенная блондинка, согнувшись, надрывалась в углу: ее рвало. Толстогубая — с колечками в носу и на губах, — хватала белье и платья. Осветитель, сморщившись, зажал уши. Оператор, подскочив к лежащему без движений телу Старого Актера, пытался нащупать пульс.

Первым оценил всю серьезность ситуации маклер-сутенер. Труп в чужом доме! Проститутки! Съемки порнофильма! Целый букет для копов...

— Откат, мужики! Собирай вещички! Ну!..

Его глаза шныряли по углам. Рот был искажен в гримасе ярости и страха.

— Эй! Где деньги?

Я протянул ему конверт. Руки у него торопливо сновали, открывая его. Стоя на одной ноге и покрикивая, он считал купюры.

— Живее, живее! Что, невруб, что ли? Облом вышел!.. Я тебе, паскуда, сейчас!..

На вопли прибежал Руис, служитель, который жил на вилле. Кинулся к софе. Встал на колени и начал делать искусственное дыхание. Я позвонил врачу.

— Доктор! Кажется, Роберт скончался...

— Вызывайте полицию! — торопливо отдал тот приказание. — Я сейчас буду!

Осветитель торопливо сматывал последние метры проводки. Оператор застегивал кофр. Телки, похватав сумки, уже были в двери.

— Знал бы — в жизнь не поехал бы! — зло прошипел сутенер.

Их смыло, словно и не было...

Глядя в темное окно, я думал, что смерть человека может быть и исцелением тоже. От болей. От страданий. От усталости и одиночества. И, конечно же, от таких выродков, как Слава и Беспощадное Время.

Старый Актер перехитрил всех. Хоть и на считанные секунды, но вырвал у судьбы на прощанье обманчивое возвращение в молодость...

Долго и назойливо дребезжал домофон. Руис дернулся с места и, подскочив к трубке, нажал клавишу. Я увидел в окне, как открываются ворота и внутрь въезжает широкобедрый черный «Лексус». А еще через пять минут в двери появился доктор.

Засучив рукава, он подошел к телу. Склонил над ним свою поросшую седоватым пушком голову. Пощупал, глядя на часы, пульс. Поднял и закрыл веки голубовато-серых глаз. Затем, покачав головой, открыл ящик тумбочки и нахмурился. В его руках был пакетик от лекарства.

— Он ведь все-таки обманул меня!

Я непонимающе вздернул брови.

— Вы о чем, доктор?

— Это виагра. Он принял двойную дозу. А вот таблеток от сердца здесь нет. При больном сердце такое — самый быстрый и надежный способ уйти в другой мир...

В домофоне снова прерывисто и настойчиво звучал новый сигнал: полиция! Руис нажал клавишу. Лицо его взмокло от слез. Чем они были

вызваны? Его привязанностью к Старому Актеру или страхом перед новым витком жизни?

В дверях толпились копы.

— Вам ничего не придется расследовать, лейтенант, — сказал, разведя руками, врач.

Для меня все полицейские на одно лицо. Я как-то не воспринимаю их как отдельных индивидуумов. Пожилой, с тяжелыми морщинами на лице, лейтенант смотрел на него с недоумением.

— Это — суицид. Он покончил с собой. Можете везти тело к патологоанатому...

Я сглотнул многотонную массу слюны. Она была горькой и скользкой. Голова кружилась и гудела.

— У него был рак печени. В последней стадии, лейтенант. И это при больном сердце...

Врач слегка развел руками и стал собирать свои вещи.

— Есть люди, которые предпочитают мучениям смерть. Роберт не хотел мучиться. Двойная порция виагры, и он в раю. Или аду...

По его лицу скользнула горькая усмешка.

— Как вы думаете, лейтенант, где он сейчас?

— Слишком уж оригинальный способ кончать с жизнью, — неуверенно процедил тот в ответ.

ДРУГОЙ

Отец любил его больше других своих сыновей: он был самым младшим в семье. Характером — легкий, общительный, с незлым юморком. Волосы огненно-рыжие, невиданные в этих краях. И взгляд — с потаенной грустью в глазах, так не вязавшийся со смазливо-лукавым личиком...

Братя с удовольствием ржали над его шутками, но особой симпатии к нему не питали. Они ведь были с ним от разных матерей. Отцовскую привязанность к нему считали стариковским капризом и блажью. А ревность, как известно, — самое разрушительное оружие из всех возможных.

Чем старше он становился, тем неприязненней к нему относились братья. Слишком уж он был проворен. И как-то не по годам умен. Рядом с ним они казались тяжелыми и недалекими тугодумами.

И еще: он с раннего детства не боялся пустыни. А когда подросток, стал в одиночку бродить по окрестностям. Тогда к нему и прилипло это его полунасмешливое с оттенком неодобрения прозвище — Странник. Сначала его путешествия были не очень далекими, потом — все дальше и дальше. В шестнадцать отец подарил ему верблюда, и отлучки стали не только куда продолжительней, но и опасней. Он что-то куда-то увозил, привозил, обменивал. Ловкий, мускулистый, выносливый. В пустыне чувствовал себя как дома. Даже питал к ней что-то вроде нежности. И та — огромная, угрюмая и безжалостная — платила ему той же монетой. Теперь в этом прозвище все чаще проскальзывала враждебность.

Братьев можно было понять: нелегко смириться с тем, что смекалка и дерзость ценнее труда и прилежания. Каково им было, если благодаря ему семейное стадо только за пару лет пополнилось вдвое?! А тут еще из последней поездки он привез с собой девку. Слегка, правда, перезрелую — ей уже стукнуло четырнадцать. Зато — ослепительно красивую. Бесстыдную. Хуже того, — дерзкую. Ее чересчур свободные повадки

игромкий заразительный смех выглядели как вызов привычному укладу жизни. Женщине надлежит знать свое место: всегда быть в тени мужчины. Кстати, Странник ведь не просто привез ее из какого-то далекого далека: выкрал!..

Даже смотреть на нее было для братьев испытанием. Высокая, статная, с черными до синевы волосами и смуглым лицом, она смущала и обескураживала их своим присутствием. Чтобы выкрасть такую, надо ведь было сначала обворовать. Без ее согласия он бы в жизни сделать это не смог! Вот ведь везунчик! Но такое везение, соглашались они между собой, — штука опасная. Как бы эта чужачка не стала дурным примером для их собственных жен и сестер.

Они обложили его со всех сторон:

— Эй ты, Странник гребаный! — теперь его никто иначе и не называл. — А ну-ка, забирай свою кралю и уматывай куда подальше! Ты что, хочешь, чтобы всех нас тут перерезали ночью ее соплеменники? Украл ее, а мы — отвечаем? Пожалей хотя бы отца...

Он долго не думал. Ушел, взяв с собой лишь пару верблюдов. Куда? Никто не знал. Да, собственно, и знать не хотел...

Так начались его бесконечные странствия по пустыне. Все время в движении. Беспредельные кочевки. От стоянки к стоянке. От оазиса к оазису. Но куда бы он ни попадал, где бы ни находился, она всегда была рядом с ним.

День начинался с ее улыбки и громкого неудержимого смеха. Ночь — с ее гладкой кожи и пьянящего запаха...

Дела шли на лад. Он богател. Появились рабы. К удачливому каравану все чаще присоединялись те, кто где-то не прижился. Удача омрачалась лишь тем, что Она не могла родить ему наследника.

— Возьми наложницу! — уговаривала она его беспрестанно. — Пусть родит. Тебе нужен наследник. Принадлежать ты будешь все равно мне и только мне...

Эта девка была чертовски умна. И даже когда через год у него родился сын, в их отношениях ничего не изменилось. Он стал любить ее даже еще больше, потому что видел разницу между ней и другими женщинами...

Все смела и разрушила беда. Внезапная. Жестокая. Неотвратимая. В его шатрах началась эпидемия. Где и кто подхватил заразу во время странствий, он не знал. Люди валились в жару и бреду. А однажды — и она тоже. И даже тогда не прекращала его понукать:

— Пусть наложница с ребенком уедут подальше. Увези их, слышишь? Не теряй времени. Ты что, хочешь, чтобы все нажитое тобой досталось рабам и слугам?

И он уступил. А через пять дней безоглядной спешки и отчаянья, по дороге назад, измученный и не выспавшийся, он остановился на последнюю ночевку. Привычно расстелив на земле накидку, укрылся другой и отдал себя на милость пустыне. И та его убаюкала...

Только сон был тревожен и зыбок. Он просыпался, с трудом задремывал снова. Открывал и вновь закрывал глаза. Его преследовали кошмары. И в каждом из них — она...

...Конечно, она не могла не бесить его братьев. Однажды она нагрудила жене самого старшего. И тот, схватив ее за длинные смоляные волосы, закрутил их вокруг могучего кулака. И даже не понял вначале, что произошло, взыв от боли, согнулся и присел на колени. Здоровый, кряжистый, как дерево в оазисе, великан, он почти ослеп от внезапного и резкого удара в пах. На вой сбегались все домашние. И прежде всего, Странник — ее единственный защитник и господин. Впрочем, кто из них «господин» — он или она? — твердили братья.

— Если он ее не выгонит отсюда...! — орал пострадавший.

Но старик отец велел ему успокоиться...

Внезапно он насторожился и стал вглядываться вдаль. Ему что-то почудилось. Но сколько ни старался, ничего не увидел и не услышал. И опять впал в полузабытье. Ему слышались голоса братьев:

— Разве ты не видишь? — не оставляли братья отца. — Твой младший сын — раб своей похоти! Посмотри, что она с ним сделала...

Но отец, по-видимому, просто свихнулся...

Память метала его по клетке воспоминаний. Он пытался вырваться, бился о решетки. Наверное, она его вправду заколдовала. А что, если она все-таки умрет? Как он будет тогда жить, без нее? Ведь даже когда он спал со своей наложницей, то, закрывая глаза, представлял, что рядом лежит она. Если ее не будет рядом, он просто сойдет с ума.

Перед ним вдруг, как живой, возник отец.

— Скажи! — сурово обратился к нему старик... — Твои братья говорят, что та... ну, с которой ты спишь... что она — злой дух.

— Они завидуют, — зло выдавил он.

— Это правда, что, когда ты хочешь ее, она ложится на тебя или, еще хуже, — садится?

Он покраснел. Не от стыда — от ярости. Но отрицать не стал.

— Выходит, не ты ей господин, а она тебе?

Внезапно он встрепенулся. По коже пробежал влажный холодок пота. Темноту вспорол какой-то луч...

Было тихо. Так тихо, что Странник слышал собственное дыхание. Слоились туманом звезды. Чуть шевелился от ночного ветерка низкий кустарник. Луч не мерк и не исчезал. Лишь упрямо шарил по местности.

Он приподнялся, стал на колени и обомлел. Неподалеку в воздухе парило странное существо. Очертаниями оно напоминало человека, но было крупнее. Круглая, как шар, голова. Выпуклые, огромные, но словно пустые глаза. Носа почти не видно. Зато руки и ноги — как у слона. Уродливо раздутые, громоздкие.

Бросившись ниц на землю, Странник в ужасе застонал и прикрыл руками затылок. Призрак медленно приближался. В глазах поплыли цветные круги. Руки вжались в грунт. В рот набился песок.

— Пощади!.. Не убивай! — захрипел Странник.

Горло сдавил страх. Тело окаменело. Он не смел шевельнуться. Только молился: горячо, истово...

— Повелитель вселенной! Властитель судеб! Творец жизни и смерти!.. Прости раба своего верного, Великий Мардук! Скажи и другим богам, чтобы тоже простили, если чем-то прогневил тебя!

И вдруг сквозь жаркие и торопливые слова молитвы до него донесся голос.

Голос? Нет-нет, просто мысленный, совершенно беззвучный вопрос:

— А кто он, этот твой Мардук, бог, что ли? — так же беззвучно зазвучало у Странника в голове.

Он вздрогнул. Разве он произнес имя бога вслух? Сделать такое при незнакомце — величайший грех.

— Ну ты даешь! — удивился Призрак. — Неужто принял меня за бога?

Вокруг царил тишина. Мертвая. Холодная. Скывывающая. В висках околтело стучал пульс. А снаружи что-то неслышно шептал ветерок и юрко скользили маленькие ящерицы.

— Да встань же, эй! Не бойся! Я не причиню тебе зла.

В звенящей тишине голос Призрака не звучал, а лишь возникал в голове. Странник чуть-чуть осмелел и поднял глаза. Теперь он мог рассмотреть Призрака лучше. За выпуклыми, но прозрачными глазами на шарообразной голове виднелись еще одни — внутри, но куда темней. А тело блестело, как вода в ручье в лунную ночь. В нем можно даже было разглядеть собственное отражение. И еще этот запах: холодный, чуть кислотный...

Внезапно Страннику почудилось, что Призрак улыбается. Ноги все еще не слушались, руки сковывал страх. Но в темную пещеру страха уже пробился первый лучик надежды.

— А ты кто? — спросил он, с трудом сглотнув слюну.

Отливающая лунным светом морда Призрака смотрела на него двумя парами глаз. Страннику почему-то показалось, что в их взгляде сквозит грустная улыбка.

— Я?.. Ну, если хочешь, — как и ты, Странник, я — путешественник!..

— Путешественник? — ошарашенно спросил Странник. — А откуда ты знаешь мое прозвище?

— Ты сам себя так в голове называешь, а я читаю твои мысли.

Странник, все еще не придя в себя от изумления, уточнил:

— Так ты не бог?

— Нет, — издала шарообразная голова странный, хлопающий звук.

Страннику вдруг показалось, что незнакомец смеется. Это его даже несколько успокоило. За один только этот дерзкий вопрос бог бы тут же швырнул его в царство теней. Хороший знак, решил он, и осмелел настолько, что решился на новый:

— А где же ты путешествуешь?

— Опа! Да ты, видно, любопытен, парень! Вообще-то, далеко отсюда. Заблудился в вашей чертовой галактике. Заглючил двигатель, и я вынужден был сесть на самую близкую планету с атмосферой.

Галактика... Атмосфера... Двигатель... В голове у Странника замелькали смутные образы. Они были настолько непривычны и фантастичны, что он не мог понять, что это — сон или видение? Ему мерещилась мелкая россыпь звезд и крохотный челнок, блуждающий между ними...

— Ну что, теперь понял? Как тебе голограмма?

Глядя на вытаращенные глаза Странника, шарообразная голова Призрака мелко задрожала. Так бывает, когда люди хохочут.

Сердце у Странника стучало громко и сбивчиво. Истомленная дневным зноем пустыня замерла. Она тоже видела такое впервые. Издалека тоскливо заголосил шакал. Проснулась на иссохшем подобии куста ящерица. Звезды в небе любопытно рассыпались, как веснушки на его лице, когда он был мальчишкой.

— Сейчас все сам увидишь. Пошли...

Ослушаться Странник не посмел: Призрак мог рассердиться. Ведь если он, как птица, способен летать между звездами, значит, он всемогущ. Поэтому шел он позади Призрака осторожно и чутко. Движения Призрака — медленные, неуклюжие. Если Странник отставал, Призрак, поджидая его, повисал в воздухе.

В водянистом свете луны появились, поблескивая, очертания огромного шара. На поверхности его, словно это гигантский еж, торчали иглы.

Странник с удивлением, смешанным со страхом, разглядывал шар. Он даже позволил себе осторожно прикоснуться к его поверхности.

— Что это?

— Корабль!.. Ну, вроде твоего верблюда. Только путешествует побыстрей.

— А это что у него? Уши?

— Ты прав. Вроде... Антенны...

— А у тебя самого они тоже есть?

— Ты их не видишь. Я ведь в скафандре и шлеме.

И тут же добавил, вернее, объяснил.

— Ну, он на мне как шкура, в которую ты заворачиваешься в холодные ночи! А шлем — как шапка...

Призрак неуклюже развел огромными вроде рук конечностями. А может, это и были его руки?

— На планете, откуда я родом, — слышалось Страннику, — атмосфера, ну, воздух — другой. Будь я здесь без скафандра и шлема, я бы тут же задохнулся.

Странник осмелел: нет, конечно, Призрак — не бог и на него не похож. Но ведь и на человека — тоже. Тогда кто же он?..

— А она далеко — эта твоя планета? — расхрабрился Странник.

Призрак слегка кивнул и, подняв одну из состыкованных конечностей, показал на небо. Туда, где слабо мерцали гроздь далеких созвездий.

— И там что, ты можешь жить без скафандра? — недоверчиво спросил Странник.

— Как и все, кто там живет.

— А как ты... Как ты выглядишь без него?

Призрак прикоснулся к рукаву, и в ночном небе возникло странное подобие человека. Оно было таким объемным и живым, что Странник отшатнулся. Голый череп, крохотный носик и такие же ушки. Лишь глаза неправдоподобно большие, ярко-фиолетовые.

— Не пугайся! Это же только голограмма. Протяни руку, тронь — убедись сам...

Только теперь ошарашенный Странник понял, что такое «голограмма». Живой рисунок в воздухе. И он озадаченно закусил губу.

— Постой, но если ты не бог, то кто ты? Может быть, дух? Дух, который путешествует.

Призрак покачал неуклюжей головой:

— Я такой же, как ты и тебе подобные. У вас на планете такой зовется человеком.

— Но ведь ты на нас не похож... — засомневался Странник. — И можешь то, что могут только боги.

— Когда-нибудь и вы у себя сможете.

— Когда?

— Через много тысяч лет.

Странник вздрогнул от мелькнувшей у него в голове идеи. Недаром братья считали его хитрецом. А что, если попросить Призрака помочь жене? Только как это сделать?

И он схитрил.

— Я, наверное, принес Мардуку слишком маленькую жертву: только трех верблюдов, — покачал он головой. — И Мардук на меня рассердился. Наслал на нас болезнь.

Призрак снова издал какой-то глухой звук. Вроде бы хрюкнул.

— Может, он еще и каннибал, то есть людоед, этот твой Мардук? Не прочь и человечинной полакомиться?

Странник испуганно вздрогнул. Но ему померещилось, что Призрак смеется, и он успокоился.

— Уж не думаешь ли ты, что это он надоумил братьев подsunуть твоей жене в постель змею? — вдруг прозвучал в голове Странника вопрос незнакомца.

И тот сразу же вспомнил давнюю ночь. В ушах снова раздался шальной от ужаса визг. Визжала лежащая рядом со Странником на шкуре жена. На расстоянии локтя от нее шевелилась змея. Он рванул тогда жену с такой силой, что она отлетела назад, как куль с финиками. Силы и ловкости у него было не отнять. Схватив лежащий рядом посох, он с размаху обрушил его на голову змеи, и та завертелась волчком от боли.

Понял ли Призрак, о чем он, Странник, думает? Если он и вправду человек, пусть даже с другой планеты, там, наверное, люди тоже любят и ненавидят. А потому осторожно, но дальновидно спросил:

— Скажи, а вот ты сам кого-нибудь когда-нибудь любил?

Страннику показалось, что Призрак тяжело вздохнул, хотя никакого вдоха и не услышал. Ночное молчание повисло в воздухе так же ощутимо, как дневной зной. Гнетущее, тяжелое, изматывающее.

— Иначе меня бы не было на твоей убогой планете.

Тогда Странник, приободрившись, горячо, словно в бреду, затараторил:

— Это недалеко... Только один день пути... Поможешь?..

Призрак пошевелил одной из своих неуклюжих конечностей у блестящей поверхности скафандра.

— Подумай сам! Если меня так испугался ты сам, что бы случилось, если бы у вас в кочевье появился я?

Все происходящее казалось Страннику сном.

— Не дай ей умереть! — вновь повалился он на землю. — Я буду тебе обязан всю свою жизнь! Стану твоим рабом...

Призрак двинул своей раздутой рукой.

— Да не во мне дело, парень! — грустно, хоть и неслышно, произнес он. — Просто я и все те, кто живет на моей планете, опередили вас на тысячи лет.

— Возьми все! Все, что у меня есть. Верблюдов! Рабов! Украшения. Меня самого...

Призрак чуть задвигал из стороны в сторону гигантским шаром головы. Наверное, сомневался.

— Дикарь! Мне ведь тогда придется привить всем вам свои гены.

В глазах Путника вдруг возникла внезапно какая-то путанная, похожая на куст, спираль. Что бы это значило?

— Пойми, если я помогу вам, не только вы — все ваши с ней потомки будут чужими, где бы они не жили.

— С ней?! Наши с ней потомки? — хрипло вскрикнул Странник. — Ты о чем говоришь? У нее нет и не может быть детей. Она бесплодна...

— В твоём мире — да! В моем — нет! — отозвался Призрак.

Странник, оскалившись, зажал рот ладонью и зажмурился с такой силой, что в глазах запрыгали темные круги. Почему-то инстинктивно верил каждому слову Призрака. А вдруг он и впрямь способен творить чудеса, которые по силам только богам?

— Ты... Ты это можешь? — прохрипел Странник, чувствуя, как все внутри сжалось и вот-вот выпрыгнет наружу.

— Могут! Но мы оба с тобой окажемся в Ловушке Времени, — откликнулся Призрак.

В его словах звучала такая тоскливая и безграничная печаль, что Страннику стало не по себе.

— Ты и я... Племенные обычаи и генетика... Верблюды и скорость света... Есть только один выход — совместить миры. Но это может закончиться трагедией. Большой трагедией...

Ничего не понимая, Странник чувствовал, что его несет словно каким-то мощным и таинственным потоком, и сопротивляться ему бесполезно. Что это и чем закончится, он и представить себе не мог. Оставалось только одно: поддаться потоку и не стараться выплыть. Пытаясь хоть как-то понять, что с ним происходит, он лишь на всякий случай старался угодить Призраку.

— Ты говоришь, что ты человек, но ты могущественен. Как бог..
— Для тебя — может быть! — услышал в ответ. — Но для себя самого я, как и ты, бессилен. Так что бог — это то, на что мы, люди, пока еще неспособны.

Странник грохнулся на колени:

— Помоги! Спаси! Сделай что-то!

Голос его звучал отчаянно и безнадежно. От такого, наверное, мог бы разлететься на куски камень.

Призрак смотрел ему прямо в глаза. Внутрь. Не отрывая взгляда. В Страннике вновь все напряглось от шальной надежды. Из пищевода наваливалась рвота. В ушах стенала мольба. В голове, тяжело проворачиваясь, хрипела от страха мысль, что он недостаточно разжалобил Призрака.

— Ты не понял, что я тебе сказал! Все твои потомки будут другими!

Странник встрепенулся. Призрак молча ждал. И наконец, Странник задал вопрос:

— Другими — внешне?

— Нет! Такими же, как и те, что вокруг, и в то же время на них непохожими. Немножко по-другому будут думать и поступать. Другими, понимаешь?! Чужими! Как ты в своем племени, понял? Ты обречешь их на одиночество...

Но Странник слышал и не слышал его.

— Спаси ее! — протяжной и нескончаемой нотой, как вой ночного шакала, звучал его голос.

В глубоких пещерах глаз Призрака сверкнул странный отблеск.

— Да пойми же! Если рядом с тобой кто-то, кто хоть чуть-чуть не такой, как ты, ты невольно насторожишься. Все люди так. Они пугаются, хотя ни за что не хотят в этом самом себе признаться. А следствие страха — жестокость.

Странник, наконец, его услышал.

— Ты что, хочешь сказать, что эти твои... «гены» — проклятие?

Призрак переминался с ноги на ногу.

— В какой-то степени — да! А в какой-то — дар! Потому что когда ты видишь или чувствуешь по-другому, ты можешь заметить и понять что-то еще неизвестное... Открыть заново мир...

— Ну если так, — с облегчением выпалил Странник, — значит, есть, во имя чего страдать!

— Поздравляю, хитрец! — казалось, хмыкнул Призрак. — Вот ты и нашел себе оправдание!

Почувствовав неожиданную уверенность, Странник даже перешел на пафос.

— Ведь благодаря своим генам ты спасешь человеческую жизнь..
Огромная голова Странника неодобрительно задвигалась из стороны в сторону.

— Живи ты в другое время, ты бы стал политиком!

На сей раз Призрак так и не стал объяснять Страннику смысл своих слов. Где-то снова заскулил шакал. Наверное, и его подруга была тяжело больна.

— Все, мне пора! — грустно, но неслышно сказал Призрак. — Камеры уже заполнены воздухом. Еще четверть часа по-вашему, и мой космолет взлетит. Прощай...

Он нажал кнопку на рукаве скафандра, и в его неуклюжих ладонях появилась прозрачная коробка. Протянул ее Страннику. Внутри поблескивали пузырьки с прикрепленными к нему зачехленными иглами.

— Смотри, что я делаю, — сказал он Страннику. — Видишь? Первым ты уколешь себя, затем — ее. Это — шприцы с моими генами. Ну и всех остальных, кто в шатре. Порций хватит человек на пятнадцать. Да, и возьми еще эти салфетки! Они для дезинфекции. Всякий раз, когда делаешь укол, надо тщательно протирать ими руки.

Странник нерешительно взял в руки коробку.

— Ну что ж, прощай, Странник! Время действительно относительно. Мы побыли с тобой вместе лишь несколько ваших часов, а обоим кажется, что полжизни.

Но Странник думал о другом.

— Скажи, — задумчиво произнес он, — а есть Бог на свете?

Круглая голова Призрака затряслась, словно его душил смех.

— Не знаю! И никто никогда этого не узнает! Потому что если Бог кому-то откроется, он перестанет быть Богом.

Странник смотрел с разочарованием. Он ведь так и не получил ответа на мучающий вопрос.

— Бог — абстракция, — постарался объяснить инопланетянин. — И как всякая абстракция, непознаваема. Вот скажи: может муравей, попадись ты ему навстречу, понять, кто ты — Человек? И что вообще делаешь?

— Ну, не я, конечно, но, может быть, через много тысяч лет кто-нибудь из моих потомков что-нибудь да узнает...

— Ого! Да ты куда умнее своего времени, дружище! Но, к сожалению, — в этом не только твое счастье, но и трагедия тоже. Тебя не поймут...

— Постой! — спохватился Странник. — А как я все объясню своим людям? Про тебя, про твой корабль, планету, голограммы, гены?..

Призрак смешно махнул огромной рукой:

— Э! Что-нибудь сочинишь! Скажем, не твой дикарский Мардук, а другой, настоящий Бог, открыл тебе великую тайну. И ты, мол, поверил в него первым на своей планете. А он за это выбрал тебя и твое племя среди всех других племен и людей.

— Но тогда все мне будут завидовать!

— А ты что, хочешь все получить задаром?

Свет заливал чашу горизонта медленно, но неотвратимо. Проникал сквозь закрытые веки и возвращал из сна в реальность.

Чуть колебался от утреннего ветерка колючий куст. Чирикнула одинокая птица. По локтю ползли муравьи. Двинув уголком носа, Странник моргнул. Потом широко открыл глаза и стал напряженно вглядываться вдаль.

Он так и знал: все это ему лишь приснилось! Не было ни блестящего корабля-шара, ни пришельца с другой звезды. Все растаяло, как утренний иней в пустыне. Хорошо это или плохо, но в отличие от богов, человек общается с другими мирами только во сне.

Странник потянулся, зябко двинул плечами и облизал губы. Надо было собираться в путь. Еще день, и он возвратится...

Он сложил накидку из густой шерсти в кожаный мешок, взялся за посох. И вдруг рядом с ним упал странный, поблескивающий предмет. Коробочка, а в ней — что-то вроде маленьких свитков с серебристого цвета тонюсенькими иглами. Кажется, Призрак назвал их шприцами...

Содержание

<i>Предисловие от Музея уникальных вещей</i>	5
<i>От автора</i>	7
Роман	
СУДНЫЙ ДЕНЬ	9
Новеллы	
ЗВЕЗДНЫЙ КАПРИЗ.....	286
ДРУГОЙ.....	308

Литературно-художественное издание

Зорий Шохин

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Роман и новеллы

Руководитель проекта: Аня Амасова

Дизайн обложки: Арсения Зайцева

Верстка: Александра Логинова

Первая корректура:

Томский государственный университет

Е. Терпигорьева (стр. 1–146)

и А. Щербинина (стр. 147–288)

Вторая корректура: Алиса Стародубцева

Техническая редакция: Анастасия Аргутина

Музей уникальных вещей

www.museumah.ru

ООО Издательство «Книжная лаборатория»

ООО Издательство «Фордевинд»

Подписано в печать: 03.06.2019. Формат: 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура GaramondNarrowC. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано по заказу ООО Издательство «Фордевинд» в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт», Тверская область, Промышленная зона Боровлёво-1, комплекс №31А
www.pareto-print.ru